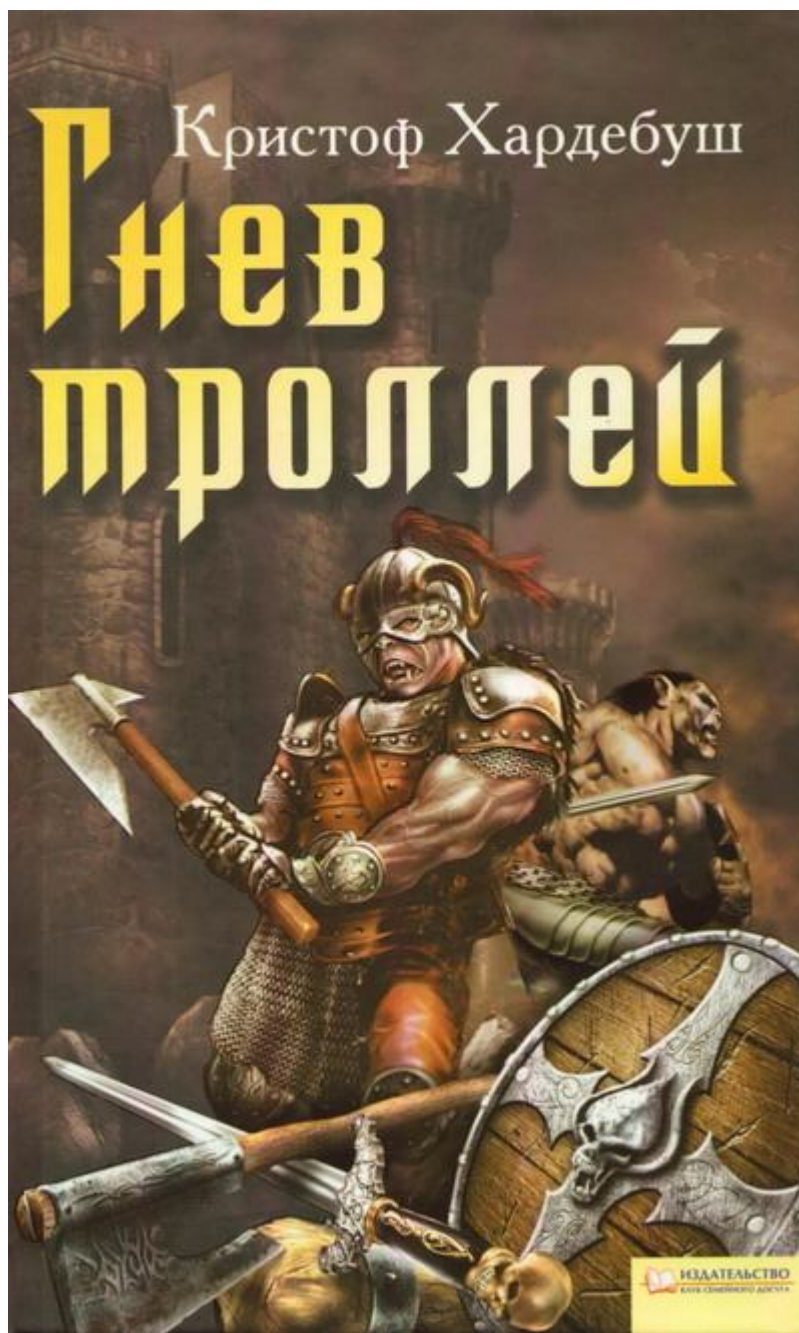

Кристоф Хардебуш
Гнев троллей

Тролли – 3

, OCR & ReadCheck - Юрчик. <http://oldmaglib.com>
«Кристоф Хардебуш "Гнев троллей"»: Книжный клуб "Клуб семейного досуга";
Харьков, Белгород; 2010
ISBN 978-5-9910-1262-1, 978-966-14-0910-0, 978-3-453-52421-7

Аннотация

В глубоких недрах, которых избегают даже тролли, презревшие солнечный свет, живет Дух темноты. Однажды раненный человеком, он может быть исцелен только тем копьем, что нанесло ему роковой удар.

Излечить его — значит подарить надежду на мир своим народам, поэтому тролль

Керр и Натиоле, сын его союзника Стена, отправляются в путь, полный опасностей...

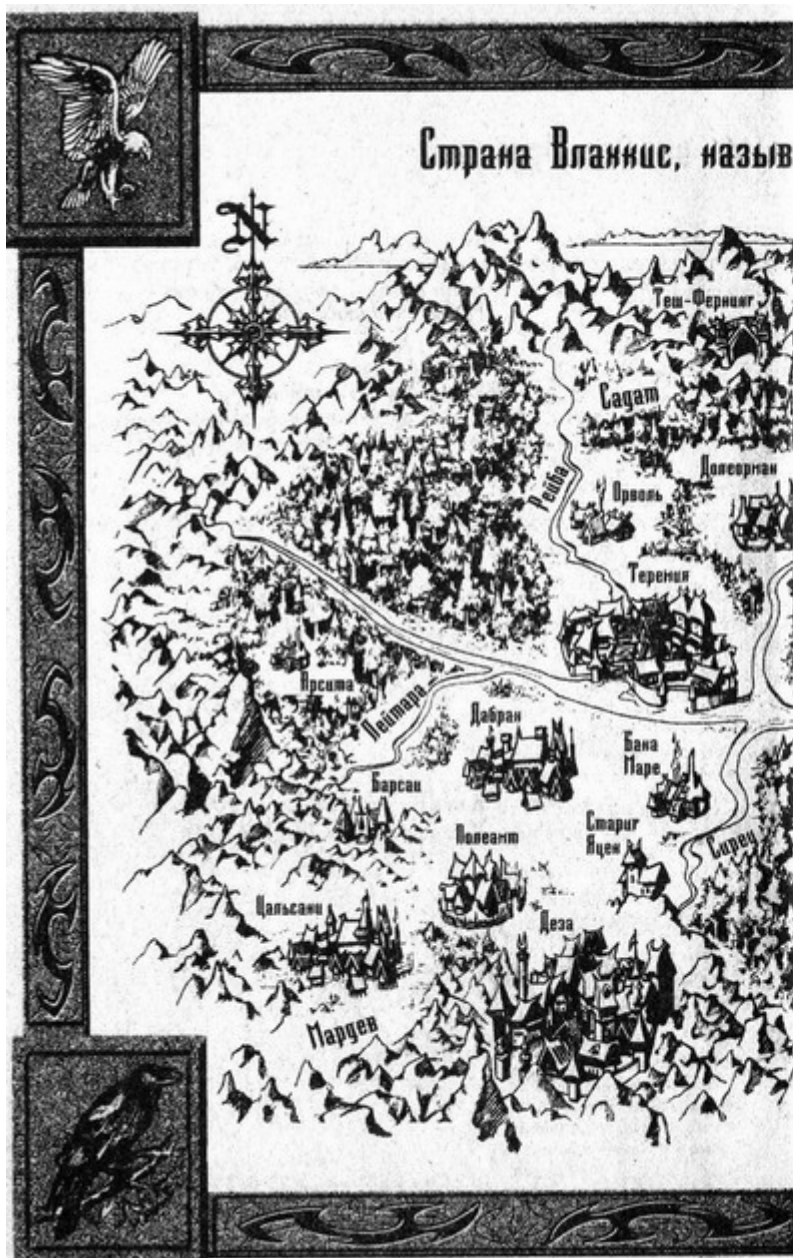
Кристоф Хардебуш «Гнев троллей»

Посвящаю душе моей

Объясни, как истину найти.
Всюду шторм, его не обойти.
Ложный свет. Назад дороги нет.
Я один, и крепнут цепи бед.

Отрывок из песни «Исповедь» группы «In Extremo»

КАРТЫ

ПЕРСОНАЖИ

Тролли

Старые племена

Керр — советник предводителя

Укал — предводитель племени

Цран — предводитель племени

Дети Анды

АЦОТ — ОХОТНИК

Месп — ОХОТНИК

Врак — охотник

Погибшие и другие

Анда — охотница

Друан — прежний предводитель троллей на поверхности

Пард — легендарный предводитель племени и воин
Рох — убит на поверхности одним из зраикасов
Цдам — убит марчемом Цорпадом

Влахаки

Влакхис

Арван — воин
Винтила — прорицатель при дворе воеводы
Воиса — служанка в Теремии
Гарьяс — младший священник ордена Альбус Сунас при дворе воеводы
Ионнис сал Дабран — сын воеводы
Корнель — священник ордена Альбус Сунас при дворе воеводы
Михалеиа — советница воеводы
Михалес — солдат в Теремии
Натиоле сал Дабран — сын воеводы, наследный принц Влахкиса
Оанес — прислуга в Теремии
Раяв — ветеран
Риклеа — советница воеводы
Ситаи — солдат в Теремии
Стен сал Дабран — воевода Влахкиса
Ялеиа — воительница в Теремии

Исторические персонажи и другие

Анеа — историческая королева и освободительница Влахкиса
Висиния сал Сарес — супруга Стена сал Дабрана, сестра Ионны сал Сарес
Ионна сал Сарес — прежняя властительница всех вольных влахаков, называемая также

Львицей из Дезы

Леан — историческая королева
Натиоле Таргузи — мятежник из Мардева
Раду — первый исторический король, называемый также *Святым*
Тиреа — последний исторический король
Флорес сал Дабран — предводительница наемников, сестра Стена сал Дабрана

Масриды и сцарки

Ардолия

Басцаи — воин
Виколий Аркос — дворянин в Турдуе
Вицлас Сцилас — священник ордена Альбус Сунас в Турдуе
Сциглос Бекезар — дворянин в Турдуе
Тамар Бекезар — марчег Ардолии
Тирадар Бекезар — дворянин в Турдуе
Еся — кераля храма в Турдуе

Исторические персонажи и другие

Аркас Диммину — исторический король
Саньяс — священник ордена Альбус Сунас
Цорпад Диммину — исторический марчег

Дирийцы

Анфанес — чиновник
Аркидес Девятнадцатый — золотой император
Артайнис Вульпон — дочь Саргана
Бака — силкский наемник
Бариксес — богатый чиновник
Берофан — наемник
Дениксер Склерон — воин-аристократ
Камрос — чиновник
Ларцанес — бывший судья и чиновник
Наркан — наемник
Пармис — дочь Ларцанеса, супруга Камроса
Периксис Вульпон — супруга Саргана
Пилон — чиновник
Тохар — силкский наемник

Исторические персонажи и другие

Ана сал Дабран — наемница, дочь Флорес и Тамара
Аркидес Седьмой — исторический император
Хезоатес — исторический философ

1

Дикий рев отозвался эхом в туннелях и пещерах, низкий глухой звук многократно разбился о стены. Борцы сцепились в схватке, молотили друг друга кулаками, рвали плоть когтями и клыками. Темная кровь текла по бугристой серой коже, капала на пол, собираясь в небольшие лужи. Керр слышал их сопение, ноздри тролля подергивались от запаха крови. В сумерках пещеры боролись два самых могучих охотника их племен. И это зрелище невольно заворожило. Но тролль уже достаточно повидал в своей жизни, чтобы позволить себе полностью увлечься сражением. «Оглянись вокруг. Так бы мне посоветовал Друан, — подумал тролль. — Оглянись и пойми». Керр улыбнулся и последовал выдуманному совету своего старого наставника. Тролля радовало, что Друан все еще присутствует в его мыслях, даже через столько лет после своей смерти.

Тролли образовали в пещере широкий круг. Здесь собралось много племен. Керр заметил и потомков Анды, они тоже откликнулись на его призыв. Керр разглядел тени Духа темноты, которые пробегали по их коже, видел дикость в их взглядах, едва сдерживаемое желание ввязаться в драку. Они были массивнее и выше троллей других племен, весь их облик говорил о готовности к борьбе, что понравилось бы даже самому Парду.

Когда-то схватка, подобная той, что происходила сейчас, была бы невозможна. Ведь поводом служила не охота и не война. Тролли наблюдали поединок двух противников. И не было ни спора, ни расхождения во мнениях, которое нужно было бы решать кулаками. Не поднимался вопрос о предводительстве. Тролли всего лишь мерялись силами, выставив это на всеобщее обозрение. Керр тоже чувствовал радость при виде такой демонстрации мощи и ярости. Он перевел взгляд на зрителей. Здесь перемешались исконные тролли и потомство Анды, хотя обычно они старались не сталкиваться друг с другом. Две ветви объединялись, только собираясь на войну, как уже не раз к своему огромному сожалению отмечали гномы. Потомки гнева Анды жили глубже, чем остальные племена, в самых недрах земли, где условия были невыносимы, и лишь легендарная сила и стойкость этой ветви позволяла противостоять природе. Воздух в их туннелях был раскален до предела, а воды и пищи не хватало, и тролли отвоевывали у мира право на будущее.

Схватка еще продолжалась, но Цран уже устал, в то время как его противник обладал неистощимой силой Духа темноты. «Он — не Пард», — подумал Керр, и при воспоминании о великом охотнике у него непроизвольно и болезненно исказилось лицо. Пард когда-то

выступил против Анды, он смог убить непобедимую троллю, и это стоило здоровяку жизни. Керр все еще скучал по предводителю своего племени, который так часто высмеивал молодого тролля за слабости. «Но он видел во мне и сильные стороны, и он доверял мне. Нам нужен такой, как он. С тех пор как погиб Турк, нам не хватает охотника, такого же, какими были те двое». В этот момент, словно подтверждая мрачные мысли тролля, Цран потерял равновесие и упал. Противник склонился над ним, и на какое-то мгновение Керру показалось, что тролля бросится на поверженного врага. Неосознанно Керр напряг мышцы, готовый вмешаться. В воздухе ощущалась угроза, можно было ощутить ее запах, вкус, она билась в унисон с сердцем тролля.

Но дитя Анды лишь запрокинуло голову и издало победный вой. Керр медленно выдохнул и расслабился. Он был один из тех немногих, кто еще помнил о временах войны между троллями, так как сам участвовал в ней. Последовавшее за этим смутное время унесло множество жизней, так как война против гномов тоже потребовала свою дань, да и жизнь в глубинах никогда не была легкой. Рев победителя разбудил в тролле старые воспоминания — о темных туннелях, по которым его гнали, о битвах и в конце концов о смерти Друана от когтей Анды. Но теперь все тролли сражались плечом к плечу.

Цран с трудом поднялся. Раны полегче уже успели закрыться. После смерти Анды когти ее детей уже не были столь опасны. Потомки неистойвой троллы все еще могли убивать, но, по крайней мере, нанесенные ими раны заживали, если не были слишком глубоки. Безотчетно Керр схватился за бок, где немым свидетельством силы Анды бугрились шрамы. Рев прогремел снова.

Керр почувствовал, что взгляды троллей устремились на него. Взгляды *всех* троллей. «Кто бы мог подумать, что тролли Анды когда-нибудь будут ожидать, что я скажу? — с иронией подумал он, но затем с серьезным выражением вошел в центр круга, где тролля как раз подавала руку Црану. — Или что один из них предложит нам помощь». Едкий запах крови отвлекал и Керра, и других троллей. Некоторые занервничали, переминаясь с ноги на ногу. Керр уловил запах их сомнений.

Он спокойно обвел взглядом всех собравшихся, медленно поворачиваясь в центре круга, он заглянул в глаза каждого. В пещере стало тихо, слышалось лишь вечное и неумолчное биение сердца мира, которое никогда полностью не затихало. Керр знал, что воспринимает его острее, чем другие тролли, даже сильнее, чем потомство Анды. Тогдашние события оставили следы не только на его теле, но и в его душе. Ему все еще снилась поверхность, яркий свет солнца, которое царило там, и бесконечная ширь ночного неба со звездами. Прошло уже так много времени. Мальчики его человека-харега Стена уже стали взрослыми членами своего племени, как и его собственные дети здесь, под землей.

Как обычно, обращаясь к троллям, Керр добровольно призывал воспоминания. Так он ощущал присутствие своих старых друзей и соратников Друана и Парда, чувствовал, как они присоединяются к нему. Они научили его всему, что он знает. Они сделали его тем, кем он есть сейчас — связующим звеном между потомством Анды и исконными троллями. Голосом Духа, который знал оба мира и говорил на их языке. Который боролся против Анды и вместе с ней. Все тролли ждали слов Керра, так как доверяли ему. «А что, если меня настоящего больше нет?» — совсем некстати промелькнуло в мыслях у Керра, прежде чем он заговорил.

— Хороший бой.

Простое утверждение, которое было встречено согласием. Некоторые тихо заботмotalи, другие кивнули. Керр замолчал, собираясь с мыслями. Его следующие слова вызовут беспокойство, и он хотел, чтобы каждый понял их.

— Много дреегов мы провели вместе на нашей родине. Мы боролись. — Он снова немного подождал. — И мы победили!

На этот раз кивнули все, исконные тролли и потомство Анды. Никто из присутствующих, даже самые маленькие, не знали жизни без сражений.

— Мы остались непоколебимы. Мы защитили свою родину. Мы сражались здесь, так как тролли испокон веков живут здесь. Но теперь нам нужно начать битву, которая ведет нас

в другие места.

Слова Керра удивили слушателей. Последнее наступление гномов было достаточно давно. Тролли свели на нет все усилия своих извечных врагов, они подстерегали гномов в туннелях и пещерах и в конце концов прогнали. Гномы до сих пор не пришли в себя после такого поражения. «Но они, несомненно, оправятся. И будут приходить снова и снова. И когда-нибудь меня уже не будет, а между исконными троллями и потомством Анды возникнет непреодолимая пропасть. Я — мост, — подумал Керр, — исчезну я, исчезнет и он». Керра давно тихо преследовали эти подозрения. Связь с Духом темноты делала его особенным в глазах потомства Анды, которое уважало только силу. Едва ли хоть один из исконных троллей смог бы противостоять мощи и напору представителей этой ветви, поэтому дети Анды и не уважали других троллей.

Со временем подозрения стали перерастать в уверенность. Керр не был настоящим предводителем, но когда нужно было принять решение, все смотрели на него. Он управлял всеми, старыми племенами троллей и потомством Анды, пусть его положение и не было завоевано в поединке, а добыто многолетним опытом и этой удивительной особенностью тролля. Никому другому обе стороны не доверяли настолько. Один лишь Керр был способен сломать стену, которая разделяла ветви. И это он спустился вниз после смерти Анды, чтобы разыскать ее детей. Тогда он боялся их, но все равно пошел. Они учуяли его страх и стали преследовать. Но не убили. Сердце земли громко билось в нем, и дети троллы услышали и позабыли о его страхе.

— Я пойду на поверхность. К людям. Я слышал все старые истории. Люди что-то сделали с сердцем земли. Я выясню, что именно.

— Люди?! — удивленно крикнула одна тролля.

— Я долго сидел у сердца, и это была единственная возможность. Я должен знать, что тогда произошло. Мы — дети сердца, дети земли. Мы все.

На лицах присутствующих появилась растерянность. Керр иногда казался им странным, а его решения были непонятными, но их доверие было сильнее сомнений. Слишком мало троллей знали людей. Люди появлялись только в историях Друана и Парда, Анды, Цдама, Роха и Врока, а также Керра. Маленькие слабые существа, которых было больше, чем тролль вообще мог себе представить. Они сражались коварством и хитростью, поклонялись палящему диску на небе и жили на поверхности, где над их головами не было никакой защиты, а лишь бесконечный горизонт. Никто из троллей не любил выходить на поверхность, где господство дневного светила делало их жизнь невозможной.

А ветвь Анды ненавидела свет и чуждое окружение еще сильнее, чем остальные. Иногда Керру было сложно видеть в них других троллей. Все-таки когда-то они были едины... До того как Анда выпила кровь Духа темноты и разделила с ним его ненависть, гнев и боль. Во многом потомство троллы все еще было похоже на народ древних племен, но во многом отличалось.

Керр чувствовал в себе громкое биение сердца. Возможно, он ошибался, но ему казалось, что оно стучит чаще и мощнее. Это было словно манящий зов, который пел о силе и ненависти. И троллю становилось все труднее противиться ему. Он долго спорил сам с собой, но наконец понял, что должен что-то предпринять.

— К нашей следующей встрече я уже вернусь, — заявил Керр твердым голосом.

Для него это будет не первый поход на поверхность. С тех пор как погибла Анда, он уже больше дюжины раз встречался со Стеном.

В последнее время их встречи стали более редкими, но иногда Керр ощущал странное желание подняться на поверхность, не только до самых верхних пещер, а на землю людей, и еще раз увидеть все те чудеса, которые он так отчетливо помнил.

Круг медленно разомкнулся, разбиваясь по племенам, пока в пещере не осталась лишь одна маленькая группка. Вначале Керр стоял один, затем к нему присоединился Цран. Огромный тролль казался все еще утомленным после битвы, но держался прямо.

— А это хорошая идея? — тихо пробормотал он.

— Я вряд ли стал бы это делать, если бы не считал так. Верно?

Цран оскалил зубы.

— Каждый раз, когда речь идет о людях, ты начинаешь говорить, как они.

Цран был одним из немногих троллей, который сопровождал Керра на встречах со Стеном.

— Я долго об этом думал. И считаю это правильным, — спокойно ответил Керр.

— Ты нужен нам здесь, — заявил Цран, указав взглядом на детей Анды, замерших в стороне.

Те собрались группой, скорее даже стаей, которой обычно охотились в глубинах мира. У этой ветви не было племен. Они собирались вместе только по таким случаям, как этот. Остальное время они небольшими группами бродили по жарким пещерам. Всегда в движении, всегда в поиске...

— Именно поэтому я должен пойти. — Керр сделал глубокий вдох, подыскивая правильные слова. — Мы не можем вечно жить так, как жили до сих пор.

Он заметил, что Цран хочет возразить, и поэтому поднял руку.

— Подожди. Дай мне сказать. Пожалуйста. Раньше мы мало беспокоились о будущем. Жизнь была жесткой, и от одного дреега до следующего мы должны были искать пропитание, защищаться от врагов. Это не изменилось, но теперь есть они.

Оба тролля глянули в сторону детей Анды. Там, где собрались глубинные тролли, тени казались гуще и мрачнее.

— Они уважают меня и прислушиваются к моим словам. Но я не вечен. Что произойдет потом? Займет ли кто-то мое место? Будут ли они и дальше признавать наши договоренности?

Цран что-то нерешительно пробурчал. Очевидно, он не хотел возражать, но по его выражению лица можно было догадаться, что он думает: «Кто может знать, что нам готовит будущее? Реальность заключается в том, что нужно выжить именно сейчас». Когда-то и Керр думал так же. Но, приняв на себя ответственность, он изменился.

— Я должен позаботиться об этом. Это моя задача.

Цран все еще сомневался.

— Ты станешь предводителем этого племени. — Керр поменял стратегию. — Ты позаботишься о том, чтобы у всех было достаточно еды, чтобы все выжили. Я позабочусь о мире между ними и нами.

— Уже давно не было войны. С тех пор как погибла Анда, — сказал большой тролль.

— Это не означает, что так будет всегда.

— Каков твой план?

Цран потер обрубок правого рога. Его левый рог был длинным и мощным, но другой был отсечен близко к черепу в схватке с гномом. И каждый раз, когда предводитель племени задумывался, он потирал то, что осталось от бывшего украшения.

— Дух темноты. От него сила у потомства Анды. Но также и гнев, и ненависть. Я хотел бы выяснить, что такого люди сделали Духу. Возможно, тогда я смогу лучше понять ветвь Анды... — И мысленно продолжил: «...или вернуть все на свои места. Или приглушить биение сердца».

— Это нехорошая идея. Люди другие. Чем меньше у нас с ними дел, тем лучше. От них всегда одни проблемы.

— Они помогли нам, а мы — им. Некоторые люди хорошие, некоторые — нет.

Цран снова что-то пробурчал. Керру стало интересно. «Ага! Это его способ показать, что он не разделяет моего мнения», — понял тролль. Недоверие предводителя племени ко всем другим существам было слишком глубоко, что вовсе не было необычно для простого тролля. Раньше, до всех этих удивительных событий, сведших его с людьми и представителями других рас, Керр тоже думал и действовал, как самый обыкновенный тролль. Что до Црана, то короткие встречи с людьми не смогли перебороть его подозрительность.

Неожиданно из группы, замершей в тени, отделилось несколько глубоинных троллей. Они подошли к говорящим. Керр невольно напрягся и заметил, как пальцы Црана скрючились, словно для удара когтями.

— Ты идешь на поверхность? — спросил Врак, который был выше Керра на добрых две головы, а широкими плечами напоминал Парда.

Тролль молча кивнул в ответ.

— Я с тобой.

Керр от неожиданности вытаращил глаза.

— Что? Зачем?

— Ты говоришь, что этот бой — наш общий. Если это так, мы тоже будем бороться.

— Это просто так говорится, — нерешительно сказал Керр. — Это не совсем... бой.

Он не мог понять выражения абсолютно черных глаз Врака.

— Мы не останемся в стороне, когда тролли сражаются, — упорно продолжал Врак. — Мы пойдем в любое место, куда отправитесь вы.

Пока Керр раздумывал в поисках подходящего ответа, вмешался Цран:

— Тогда пойдет и один из нас.

Керр ошарашенно взглянул на предводителя племени. Он представлял исход встречи совсем иначе. Тролль хотел было запротестовать, но выражения лиц Црана и Врака, которые мрачно пялились друг на друга, заставили его умолкнуть.

— Хорошо. Со мной может пойти один представитель от каждой ветви.

Все присутствующие решительно кивнули. Керр тоже кивнул, хотя ему неожиданно стало не по себе при мысли о предстоящем пути.

2

Чем дольше Натиоле скакал, тем сильнее этот путь напоминал ему мучительное восхождение на эшафот. Здания угрожающе нависали, крики людей звучали в его ушах как-то искаженно.

Внутренний голос шептал ему, что нужно повернуть назад, и на мгновение Натиоле даже хотел поддаться этому импульсу. Но его конь медленно шел вперед, и юноша покорился судьбе.

Город был занят подготовкой: повсюду сновали люди, кто-то нагружал корзины и ящики, кто-то тащил за спиной огромные тюки. Все услужливо уступали Нати дорогу, не только потому, что меч на боку юноши невозможно было не заметить, но и — в первую очередь — при виде его герба. Даже в такой суматохе титул расчищал перед ним дорогу.

Город был полон людей. Он буквально лопался по швам. Внутри крепости не было ни одного свободного места, а здания все больше росли вверх, чтобы вместить в себя постоянно увеличивающееся количество жителей. К тому же скопление хижин медленно, но верно превращалось в настоящий городской квартал, улицы которого удлинялись и получали названия. Образовалась целая община граждан. Мастерские ремесленников, таверны, храмы и кладбища... все обустривалось.

Сейчас Теремия мало напоминала опустошенный город из детских воспоминаний Натиоле. Тогда нескончаемые войны унесли много жизней. Три крупные битвы обескровили страну, целое поколение отдало жизнь за своих властителей. В те уже далекие дни многие масриды бежали на восток, где их народ правит до сих пор, а навстречу им двигались повозки переселенцев-влахаков, на которых среди нехитрой домашней утвари сидела худющая ребятня. Это были тяжелые времена, полные лишений. Голод царил повсюду, ведь во время войны поля не знали плуга и серпа, землю никто не обрабатывал. Натиоле хорошо помнил, что такое голод, так как Стен всегда отказывался от причитающихся ему привилегий. Когда влахаки бедствовали, семья воеводы довольствовалась скромными трапезами и помогала соотечественникам. И люди в Теремии никогда не забывали об этом. «Еще больше блеска для имени Стена сал Дабрана».

Натиоле медленно приближался к крепости Ремис, в массивные ворота которой вливались целые толпы людей. С башен крепости свисали знамена, трепеща на ветру. Упрямый ветер остудил ясный день, в воздухе тянуло холодом, несмотря на чистое голубое небо. На знаменах Нати увидел изображение ворона, древний символ семьи матери, который отец охотно принял и для себя.

Даже в тесноте и давке перед воротами юношу почти сразу узнали, и толпа почтительно расступилась перед конем столь именитого всадника.

Горожане тащили корзины со всякой снедью, некоторые катили бочки по неровной брусчатке, что было довольно тяжело, учитывая тот факт, что крепость была построена на искусственно (и не очень-то аккуратно) созданном холме. «В то время король Раду больше думал о распрях племен и защите крепости, чем о спинах своих подданных». Охранникам снова и снова приходилось кричать, призывая людей к порядку, и Натиоле не удержался от язвительной усмешки. Всеобщая суeta и громкие радостные голоса коробили душу юноши.

Крепостной двор был украшен в соответствии с поводом. Со стены ниспадали разноцветные полотнища, расшитые гербами дворян страны Влаккис в обрамлении пестрого орнамента. Среди дворян и богатых горожан считалось особой честью сделать подобное украшение для большого праздника. Многим ремесленникам и торговцам стоило немалых денег презентовать роскошно украшенные полотнища, на которых были изображены символы их гильдий или сцены из истории их многострадальной страны. Последние сюжеты были особенно популярны, Натиоле рассмотрел около полудюжины изображений Раду, великого первого краля влахаков, в различные периоды жизни. Но среди всех этих многочисленных Раду можно было заметить также Тиреа, Ионну Освободительницу и, конечно, Стена и Висинию.

Отец глядел с полотен серьезно и благосклонно, и Нати опустил взгляд. Сегодня у него будет еще достаточно времени, чтобы смотреть на отца и наблюдать, как воеводу встречает ликующая толпа.

Юноша, погруженный в собственные мысли, что-то невнятно буркнул конюху, который увел его коня в стойло. В защищенном от ветра дворе солнцу удавалось прогреть камни и землю, поэтому было немного теплее. «По крайней мере, мы празднуем восхождение на трон не Ионны, а моей матери, — подумалось Натиоле. — Хотя бесконечные процессии зимой были бы поменьше». Праздновали не освобождение влахаков воеводой Ионной, его теткой, а восшествие на княжеский престол его матери, и это казалось юноше злой grimасой судьбы. Ионна привела влахаков в союзе с троллями к победе над масридами, вернула народу землю и достоинство, но сегодня все говорили только о Висинии и Стене.

На пути в свои комнаты Нати не обращал внимания на слуг, которые были охвачены такой суетой, как и все в городе. Крепость была битком набита гостями, которых нужно было обслужить. Вечерняя праздничная трапеза требовала трудоемких приготовлений, но никто не отменял и повседневные обязанности. Многое из того, что происходило за кулисами праздника, ускользало от внимания Натиоле, он и в обычные дни не слишком часто вникал в подробности быта своих подданных. Единственным исключением, конечно, был Оанес, которого Натиоле едва ли смог бы проигнорировать и который уже, нервничая, ожидал его в комнате.

— Немес! Добро пожаловать домой! Должен ли я помочь вам переодеться? — встретил юношу пожилой мужчина с редющими темными с проседью волосами.

— Я тебе, наверное, уже дюжину раз говорил, что не хочу слышать этого «немес». Это масридское слово, — полушутя отчитал его Натиоле.

Слуга опустил взгляд и пробормотал извинения.

— Думаю, мне не нужно менять одежду, — продолжил молодой человек, откровенно забавляясь выражением ужаса в глазах собеседника.

— Не нужно менять?

Оанес многозначительно посмотрел на грязные сапоги Натиоле и не менее пыльную

дорожную одежду.

— Ну... Я поужинаю здесь, в своих комнатах. И я вовсе не намерен при этом ослеплять красотой костюма какую-нибудь молодую даму. Так что нет нужды наряжать меня, словно петуха.

— Но... праздник? Годовщина вступления на трон ваших отца и матери?

— О! Об этом я как-то не подумал...

Несколько мгновений Натиоле выдержал паузу, откровенно веселясь, но затем, вздохнув, махнул рукой.

— Ну, ладно. Как я понимаю, ты уже все подготовил?

— Конечно, нем...

— Хорошо. Только принеси мне, пожалуйста, до переодеваний немного разбавленного вина. Пыль осела не только на мой камзол, но и на мой язык.

Слуга сразу же поспешил из комнаты выполнять поручение, в то время как Натиоле опустился на мягкий стул и задумчиво взглянул в окно.

Оанес открыл ставни и убрал рамы с натянутым пергаментом.

— Тебе не следовало так издеваться над несчастным, — донесся от двери тихий голос, и Натиоле удивленно повернул голову в ту сторону.

— Ионнис! Как здорово видеть тебя, братец. Неужели ты подслушивал?

— Дверь осталась открытой, и я подумал, что будет невежливо врываться посреди вашего разговора.

Натиоле резко отвернулся.

— Ты пришел, чтобы научить меня правильному обращению со слугами?

— Нет. Я здесь, чтобы напомнить о твоих обязанностях. Сегодня важный день, и было бы хорошо, если бы ты...

— Ладно, — грубо оборвал его Натиоле. — Знаю я о своих обязанностях и без твоих мудрых наставлений. Я сейчас же запрыгну в свой костюм и буду играть любезного наследного принца.

Юноша гневно посмотрел на младшего брата, надеясь услышать в ответ очередную порцию занудства, но тот молчал, при этом его темные глаза смотрели прямо на Натиоле. Все говорили братьям, что они похожи, но Натиоле слишком хорошо знал об отличиях: худощавое лицо Ионниса напоминало мамино, то время как Нати неоднократно слышал о том, что сам — точная копия отца в молодые годы. Но от этого он мог легко отказаться. «Как по мне, так он может и выглядеть, как Стен, — промелькнуло у Натиоле в голове, — ведь он во всем настоящий сын нашего идеального отца».

Ионнис был очевидно прав, но это еще сильнее будило в Натиоле желание упрямиться и увилить от исполнения обязанностей. Юноша не спешил домой и потерял слишком много времени. Собственно, он уже должен был находиться в большом зале и приветствовать вельмож. Но мысль о дне, полном ложной вежливости, проведенном в слишком обширной тени правителя страны, не придавала лицу Нати радости, а его движениям скорости.

Естественно, Ионнис был одет подобающим образом, благородно и при этом скромно, как достойный влахакский принц. Но Натиоле с раздражением отметил, что в дополнение к своему серому камзолу с вороном на груди брат нацепил бронзовые спиральные браслеты. Кивнув на украшения, Нати спросил:

— Неужели не достаточно облачения нашей страны?

— На мне национальное облачение нашей страны, как ты точно заметил. А это всего лишь подарок.

Браслеты были изготовлены в Дирийской империи и символизировали все то, что за это время разделило Натиоле и Ионниса. Много лет назад дети Стена были неразлучны, он и его маленький брат, но время развело их в разные стороны. Ионнис был отправлен отцом в империю учиться, в то время как Натиоле остался во Влахкисе. Тогда Ионнис, которого увозила прочь карета, рыдал навзрыд, а Натиоле тоже всю ночь после этого проливал слезы в

подушку.

Но когда младший брат вернулся, они оба уже превратились в юношей, абсолютно разных, и их разговоры часто заканчивались ссорой. На чужбине Ионнис стал точь-в-точь дириец, с коротко подстриженными волосами, женскими украшениями и способностью опутать словами кого угодно. Слегка язвительная улыбка, которая, казалось, все время играла на губах брата, лишь сильнее разжигала гнев Натиоле.

— Ты должен помнить о своем происхождении, Ионнис. Ты — влахак, а не дириец.

— Я очень хорошо знаю, кто я, — спокойно ответил брат. — И это не я позорю наш дом.

— Позор?

Натиоле подскочил со стула и с угрожающим видом подошел к брату. В этот момент вернулся Оанес, который даже побледнел от страха при виде такой сцены. Дрожащей рукой он поставил кубок с вином на стол и потихоньку скрылся в соседней комнате.

— Сегодня весь Влахкис чествует нашу семью и благодарит наших родителей за то, что они дали стране. Мы вспоминаем деяния наших предков и кровь, которую они пролили. Сегодня влахаки чествуют сами себя, так как они много пострадали, до того как получили возможность праздновать. А ты? Ты сидишь в своей комнате, словно капризный ребенок, и отказываешься переодеваться!

Теперь и Ионнис, обычно такой уравновешенный, не удержался, чтобы не повысить тон. Натиоле сердито поднял палец к лицу брата.

— Не смей так разговаривать со мной! Я чту героев освобождения! Гораздо больше, чем другие!

— Я смею, и я тоже чту, — уже спокойнее ответил Ионнис. — Если ты не выносишь правду, то это не моя вина.

Огромным усилием воли Натиоле заставил себя успокоиться и улыбнуться.

— Ты любишь дирийцев больше, чем свой собственный народ, так что нечего устраивать мне выволочку насчет моих обязанностей или нашего дома. Если бы ты мог, то уже давно был бы по ту сторону гор!

— Я уважаю империю за ее достижения. И да, для Влахкиса было бы полезно, если бы мы посмотрели в ту сторону и научились чему-нибудь у дирийцев. Но я знаю свои корни и свою семью. Я почитаю их, — возразил Ионнис.

Затем он недолго помолчал, прежде чем продолжить:

— Если ты не можешь взять себя в руки ради меня или отца, то хотя бы сделай это в память нашей мамы.

Несколько мгновений кровь шумела в ушах Натиоле, словно водопад.

— Исчезни отсюда, — после этого холодно прошипел он. — Мне нужно сменить одежду.

С манерным поклоном Ионнис развернулся, но затем еще раз оглянулся.

— Кстати, на твоём месте я бы лучше обращался со своими слугами. Кто знает, кому еще они служат?

— Что?

— Ну... кому-то может быть очень полезно следить за наследным принцем и будущим воеводой страны. А кто знает о тебе больше, чем личный слуга? На твоём месте я был бы осторожнее в его присутствии.

И, не говоря больше ни слова, Ионнис исчез, оставив ошарашенного Натиоле одного. Вначале в юноше кипел гнев, он пытался придумать ловкий меткий ответ, который, однако, уже запоздал. Но потом он неуверенно посмотрел на дверь в соседнюю комнату, где, скорее всего, его ждал Оанес. «Может ли он за плату шпионить за мной? Вздор! Ионнис хотел всего лишь позлить меня».

Тем не менее неприятный осадок в душе у Натиоле остался, и юноша с каким-то странным чувством направился в комнату своего слуги, чтобы тот помог ему надеть высокие кожаные сапоги.

Тамар уже в который раз обеспокоенно поглядывал на небо. Над Северными Соркатами собирались темно-серые облака. Огибая высокие скалы, они ползли в вышину. Капризная погода в горах могла закрыть и без того труднопроходимые перевалы на дни, а то и на целые недели даже в самое благоприятное время года. Зимой же любая попытка пересечь Соркаты с самого начала была обречена на неудачу.

Его народ смог почувствовать это еще тогда, почти три сотни лет назад, после первой победы над влахаками. Целых пять лет из-за снегов и дождей горные тропы оставались непроходимы для армии, поэтому для масридов и их союзников сцарков набег превратился в завоевание. Предки Тамара господствовали здесь очень долго, пока влахаки во время последних мятежей не отвоевали часть своих земель. Марчег никак не мог привыкнуть к такому положению вещей; слишком глубоко сидела в нем уверенность в правомерности притязания его народа на власть. «Но мужчина может получать головомойку от женщины до тех пор, пока не изменит своего мнения», — весело подумал он.

При мысли о Флорес он снова посмотрел на горы впереди. Этот пейзаж сопровождал его всю жизнь. Он невольно прищипил коня, хотя это вряд ли как-то помешало бы грозе разыграться в полную силу.

Влахаки верили, что во время грозы духи горы сражаются с духами воздуха. И те и другие высшие силы были известны своим небрежным отношением к простым смертным. Тамар знал, что сражения духов — не более чем суеверие, а мир регулируется Божественным светом, но он понимал, почему возникло поверье. В этом суровом краю непогода в горах нередко забирала жизни людей.

С такими мрачными мыслями Тамар добрался до цели. Небольшая долина на опушке леса, в стороне от главных дорог этого малонаселенного края. В густом лесу встречались поляны, а между деревьев блестела вода маленького озера. Тамара зачаровал контраст между яркой зеленью поляны, все еще освещенной солнцем, и свинцовой серостью надвигающихся грозных туч. Лучи света еще находили прорехи в облаках, но уже скоро солнце скроется и все погрузится во тьму.

Масрид не спеша спустился в ущелье, проехал вдоль озера к строению на берегу.

Раньше здесь стоял простой охотничий домишко, едва ли больше чулана, который худо-бедно мог защитить от стихии, но за прошедшие годы Тамар на его месте соорудил прочный дом, к одной стене которого примыкала небольшая конюшня.

Тамар направился к ней и радостно улыбнулся, обнаружив внутри лошадь. Несмотря на нетерпение, охватившее масрида, вначале он расседлал своего коня, обтер ему насухо шкуру, насыпал овса. Конь был полностью устроен и принялся жевать овес. Тамар еще раз легонько погладил его теплый бок и наконец направился к дому. Над печной трубой уже поднимался легкий дым, а в воздухе носился тонкий аромат сгорающих трав.

Когда масрид вошел, Флорес обернулась к нему от печи, в которую как раз закладывала новые дрова. На печи тихо кипел и парил горшок с водой.

Комната была обставлена просто, даже скудно: одна широкая кровать, грубый деревянный стол. По стенам висело несколько инструментов.

— Ты задержался, — сухо констатировала темноволосая влахака. — Неужели твоя старая кляча наконец развалилась под тобой?

— Сцег сейчас в самом расцвете лет, — возразил Тамар с наигранным возмущением. — И будет лучше, если он не услышит, что ты назвала его старой клячей.

— Прости, я все время путаю этого коня с его дедушкой. Наверное, это из-за имени.

— Сцег — хорошее имя для коня.

— Вы не слишком морочите себе голову, называя кого-то. За вашими толстыми масридскими лбами не осталось места для фантазии.

От ее улыбки сердце Тамара подпрыгнуло. Он быстро подошел к Флорес и обнял за

талию.

— Ты просто рано приехала, — тихо сказал он, притягивая ее к себе и целуя бархатную кожу на шее.

— Правильно. Я спешила, так как погода портилась. Не хотелось, чтобы гроза застала меня на перевале. Похоже, что на этот раз я останусь на несколько дней дольше, пока духи бушуют там, наверху.

— Думаю, мы должны выразить им огромную благодарность за хорошее поведение, — пробормотал Тамар.

Ее близость напомнила ему о днях юности, когда они в первый раз поцеловались, и о том, при каких обстоятельствах это произошло.

Но его дыхание становилось тяжелым и сейчас, и он наслаждался ее запахом, ощущением ее волос на своем теле. Маленькие пропасти, которые все время возникали при расставании, исчезали при первом же поцелуе.

— Хорошо, что ты здесь, — прошептала Флорес, обхватила руками его голову и нежно поцеловала в губы.

И, как всегда после нескольких месяцев разлуки, прошло совсем немного времени, пока они опустились на мягкое ложе. Сегодня у них было больше времени, чтобы снять одежду, чем в их первую ночь много лет назад, но, как Тамар снова с удивлением обнаружил, его желание оставалось таким же сильным.

Тамар осторожно отпил горячий напиток, который приготовила Флорес. Вкус его был столь же чужой, как и запах. Пряный и одновременно фруктовый, не неприятный, но очень необычный. Флорес рассмеялась при виде его скептического выражения лица.

— Он не кусается. Клянусь!

— И это пьют в империи?

— Иногда. Он считается деликатесом и совсем не дешев. Но я должна была догадаться, что провинциальный невежда...

— Эй! — перебил Тамар.

— ...что провинциальный невежда не сможет оценить такой изысканный напиток.

— Я ценю. Абсолютно. Очень даже. В самом деле. Я благодарен тебе.

Она нахмурила брови, в то время как Тамар изо всех сил старался выглядеть верным и честным, насколько это вообще возможно. Хотя большая часть тела Флорес была прикрыта покрывалом, видимой оставалось достаточно, чтобы снова подогреть воображение Тамара. Если бы двадцать лет назад кто-нибудь сказал ему, что он всю жизнь будет воцелеть только одну женщину, то он, скорее всего, громко рассмеялся бы. Тем временем пришлось признать этот простой факт. Множество долгих разлук не затушили в нем огня, а лишь сильнее распалили его. И каждый раз, когда они проводили вместе всего несколько дней, он снова чувствовал себя молодым самоуверенным парнем, который, к своему ужасу, влюбился во влахаку. Да к тому же в сестру великого влахакского героя Стена сал Дабрана...

— О чем ты думаешь? — окликнула Флорес.

— О странных путях, по которым иногда идет наша жизнь.

— Ах! Однако.

— Как дела у Аны?

Флорес драматично вздохнула, но Тамар разглядел в ее глазах искру гордости.

— Она ужасно упрямая, гордая и почти ничто не может заставить ее отказаться от того, что она втемалила себе в голову. Совсем как ее отец, сказала бы я. Думаю, что у нее все хорошо.

Тамар рассмеялся.

— Упрямство — скорее от матери. Но среди этих гиен в империи, наверное, даже хорошо, что у нее есть своя голова на плечах и она знает, чего хочет.

Он помолчал немного, а затем откашлялся.

— Я скучаю по ней, Флорес. Я не видел ее уже больше пяти лет.

— Она не хочет возвращаться во Влахкис. Слишком много политики, говорит она. И дядя Стен всегда сердится, когда она лупит своих кузенов.

— Кузены Аны уже превратились в молодых мужчин. Может быть, сейчас они уже смогут защититься от девчонки?

Необычно мягко Флорес ответила:

— Возможно, смогут, я не знаю. Но я уверена, что Ана обязательно когда-нибудь посетит тебя в Турдуге. Она тоже скучает по тебе, поверь мне.

Они лежали некоторое время под одеялом и просто молча наслаждались близостью и теплом друг друга. Снаружи дождь убаюкивающе барабанил по крыше, отчего масрид чуть не провалился в сон. Наконец Флорес наклонилась над ним и заглянула в его карие глаза.

— Как долго ты можешь оставаться здесь?

— Несколько дней точно. А ты?

— Дольше. Я отправлюсь дальше в Теремию. Уже предвкушаю встречу с племянниками. Буду рада, конечно, повидаться и с братом.

Она тихо рассмеялась.

— Хоть моя цель и требует много времени, но я все-таки не так связана, как ты. Мои люди уже размещены на зимних квартирах, и год был очень спокойным.

— Я думал, что в империи нет зимы...

— Конечно. Сразу же за Соркатами начинаются вечнозеленые долины! — подтрунила Флорес над масридом, но потом серьезно продолжила: — Считается, будто Дирийская империя такая большая, что всегда в какой-то ее части царит лето. Но, как человек, который защищает ее границы, могу заверить тебя, что это преувеличение. И ты знаешь, каково это — быть солдатом: погода всегда плохая.

— Ты могла бы прийти со своими наемниками во Влахкис. Погода здесь не лучше, но по крайней мере это твоя родная погода.

Флорес со вздохом откинулась на теплый мех. Тамар сразу же пожалел о сказанном.

— С другой стороны, здесь, наверное, никто не смог бы позволить себе оплачивать ваши услуги, правда? — попытался он исправить ситуацию.

— Я сомневаюсь, что твои люди будут рады, если ты призовешь отряд наемников под предводительством влахаки. Да еще к тому же влахаки с таким... прекрасным именем сал Дабран.

— Я — марчег, — напомнил Тамар, но Флорес только усмехнулась.

— У нас обоих есть опыт, и мы знаем, что произойдет, если марчег масридов свяжется с влахаками. Нет, лучше оставить все, как есть.

Они снова замолчали, но на этот раз между ними появился невидимый барьер. Не важно, как часто Тамар пытался, он до сих пор не смог переубедить ее. «Проклятая упрямая наемница! Точно как ее брат: если она что-то вбила себе в голову, то ее невозможно переубедить. И она еще упрекает в том, что это от меня наша дочь унаследовала упрямство».

Мысль об Ане, как всегда, была горько-сладкой. Когда Флорес сообщила ему, что беременна, он все испробовал, чтобы уговорить ее жить рядом с ним. Но все просьбы и резкие слова ничего не дали, и она на несколько лет пропала в империи. Тамар ждал, но когда стал опасаться, что больше никогда не увидит ни ее, ни ребенка, отправился в путь вслед за ней. И заверил влахаку, что примет все ее условия.

Чтобы стряхнуть ощущение гнетущей тишины, Тамар поднялся, подошел к камину, подбросил дров и снова разжег огонь. Ночью на такой высоте царил пронизывающий холод, а постоянный дождь отбирал последние остатки дневного тепла.

На столе недалеко от камина Флорес разложила свое снаряжение. Она оставалась верной многим вещам, но Тамар увидел и нововведения, пришедшие с воительницей из ее новой родины. На пряжке пояса масрид заметил изображение голова к голове двух крылатых быков, а сам пояс покрывало украшение в виде не то перьев, не то крыльев. Но доспехи Флорес были по старинке из простой кожи и почти полностью повторяли стиль влахакских доспехов, которые защищали воинов в сражениях против масридов. Флорес все еще

предпочитала скорость и не признавала тяжелый доспех, хотя наверняка, как и он, уже чувствовала первые признаки старения. Реакция была уже не та, движения замедлились, дыхание подводило. И пусть ее волосы все еще были черны, но он знал, что в его собственных стало больше серебра, чем золота.

Иногда Флорес привозила ему подарки из империи. Удивительные инструменты или рисунки неизвестного мощного оружия. Он уже видел рога странных зверей и изображения существ, о которых во Влахкисе никогда не слышали.

— Возвращайся, — прошептала она. — Давай поговорим о других вещах.

Вздыхнув, он повиновался.

— Какие у вас сейчас отношения с маленьким народцем?

— Без изменений. Иногда их торговые караваны прибывают в город. Турдуй всегда был у них первой остановкой. Они привозят товары и покупают в основном дерево.

— Они еще воюют с троллями?

Тамар пожал плечами. После гражданской войны на поверхность не поднималось ни одно из этих мощных созданий, и масрид не мог сказать, жалеет ли он об этом.

— Гномы не болтают о своей жизни под землей.

Они перекинулись еще парой фраз, но этого было недостаточно, чтобы преодолеть образовавшуюся трещину, которую Тамар ощущал.

— Я так долго ждал, — наконец выложил он то, что было на сердце.

— Мы оба... — поправила она его.

— Мы оба. Я больше не хочу ждать...

— У нас нет выбора, Тамар. Я провожу здесь всего несколько дней в году, но даже за такое короткое время замечаю, что раны, которые причинила вся эта ненависть, еще не затянулись. На пути сюда я слышала, что одного влахака масриды заживо сожгли в своем доме, так как он предположительно украл осла. Животное просто убежало. Но человек уже мертв...

Тамар вздохнул.

— Такие вещи все еще случаются, да. Но, возможно, раны земли могли бы быстрее залечиться, если бы мы вместе позаботились об этом? Если мы покажем людям, что есть другой путь? Если мы вместе...

— Я бы не выдержала, — грубо перебила она его. — Быть рядом, но быть твоей целиком и полностью... Я не могу. Лучше так.

— Я...

— Разве мы не достаточно говорили об этом? Твой народ никогда не потерпит меня рядом с тобой, особенно после всех этих битв. Тогда нет, и сегодня тоже нет.

Тамар сердито подыскивал слова, которых не было... Сдаваться он ненавидел, и они действительно уже тысячу раз говорили об этом. Каждый мирный год Тамар надеялся, что влахаки и масриды преодолеют многовековую ненависть, но неизменно разочаровывался.

Ему не очень нравился Стен сал Дабран, и он уважал его вынужденно, однако Тамару приходилось во многих делах сотрудничать с воеводой, чтобы улучшить отношения между двумя расколотыми частями страны. Однако на каждый совместный шаг вперед, навстречу друг другу, приходился один шаг назад. Слишком прочно укоренились в сердцах людей страх и ненависть, снова и снова они прорастали на свет во всем своем уродстве.

— Я готов попробовать, и мне плевать, что думают другие, — наконец прорычал он.

Неожиданно Флорес улыбнулась.

— Наверное, поэтому я тогда влюбилась в тебя: ты никогда не сдавался даже перед лицом явного поражения.

Ее улыбка прогнала гнев из его сердца, словно Флорес просто задула огонь.

— Я говорю серьезно.

— Я знаю. Поэтому я приезжаю снова и снова. Я сама все еще надеюсь на перемены. И в конце концов вы еще получите меня. И ты, и мой брат.

Он, вздохнув, облокотился на руку и стал рассматривать влахаку. Ее худощавое лицо

было покрыто загаром, как всегда, а вокруг глаз появилась тонкая сеточка морщин. Но решительность в ее взгляде была все еще такой же, как двадцать лет назад.

— Это было не особенно разумно: влюбиться в сестру воеводы. Особенно для меня, как для марчега.

— Ты должен был послушать меня, — ответила она и медленно поцеловала его шею, затем губы.

— Найди себе жену-масридку, — прошептала Флорес ему на ухо. — Роди законных наследников, которые продолжат род.

— Ах, род Диммину не прервется. У семьи достаточно веток. И родственники совсем не против, чтобы я умер, не оставив наследников. И в конце концов, есть Ана. Я всегда хотел, чтобы у меня была только одна женщина. И если мне это не позволено, значит, у меня не будет ни одной.

— Наши семьи явно не уступают друг другу в упорстве, — засмеялась она. — Что бы на это сказал твой отец?

— Мой отец оттягал бы меня за уши. Но я уже слишком стар для этого. Осталось недолго до моего пятидесятого лета. Достаточно стар, чтобы совершать ошибки... Ты не находишь?

— Значит, ты считаешь меня ошибкой?

Она посмотрела на него с наигранным негодованием.

— Не тебя, а только то, что ты влахака... Подожди!

Как раз в тот момент, когда она хотела наброситься на него, он подскочил.

— Что такое?

— Сцег. Он ударил копытами по стене в конюшне.

Его сердце пустилось в галоп, но Флорес смотрела на него, ничего не понимая.

— И что?

— Он бы не сделал этого просто так.

— Батюшки мои, масриды и их кони, — подтрунила над ним Флорес, но он выскочил из постели и из одежды, небрежно сваленной в кучу на полу, выудил свои штаны.

— Он предупреждает, — коротко объяснил Тамар и надел сапоги.

Когда он завязал ремень, Флорес поняла, что для него все серьезно.

— Предупреждает? О чем?

— Не знаю, — ответил Тамар, застегивая нагрудник.

В отличие от доспехов Флорес, его доспехи были изготовлены из металла — лучшее творение гномов, выкованное для воинов-всадников масридов. Пока он надевал наручи, Флорес туго затянула пояс его нагрудника и наспинника.

Металл, прохладные края которого касались его кожи там, где заканчивался стеганный гербовый камзол, действовал успокаивающе. Краем глаза Тамар увидел, что Флорес тоже начала одеваться. Что бы ни подстерегало их в темноте, она была на его стороне.

В этот момент из конюшни донесся глухой удар, после чего воцарилась тишина.

4

Расчесывать волосы было всегда таким мучением. И каждый раз она задавалась вопросом, почему унаследовала не темные гладкие волосы матери, а неукротимые рыжие локоны отца. Да еще к тому же не мягкие длинные локоны, которые выглядели словно волны, а короткие упрямые кудряшки, постоянно запутывающиеся узлами, распутывать которые щеткой и гребешком она уже почти боялась. Но пока горничная Воиса со всем старанием возилась с ее волосами, Артайнис и бровью не вела, хотя кожа на голове так сильно болела. Теперь у девушки было две причины, чтобы плохо думать об отце: во-первых, невыносимые волосы, а во-вторых, что он отправил ее в такое место, где даже горничные были грубы.

— У вас такие красивые волосы, — болтала Воиса, на что Артайнис презрительно

фыркнула.

— Да, и погода во Влахкисе — это вечная весна, — пробормотала она.

Через открытое окно в помещение проникал теплый воздух, а снизу доносился аппетитный запах свежее испеченного хлеба. Были слышны крики и смех. Во всем городе царило возбуждение, но особенно бурно оно проявлялось здесь, в замке, где все вертелось вокруг предстоящего праздника. Люди, казалось, были воодушевлены событием, все, за исключением Артайнис, которую охватывал ужас при одной только мысли о банкете в открытом для сквозняков праздничном зале крепости Ремис.

Наконец горничная управилась с волосами и принялась одевать Артайнис. Но очень скоро она занервничала, неловко перебирая складки пальцами, дергая ткань, совершенно, очевидно, не представляя, что делать дальше. На своей родине Артайнис точно наказала бы такую нерасторопную служанку, но во Влахкисе она просто должна была смириться с тем, что у людей отсутствует культура. В любом случае культуры явно недоставало, чтобы уложить простой хитон кипасис, единственная особенность которого состояла в опоясывании и расположении драпировки. На ее родине такое одеяние подошло бы разве что для непринужденного вечера в кругу близких друзей. Но здесь оно вызовет удивление даже на банкете у властителя.

— Мне хочется пить. Принеси мне, пожалуйста, немного воды, — приветливо сказала Артайнис.

«Иногда мое сердце просто источает великодушие», — подумала она, самостоятельно собирая складки. Ловкими движениями она заложила ткань идеально правильными линиями, а затем надела сверху пояс с золотыми пластинками. Тяжелая толстая ткань хитона была украшена таким образом, что при правильной укладке одеяния узор создавал впечатление, будто одежда состоит из нескольких слоев. На пурпуре был вышит золотой орнамент: от дисков размером с ладонь и рогатых птиц и крылатых львов до совсем маленьких с рисунками в виде спиралей. Артайнис снова пожалела, что у нее нет темных волос, как у сестер, ведь ее собственная светло-рыжая шевелюра конкурировала с благородным пурпуром кипасиса.

Прежде чем Воиса вернулась, Артайнис успела застегнуть под одеждой на талии тонкий кожаный ремень. Теперь ножны с кинжалом успокаивающе холодили ее бок, и не важно, что оружие было столь миниатюрным, что его было невозможно разглядеть под тканью.

Вошла Воиса, удерживая в трясущихся руках маленький поднос с бокалом. Артайнис для виду отпила несколько глоточков, после чего позволила надеть на себя украшения. Кроме браслетов она выбрала золотую цепочку, которая состояла из множества скрепленных друг с другом золотых пластин. Волосы, уложенные в высокую прическу, она украсила маленькой золотой диадемой под стать цепочке и браслетам.

К счастью, прежде чем отправиться в путь через суровый перевал, она прихватила с собой зеркало. Во Влахкисе повсюду пользовались отполированными металлическими пластинами, но что-либо разглядеть в них было почти невозможно. Артайнис подкрасила губы и глаза в стиле силков, что было в моде перед ее отъездом. «Наверное, сейчас там уже красятся совсем иначе и с таким внешним видом я стала бы посмешищем, окажись я дома», — с тоской подумала юная дирийка.

Когда все было готово, Артайнис критически оглядела себя в зеркало. Для влахакского праздника сойдет. Восхищенные взгляды горничной подтверждали эту оценку. Вот уже три дюжины дней девушка находилась при дворе Стена сал Дабрана, но Воиса все еще обращалась с ней, как с явлением из мира духов, будто Артайнис была поднявшимся из глубин троллем и собиралась обедать нещипанными курами. Эта мысль развеселила Артайнис.

— Я благодарю тебя, Воиса, — спокойно сказала юная дирийка. — Мне больше не нужны твои услуги. Можешь подготовиться сама и насладиться праздником.

— Я... мне не нужно будет дожидаться вас? Я могу идти?

— Естественно. В такой прекрасный день я едва ли могу удерживать тебя в этих комнатах, правда? Развлекайся, — посоветовала Артайнис и подмигнула девушке.

Воисе было пятнадцать, уже почти женщина, и, хотя Артайнис была не старше ее, чувствовала она себя несравненно опытнее и умнее. «Возможно, это зависит от страны, Влахкис изолирован среди гор. Здесь все кажется таким... маленьким».

— Большое спасибо, — тихо прошептала Воиса и, учтиво поклонившись, поспешила из комнаты.

Для девушки этот день, наверное, был кульминацией всего года.

Сама Артайнис двинулась по длинным холодным коридорам крепости. Очень медленно, исполненная достоинства... Во всех домах Влахкиса, казалось, жила труднопостижимая печаль. Возможно, причиной тому был темный камень, из которого они были построены. Но даже беленые дома, несмотря на высокий фронтон, казались маленькими и сгорбленными, словно боялись неба. А крепость казалась чем-то темным, сооруженным для войны, с мрачными стенами. При строительстве явно никто не позаботился о душевном состоянии ее обитателей. Совсем иначе, чем в империи, где в каждом доме соответствующего ранга нужно выставлять напоказ богатство и авторитет владельцев: в крепостях империи блеск Золотого Императора является во всем великолепии.

И все же влахаки попытались украсить мрачные каменные стены для праздника. Жилая часть была все такой же мало уютной, как обычно, но в вестибюле установили множество канделябров в человеческий рост. Между ними размещались плоские блюда с водой, в которых плавали лепестки цветов, наполняя помещение приятным ароматом. Неотполированные колонны были декорированы разноцветными полотнищами, а на настенных фресках обновлены краски. Даже в таком виде крепость не могла конкурировать с дирийским дворцом, но Артайнис эту довольно наивную в глазах дирийца попытку посчитала все же достойной уважения.

В зале уже находились первые гости, которые тихо переговаривались друг с другом, собравшись в небольшие группы. Артайнис отметила, что на многих были национальные одеяния — длинные накидки поверх простых камзолов темных цветов, однако тут и там мелькали яркие и пестрые одежды.

Появление дирийки заставило присутствующих умолкнуть, все взгляды устремились на нее. Не обращая на это внимания, Артайнис, гордо подняв подбородок, с достоинством проследовала по направлению к хозяину крепости, который стоял у двери в большой зал. Стен сал Дабран был выше девушки на целых полторы головы, однако разница в росте не была столь довлеющей, так как открытая улыбка воеводы располагала к общению. Несмотря на возраст, воевода был все еще стройным мужчиной. «В отличие от папы», — подумала она с легкой злостью. Волосы Стена, длинные, заплетенные в косу, были все еще темными, и только виски совсем поседели. На воеводе было простое одеяние из серой ткани и накидка с изображением ворона — символа его дома. Стен был опоясан мечом. Многие из присутствующих были вооружены. Сразу после приезда во Влахкис Артайнис была ошеломлена тем, что постоянно находилась в окружении вооруженных людей, но в этой стране было принято носить оружие даже в самый радостный день. Когда Стен заметил рыжеволосую гостью, его улыбка стала шире, морщинки у глаз — глубже.

— Какое сияние озарило наш дом! — воскликнул он и приветственно раскрыл объятия.

Юная дирийка медленно приблизилась и позволила обнять себя. Стен был суровым воином, закаленным в сражениях, но его руки были удивительно нежными.

— Ваш отец, должно быть, очень гордится вами, Артайнис.

В отличие от других влахаков у воеводы не было проблем с произношением ее имени. Дирийка вежливо опустила взгляд.

— Вы слишком великодушны.

— Ни в коей мере, — смеясь, возразил он. — Я всегда честен.

— А празднества скоро начнутся?

— Осталось еще немного. Приготовления в зале еще не окончены, да и гости не все

собрались. Но там, на той стороне вестибюля приготовлены освежающие напитки, которые помогут скрасить ожидание.

Артайнис с улыбкой кивнула и отступила, чтобы дать возможность Стену приветствовать других гостей. Краем глаза она наблюдала за воеводой, который находил время для каждого новоприбывшего и перебрасывался с ним парой фраз. В отличие от властителей на ее родине Стен постоянно находился среди народа. Казалось, у него было что сказать каждому и он всегда оставался приветливым. Мужчины и женщины рядом с ним были внутренне напряжены, но вовсе не от страха, как Артайнис с интересом отметила. «Они ищут его благосклонности и внимания. Но не для того, чтобы возвыситься, а потому что на самом деле уважают его. И он отвечает им таким же уважением... и словом, и жестом». Придворная игра была не столь утонченной, как она привыкла, да и правила были другими. Но дирийка могла понять это и оценить.

К несчастью, Артайнис забыла позаботиться о сопровождении, поэтому теперь ей пришлось в одиночестве направиться к широкому столу, где стояли кубки и графины. Внимательный слуга подал гостю разбавленного белого вина, в которое она, тем не менее, попросила добавить еще воды. До того момента, как подадут еду, пройдет еще некоторое время, и она не хотела особо налегать на алкоголь.

— Вы выглядите обворожительно, — раздался позади нее мягкий голос.

— Ионнис, — в то же мгновение откликнулась она, даже не оборачиваясь, и отпила глоток вина. — Вы мне льстите.

Юноша встал перед ней и широко повел рукой, охватывая им жестом весь вестибюль.

— Здесь, во Влахкисе ваша красота не имеет себе равных.

Артайнис надула губки.

— Вы хотите сказать, что за пределами вашей страны я менее обворожительна?

Этот вопрос, казалось, удивил Ионниса, так как он задумался на несколько мгновений, прежде чем ответить:

— Ваша красота не подлежит сомнению в любом месте. Но должен признать, что на моей родине вы поражаете мое сердце гораздо сильнее, чем это, возможно, могло бы быть по ту сторону гор.

— Ах, вы говорите это лишь потому, что тоскуете по Дирии. И это не я завораживаю вас, а только образ золотой империи, который вы видите во мне.

— Нет... я... — запротестовал он, но она не стала долго мучить его, а наклонилась и прошептала: — Действительно прекрасно встретить тебя здесь.

С облегчением он принял протянутую руку, которую крепко обхватил за запястье. Артайнис помогла ему выбраться из затруднительного положения, в которое он угодил, оправдывая свой неловкий комплимент. Хотя дирийским искусством вести светскую беседу юноша владел в совершенстве.

— Ты обворожительна, несмотря ни на что, пусть моему болтливому рту и не хватает слов, чтобы соответствующим образом восхвалять тебя.

Золотоволосая красавица улыбнулась, этот комплимент принимая с удовольствием, что юноша отметил благодарным кивком. «Похож ли он на свою мать?» — неожиданно подумала Артайнис. Она была удивлена, узнав, что Стен не женился после смерти супруги. У ее отца было четыре жены и десять детей, она с трудом могла представить себе, как можно расти, имея всего одного брата. В отличие от Натиоле Ионнис совсем мало был похож на отца. Его глаза были светлее, а черты лица — тоньше, его темные волосы были коротко подстрижены.

— Ты можешь рассказать мне о некоторых из картин? — попросила она своего кавалера.

Тепло его руки на коже приятно будоражило, и дирийка наслаждалась близостью юноши, когда он вел ее к большой мозаичной композиции над дверью в зал.

— Это самое новое изображение и, пожалуй, самое важное сегодня, на нем показано, как моя тетя, я имею в виду, как Ионна сал Сарес выступила в битве троллей против Цорпада

Диммину и наконец одержала победу.

Ионнис указал на двух людей в центре картины, мужчину в доспехах и женщину на коне, которые сражались друг с другом, всадница одолевала своего противника. Ионнис обратил внимание девушки на небольшую группу странных существ, которые превосходили размерами людей раза в два, если не больше: массивные монстры с ужасающими рогами на голове.

— Это тролли, которые сражались на нашей стороне. На картине можно увидеть также моих отца и мать, но триумф в битве троллей целиком принадлежит Ионне.

Мозаичная картина была искусно выполнена. Артайнис знала, что некоторые влиятельные персоны ее родины даже нанимали влахаков для того, чтобы те украсили стены их домов. Собственно, изделия ремесленников и художников Влахкиса считались провинциальными и не заслуживающими внимания, но мозаика была исключением.

— Но Ионне не суждено было долго наслаждаться миром, не так ли? — спросила рыжеволосая красавица, хотя и сама знала ответ.

Отец Артайнис, прежде чем отправить ее сюда, настоял на том, чтобы она выучила не только язык страны, но и ее историю. В первую очередь новую историю, недавние события, в которых он и сам сыграл немаловажную роль.

— Один год.

Они молча еще несколько мгновений разглядывали картину, затем она незаметно перевела взгляд на юного принца. С момента прибытия в Теремию присутствие рядом Ионниса стало для нее очень важно. Долгая жизнь в империи наложила на него отпечаток. Познакомились они в Дирии, хотя в империи были далеко не так близки, как здесь. Он понимал ее лучше, чем другие влахаки, и охотно болтал с ней о жизни по ту сторону Соркат. В отличие от некоторых других лиц при дворе.

— А где же твой брат? — наконец спросила она.

Лицо Ионниса сразу омрачилось.

— Он, несомненно, скоро будет. Ему нужно было переодеться...

В этот момент Стен ударил двумя металлическими кубками друг о друга и тем самым привлек к себе всеобщее внимание.

— Мне как раз сообщили, что нас ждут в банкетном зале. Прошу, пожалуйста, за мной в зал!

Огромные створки распахнулись на удивление бесшумно, открыв внутренности большого зала. Он был в праздничном убранстве. На высоте трех шагов между колоннами были натянуты полотнища, а вдоль стен повсюду стояли светильники со свечами. Но внимание устремившихся в зал гостей сразу же было приковано к длинным рядам столов, которые были размещены в форме большого полукруга. В отличие от империи, где блюда подносились слугами постепенно, здесь столы ломились под весом огромных подносов с яствами. «Или, по крайней мере, под тем, что здесь таковым считается».

Вошедшие тихо переговаривались, Ионнис и Артайнис последовали внутрь. Их сразу же встретили двое слуг, которые проводили их к предназначенным местам. Ионнис занял место по левую руку от отца, в то время как юную дирийку отвели чуть дальше вдоль стола. Справа от нее стул с высокой спинкой еще пустовал, а слева уже сидел худой мужчина, который вежливо кивнул ей, однако даже не улыбнувшись, а затем снова отвернулся к столу воеводы. На госте была простая светлая туника. Его темные волосы были коротко подстрижены, кроме единственного длинного локона на затылке. Вид масридской прически, украшавшей голову влахака, смутил юную дирийку, но его поведение просто взбесило ее.

— Меня зовут Артайнис Вульпон, — тихо представилась она, зная, что это выглядит по меньшей мере невежливо.

Но холодный взгляд и полное отсутствие любезности на лице мужчины задевали девушку. Наконец сосед натянуто и довольно неискренне улыбнулся.

— Меня зовут Корнель.

Ее взгляд упал на золотой солнечный диск, который висел на его шее.

— Вы принадлежите ордену Альбус Сунас?

И снова лишь короткий кивок. Причиной такой замкнутости, возможно, было сложное положение ордена при дворе. Даже по прошествии двух десятилетий со дня освобождения многие влахаки сильно недолюбливали священников Альбус Сунас. Немудрено, ведь орден веками пытался искоренить исконный культ влахаков. И только благодаря Висинии, супруге Стена, Альбус Сунас не выдворили из этой части страны, в которой теперь влахаки были полновластными хозяевами. После смерти жены Стен продолжал придерживаться этой политики и разрешил ордену сохранить храмы и монастыри. «Альбус Сунас может быть сто раз непопулярен и для многих граждан даже ненавистен, но это совсем не повод для подобной неучтивости», — мрачно подумала Артайнис и как ни в чем не бывало продолжила беседу со священником. О погоде, о празднике, об угощениях, гостях, обо всем, что приходило в голову... Это был как раз тот тип светской болтовни, который ей вообще-то был противен, но которому ее обучили с пеленок. Корнель периодически кивал, бормотал что-то более или менее внятное, и уже очень скоро его улыбка стала еще более вымученной, чем вначале.

Юная дирийка, довольная собой, продолжала трещать без умолку, разыгрывая наивную девушку, и оставила бедолагу в покое только в тот момент, когда через небольшой боковой вход в зал буквально ворвался молодой человек, замер на мгновение, принял подобающий вид и уже медленнее подошел к своему месту по правую руку от Стена. Наследный принц Влахкиса был одет безукоризненно, если не считать, конечно, общей простоты национальной одежды, а его длинные черные волосы были заплетены в тугую, еще влажную косу. По лицу юноши можно было сразу понять, что настроение у него далеко не хорошее. С торжественной серьезностью, которая казалась Артайнис странно не соответствующей обстановке, он кивнул отцу и Ионнису. Во взглядах, которыми обменялись братья, было что-то... чувство, которое Артайнис с трудом читала. Но выражения их лиц оставались твердокаменными, в отличие от лица воеводы, который при виде старшего сына просветлел и широко улыбнулся. Стен обменялся несколькими словами с Натиоле и затем поднялся. Тем временем почти все места за столами были заняты. Гости, словно заворуженные, не спускали глаз с воеводы.

— Я не буду заставлять вас скучать, выслушивая долгую речь. Все мы знаем, почему мы здесь, — чтобы почтить тех, чья храбрость принесла нам свободу. У каждого из нас свои воспоминания, каждый из нас потерял людей, которых любил, и все эти люди заслуживают нашего уважения.

По залу пробежал одобрительный гул, воевода сделал широкий жест рукой.

— Давайте праздновать в память о них и вспоминать их!

Раздались крики всеобщего ликования, гости подняли кубки, обращая их в сторону хозяина крепости.

Артайнис заметила, как Ионнис улыбнулся отцу, в то время как Натиоле нахмурил черные брови.

— Угощайтесь! — закончил Стен свою короткую речь.

Дважды повторять не пришлось, и гости воздали должное угощению.

Артайнис услышала, как священник вздохнул с облегчением и занялся едой. Сначала она попыталась снова заговорить с ним, но потом решила оставить его в покое на короткое время. По ее меркам блюда были просты, но, тем не менее, вкусны. Влахаки, судя по всему, предпочитали натуральные продукты различным кулинарным изыскам, но среди дичи, овощей и фруктов даже она нашла деликатесы, удовлетворившие ее изысканный вкус. Пока что мрачный прогноз ее отца относительно несъедобной пищи в Теремии не оправдывался, и она спрашивала себя, не хотел ли отец только поддразнить ее таким образом, или, может, некоторые вещи во Влахкисе настолько изменились со времени его последнего визита... Пока она раздумывала над этим, к ней не спеша подошел Ионнис с маленькой керамической пиалой в руке.

— Я попросил об этом отца, — таинственно начал он. — Я не уверен, правильно ли их

приготовили, но думаю, что повар и я в какой-то степени справились с задачей.

И он предложил ей пиалу.

— Засахаренные фрукты, — узнала Артайнис и невольно улыбнулась.

В пиале действительно поблескивали аппетитные кусочки фруктов.

— Я вспомнил, что раньше ты была просто помешана на них. Конечно, это не сравнить с огненным виноградом или чем-то подобным... — поспешно добавил он, словно заранее извиняясь.

— Это очень мило с твоей стороны. Должна признать, что не могу побороть свою любовь к лакомствам.

Она кокетливо оглядела себя.

— Хотя женщине это, естественно, не подобает, но, надеюсь, это пристрастие не отражается на моей фигуре. Можно?

Излучая радость, Ионнис кивнул, и она выбрала небольшой кусочек какого-то светло-зеленого фрукта. Он был немного кисловат, но она изо всех сил постаралась изобразить восторг на лице. «Фрукт может быть кислым, но сама мысль — сладкая».

— Что это?

К ним незаметно подошел Натиоле.

— Засахаренные фрукты, — объяснил Ионнис. — Хочешь попробовать?

Наследный принц так скривился, как будто брат предложил ему отведать жука.

— Нет. Я останусь верен мясу и вину. Но, возможно, Корнель захочет подтвердить твое кулинарное мастерство? Как вы на это смотрите, *священник*? Достаточно ли у моего брата способностей, чтобы когда-нибудь стать поваром?

— Благодарю, немес, но мне достаточно тех блюд, что имеются на столе, — ответил священник, отчего Натиоле весело фыркнул.

— Да что вы все сегодня пристали с этим проклятым «немес»? — неожиданно буркнул он, но затем отвернулся, не дожидаясь ответа.

Артайнис растерянно взглянула на Ионниса, но тот лишь пожал плечами. Младший из братьев протянул ей пиалу и побежал за Натиоле.

Артайнис медленно расправлялась с блюдом кусочек за кусочком, внимательно наблюдая за тихим, но, тем не менее, яростным спором принцев.

5

Чтобы лучше ориентироваться в бесконечном лабиринте туннелей, Керр и Цран прихватили с собой несколько охапок светящегося лишайника, в то время как Врак предпочитал двигаться в полной темноте. Керр слишком хорошо знал, что таким образом сказывалось темное наследие. Когда-то Анда была троллой, как и другие, но изменения, которые она передала своим детям, были слишком отчетливы, и иногда из-за этого Керру было трудно думать о них как вообще о троллях. Одним из таких изменений было отвращение к любому свету, неприятие даже слабого мерцания лишайников. Поэтому Врак скрывался в тени вокруг них, бежал впереди, чтобы разведать дорогу, и постоянно держался за границей светового круга.

Темнота не скрывала тайн от потомков Анды. Биение сердца земли отдавалось эхом сквозь камни, проявляя в мозгу Врака отчетливую картину всего, что окружало гиганта. Керр тоже воспринимал биение сердца — дреег — отчетливее своих соплеменников, потому что когда-то он на несколько мгновений вошел в Дух-темноты. Поэтому он тоже мог найти дорогу в абсолютной темноте, что было нелегко для большинства обычных троллей. Даже несмотря на их острое обоняние и слух. Тем не менее он все так же предпочитал свет.

Керр вел свою маленькую группу к поверхности. Он стал предводителем не только потому, что часто ходил этой дорогой, но и потому, что среди всех троллей больше никто не знал о том, что находится над подземным миром. Тогда, много дреегов назад, внутри самого Духа темноты он стал землей, миром, от самых высоких горных вершин до самых низких

туннелей, и это знание запечатлел его разум. Он знал каждый туннель, каждую пещеру так, как знал свое собственное тело, шрамы и бугры на своей коже. Это знание не раз спасало троллей от врагов и в конечном счете стало предпосылкой того, что древние племена смогли заключить пакт с ветвью Анды.

Теперь Керр вел группу на поверхность по тропинкам, которые находились немного в стороне от туннелей гномов, где маленький народец при помощи хитроумных инструментов беспрерывно расширял свои владения.

Воздух почти неуловимо посвежел, и для Керра это был хороший знак: они были на верном пути.

Кости мира простирались глубоко вниз, форма и цвет скал были очень разными. Многие тролли только по этим признакам могли понять, где и как глубоко они находятся. Керр выбрал путь, который вел через крупные туннели с бесконечным множеством мелких щелей и нор. На каждый туннель, в котором мог пройти тролль, казалось, приходилось несколько дюжин совсем узких.

После того как тролли перешли вброд мелкий пруд, туннели стали более извилистыми. Камень здесь был более светлым и слоистым, а иногда даже блестел в слабом сумеречном свете. Им пришлось снова немного спуститься по темному коридору, а уже потом снова идти вверх, к поверхности. Погруженный в свои мысли Керр двигался вперед, когда внезапно перед ними из темноты выступил Врак. Было такое впечатление, будто клочки теней приклеились к нему и теперь с большой неохотой отпускали.

— Я чувствую что-то впереди, — тихо сообщило дитя Анды.

Керр неосознанно открылся биению сердца, отпустил на волю все свои чувства. Когда пришел дреег, тролль вобрал в себя все, что было вокруг... словно картина, написанная в тонах, едва ли более различимых, чем самые неуловимые чувства, и тем не менее совершенно отчетливая. Скалы и камень поделились с ним своими секретами, он почувствовал линии туннелей, до самых мелких трещин. Ничто не могло укрыться от его внутреннего взора, и Керр тоже почувствовал перед собой присутствие кого-то... Дюжина, которая медленно двигалась по туннелю.

— Гномы, — прошептал он, отчего Цран едва слышно чертыхнулся.

— Сколько?

— Приблизительно три руки. Они идут не быстро. Это не охота.

— Пока не охота, — прорычал Врак.

На мгновение Керр наморщил лоб, задавая себе вопрос, что тот имел в виду, но потом в бледном свете лишайника заметил оскаленные клыки Врака.

— Мы можем обойти их, — твердо заявил Керр.

Но Врак покачал головой.

— Мы убиваем их везде, где находим. Мы или они, Керр. Ты знаешь это.

Теперь в голосе Врака слышалось желание поохотиться, и Керр почувствовал, как оно вскипело и в его крови, а сердце потомка Анды забилося чаще. Глубинный тролль вопросительно взглянул на Црана.

— Нас трое, и мы не знаем, что им здесь нужно. И было бы умнее обойти их, — сказал здоровяк, но потом пожал плечами. — Но он прав. Мы или они.

Керр раздумывал несколько мгновений. Вражда между троллями и гномами была стара, как мир. Ни один тролль не смог бы вспомнить то время, когда расы жили в мире. Из своих уже обжитых мест маленький народец все дальше продвигался в глубины мира, а тролли сдерживали их, где только могли. Гномы методично рыли новые туннели и пещеры, прокладывали штольни и добывали из них все, что считали ценным.

Бесконечные стычки, бесконечные сражения. Ни одна из сторон не знала пощады в этой темной непрекращающейся войне. Еще совсем недавно гномы теснили троллей, заставляя уходить все глубже и глубже. Исполненные коварства бородачи заключили союз с людьми и использовали опасную магию солнца некоторых жителей поверхности, чтобы сотрясать самые недра земли и похоронить троллей под обвалами, затопить их пещеры

расплавленным кипящим камнем и отобрать у них родину.

Тогда, много лет назад пятеро троллей поднялись на поверхность и убили сообщников гномов. Сегодня каждый тролль знал их имена: Друан, Пард, Рох, Цдам и Анда. Керр, как умел, начертал их историю на стенах пещеры буквами, которым его обучил Друан. И гномы ненадолго отступили, чтобы залезть раны и сомкнуть ряды. А затем снова началась война, столь же ожесточенная, как и прежде... пока Анда, выпив кровь Духа темноты, не изменилась. Появление ветви Анды, глубинных троллей, как называли их люди и гномы, заставило маленький народец снова отступить. «В этом нужно отдать Анде должное: она прогнала гномов, оттеснила почти до самых их крепостей и подарила нам покой на столько дреегов. Хотя ее намерения и были неправильными, в таких вещах она была настоящим троллем».

— Тогда поохотимся на них, — согласился Керр, возможно в память о тролле, которая была не только героиней его племени, но и самым серьезным его врагом.

Ни Враку, ни Црану не нужно было повторять дважды. Липкие комки светящегося лишайника исчезли в кожаных мешках. Даже если тролли древних племен несколько хуже ориентировались в темноте, чем ветвь Анды, все равно они намного превосходили в этом гномов. Каждый тролль чувствовал в себе биение сердца земли, да и обоняние и слух были гораздо лучше, чем у любого гнома. Группа тихо двинулась вперед, пока не добралась до небольшого расширения в туннеле.

— Здесь, — тихо приказал Керр.

Тролли выполнили приказ без промедления. Керр не удержался и улыбнулся. Его спутники были признанными охотниками, а Цран к тому же был предводителем племени во время сражений. То, что сейчас оба подчинялись ему, было почти чудом. Все трое прижались к грубой скале стены туннеля, воспользовавшись этой небольшой нишей для укрытия, и слились с камнем. Дыхание Керра замедлилось, хотя охотничий азарт будоражил его кровь. Сейчас нужно подстеречь жертву. Никто из них не издавал ни звука, не делал ни малейшего движения. Керр молча считал дрееги и вспоминал предыдущую охоту, и ту, что была перед ней, и ту, которая была еще раньше... Добыча была самая разная. Серяки, ужасные, ловкие звери, победить которых можно, только объединившись с другими троллями. Обжоры, которые немного уступали серякам. Голубиные тролли, инстинкты которых были обострены настолько, что чувствовали любые ловушки. И, конечно же, гномы.

Шаги приближались. Маленький народец никогда не был тихим. В туннеле раздавалось громкое дыхание и тихие слова, забрезжил слабый свет, в нос троллю ударил запах пота, кожи, металла, жира и многих других вещей, которые в памяти Керра были неразрывно связаны с гномами. Отряд приближался, не догадываясь о засаде. «Или они хотят, чтобы мы считали себя в полной безопасности?»

Тролли замерли в небольшом укрытии. Керр неосознанно напряг мышцы, приготовившись к атаке. Когда свет двух фонарей упал на Врака, тот вздрогнул совсем чуть-чуть, но гномы мгновенно обнаружили движение.

Они закричали что-то на своем грубом, тяжелом языке. Керр тут же прыгнул вперед, но его опередил Врак, который с диким ревом бросился на врагов. Гномы были мужественными воинами, это нельзя не признать. Они не отступили ни на шаг, выставили оружие и приготовились к бою.

Однако их сопротивление казалось бессмысленным. Врак ринулся сразу в самый центр и двоих просто расшвырял по сторонам, гномы врезались в стены и сползли на пол. Рядом с Керром вперед выскочил Цран и схватил одного гнома, проигнорировав металлический топор, который вонзился в его руку. Не обращая внимания на льющуюся кровь, здоровяк поднял противника и вонзился клыками в его горло. Еще один гном бросился вперед, увернулся от яростного выпада Врака и ударил Црана по ноге, отчего большой тролль зашатался. Тут Керр обнаружил брешь, образовавшуюся между троллями, и нанес когтями удар, полосуюя противника, который, истекая кровью, упал без сознания.

Цран медленно пробивался вперед, но гномы засели за своими щитами и каждую атаку

тролля встречали сталью. Рядом со здоровяком бушевал глубинный тролль, и там, где его удары находили цель, гнулся и разлетался металл, трещали и ломались кости. Тем временем двое гномов отступили, укрывшись за щитами, и воспользовались фонарями, чтобы ослепить дитя Анды. Врак взревел в гневе и попытался прикрыть глаза, защищаясь от лучей, но свет больно жег даже нечувствительные глаза Керра.

Снова и снова оружие гномов находило цель, и если Врак особо не страдал от жестоких ударов, то Цран с каждой полученной раной двигался все медленнее. Тем не менее оба спутника Керра наседали на врага и продолжали теснить гномов. Рев троллей смешался с гортанными выкриками гномов, и в воздухе уже висел запах, перекрывающий все остальные, — запах крови.

Керр быстро огляделся и обнаружил то, что искал. Он схватил одного из гномов, которого Врак в самом начале схватки отшвырнул к стене. Металлические доспехи не смогли полностью защитить воина: лицо бородача было измазано кровью, а дыхание было прерывистым. Не медля ни мгновения, Керр бросил раненого вперед через головы его товарищей. Воин в доспехах с грохотом упал на соплеменников с фонарями и повалил их на пол. На мгновение лучи света затанцевали на потолке и стенах, разогнав одни тени и создав другие.

Это был лишь крошечный миг, но Врак ухватило. Дитя Анды устремилось вперед, схватило гномов, подняло их и, словно камни, отбросило в сторону. Стена из щитов перед Цраном пошатнулась. Здоровяк тоже воспользовался ситуацией: он откинул одного противника сильным ударом ноги, затем прыгнул в образовавшуюся брешь, ударил кого-то слева и кого-то справа. Керр последовал за ним, прикрывая спину товарища, в то время как Врак добрался до гномов с фонарями и давил их ногами. Под ноги попались и фонари, раздался скрежет металла, а потом наступила полная темнота.

Некоторые гномы попытались отступить, их отход прикрывали другие, которые продолжали упорно держать щиты. Но это было уже бесполезно. Цран и Керр, в молчаливом согласии действуя с двух сторон, смели их защиту. А Врак отправился в погоню за сбежавшими, гонимый диким охотничьим инстинктом, который жил в каждом глубинном тролле. Тролли убивали врагов всех без разбору, пока жажда охоты Керра не была утолена.

— Проклятый свет, — пробормотал Врак, вернувшись.

Керр неопределенно кивнул. Свет был одним из немногих эффективных средств в войне между троллями старых племен и детьми Анды. Гномы тоже быстро узнали, что грубой силе глубинных чудовищ можно очень мало противопоставить, кроме, пожалуй, яркого света, который ослеплял детей Анды и даже мог прогнать их.

Позади себя Керр услышал, как Врак занялся трупами гномов, но не обращал на него внимания. Он натирал серой пастой многочисленные раны Црана. Это была смесь из грибов и лишайников, которая останавливала кровотечение и ускоряла заживление. Керр обработал мазью несколько своих отметин. Врак в этом не нуждался. Раны почти не беспокоили потомство Анды; его кожа уже начинала затягиваться.

Керр поднялся, и Врак с видом победителя подал ему два теплых дымящихся куска, из которых еще сочилась кровь.

— Хватит каши. Теперь снова только свежее мясо.

Керр невозмутимо пожал плечами. Попадалось мясо и получше, чем у гномов, но сейчас времени на охоту за более вкусной добычей у них не было.

6

Натиоле внутри кипел, но пытался не показывать этого. «Пресное вино и пресные разговоры», — про себя прокомментировал он праздник.

Он больше не удостоил брата и взглядом, отошел от Ионниса и вернулся за стол отца, который как раз в этот момент был увлечен разговором с седовласым влахаком. Стен либо не заметил спора между сыновьями, либо просто проигнорировал его. По крайней мере, внешне

он казался спокойным и довольным. Снова и снова гости подходили к его столу, обменивались несколькими словами с воеводой, говорили тосты. Товарищи вспоминали битвы, называли имена погибших, смеясь и плача. При этом очень часто всплывало имя *Нати*. Подразумевался Натиоле Таргузи, о котором старший сын Стена за свою жизнь наслушался великое множество историй. Лучший друг воеводы, бесстрашный воин, беспечный буян и гуляка, который погиб, когда вместе со Стеном и группой троллей освобождал Висинию и других заложников из рук Цорпада, и который упокоился в одинокой могиле на берегу Маги. Для юного Натиоле это имя представлялось тем грузом, который бросали на весы, когда наследный принц пытался оценивать самого себя. «Разве не достаточно того, что все постоянно сравнивают меня с отцом? — подумал он. — Я — это я, живой; а не тень кого-то в могиле».

Натиоле не участвовал в большинстве разговоров, не мог даже представить себе, что Теремия когда-то была оккупирована масридами. Он не мог и представить другого дома, кроме крепости Ремис, хотя и родился в Мардеве.

Тем временем Стен слегка повысил голос. Он говорил о Висинии.

— Я с трудом поверил своим глазам, увидев ее там, внизу, в пещерах, окруженную целым племенем троллей, — повторял воевода историю, которая стала почти легендой, и при этом его взгляд искал взгляд сына. — Я верю, что она никогда не сомневалась в том, что мы найдем дорогу назад. Пока меня этот трижды проклятый подземный мир и упрямые тролли чуть не свели с ума.

Грустная улыбка отца уколола Натиоле в самое сердце.

Когда трапеза наконец стала близиться к завершению, он быстро поднялся и остановился несколько в стороне. Со своего места он мог спокойно наблюдать за всеми. Отец, казалось, даже не заметил его состояния; он был целиком занят гостями.

Ионнис тоже двигался от одной группы к другой, держался должным образом и находил для всех приветливые слова. Некоторое время Нати наблюдал за младшим братом, затем его взгляд упал на гостью из Дирийской империи, и он заметил, что Артайнис только что тоже наблюдала за ним. Хотя она и опустила взгляд, он был уверен, что перед этим она фактически в упор разглядывала его. До сих пор юноша не тратил на нее мыслей. С тех пор как улучшились отношения с империей, при дворе часто бывали посланники или торговцы, когда это позволяли горные перевалы: горы отделяли Влахкис от золотой империи гораздо эффективнее, чем любые культурные различия.

«Ионнис снова выставляет себя на посмешище, наматывая круги вокруг этой разряженной дирийки, словно влюбленный кот, — сердито подумал Натиоле. — Дирийские одежды, дирийские нравы... любовь к дирийке будет как раз в его стиле. Разве не говорят по всей Теремии, что младший принц дома сал Сарес пользуется немалым успехом у женщин?»

— Она очень милая, как думаешь? — неожиданно раздался рядом с ним голос отца.

Погруженный в свои мысли, Натиоле не заметил, как Стен подошел к нему.

— Слишком обвешана дирийским золотом, если хочешь знать мое мнение, — мрачно ответил он.

Это вызвало у Стена смех.

— Если я не ошибаюсь в оценке дочери Саргана, то под всеми этими слоями драгоценных тканей еще спрятан минимум один кинжал.

— Возможно, тебе тогда стоит предостеречь Ионниса. Я думаю, он уже недалек от того, чтобы выяснить, что именно скрывается под ее одеждами.

Лицо Стена омрачилось, когда он услышал раздраженный тон Натиоле.

— Твой брат заботится о благополучии нашей гостьи, Нати. В этом ты едва ли можешь упрекнуть его.

— Называй меня Натиоле, отец. Пожалуйста. И я очень даже могу упрекнуть его в том, что он ведет себя, словно лакей дирийки.

Стен напряженно выдохнул и твердо посмотрел на сына.

— Ну, хорошо: Натиоле. Сегодняшний вечер важен для влахаков, и ты очень хорошо

знаешь об этом. Вечер, когда мы думаем о том, какой длинный путь мы уже проделали и какие жертвы нам пришлось принести для этого. Не порть его очередной ссорой с братом. Я прошу тебя.

«Значит, он все-таки заметил, что мы перед этим поссорились, почему он тогда не делает наставлений Ионнису?» Мгновение Натиоле подумывал о том, как бы резко возразить отцу, но потом увидел глаза воеводы, заметил в них печаль.

— Ну, хорошо, — помедлив, согласился он.

Стен примирительно улыбнулся.

— Спасибо.

Какое-то время Натиоле следил за воеводой, который подошел к Артайнис, словно ничего не произошло. Вскоре возле юноши оказался старый Винтила, и принц все свое внимание обратил на прорицателя.

Шаги старика были тяжелы, он с трудом опирался на палку. В руке он держал кубок с вином, от которого периодически отпивал небольшой глоток. Волосы Винтилы уже давно поседели, но все еще были густыми и длинными — до самых плеч. Прорицатель был одним из немногих, кто пережил пробуждение Духа темноты и последствия его дыхания. Большинство прорицателей позже заболели, многие умерли. Винтила тоже получил отметину: его ноги скрючили не годы, а недели, в течение которых он боролся со смертью. Натиоле так и не понял до конца сложных объяснений, но сила Духа темноты затронула в основном тех, кто мог слышать голоса духов.

— Совсем один? — спросил прорицатель, сжав губы в тонкую улыбку. — Ты молодой, Натиоле. Ты должен праздновать!

— Но я праздную. Просто по-своему.

— Хорошее вино и хорошая история — это все, что нужно влахаку. Сегодня вечером рассказывают лучшие истории. Печальные истории, но мы к ним привыкли, — заявил Винтила и чокнулся кубком с Натиоле.

— Красное вино?

Прорицатель заглянул в свой кубок, словно неожиданно обнаружил, что тот полон.

— Да, кровь дракона. Лучшее, что может выдать Валеодара.

— Красное вино из Ардолии? Никогда бы не подумал, прорицатель, — ледяным тоном ответил Натиоле, но Винтила тихо засмеялся, вместо того чтобы оправдываться.

После того как масридов изгнали с запада, влахаки вернули старое название своей родины. Восток же масриды до сих пор называли Ардолией, и иногда Натиоле спрашивал себя, не стала ли та часть уже совершенно другой страной. «Страной, в которой влахаки все еще не правят. Страной, в которой сестра воеводы опозорила свою семью».

— Это наполняет казну марчега Тамара, — вслух сказал он. — Словно им нужно еще больше золота и серебра!

Винтила не отвечал. И только когда Натиоле опять хотел что-то сказать, прорицатель поднял руку.

— Недоразумение, кнаи. Простите меня, если я оскорбил вас.

Формальное обращение как к влахацкому принцу приглушило гнев Натиоле. «Он — старый. Возможно, уже даже не все понимает. Я должен оказывать ему больше уважения. Ведь он все-таки ведет нашу страну старыми путями».

— Я должен извиниться, — заявил он. — Иногда мне кажется, что никто ни о чем не думает, когда произносит название «Ардолия».

— Твое беспокойство понятно, хоть и безосновательно. Для меня это вино не из Ардолии. Это хорошее вино из Влахкиса. И оно не напоминание о позоре гнета. Оно — обещание.

Прорицатель, улыбаясь, вновь поднял кубок, и на этот раз Натиоле ответил на его тост. Несколько мгновений они стояли молча, пока Натиоле, не глядя на Винтилу, не продолжил:

— Это достойные мысли. Хотелось бы, чтобы больше влахаков думали так, как вы. Вместо этого у нас есть соглашения, обозначения границ, сторожевые посты, которые дают

Тамару право сохранить за собой земли.

— Ваш отец — осторожный властитель. И благополучие страны постоянно заботит его.

— Но вся земля между горами — это Влахкис! Не важно, как масриды ее называют, — взорвался Натиоле.

— Естественно. И я сильно сомневаюсь, что ваш отец действительно забыл об этом, с учетом того, что он уже сделал для освобождения страны. Даже если его усилия в настоящее время едва ли направлены на восток и за это время наметилась дружба с масридами.

Прищурившись, Натиоле наблюдал за Стеном, который в этот момент разговаривал с Корнелем. Его отец был вежлив, но Натиоле видел дистанцию, которую тот сохранял при общении со священником.

— Объясните мне, Винтила. Если воевода хочет вернуть восток страны, то почему вот уже двадцать лет у нас мир?

Последнее слово юноша произнес с таким презрением, словно оно было ругательством. Старик неуверенно почесал подбородок, но смолчал.

Натиоле терпеливо ждал, пока Винтила сделает еще один глоток. Затем старик осторожно начал:

— Для вашего отца Влахкис всегда на первом месте. Он постоянно думает о стране между гор, единой и свободной.

Голос прорицателя звучал не очень убежденно, но Натиоле не стал цепляться к этому. Он тоже увидел сомнения на сконфуженном лице старика.

— У меня болит спина, — внезапно заявил Винтила. — Мне нужно снова присесть.

— Всего доброго, — пробормотал юный влахак, в то время как прорицатель поковылял к своему месту.

По левую сторону от стола дома сал Сарес старика встретили несколько других прорицателей, которые там собрались. Столетиями служители старой веры должны были скрываться, так как Альбус Сунас преследовал их всеми возможными методами. Многие из старых путей в ходе столетий были забыты, но с победой Ионны начался новый расцвет влахакских культов. Тогда из страны изгнали всех священников ордена Альбус Сунас, немало их погибло: влахаки мстили за все страдания, которые им причинил орден.

Но мать Натиоле, Висиния, разрешила орден на западе Влахкиса. Вначале священников было совсем мало. Альбус Сунас участвовал в злодеяниях Цорпада, священники использовали силу Духа темноты, вместо того чтобы умиротворять его, как когда-то влахакские прорицатели, и только вмешательство троллей остановило этот ужас.

С точки зрения Натиоле, вновь пускать орден в страну было ошибкой. Слишком многие утратили веру, отвернулись от старых путей влахаков и ходили в храмы Альбус Сунаса. Хотя воевода и следил за тем, чтобы священниками ордена большей частью были сами влахаки, корни солнцепоклонников все равно вели на восток, к масридам, которые все еще составляли верхушку ордена. «Нет, им совсем нельзя доверять, не важно, как сильно они заверяют в своей лояльности. Это всего лишь лицемерные заявления, не более того».

После трапезы гости перемешались. У столов собрались группы с общими взглядами и убеждениями, люди пили вино, провозглашали тосты, беседовали. Повсюду звучали старые истории. Собственно, так по обычаю проходили торжественные похороны, но Стен каждый год на празднике восхождения на трон вспоминал тех, кто ходил иными путями. Со временем это стало традицией. Натиоле был уверен, что отец и сегодня уже посетил могилу Висинии.

Сам Натиоле держался особняком. Чужой здесь, без внимания со стороны гостей, без особых обязанностей. Но не совсем без внимания. Нати заметил, что к нему движется дирийка.

— Судя по всему, вам нравится наблюдать, кнаи.

Это обращение удивило его, но он попытался скрыть удивление. Ее влахакский был безупречен, и даже произношение звучало как у местной. Интересный контраст с ее экзотическим видом.

— Вам тоже, если я не ошибаюсь, — мягко ответил он, памятуя об обещании, данном отцу.

На ее лице промелькнула улыбка. Глаза, подведенные черным; пристально смотрели на него, будто он был пойманным зверем, которого вели бродячие артисты, словно он был аттракционом для увеселения.

— На моей родине это является составляющей праздника, смотреть и быть увиденным. Чувствовать самые тонкие настроения гостей, догадываться о малейших их колебаниях. Кто с кем беседует? На какую тему? Как долго?

— Это звучит ужасно скучно, — ответил Натиоле и отпил глоток вина.

Его брат мог попасться на пустые словесные игры дирийки и позволить ослепить себя, но наследник был человеком другого склада.

— Иногда это очень интересно, но часто глупо, — невозмутимо призналась она. — Особенно если это делают все и каждое действие служит только этой цели. Но это объясняет лишь то, почему я люблю наблюдать. А не то, почему это делаете вы.

Он раздосадованно уставился на нее. Ее улыбка была сладкой как сахар, а голова слегка наклонена. Если бы не ее меткие слова, Натиоле принял бы ее за глупую девчонку, которая решила построить глазки наследному принцу Влахкиса.

— Я не люблю говорить.

— Вы перед этим были очень невежливы по отношению к Корнелю, — констатировала она, вроде как не соглашаясь с его замечанием.

Натиоле презрительно фыркнул.

— Что касается Корнеля, то он привык к подобному обращению. У ордена здесь мало друзей.

— А вы, очевидно, не являетесь исключением.

— Нет, — раздраженно ответил Нати.

Ее вопросы мучили его. Но надежда, что она оставит его в покое, была напрасной.

— Он тоже был довольно невежлив, но, очевидно, служители какого-то культа часто... отличаются от нас манерой обхождения. Возможно, потому что они скорее ищут общения с богами?

Теперь он повернулся к ней. Она внимательно разглядывала его, словно действительно ждала ответа. «Отец, неужели я и правда должен говорить с этой дирийской чумой, чтобы сохранить мир на твоём празднике?»

— Чего вы хотите от меня? Поговорить о религии? Я следую старыми путями моей родины. Меня не интересуют боги, Божественный свет, ничего подобного. Я чту только духов своей родины. И я люблю молчать.

— Мне бы хотелось понять, в чем причина вашего негативного отношения ко мне, — тихо заявила она.

Когда она вопросительно склонила голову набок, в ее искусной причёске блеснули золотые пластинки.

Про себя Натиоле издал длинный вздох, но вслух сказал лишь:

— Я не питаю к вам неприязни. Я просто не хочу разговоров. Но я уверен, что мой брат охотно сможет предложить вам более приятное общество.

— Тогда простите, что помешала вам. Надеюсь, вы сможете насладиться праздником по-своему.

С улыбкой облегчения Натиоле кивнул, когда она сделала церемонный реверанс и отвернулась. Ее пурпурное одеяние стелилось по полу, а украшения раскачивались при каждом шаге. Она направилась прямо к Ионнису, который склонился перед ней по всей форме, с нескрываемой дружелюбной улыбкой. Когда его брат предложил ей руку, то украдкой глянул в сторону Натиоле. Его взгляд был непонятен, но Натиоле медленно покачал головой. Ионнис повел дирийку к столу.

«Идеальная пара», — язвительно подумал Натиоле, но все удовольствие исчезло, когда он увидел взгляд, который бросил на них отец. Стен смотрел на них почти со счастливой

улыбкой, и на его лице было столько гордости, что Натиоле невольно сжал руки в кулаки. Шум праздника постепенно затихал, краски и суэта удалялись от Натиоле. Скоро вокруг юноши образовался мощный круг тишины, в котором он стоял совсем один. Никто не мог коснуться его, они не могли даже увидеть его. Скрытый на краю общества, отделенный от всех молчанием.

7

Как всегда, потребовалось много времени для того, чтобы процесс наконец пошел. Для этого следовало придерживаться правильных путей, полномочий, соблюдать обходительность, собирать долги, шептать нужные слова, выполнять обещания — и ни а мгновение не выпускать из виду сложный клубок политических игр. И хотя это требовало много сил, терпения и внимания, сам путь доставлял Камросу почти столько же удовольствия, как достижение цели.

Он взобрался еще на одну ступеньку в иерархии, избавился от нескольких гнусных конкурентов, при этом разрушил минимум одну карьеру и, возможно, даже одну жизнь — таков был итог его действий. Вознаграждение незамедлительно пришло в форме признания. И уже скоро он получит больше влияния и богатства. Как и положено хорошему чиновнику, Камрос ни в коем случае не думал только о достигнутом, его взгляд был твердо направлен на следующую цель.

Ирония заключалась в том, что в империи дорости до высших чинов могли только те, кто был отдален от узких кругов власти. Только тот, кто достигал ранга сатрапа, мог вырваться из сферы простых чиновников. Некоторым было достаточно маленькой должности. Например, отец Камроса никогда не стремился к большему, чем должность судьи. Но у него самого были смелые амбиции. Его восходящая звезда не осталась незамеченной. Первая жена Камроса была дочерью хорошего дома, который имел родственные связи с Золотым Императором. Дела дома шли сейчас неважно, но именно это позволило Камросу заключить такой союз. Уважаемое имя в обмен на обещание будущей славы. Отец первой жены, Ларцанес, был очень ловок и сам много лет служил сатрапом, но был вынужден уступить место более молодому преемнику. Несмотря на это обстоятельство, недооценивать старика не стоило, и поэтому во время визита в его дом Камрос вел себя так осторожно, как если бы находился в легендарном бестиарии императора.

Усадьба Ларцанеса находилась хоть и не в Золотом Квартале, но на одной из дорогих окраин великого города Колхас, и здесь были все удобства, которые мог позволить себе чиновник после нескольких десятилетий взяточничества. Тем не менее от бдительного взгляда Камроса не укрылось, что время уже немного подточило роскошь этого дома. Отбитая мозаика и слегка поблекшие ковры красноречиво говорили сами за себя. Да и рабы были не самыми молодыми; по всей вероятности, последние приобретения Ларцанес делал уже приличное время назад.

Несмотря на это, по велению хозяина дома Камросу были поданы изысканные блюда и напитки. Сладкое белое вино, охлажденное льдом, и фаршированные финики в миндальном молоке.

— Мои поздравления. Твое назначение вызвало некоторую шумиху, — сказал Ларцанес, лежа на удобной кушетке и изучая зятя из-под полуприкрытых век, в то время как раб массировал ему ноги.

Самодовольная улыбка старого политика намекала на то, что эта шумиха была не совсем положительного свойства.

— А представь себе, насколько больше шумихи возникнет, когда меня назначат сатрапом.

Все еще улыбаясь, Ларцанес поднял бокал и выпил вместе с Камросом. В своих непостижимых решениях боги не благословили его сыновьями. Благополучие и скорби дома зависели исключительно от его дочерей. Камрос знал, что старый сатрап отдал ему в жены

младшую дочь вроде как в залог. Его старшие дочери уже были замужем, но ни один из этих союзов не оказался особенно удачным. Поэтому Ларцанес все поставил на младшую, Парис, и выдал ее замуж за молодого, неизвестного, но имеющего потенциал чиновника. Возможно, потому что сам что-то разглядел в Камросе. Это было взаимовыгодным соглашением, и Камрос охотно поддерживал тесную связь с прожженным чиновником, который все еще обладал отличными связями, даже если его имя уже не так много значило при дворе.

— Немного больше. Но это будет непросто, Камрос. С тех пор как наш милосердный, благословленный богиней Агдель господин несколько лет назад разделил Аркару на две провинции, чтобы как поддержать свою славу великого завоевателя, так и разбить власть сатрапа, положение стабилизировалось. В настоящее время потребности в сатрапах нет, какими бы ловкими ни были претенденты.

— В своей мудрости ты сам коснулся проблемы, которую я хотел обсудить с тобой. Мне хватает воли, но не хватает места, где я мог бы реализовать ее.

Иерархия империи была как пирамида; чем выше подниматься, тем меньше возможностей для следующего подъема, количество сатрапов просто ограничено количеством имеющихся провинций. Самые важные и крупные провинции находились вокруг изначальной Дирии, старой провинции Дирия, центральной земли и колыбели империи, и император распределял звания сатрапов этих провинций лишь среди избранных членов собственной семьи. Чем дальше провинции располагались и чем незначительнее они были, тем большей была вероятность для простого чиновника.

— Наиболее верным советом будет потерпеть, — прервал Ларцанес размышления Камроса. — Я сам пятнадцать лет назад был одним из не очень важных копиистов юридических документов. И только помазание императора создало мне необходимое место, как ты это называешь.

Камрос был еще совсем юношей, когда империю потрясли беспорядки, связанные с восхождением императора на трон, он хорошо помнил тот день, когда по улицам повели длинные ряды пленников, скованных по рукам и связанных друг с другом за шеи толстыми канатами. Их вели из города на глазах у всех, над ними издевались и проклинали, пока они не добрались до ворот, где затем солдаты мечами казнили их и неглубоко зарыли.

Родственники Ларцанеса вступили в ожесточенную борьбу с другими претендентами на трон, и Ларцанес был одним из тех, кто верно служил до самого конца, даже когда враги, казалось, брали верх.

— Терпение. Да, это, несомненно, добродетель. Но мне кажется неестественным только и делать, что ждать, пока что-нибудь произойдет. Мне больше нравится быть хозяином судьбы, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно. Тогда остается возможность, что ты сам создашь себе место. Еще одно деление провинций мне кажется невероятным. Да и тяжело будет добиться такого самому. Если бы твой вес при дворе был достаточно велик, чтобы продвинуть такой управленческий акт, то мы едва ли сидели бы здесь вместе.

Камрос задумчиво кивнул. В империи уже несколько раз происходило так, что провинции разбивали на две или больше автономных частей. Редко — чтобы создать новую должность или узаконить изменение в населении. Гораздо чаще это делалось для ограничения власти сатрапа, который стал слишком мощным. Едва ли в ближайшем будущем можно было ожидать первого или второго. Империя сейчас была тверда и неколебима, границы ее безопасны. Император крепко удерживал бюрократию в подчинении, а та, в свою очередь, контролировала провинции.

И совсем неудивительно, что император придавал такое большое значение чиновникам, ведь он сам вышел из их числа. Вместе с двумя другими властителями он составлял овеянный легендами Золотой Триумвират и в конце концов лишил власти своего предшественника, взял верх над союзниками, их сторонников либо перетянул на свою сторону, либо уничтожил, и его помазали как императора.

Властитель знал о силе и влиянии бюрократии, поэтому тщательно контролировал ее.

— Убийство, естественно, всегда было одной из возможностей, — продолжил Ларцанес. — Но это связано с не меньшим риском. Можно минимизировать риски, но это стоит прилично. Возможно, даже слишком много для тебя.

— Должен признаться, что до сих пор мне представлялось только одно решение.

— Смерть сатрапа обязательно вызовет шум, и на первый план повыскакивают его союзники. Он должен быть казнен, прости за мой выбор слов, чрезвычайно точно и надежно. Естественно, в некоторых кругах именно это и предлагают. Но определенный риск остается всегда. И за его преемником будут очень внимательно следить. Если хочешь получить от меня совет, то я снова скажу, что нужно терпение. Сатрапы не живут вечно.

— Но ведь и мы тоже не вечны, отец, — возразил Камрос.

Честь называть Ларцанеса отцом из всех зятьев была оказана только ему.

— Нет, мы тоже нет. Идеальным случаем стала бы новая провинция, для которой нужна новая, сильная рука, — подал мысль Ларцанес.

Неожиданно Камрос насторожился. Его охватило странное чувство, словно сам он покинул свое тело. И одна мысль стала зреть в его уме.

— Но в ближайшей перспективе войн тоже нет, — продолжил Ларцанес, не замечая, что зять уже практически не слушает его.

8

Тамар и Флорес молча прислушались к ночным звукам. Дождь отбивал монотонную мелодию по крыше. В конюшне стало тихо. Рука Тамара судорожно обхватила рукоять секиры.

— Здесь кто-то есть, — прошептал марчег, и Флорес кивнула. Она медленно вытащила меч и проверила безупречный баланс. В отличие от Тамара, у нее не было щита.

Тамару хотелось посмотреть, как там Сцег, но он удержался. Кто знает, что ждет их за пределами дома.

— За тобой кто-то следовал? — шепотом спросил Тамар. — Одинокого всадника можно посчитать легкой добычей.

— Грабители? Чтобы они преследовали человека в доспехах? Это просто невероятно. Есть менее кусачие жертвы.

На границе с Влаккисом на западе всегда были трудности, но в целом Тамар доверял воеводе, который, так же как и он сам, выступал за сохранение мира. За исключением некоторых постов, на границе почти не было солдат, и благодаря этому марчег мог использовать свои войска для поддержания спокойствия и порядка внутри страны. На дорогах в Ардолии было безопасно. Это было жизненно важной задачей и постоянной головной болью Тамара, так как, с тех пор как торговля с Дирийской империей и маленьким народцем возобновилась, безопасность торговых путей приобрела особую важность. Иногда марчегу приходилось вмешиваться и твердой рукой разбираться с нападениями и грабежами на больших дорогах, и он знал, что из-за этого прослыл среди масридов жестким правителем. Но добрая часть доходов страны шла от торговых пошлин, и он знал, как важно облегчить жизнь торговцам, насколько это возможно.

— Есть только один способ выяснить, кто там, снаружи, — процедила Флорес и подняла меч. — После тебя?

Тамар мрачно кивнул, опустил забрало, выждал, чтобы привыкнуть к ограниченному полю зрения через смотровую щель, и крепче сжал щит. Затем он указал секирой на дверь. Влахака осторожно прошла вперед и положила свободную руку на задвижку. Она еще раз глянула на Тамара, затем отодвинула задвижку и открыла дверь.

Внутрь ворвался вихрь холодного воздуха. Ощутимо похолодало. Из проема наружу падала лишь маленькая полоска света, тучи закрывали небо, окрашивая ночь в чернильно-черный цвет. Дождь поглощал все звуки. Тамар с поднятым щитом вышел во мрак. Его тело охватило напряжение, но разум оставался чистым. Капли дождя падали с металлическим

звоном на щит, меч и доспехи. Ничего не происходило.

Но только Тамар решил дать знак Флорес, как справа на него прыгнул человек. Удар меча пришелся по щиту. Удар сбоку, от которого едва ли можно уклониться. Будь марчег без щита, он был бы уже тяжело ранен, если не мертв. «Это не простые грабители, — промелькнуло в голове у Тамара. — Слишком хорошо владеют они военным ремеслом».

Тамару больше некогда было размышлять об этом, так как его противник нанес удар через голову и вынудил масрида пригнуться за щитом. Краем глаза Тамар заметил еще одного, который приближался слева. Копье блеснуло перед лицом масрида, и Тамар отклонился назад, при этом ногой он зацепился за порог, опустился на одно колено, но успел заблокировать еще один удар мечом.

Тут подоспела Флорес. Пока Тамар восстанавливал равновесие, она парировала удар копьем, развернулась танцующим движением, пригнулась, уходя от меча, и сделала выпад в сторону копьеносца. Воин с мечом насадил на нее, но Тамар уже был готов продолжать, он ринулся вперед и преградил ему дорогу. Масрид услышал сквозь дождь, как позади него отдалялись сражающиеся Флорес и копьеносец, отметил, что сталь угодила в дерево, улавливал громкое дыхание, тихое проклятье, слов которого он не смог разобрать.

К нему снова подскочил противник. Воин высоко поднял меч, Тамар заставил нападавшего уйти в защиту. Удар масрида не освободил ему много места, но дал достаточно, чтобы занять надежную позицию и изучить своего противника. В слабом свете, льющемся из хижины, он рассмотрел мужчину в толстых кожаных доспехах, на которых были нашиты пластины в форме капель, которые блестели, мокрые от дождя. Лицо нападавшего было закрыто шлемом без украшений. Ни герба, ни других знаков различия. И только меч, слегка изогнутый, выдавал происхождение нападавшего, но у Тамара едва ли было время подумать об этом.

— Назад, ты, собака! — заревел он. — Ты не знаешь, кто перед тобой?

В ответ мужчина снова напал. Тамар принял удар щитом, а сам нанес удар по ногам противника, от которого тот ушел, отпрыгнув назад. Не желая отпускать врага, Тамар ринулся за ним.

Но неизвестный ловко уклонился от ударов, воспользовался тем, что тяжелая секира угодила в пустоту, и пошел в ответную атаку. Меч воина был быстр, противник проворно менял стороны, нанося удары то справа, то слева. При этом он держался на безопасном расстоянии от секиры Тамара. Каждый удар гремел по щиту, рука масрида гудела. Клинок царапал по металлу, а от деревянных частей летели щепки.

Флорес и ее противника уже не было видно. «Некогда», — тяжело дыша, подумал Тамар. Дождь заливал глаза, мешая смотреть, и Тамар наклонил голову, чтобы защититься от капель. В темноте бой превратился в кошмарный сон, два расплывчатых силуэта, которые боролись не на жизнь, а на смерть, без лиц, без имен. Масрид не мог сказать, сколько времени уже прошло с начала схватки.

Враг снова обрушил на Тамара быструю серию тяжелых ударов. Первый удар Тамар блокировал щитом, второй — секирой и сразу же ударил в ответ. Короткий клин секиры нашел брешь в панцире противника. Тот сразу же отпрыгнул назад. Рана была нетяжелой, сила была недостаточна, но Тамар и не думал давать передышку своему врагу.

Он устремился вперед, игнорируя удар мечом, который скользнул по краю щита и поножи, и влетел щитом в грудь противника.

Оба потеряли равновесие на скользкой земле. Тамар выронил секиру и оперся на руку, в то время как противник упал на спину. Рефлекторным движением масрид резко дернул локтем, и секира, висевшая на петле на запястье, буквально влетела в руку.

Тамар, не медля, ударил. Тяжелое навершие оружия угодило в шлем, металл согнулся с громким скрежетом, кость затрещала, плоть раздробилась. Руки и ноги упавшего судорожно дергались, и Тамар снова ударил, разрубив надвое забрало и окончательно круша череп противника.

Теперь он слышал лишь шум своей крови в ушах. Тамар тяжело вздохнул, опустился на

одно колено и оперся на секиру. «Я стал слишком старым для войны, — понял он, но потом увидел поверженного врага, кровь которого смывал дождь. — А может, еще и нет».

В темноте он слышал звуки ударов металла о металл, потом длинное влахакское ругательство. Тамар сразу же подскочил и помчался на шум. Дождь затруднял поиски, но внезапно все звуки затихли. Подгоняемый беспокойством, масрид продолжал бежать туда, где в последний раз слышал звон меча. Егохватило спокойствие — привычка, рожденная долгим опытом. Он прикрылся щитом и был готов к нападению в любой миг. Слишком часто он рисковал жизнью на поле битвы, чтобы поддаваться страху в такие моменты. «Если она мертва, я найду вас, — поклялся он себе. — Я найду вас, я отниму у вас все, что вы любите, я уничтожу вас».

Бой, должно быть, увел сражавшихся в сторону озера, где виднелись первые деревья. Но прежде чем Тамар добрался до леса, он заметил темный силуэт. Кто-то приближался к нему. На мгновение масрид заколебался... Но потом узнал влахаку.

— Флорес!

— Эти трижды проклятые сволочи! — рывкнула она и указала на свое левое предплечье, кожаные доспехи на котором были разорваны.

Из глубокой раны текла кровь. Тамар с облегчением сдвинул шлем на затылок.

— Ты сделала своего?

— Их было двое. Они там, внизу, — спокойно заявила она, кивнув в сторону леса. — А ты?

— Я не ранен. Враг мертв. Нужно исчезнуть отсюда. И обработать твою рану.

Они бесшумно побежали в сторону дома. От сильного дождя Тамар промок до нитки, прохладная вода текла под доспехами по спине и груди. Но в его венах еще бурлил азарт борьбы, смесь страха и ликования. Сердце бешено колотилось, и он чувствовал его биение во всем теле. Постепенно напряжение отпускало марчегу, и трудности схватки отошли на второй план.

Перед ними темным пятном вырисовывался дом, приоткрытая дверь многообещающе манила.

Внезапно он почувствовал удар в бедро. Его правая нога подкосилась, масрид упал бы, но успел опереться о щит. Боль прожгла мышцы, от бедра до живота, Тамар застонал.

— Стрелки! — крикнула Флорес и бросилась рядом с ним в укрытие.

Сцепив зубы, Тамар развернулся и выставил щит между Флорес и темнотой. Ночь в одно мгновение стала опаснее, чем была до этого. Марчег опустил забрало.

— Моя нога, — с трудом выдавил он.

Тут он почувствовал еще один удар, на этот раз в щит, и истерзанное в предыдущем бою дерево закрипело.

— Нам нужно укрытие.

Справа от них еще одна стрела вонзилась в вязкую землю. Тамар осторожно поднял щит, но его нога скользнула в сторону. Еще больше стрел полетело в их направлении. Флорес ухватила Тамара за доспех и потянула вниз. Он оттолкнулся неповрежденной ногой, пытаясь помочь ей. Стрела, которая торчала в бедре, то и дело цеплялась оперением, посылая огненные волны боли по всему телу. Несколько шагов до входа в хижину показались масриду бесконечными, и он не мог сказать, сколько времени прошло, прежде чем они справились. Рядом с ними стрела вонзилась в дверную коробку. Наконец Тамар оказался внутри, а Флорес навалилась на дверь, закрывая ее. Раз два дверь содрогнулась от ударов, но затем все стихло.

Пока Флорес стояла, прислонившись к двери, и отчаянно ругалась, Тамар обследовал рану. Это действительно была стрела, не дротик, вонзилась она в плоть прямо сквозь верхний край ножных лат и теперь торчала из бедра. Любое прикосновение к древку причиняло невыносимую боль, кровь текла из раны пульсирующим потоком. Марчег медленно отполз от двери, непослушными руками ощупал шлем, который не давал дышать. Несколько мучительных мгновений — руки в перчатках все время соскальзывали, — но

потом он наконец стащил шлем с головы и сделал глубокий вдох.

Флорес заперла дверь на задвижку, которая казалась смехотворно маленькой, и лихорадочно осмотрелась.

Пока Тамар, сцепив зубы, чтобы не закричать, пытался взобраться на кровать, влахака пододвинула к двери тяжелый стол и заклинила ее ручку стулом.

— Это надолго не удержит, — пожав плечами, констатировала она.

— По крайней мере они не смогут выкурить нас при такой погоде. Спасибо влахакским грозам!

— Твоя нога...

— Стрела. Поддай-ка щит. Я хочу знать, кем были эти сволочи.

Она выполнила его просьбу, и Тамар одним рывком извлек стрелу, вонзившуюся в дерево. Они вместе рассмотрели длинное и узкое острие.

— Боевая стрела, для противника в доспехах. Они знают о твоих предпочтениях в одежде, любимый, — заявила Флорес и села рядом.

По наемнице сразу было видно, что она с трудом пережила опасный бой: ее доспехи были покрыты грязью, из косы торчали мокрые пряди, часть волос беспорядочно свисала на лицо. Рана на руке все еще кровоточила, но она не обращала на нее внимания. Тамар выглядел не лучше. На его коже смешались пот, дождь, грязь и кровь, и он чувствовал напряжение во всем теле. Нога горела, и тупая боль протянулась до самого пупка.

— Выдернуть или вырезать? — жестко спросила Флорес.

Тамар со вздохом подал ей нож.

— Сделай насечку и отломай ее. Даже если на ней и нет крючка-зацепки, будет лучше пока оставить ее внутри. Но будь осторожна, ладно?

Она кивнула, но когда взялась за стрелу, он не удержался и вскрикнул. Было такое впечатление, будто Флорес возилась не со стрелой, а прямо с раной. Тамар, задыхаясь, откинувшись на спину.

— Готов? — спросила влахака, но еще до того, как он успел ответить, она отломала стрелу, отчего по телу Тамара прокатилась раскаленная волна боли.

Его мышцы свело судорогой, и он даже не смог закричать, а только застонал. Свет в помещении померк, глаза застила чернота, а дождь стих. Потом новая боль вырвала его из ночи, когда Флорес сняла поножи и коснулась остатка стрелы. Твердой рукой она перевязала ему бедро длинным платком. При этом каждый раз, когда она дотрагивалась до древка, масрид вздрагивал.

— Тамар? — обеспокоенно спросила Флорес и погладила ладонью щеку масрида.

— Нормально, — солгал марчег и снова выпрямился.

На несколько мгновений мир вокруг него закружился, но затем все успокоилось.

— Кто они такие? Ведь это были не грабители, — удивился он, осторожно ощупывая рану. — Проклятые твари!

— Силки.

— Силки? Из империи? Но что им здесь надо?

— Наемники? — предположила Флорес и взглянула на него.

Ее взгляд был печальным, как будто она знала что-то, что он еще не понял.

— Зачем нужно нанимать силкских наемников здесь, в Ардолии? Откуда ты это вообще знаешь?

— Их мечи. Доспехи обычные, но мечи выдают их происхождение. Я внимательно осмотрела одного убитого, хотя в темноте много не удалось разглядеть, но он точно был не из Влахкиса.

— Силки — всадники. Они этим и славятся, так же как и масриды! Зачем они убили наших коней? Почему Сцега?

Тамар жалел коня. Это правда, что Сцег был уже стар, но он был самым верным из всех, которые были у Тамара. Ленивый и иногда дикий, но покладистый, когда это было нужно. Конь, достойный марчеге масридов. «Кто-то должен заплатить за мою утрату».

— Силки не уважают никого, кто не из их народа. Возможно, это знак их неуважения...
Иначе они вряд ли напали бы на нас всего лишь втроем.

— Еще у них было преимущество — неожиданность. Им почти удалось это, — ответил Тамар, которому действия силков казались мотивированными отнюдь не неуважением. — Мы с тобой — двое стареющих воинов, Флорес. Они думали, что мы станем легкой добычей.

— Они пришли из империи. Они должны знать мое имя!

— Неужели ты возмущаешься, что они нас недооценили? — развеселился марчег. — Мы были бы сейчас мертвы, если бы они напали сразу всеми силами.

— Тогда, по крайней мере, все было бы кончено. А теперь их будет просто становиться больше. Они будут прибывать и прибывать, пока задание не будет выполнено.

Слова повисли в воздухе, холодные и пустые. Она была права; ситуация сложилась скверная. Запертые в хижине, окруженные неизвестным количеством врагов. Без коней, лишенные возможности для побега.

Дверь содрогнулась под мощным ударом, от которого стол со скрипом немного проехал по полу.

— Ты думаешь, их наняли, чтобы убить нас? — спросил Тамар в наступившей тишине, и Флорес молча кивнула.

Марчег часто смотрел в глаза тех, кто хотел его смерти. У него были враги, он сражался в нескольких битвах, но никогда не позволял сбить себя с толку. Вот и сейчас его первой реакцией был гнев, а не страх. Он встал с мрачным видом и медленно перенес вес на раненую ногу. Довольный, констатировал, что она выдержала его массу, хотя терпеть полыхающую боль было не так легко.

— На этот раз мы застанем их врасплох. Я пойду вперед, прикрою тебя щитом. Возможно, ты сможешь найти что-нибудь в качестве укрытия, табурет или что-то в этом роде. Я отвлеку их на себя, ты исчезнешь из полосы света. Беги к озеру и вдоль по восточному берегу, там, по крайней мере, густой подлесок. У них наверняка есть кони. Попробуй достать себе одного. И... — хотел продолжить он, но увидел ее веселую улыбку.

Качая головой, Флорес смотрела на него, и еще до того, как она открыла рот, он уже знал, что она скажет.

— Я не оставлю тебя одного.

— Но ты должна! С раненой ногой я слишком медлительный. Я задержу их. Ты быстрая, ты уйдешь.

— Тамар, если ты правда думаешь, что я оставлю тебя этим силкским палачам, то, очевидно, ты уже впадаешь в старческий маразм. Я не брошу тебя.

— Послушай меня... — начал было он, но она перебила:

— Нет. Даже не думай. Я не побегу. Без тебя — нет.

— И как я должен это понимать?

— Так, как это сказано.

Она помолчала немного и посмотрела на него. В ее глазах появился блеск, и Тамару показалось, что она борется со слезами. «В первый раз за столько лет...» — ошеломленно подумал он.

— Марчег, — смущенно начала она. — Мы никогда не могли жить вместе. С самого начала были тысячи веских причин, которые не позволяли это. Но я всегда хотела быть рядом с тобой... И сейчас я буду рядом. Не важно, куда нас это заведет.

Дверь снова содрогнулась, но Тамар совсем не обращал на это внимания. Он смотрел лишь на Флорес, а она — на него. Марчег улыбнулся. Его разум пытался подобрать слова, но он не мог произнести их, словно онемел. Словно груз мыслей был слишком тяжел для языка. Флорес подмигнула:

— Кроме того, когда это было такое, чтобы я послушала то, что ты мне говоришь?

— Никогда! Ты четырежды проклятая упрямая влахака!

— Тогда выходим. Я буду справа. Мы попытаемся уйти в темноту.

— Я люблю тебя. — Все, что Тамар смог сказать.

Другие слова казались пустыми. Она наклонилась, страстно, с желанием поцеловала его, и ему показалось, что этот поцелуй никогда не закончится.

— Я тоже люблю тебя. То, чем были мы, продолжит жить в Ане. Мы увидимся вновь на темных путях.

Дверь содрогнулась, дерево заскрипело, полетели щепки, но дверь пока еще держалась. Флорес резко отодвинула в сторону стол, убрала стул и положила пальцы на пострадавший от ударов запор. Тамар сделал глубокий вдох, затем кивнул и опустил шлем. Флорес резко отодвинула задвижку и отскочила в сторону. Под шлемом Тамар слышал только свое дыхание. Его нога еще пульсировала, но боль казалась далекой, будто это не из его ноги торчал кусок стрелы. Черная ярость и бесконечная печаль затопили его душу и сердце, все другие ощущения исчезли.

Он умрет. В бою. Исход, который в принципе всегда казался ему самым вероятным. Но Флорес хотела разделить его судьбу с ним, и она разделит ее. Это была реальность, которая легла грузом на его душу и заставляла страдать. Дверь распахнулась, с треском слетев с петель, и двое воинов неуклюже ввалились внутрь. То, что последовало за этим, было не боем, а казнью. Секира Тамара одному разнесла затылок, в то время как Флорес вонзила в тело второго меч по самый эфес и плавно извлекла, после чего нападавший замертво повалился на пол.

Тамар, исполненный ярости, выскочил в темноту. На него неслись противники, нечеткие силуэты которых он едва различал. Марчег ударил первого щитом в грудь, следующий получил секирой по голове, меч третьего масрид просто отбросил в сторону. Флорес последовала за ним, пригнулась под ударами, закружилась, ударила слева от себя и справа, действуя быстрее, чем глаз успевал уследить за ней. Они сражались так, словно снова были молоды, как когда-то в битве против Сциласа, свободные от всех страхов и забот, даже от собственного возраста.

Их враги напирали, но им не удавалось отыскать брешь в защите, поэтому снова и снова они становились жертвами смертельных выпадов влюбленных. Тамар уже не чувствовал боли в ноге, в боку, позабыл о множестве других небольших ран, которые успел получить. Он реагировал, не думая, а лишь ощущая. Внезапно он получил удар в спину, быстро обернулся, и копье пронзило его бедро, когда он упал на колено. Тамар щитом прикрылся от толчка, поднялся на ноги и ответным ударом секирой убил нападавшего. У Флорес были раны на лбу, и кровь заливала лицо, делая ее похожей на Духа темноты. Она и была духом темноты по ощущениям Тамара, он с удивлением смотрел на нее, на ее идеально точные движения, на танец с мечами. Потом заметил копье, которое вонзилось ей в бок, она парировала последний раз, а затем меч вонзился ей в горло, и она упала.

Он подскочил, заставляя двигаться свое израненное тело, обрушился на ее убийц воплощением смерти. Ушли все мысли, осталось лишь желание убивать. Он крушил кости, дробил тела, не чувствуя металла на своем теле, не ощущая смертельных ран, из которых в землю его родины по капле выходила жизнь.

Потом все закончилось. Мышцы отказались работать, словно наконец осознали собственную смерть. Внезапно он почувствовал, что лежит на спине, по нему барабанит дождь, затекая в глаза и смешиваясь со слезами.

— До встречи... на... темных... путях, мое сердце.

А вокруг него сгрудились люди... темные... И лишь один в светлом, озаренный светом из дома. Белое одеяние, неподходящее к этому месту, пропитанному кровью.

Кто-то подошел ближе, застилая свет мира для Тамара Бекезара, и вонзил марчегу копье в грудь. Последняя мысль масрида была о Флорес.

Гармоничные звуки восхвалений наполняли помещение, но Корнель не мог освободиться от мрачных мыслей. Хоралы всегда были бальзамом для его души, каждое утро

пение давало ему силы для служения. Но сегодня он был рассеян, невнимателен и несколько раз не попал в тональность, хотя обычно гордился своим звучным голосом, который наполнял даже самые большие храмы, воздавая хвалу Божественному свету чисто и мощно.

Возможно, все дело было в хмуре утре? И во всем была виновата погода? Солнце скрывалось за перистыми облаками, отнимавшими у светила всю силу. «Может, слабый свет — это знак того, что я сам слаб?» — спросил себя Корнель, но тут же отбросил эту мысль. Не пристало так много веса придавать своей персоне. Думать, что он, простой человек, обладает таким влиянием на Божественный свет, — проявление гордыни высокомерия. Ведь все на самом деле наоборот. Свет наполняет всех и вся, дарит жизнь и дыхание и правит миром. Он светит всем людям, на севере и юге, западе и востоке, во всем мире. И один отдельный человек, пусть даже священник ордена Альбус Сунас, — ничто по сравнению с широтой света. Повсюду во Влакхисе и Ардолии в этот момент братья возвышали голоса для восхваления Божественного света, и сам Корнель был не более чем одним из многих, слабым слугой, задание которого тяжким грузом лежало на его плечах. Прошлый вечер был утомительным, и его мышцы все еще были сведены.

Как и каждый год, он был чужим на банкете, его просто терпели. Воевода старался не показывать своей неприязни, но Корнель прекрасно чувствовал ее сквозь фальшь вежливости. Стен сал Дабран уважал желания своей жены даже через столько лет после ее смерти, но в глубине души он все так же не доверял ордену. Корнелю было больно видеть, сколь малого он добился при воеводе за прошедшие годы.

Он осторожно повел плечами. Пение подошло к кульминации на высокой ноте и наконец оборвалось. С серьезным выражением лица священник вышел из круга верующих в центр капеллы, где слабый свет солнца освещал белую плитку. Крыша представляла собой хитроумную конструкцию, через просветы в которой солнечный свет падал в помещение с самого утра.

— Начинается новый день. Мир погружается в Божественный свет. Но мы в свете, и мы наслаждаемся его нежной лаской. Свет дарит нам жизнь. Давайте нести свет и в наших сердцах!

Широко раскинув руки, он сделал шаг назад и взглянул на небо через проемы в крыше. Верующие, а их было мало, один за другим прошли через столб света и покинули капеллу. Только когда вышел последний, Корнель опустил руки и перевел взгляд на братьев.

— Много бурлаков, — констатировал Гарьяс.

Юный священник с коротко стриженными волосами улыбался, как он делал почти всегда. Его широкое лицо, казалось, было создано для такого выражения дружелюбия. Корнель еще пока не понял, была ли эта улыбка действительно столь искренней или это было средство защиты от постоянных нападок в адрес ордена.

— Бурлаки тащат баржи из Ардолии в Теремию. Везде на всем протяжении пути они слушают восхваления Божественного света. Это простые, хорошие люди, — ответил Корнель, совершая круговое движение головой, при этом боль пронзила мышцы и суставы от затылка до самых плеч.

Священник со вздохом огляделся по сторонам. Гарьяс перехватил этот взгляд и сразу же понял его. Вместе они принесли простую деревянную бадью и тряпки и стали чистить пол из светлых плиток. Каждый день после утреннего богослужения они ползали на коленях по всему помещению, вытирая следы верующих, чтобы Божественный свет всегда находил капеллу в столь безупречном состоянии, насколько это под силу обычным людям. В большинстве храмов такую работу выполняли сами прихожане, так как многие священники считали это недостойным своего положения. Но Корнель, в каком бы храме он ни был, с радостью выполнял ее сам. Недостаток смирения привел орден в упадок во Влакхисе. Священник был убежден в этом. Вместо того чтобы нести в сердце Божественный свет, многие члены ордена стремились к высшим должностям, пренебрегая обязанностями, они не служили больше свету, а лишь себе, своим эгоистичным амбициям.

Словно прочитав мысли Корнеля, Гарьяс заявил:

— Было настоящим чудом, что нам позволили распространять Божественный свет в этом месте.

Парень был не только улыбчивый, но и словоохотливый, на взгляд Корнеля, даже болтливый. С одной стороны, это слишком часто отрывало старшего священника от собственных мыслей и заставляло прерывать молчание, в которое он чаще всего был погружен, с другой — Гарьяс не сильно и нуждался в собеседнике, а выдавал длинные монологи, поэтому Корнелю не приходилось отвечать. Но сейчас Гарьяс, очевидно, ждал ответной реплики, и Корнель спросил тихо:

— Я предполагаю, ты имеешь в виду не страну, а конкретно этот храм?

— Да.

— Должен признать, что тогда я даже не мог мечтать о таком. Еще сохранилось так много ненависти, Гарьяс. Так много, что даже невозможно представить. Если ты думаешь, что твоя ноша слишком тяжела, то поверь, это только кажется из-за того, что ты не знаешь войны. Сегодня тебя всего лишь могут обозвать форбсом, а тогда тебя изгнали бы из твоего дома, и ты был бы рад и благодарил милосердный свет за то, что ушел живым. Многие были не так удачливы. И их крыша горела прямо над их головой.

Это была старая, мучительная история, и Корнель сам не заметил, как свернул на привычную дорожку своих проповедей... едкие мгновения, когда у него развязывался язык. При этом священник ощущал, как внутри него растет и клокочет ярость. Но он сдержал себя, Гарьяс едва ли был подходящим слушателем. Слишком юн был его брат, слишком часто он слышал об ужасах, которые влахаки творили над братьями ордена в первые ночи после смерти марчега Цорпада. И они молча продолжили уборку.

Здесь и там можно было увидеть следы прошлого, словно клеймо. Капелла была отремонтирована, заново выбелена, но шрамы все равно были заметны. Битая плитка, неровности на стенах. Все, на чем влахаки изливали свой гнев. Священники ордена покинули капеллу в крепости Ремис, когда до них дошла весть о поражении Цорпада. Они сбежали на восток, где вооружались армии двух других марчеггов... для битвы, которая не состоялась, для бури, которая не разразилась. Цорпад был побежден в предзимье, и снег подарил людям и земле краткий мир, который Ионна удачно использовала для переговоров.

Корнель отчетливо помнил испуганных и возмущенных священников, которые прибыли с запада в Брацац, резиденцию марчега Ласцлара Сциласа. Сам он был тогда простым мирянином без звания, обязанности которого ограничивались натирием пола. Влахаки, который вступил в орден... Обе стороны воспринимали его враждебно.

Он помнил сообщения о войне, громкие речи об отмщении, о войне и уничтожении влахаков. Он уже тогда догадывался: крах ордена во Влахкисе стал во многом результатом политики Альбус Сунаса.

— Очень печально, что умерла княгиня, — пробормотал юный священник.

Несколько мгновений Корнель недоумевал, что было такого печального в смерти Ионны, а потом понял, что Гарьяс имел в виду Висинию.

— Несомненно, — чопорно буркнул он в ответ.

Но иногда он был не уверен в этом. Без вмешательства Висинии орден не смог бы столь быстро вернуться во Влахкис. Но не заступись княгиня, и Корнель был бы сегодня не здесь, а в Ардолии, где Альбус Сунас уважали и почитали. Корнель тихо вздохнул. Но следовало нести Божественный свет также туда, где он не был желанным. «Особенно туда! Даже в темноте нужен свет. Если бы только влахаки не были такими упрямыми и твердолобыми!»

Старший священник тяжело поднялся. Его суставы болели, особенно колени, на которых он ползал по твердому полу. Непостижимым образом это была приятная боль, заслуженная боль, боль, которая наполняла Корнеля гордостью. Гарьяс продолжал уборку в капелле. Сам же старший священник вышел в утро. Приветствие солнца было постоянным ритуалом, и каждый верующий старался совершать его в храме. Многие предпочитали посещать капеллу в крепости, а не вновь отстроенный храм в городе. Корнель предполагал, что приверженцы Божественного света таким образом надеялись не сильно афишировать

свою веру.

Храм в городе представлял собой печальное зрелище. Хотя после пожара на месте старого отстроили новое здание, оно было маленьким, убогим, без архитектурных изысков, едва ли достойное того, чтобы считаться крупнейшим храмом Альбус Сунаса во всем Влахкисе. «Да что это, собственно? Даже маленького помещения хватит, чтобы вместить всех верующих города. И, вероятно, даже вместе с их лошадьми!»

Эта мысль вызвала у Корнеля саркастическую ухмылку, которую он сразу же стер с лица. Священнику замковой капеллы не пристало демонстрировать подобные эмоции. Лицо Корнеля приняло спокойное выражение. С поднятым подбородком, размеренным шагом брат вышел во двор.

Многие влахаки были недовольны, когда капеллу, которую Ионна превратила в конюшню, снова передали ордену. Каждый в братстве знал, кого нужно было благодарить за это. Саньяс, простой священник, заслужил внимание Висинии мудрыми словами и честными поступками. Благодаря ему ордену было позволено снова сооружать храмы во Влахкисе, пока княгиня в конце концов не передала для служения Божественному свету и эту старую оскверненную капеллу в крепости Ремис. Когда немес Висиния заболела во время большой эпидемии лихорадки и умерла, все были уверены, что это означает также конец ордена в Теремии. Но Стеном сал Дабраном после смерти супруги овладела тоска, он стал безучастен ко всему, даже к нелюбимым священникам ордена, которых всегда хотел изгнать из страны. И только сыновья, которые тогда еще были детьми, не позволили воеводе окончательно утратить смысл жизни.

Стен хранил память о своей супруге и чтил ее волю. Прошло уже десять лет с момента смерти Висинии, у Альбус Сунаса была причина тоже чтить ее память.

— Форбс! — раздался крик со стены.

С момента его прибытия в Теремию семь лет назад не проходило ни дня, чтобы он не слышал этого слова, которое оскорбляло его как священника. И хотя воевода в память о своей супруге запретил так называть братьев ордена, запрету следовали только наполовину, если вообще следовали. Вначале Корнель был немного разочарован, но потом решил игнорировать злословие упрямых влахаков и вести себя невозмутимо, чтобы темным горожанам попросту надоело сыпать оскорблениями в адрес безучастного священника. Но эта стратегия пока не оправдалась, в чем он в очередной раз имел возможность убедиться.

Не обращая явного внимания на кричавшего, Корнель продолжил путь, воздавая про себя хвалу Божественному свету. Не существовало таких оскорблений, позора и стыда, которые он не мог бы стерпеть за веру. На него плевали, его избивали и преследовали; он жил в страхе. Но он все еще ходил с высоко поднятой головой.

Ворота в крепость были распахнуты. Ничего удивительного, времена, когда влахакам нужно было ожидать нападения в любое мгновение, давно миновали. Да и праздник еще не закончился, везде царили оживление и суета. В обед должен был состояться еще один банкет, но на этот раз не для широкой публики, а лишь для воеводы и его советников. Ежегодный закрытый банкет для членов совета демонстрировал, насколько высоко Стен ценил этих людей.

Корнель уже собирался было пройти через ворота, как вдруг одна стражница преградила ему путь. Темноволосая воительница держала шлем под мышкой и опиралась на копье.

— Какова твоя цель? — резко поинтересовалась она.

Не желая давать столь же резкий ответ, священник остановился и снисходительно посмотрел на нее.

— Я и не знал, что должен объяснять это тебе.

— Предписания... священник. Наша задача — охранять ворота.

Корнель бросил удивленный взгляд на поток людей, который двигался через ворота. Но воительница продолжала вопросительно смотреть на него.

Корнель со вздохом покачал головой.

— У меня дела в городе.

— Ага. Что за дела?

Явная предвзятость и наглость стражницы задевали Корнеля. Возможно, раньше он бы рассердился, повысил голос, вступил с влахакой в спор и... дал ей то, на что она, по всей вероятности, надеялась, пытаясь развязать конфликт. Но сейчас он остался спокоен. Его голос был ровным, и он ответил:

— Наверное, любой в Теремии знает меня и знает, кто я. Сейчас я пройду через эти ворота. Если ты хочешь остановить меня, то тебе придется сделать это силой.

Стражница заморгала, и на ее лице сразу же появилась неуверенность. Другой стражник, молодой влахакский парень, который до сих пор был неизменно вежлив по отношению к Корнелю, наклонился к ней:

— Хватит тебе. Оставь его. Иначе будут неприятности.

Воительница неохотно отступила на полшага в сторону — минимальное расстояние, чтобы Корнель смог пройти. Не говоря больше ни слова, священник подчеркнуто медленно двинулся дальше. Позади он услышал тихие слова, гневное шипение, но не беспокоился об этом. Каждый день среди собственного народа готовил для него новые унижения.

10

Крики во дворе причудливым образом вплелись в сны Натиоле, юноша не проснулся до конца, а пребывал в полудреме между грезами и явью. Он видел потоки солдат, которые через стены устремились в крепость... Сотни, тысячи солдат. Они преодолевали толстые стены так легко, словно те были сделаны из тумана. Всю страну покрыл нескончаемый поток солдат, и их единственной целью было разрушить Влахкис.

И только громкий стук в дверь заставил Натиоле подскочить. Его заспанное «Что?» было не громче бормотания, но тем не менее кто-то распахнул дверь и вошел в его комнату.

— Нати! Просыпайся. Отец хочет видеть тебя. Сейчас же. Одевайся.

Не в состоянии быстро соображать спросонок, разум Натиоле все еще хватался за остатки видений...

— Ионнис? Что... Который час?

— Середина ночи. Давай, вставай. Я расскажу тебе все, пока ты будешь одеваться.

Заспанный Натиоле выполз из-под одеяла и уселся на край кровати. Он моргал на свету, который казался ему невыносимо ярким, хотя в лампе, которую держал Ионнис, была всего одна свеча. Его брат был уже полностью одет и нетерпеливо смотрел на него.

— Как так получилось, что ты уже проснулся? — поинтересовался Натиоле, чтобы выиграть немного времени.

Его ноги были тяжелыми, и он чувствовал себя неуклюжим, и ему нужно было еще несколько мгновений, прежде чем подняться.

— Я еще не ложился спать, — кратко ответил Ионнис.

— В такое-то время? Батюшки мои, да неужели ты был у женщины?

Ионнис промолчал. Натиоле удивленно посмотрел на него. Обычно брату было рта не закрыть, но сейчас его губы превратились в тонкую черточку. «Он точно был у женщины. Но не у девушки из города. Не у дирийки же?» Эта мысль не понравилась юному влахаку, хотя он и не знал почему. «Даже женщины из Влахкиса стали для него недостаточно хороши», — промелькнуло в голове. Но это обвинение ему самому показалось беспочвенным.

— Пойдем же, — торопил его брат.

— Да. Но расскажи мне хотя бы, что вообще произошло. Масриды нарушили мир? Или на нас напали драконы?

С этими словами Натиоле встал и потянулся.

— Ничего такого. Появились тролли.

— Тролли? — удивленно переспросил Натиоле, натянул удобные штаны из мягкой кожи и перепоясал их широким ремнем.

Пока он надевал рубашку, Ионнис сообщил:

— Они отправили отцу посланника. Бедный крестьянин... Его чуть удар не хватил, когда он увидел их перед своими воротами. Тем не менее они его не съели.

— А ты знаешь, чего они хотят?

— Нет, но я и не слышал всего рассказа. Отец сразу же отравил меня за тобой.

Натиоле было приятно услышать это, он нагнулся и выбрал обувь, которую можно было быстро надеть. Из кувшина на умывальнике он налил воды в миску и окончательно прогнал сон, ополоснув лицо ледяной водой. Потом он натянул поверх рубашки накидку с изображением ворона своего дома, пригладил волосы мокрыми пальцами и посмотрел на Ионниса.

— Так хорошо?

— Ну, как посмотреть. Если по твоим меркам считать, то да, — улыбаясь, ответил младший брат и отскочил в сторону, когда Натиоле стал брызгать на него водой.

Оба засмеялись, затем Ионнис развернулся и побежал вперед. Шагая по темным коридорам замка, Натиоле снова и снова спрашивал себя, почему так не могло быть всегда. Почему брат столь часто раздражал его. Но юноша не находил ответа. Уже скоро они добрались до вестибюля, в котором собрались отец с несколькими вельможами. Горели лампы, Натиоле заметил несколько бледных заспанных лиц. Только отец казался почти таким же свежим, как и Ионнис. Возможно, он тоже еще не спал, когда пришло сообщение. Винтила стоял рядом со Стеном, в то время как Корнель держался немного в стороне. В зале царила странная атмосфера, смесь возбуждения и усталости, которая точно отражала то, что чувствовал сам Натиоле. Винтила дружески кивнул наследному принцу, в то время как Корнель вообще не обратил на него внимания.

— Ах! — радостно воскликнул Стен, когда заметил сыновей. — Наконец мы в полном составе.

— Для чего, собственно? — несколько вяло спросил Натиоле.

— У нас гости. Тролли. Мой старый друг Керр поднялся на поверхность, и я хочу приветствовать его. Мы выступаем немедленно, и ты должен отправиться с нами.

— А есть причина для появления этих... *здоровяков*?

С большим трудом ему удалось сдержаться и проглотить словцо, которое вертелось у него на языке и которое, вероятно, не понравилось бы отцу.

— Пока я знаю только то, что Керр хочет поговорить со мной. Если мы хотим оказаться на месте до восхода солнца, то медлить нельзя. В темноте наше продвижение будет не очень быстрым.

Натиоле молча кивнул. Перспектива ночной скачки и встречи с троллями не особенно прельщала его, но он ни в коем случае не останется, если Ионнис поедет с отцом.

Стен отдал короткий приказ, и все отправились во внутренний двор замка. Отец присоединился к Натиоле и подмигнул ему.

— Я уже велел оседлать лошадей. Хорошо, что ты с нами. Вместе с Керром пришли и другие, и они смогут... э-э-э... понюхать тебя, узнать, чем ты пахнешь. Однажды ты займешь мое место, и тролли должны познакомиться с тобой — в конце концов, Керр тоже не вечен.

— Я надеюсь, что *понюхать* было только речевым оборотом, — слегка неуверенно ответил Натиоле, отчего отец рассмеялся, но не стал ничего комментировать.

Во дворе их уже ждали несколько заспанных слуг, которые подготовили им шесть лошадей. Натиоле взлетел в седло. Другие последовали за ним, и Стен медленно поехал в сторону ворот. Натиоле уже хотел двинуться за отцом, но заметил Винилу, который с трудом поднимался по ступенькам ко входу, быстро оглянувшись, юноша отметил, что рядом со Стеном вместо него скакал Корнель.

— Прорицатель, вы не с нами? — крикнул Натиоле и придержал коня.

— Нет, нет. Дорога слишком трудная. Я подожду здесь.

Юный влахак осторожно подвел лошадь ближе к лестнице, мягко сдавив бока бедрами, и наклонился к Винтиле.

— Но Корнель едет с нами. Думаете, правильно, что форбс сопровождает воеводу, в то время как вы остаетесь здесь?

— Мне потребовалась бы карета... и ее подготовка отнимет много времени. Дорога к крестьянскому двору наверняка непроезжая. И ваш отец, несомненно, прав, что торопит с отправлением.

Натиоле непонимающими глазами смотрел на прорицателя, запрячь коней в карету вовсе не долго, а в темноте они все равно не смогут передвигаться быстро. Отговорка отца показалась ему неубедительной.

— Я не думаю, что это правильно. — Натиоле сам ответил на свой вопрос и отвернулся, затем прищипорил жеребца и лишь поднял руку, когда прорицатель вслед ему пожелал удачного пути.

Сразу же за воротами юноша пустил коня в галоп, быстро догнал группу всадников и перешел на медленную рысь. Двое солдат с лампами на длинных шестах держались впереди, но света явно не хватало. В городе дороги были неплохие, но за стенами Теремии их состояние резко ухудшалось. За долгое время правления отец Натиоле постоянно занимался постройкой мощеных дорог, но это были в основном важные торговые пути, которые вели на юг, в сам Мардев. Большая часть товарообмена между востоком и западом все еще осуществлялась речным путем по мощной Маги. Да и большинство путешественников использовали реку в качестве транспортной артерии. Мелкие дороги вокруг городов и на высоких плато предгорий Соркат обделяли вниманием, и уже скоро группа двигалась вдоль широкой колеи для повозок. Здесь было нелегко передвигаться и людям, и животным, и все внимание путников было поглощено тем, чтобы их кони не угодили впотьмах в какую-нибудь яму. Натиоле же никак не мог сконцентрироваться на кочках и выбоинах под ногами лошади. В голове у него звучали слова Винтилы. Раньше он не мог предположить, что отец предпочтет прорицателю священника солнца. «И это при встрече с троллями, которые не побороли свой гнев на Альбус Сунас за двадцать лет! Золотой диск солнца на шее Корнеля будет, вероятно, раздражать их. Уже только по этой причине прорицатель гораздо больше подходит для беседы с троллями».

В темноте раздавались тихие звуки, издаваемые группой. Ночь огромной чашей накрыла путников: глубокая синева небес, холодное мерцание звезд, облака, пронизанные серебряным светом низко висящей большой луны... Страна мирно спала, окруженная Соркатами.

Здесь, вблизи Теремии, человек оттеснил дикую природу, возделывая поля и разбивая сады, но лес был совсем недалеко. В принципе, нигде в этом краю меж гор не было такого места, чтобы лес был далеко. Немногие отваживались отправиться ночью в дебри, истории о вранолаках и зраикасах, хитрых винаи и людоедах-троллях удерживали людей от этого. Хотя многие знали, что Стен заключил с винаи пакт, в соответствии с которым эльфы обещали не шпиговать почем зря каждого встречного своими стрелами, а тролли жили в пещерах глубоко в недрах земли.

Несмотря на то что большинство страшных историй о ночных лесных кошмарах были скорее пустой болтовней, лес неизменно представлял опасность для человека, и в каждой байке у костра были в целом правдивые корни. Было опасно забираться очень глубоко в дебри. Проклятые зраикасы были вовсе не выдумкой. Они могли принимать различный облик и любого разорвать когтями. А еще глубоко в лесах обитали вранолаки, которые питались теплой кровью других существ, и стряи, которые, предположительно, были ходячими мертвецами.

Чтобы спастись от этих созданий, влахаки обращались к прорицателям. Масриды при помощи священников ордена стремились сжечь все, что не соответствовало их представлению о мире, но влахаки предпочитали Божественному свету землю и духов, даже самых опасных среди них. С самого детства юного принца научили уважению к духам. Ко всем духам, даже к Духу темноты, который когда-то, как Белый медведь, был защитником страны, до того как его ранили и загнали во мрак.

Но почему Стен не хотел, чтобы с ними сейчас был Винтила, Натиоле никак не мог взять в толк. Наконец они добрались до крестьянского двора на краю леса, который и был их целью.

— Подождите здесь, — приказал Стен. — Нати... оле, Ионнис, пожалуйста, идите со мной.

Солдаты и Корнель спешили, а они втроем медленно поскакали вперед. Всего за несколько дюжин шагов за оградой двора начинался лес. Он поднимался, словно черная стена перед горами. Темнота между деревьями была непроницаемой, и Стен остановился приблизительно на расстоянии десяти шагов перед опушкой.

— Керр? — крикнул он в темноту.

Они замерли, прислушиваясь к лесу. Что-то зашуршало, чуть поодаль хрустнула ветка, и листья зашелестели на ветру. Затем от черноты отделилось темное пятно. Некто приблизился. Огромное массивное создание возвышалось над Стеном, хотя тот и сидел верхом.

— Стен, — пророкотало оно и при этом оскалило клыки длиной с палец.

Еще когда Натиоле был маленьким, отец взял его с собой на встречу с троллем по имени Керр. Он никогда не забудет, как над ним стояло существо, непостижимо огромное, с темной бугристой кожей, длинными рогами и руками с нагоняющими страх когтями. И тогда, и сегодня гиганты вызывали у Нати уважение. Уже одно их присутствие требовало этого. Но доверие, с которым отец относился к мощным созданиям, было ему непонятно.

— Как здорово видеть тебя, — заявил Стен и спешил.

Натиоле сделал то же, и Ионнис присоединился к ним.

Кони в присутствии троллей явно беспокоились, они раздували ноздри, нервно прядали ушами, гарцевали на месте.

— И тебя тоже, человек. Я пришел по важной причине.

— Об этом я догадался. Если бы это не было важно, ты бы наверняка дождался нашей следующей встречи. Я надеюсь, не произошло ничего плохого?

Слова повисли в воздухе, пока Керр не произнес:

— Нет. Но я не один. Со мной еще двое.

После этих слов от чернильного мрака леса отделилось еще два пятна. Один из подошедших был побольше Керра, мощный, воинственный тролль. Второе существо превосходило даже здоровяка на две-три головы, и казалось, будто оно создано из одушевленной темноты. При виде его Натиоле отступил на шаг и схватился за меч. Рядом с ним конь Ионниса встал на дыбы, и брат поймал того за поводья. Даже Стен сделал полшага назад и положил руку на эфес оружия.

— Что это... о духи? — прохрипел отец Натиоле, но Керр встал между людьми и двумя новоприбывшими.

— Это Цран и Врак. Врак — дитя Анды.

— Глубинный тролль, — вырвалось у Ионниса, конь которого наконец успокоился настолько, что больше не рвался прочь.

— Так вы называете их, — подтвердил Керр.

Натиоле восхищенно рассматривал существо, рядом с которым простые тролли казались детьми. У него была грубая кожа, а рога и клыки еще мощнее, чем у двух других. Особенно влахака поразили его глаза: они были черными, без зрачков, просто залитыми чернотой, словно дыры в черепе. Тем не менее юноша почувствовал, что глубинный тролль изучает его взглядом опытного охотника, и содрогнулся. Глубинные тролли были непривычными существами, еще более странными, чем тролли, а это значило, что они были беспощадными чудовищами, которым убийство доставляет радость.

— Я хотел бы поговорить с тобой о сердце, Стен. О Духе темноты. Я хочу узнать, что с ним произошло. Что люди сделали ему, — заявил Керр.

Его спутники держались несколько позади, не издавая ни звука, но Натиоле почти физически мог чувствовать их недоверие.

Глубинный тролль периодически поднимал голову, словно смотрел на небо, и каждый раз выражение его лица еще больше омрачалось, насколько это вообще было возможно.

— Хорошо. Но мои знания ограничены. Наверное, мы должны поговорить с Винтилой. Он прорицатель, такой, каким был Вангелиу. К сожалению, он остался в Теремии. Вы можете пойти туда с нами? Мы могли бы перевезти вас днем на повозках.

Глубинный тролль свирепо зарычал и выпрямился во весь свой рост. Керр сразу же обернулся к нему. Они не обменивались словами, не произошло ничего очевидного, но чудовище, казалось, сразу успокоилось. Про себя Натиоле радовался, что Стен понял, что не брать с собой Винтилу было ошибкой.

— Мы сделаем то, что ты считаешь правильным, — наконец ответил Керр. — Но ты должен защитить нас.

— Конечно, мой друг, конечно. Не будет никаких осложнений, я уверяю тебя. Помнишь ли ты еще моих сыновей Натиоле и Ионниса? Прошло уже много времени с тех пор, как ты встречался с ними в последний раз.

— Тем не менее я узнал твоих мальчиков, — важно сказал Керр и подошел к ним.

Натиоле подавил импульс сбежать, когда Керр приблизился, и выдержал пристальный взгляд тролля. Керр осторожно наклонился вперед и потянул воздух широкими ноздрями.

— Их запах не изменился. Они пахнут, как ты. «Значит, это не было речевым оборотом», — подумал Натиоле, когда тролль оскалил клыки, по всей вероятности, улыбаясь ему.

11

Заседание совета в столь поздний час было делом необычным, но причиной этому, естественно, послужило неожиданное появление невероятных гостей. Прошлой ночью одно из существ чуть не напало на Корнеля, и священник знал почему. «Они духи темноты, создания ночи и воплощают в себе все мрачное в этом мире. Какой позор, что влахаки связываются с такой мерзостью». Но его голос не засчитывали, хотя он не раз высказывал свое мнение.

Совет собрался в большом зале. Так как Стен постоянно расширял этот орган управления, со временем переход из маленькой совещательной комнаты стал неизбежен. В Ардолии шутили даже, что во Влахкисе судьбой страны управляют крестьяне и ремесленники. Корнель знал, что такое утверждение является преувеличением, но все равно тот факт, что воевода так сильно полагался на своих советников, вызывал в нем негодование, так как это противоречило порядку Божественного света. Совет существовал уже давно. Висиния и Стен учредили его вскоре после восхождения на трон. Вначале это были несколько мужчин и женщин из Теремии, торговцы и ремесленники, которые говорили властителям о заботах и бедах своих соотечественников. Но с течением времени советников становилось все больше, и Стен предложил народу самостоятельно выбирать своих представителей, вместо того чтобы назначать их.

Корнель тоже получил место в совете, как официальный представитель ордена Альбус Сунас. Но его политическое положение в полной мере соответствовало тому, как его принимали в Теремии: на него не обращали внимания, презирали и редко прислушивались. Воевода соблюдал основные правила вежливости, хотя сам все так же не любил братство. Но среди остальных советников было достаточно неприязни по отношению к священнику, и каждое выступление Корнеля сопровождал гул пренебрежительных комментариев, сквозь который ему приходилось пробиваться. Тем не менее он пунктуально являлся на каждое совещание и оказывал другим членам совета уважение, которого те заслуживали. «То есть в целом — не очень много», — про себя с иронией заметил священник.

В углу помещения расположились три тролля. Глубинный замер в тени, вдали от всех источников света, что было очевидным доказательством его мрачной натуры. Корнель периодически смотрел на существо, которое буквально притягивало темноту и почти

сливалось с ней. По сравнению с этим чудовищем два других тролля казались почти безобидными, хотя они представляли собой не меньшее оскорбление Божественного света. Но они стояли спокойно в свете свечей и не вздрагивали от любого слабого мерцания.

Воевода выбрал место поближе к троллям, а весь совет разместился за длинным столом, на котором для каждого гостя стояли кувшины с вином и водой, а также кубки. Слева и справа от Стена сидели его сыновья, которые в обществе троллей выглядели не такими расслабленными, как отец. На лице Ионниса была смесь любопытства и ужаса, а истолковать мрачный взгляд Натиоле было гораздо труднее.

— Я хотел бы извиниться за то, что собрал вас в столь поздний час, но, к сожалению, для наших гостей возможна только ночная встреча. — Такими словами воевода открыл заседание.

Он лично контролировал транспортировку чудовищ на двух больших повозках. Божественный свет отнял у них силы, и, собственно, одно только это являлось знаком их порочности, но воевода, казалось, закрывал глаза на очевидные вещи.

— Прошлой ночью Винтила, к сожалению, не мог быть с нами, но сейчас Керр, наверное, сможет еще раз сообщить о своей просьбе.

По знаку воеводы тролль вышел вперед. На бедрах гиганта был кусок кожи, небрежно закрепленный двумя перекрещивающимися на груди кожаными ремнями. На ремнях висели какие-то инструменты и мешки, но даже эти простые предметы были сделаны грубо, как отметил Корнель. По всей вероятности, мастерили их тяжелые ручищи этих темных созданий.

Тролль почесал шею. Он выглядел гротескно: узловатый, мускулистый посреди богато убранного зала. «Его род не из мест под небом и Божественным солнцем. Они — создания глубины, темноты. Они должны держаться от нас подальше». И Корнель был не единственным, кто так думал. У некоторых на лице священник прочел отвращение, у других — скрытый страх. Близость этих существ влияла на всех, хоть и не одинаково. «Чего стоит один только их запах». Затхлый и гниlostный, в какой-то степени земляной, но с острым оттенком. Точно так же, как их тела доминировали в зале, их запах проникал повсюду, перекрывал все остальные запахи и привлекал внимание.

— Я здесь из-за сердца земли, — объяснил тролль. — Из-за Духа темноты. Вангелиу рассказал нам, троллям, что раньше это был хороший дух. Белый...

— Медведь, — подсказал Стен.

Естественно, Корнель знал мифы и легенды влахаков. Но в отличие от них он знал, что эти духи были недружелюбны, и не важно, как они назывались. Они были темными созданиями, которые боялись света и вводили людей в заблуждение. В течение столетий орден Альбус Сунас пытался изгнать из мира опасную ересь, священники молились об этом в храмах и пытались подвести народ ближе к Божественному свету.

— Белый Медведь, — пробормотало создание. — Вангелиу сказал, что Медведь был ранен?

— Да, я помню эту историю. Это было много лет назад, когда золотая империя заявила претензии на страну между гор и Влахкис стал провинцией империи. Принц из Дирии охотился на Белого Медведя и ранил его. Так тот стал Духом темноты. А принц умер от ран, которые ему нанес Дух темноты, — медленно говорил воевода, словно ему приходилось снова вспоминать подробности этой истории.

И пока Стен говорил, все не отрываясь смотрели на него, и Корнеля охватило странное чувство беспомощности.

— Дирийцы переложили на влахаков ответственность за смерть принца, — внезапно взял слово Винтила. — Они убили много людей из чувства мести. Каждый четвертый влахак должен был умереть. Но кровопролитие объединило племена нашего народа, и они собрались под знаменами краля Анеа. У Трех Сестер состоялась битва, и Анеа победил. Дирийские армии были изгнаны из Влахкиса, и наша страна снова стала свободной. Мы потеряли защитника нашего народа, но снова обрели свободу. — Старый прорицатель

шумно откашлялся. — По крайней мере, на некоторое время.

Каждый в помещении почувствовал вес этих слов. После дирийцев пришли масриды с их быстрыми и сильными конями, воинами в доспехах и священниками ордена Альбус Сунас. Они захватили страну и разделили ее между собой. Почти все посмотрели на Корнеля, так как для многих он все еще был олицетворением прежних угнетателей, хотя сердце священника принадлежало только одному — Божественному свету, а вовсе не масридам.

— Как дирийцы ранили Белого Медведя? Можно ли исцелить его раны?

Вопросы тролля прозвучали почти с мольбой. Что-то двигало этим созданием, какие-то чувства, но Корнель не мог даже предположить, что это могло быть. Слишком странными были лица этих существ, манера держаться, вся их сущность.

— Я не знаю, — ответил воевода и повернулся к старому прорицателю. — Винтила?

— Это странный вопрос, друг тролль.

Услышав такое обращение, Корнель мысленно саркастически улыбнулся. Как будто старик питал по отношению к этому созданию более дружеские чувства, чем к священнику.

— Много десятилетий и даже столетий мы умиротворяли Дух темноты. Мы пели ему старые песни в правильное время, чтобы смягчить боль и успокоить сны. Но мы никогда не пытались исцелить его. Однако...

Старик потер подбородок, словно только сейчас ему что-то пришло на ум. «Что же ты замышляешь, старый лис? — спросил про себя Корнель. — Что ты снова придумал?»

— Наверное, это все-таки возможно, — продолжил Винтила, отчего тролль оскалил зубы в жутковатой ухмылке.

Его спутники двинулись вперед, даже глубинный тролль подошел ближе к ненавистному для него свету. Корнель не спускал с чудовища глаз. При малейшем признаке нападения он собирался призвать к себе Божественный свет, из самых отдаленных мест мира, где тот сейчас боролся с темнотой. Его орден быстро обнаружил, что свет делает троллей неподвижными, спящими словно мертвые. Хотя эти знания не очень помогли им в битве за Влакис, священник чувствовал себя уверенно, зная, что может сразить этих троих благодаря милости Божественного света.

— Объясни мне, человек, — дружелюбно потребовал Керр.

— Согласно легенде, принц ранил Белого Медведя копьём. Кровь Духа окропила это оружие. Наверное, можно им закрыть рану, которую оно же нанесло.

— Копьём?

Тролль почесал голову.

Винтила с трудом встал на ноги и пожал плечами.

— Мы никогда не пытались этого сделать. Возможно, я и ошибаюсь. Что я могу знать. Ведь я всего лишь старый человек.

Корнель чуть не хмыкнул, развеселившись. Его удивляло, что никто не мог разглядеть игру старика. Члены совета смотрели на него так, словно они были стадом баранов, а он — их верным поводырем. Даже кровожадные тролли ловили каждое слово старого прорицателя.

— Зачем тролли хотят все это знать? — спросил Корнель в тишину. — Дух темноты долго спал, и это хорошо. Зачем сейчас нужно искать это оружие?

Из тени в конце зала раздалось рычание, и священник почти пожелал, чтобы глубинный тролль напал на него. Но создание лишь рычало, оскалив свои мощные клыки.

— Дух темноты спал не спокойно, если я правильно помню, — вмешался Винтила. — Более того, разве твой орден в монастыре Стариг Яцек не проводил изуверские ритуалы, чтобы разбудить его?

Внезапно советники заговорили все сразу, и на Корнеля устремилось много мрачных взглядов. Тролли подступили ближе к столу, опасно выпрямились, но священник не удостаивал их и взглядом.

— Эти священники предали также и мой орден. Они — отверженные, — заявил он

спокойно, но громко, и его голос прорезал общий шум, словно Корнель вбил клин.

— Потому что это было требованием моей матери, условием, при котором вам разрешили вернуться на запад.

Натиоле встал и, сверкая глазами, смотрел на Корнеля. Юный принц показывал пальцем на священника, словно тот был обыкновенным преступником.

— Больше года вы ничего не предпринимали против этих так называемых отверженных!

— Потому что мой орден ничего не знал о том, что они делали. За исключением некоторых слухов, никаких докладов об их деяниях не было, немес Натиоле. Ситуация тогда была сложной, и ваш отец наверняка сможет подтвердить это вам. Были преследования, священников убивали. Сообщения из Влахкиса были полны противоречий.

— Противоречий! — передразнил его Натиоле. — Ваш орден слушал поджигателей войны. Вы не хотели верить тому, что говорили вам простые влахаки!

Корнелю стоило немалых усилий оставаться спокойным. Он с достоинством скрестил руки за спиной и поднял подбородок.

— Вполне возможно. Как я уже говорил, тогда ситуация была сложной. Для всех нас. Но даже ваша тетя, воевода Ионна, никогда не упрекала мой орден в том, что произошло в монастыре Стариг Яцек.

— Потому что она хотела мира; и уж точно не потому, что доверяла вам и вашей проклятой вере, — холодно возразил Натиоле.

Принц Ионнис, который тоже встал, примирительно положил брату руку на плечо, но немес Натиоле зло дернул головой и с силой сбросил руку.

Только воеводе удалось несколькими тихими словами, сопровождавшими грозный взгляд, заставить сыновей снова занять свои места.

— Я не могу судить о том, какими были побуждения воеводы. Даже если я уже тогда был членом Альбус Сунаса, я не знал ее лично. Но ваша мать позволила моему ордену вернуться во Влахкис...

— С обязательствами, — перебил его Натиоле, на что Корнель согласно кивнул.

— С обязательствами, которые мы неизменно соблюдаем. Мой орден отверг предателей из Стариг Яцека и запретил практику подобного рода. Некоторых уже нет, и мы все готовы отвечать за последствия, но это не отвечает на мой вопрос касательно мотивации этих... троллей.

На этот раз Натиоле не ответил. Корнель видел гнев принца. Весь его облик был буквально исполнен ярости. Принц Ионнис тоже помрачнел, но молчал. А тролли хоть и прислушивались к их разговору, но Корнель не смог разглядеть понимания на их лицах.

— Действительно, вопрос справедлив, — тем временем констатировал воевода и снова повернулся к троллю. — Керр, а ты можешь объяснить нам, почему тебе все это так важно?

Создание помедлило. Оба его спутника отошли от света назад в тени между колонн, где они затаились, словно ночные кошмары.

— Это важно для троллей. Для всех троллей, для ветви Анды тоже. Я думаю... я надеюсь, что мы сможем усмирить Дух темноты. Что это сделает проще нашу жизнь. Я давно знаю, что его дыхание — это наше биение сердца. Я хочу исцелить его.

Пока другие члены совета слушали слова тролля, кивая, Корнель громко вздохнул и покачал головой. Объяснение было таким же бессмысленным, каким его и можно было ожидать от создания темноты, но другие, казалось, приняли его. Вместо того чтобы чтить Божественный свет, они следовали переплетающимися, неправильными путями в темноту, придавая словам тролля больше веса, чем словам священника.

— Винтила, ты знаешь о том, где находится копье? Ты слышал что-нибудь о нем? — поинтересовался Стен, но старый прорицатель только покачал головой и со вздохом снова опустился на стул.

— Тогда мы едва ли сможем помочь вам, — опечаленно продолжил Стен. — Эти события произошли давно, и многое забыто.

Корнель ощутил облегчение. Скорее всего, влахаки, хоть и не благодаря правильной вере, а только лишь фактам, в конце концов будут вынуждены прислушаться к голосу разума.

— Артайнис может что-то знать об этом! — внезапно крикнул Ионнис. — О том, что мы утратили, может быть известно в Дирии.

С громким вздохом Корнель тоже сел. «Тролли, дирийская девочка, слепые влахаки! И почему в этой каше оказался именно я?»

12

Судя по неуверенным и беспокойным движениям, Воиса нервничала. Еще бы: быть вызванной к воеводе посреди ночи... Это выглядело в ее глазах чем-то ужасным. По всей видимости, девушка лихорадочно перебирала про себя, какие ошибки нужно было совершить, чтобы спровоцировать подобное происшествие. Артайнис же, наоборот, была скорее заинтригована, чем испугана. С одной стороны, поведением Воисы, с другой — раболепным поведением посланника, который принес ей весть и теперь ждал за дверью. Во Влахкисе ночь с ее темнотой означала конец любой деятельности; а вот в золотой империи это нередко было только началом самых интересных событий. В Дирии дни часто были настолько жаркими, что их заполняли лишь отдых и трапезы. Соответственно, те, кто мог это позволить себе, переносили свою деятельность на вечер и ночь. Свет был проблемой только для беднейших из бедных. В кругах Артайнис ночь сияла так же ярко, как день.

Так как Воиса была слишком медлительна, дирийка и влахака совместными усилиями уложили кипасис, а волосы Артайнис уложила сама. Мысленно она снова отругала себя за то, что перед отъездом решила не брать с собой слуг. Тогда она решила, что так заставит отца испытывать угрызения совести и отчетливо покажет ему, что воспринимает поездку в отдаленный Влахкис как ссылку. Однако постепенно она начала понимать, что таким образом наказала только себя. «Наверное, поэтому папа так насмешливо улыбался и таким елейным голосом говорил мне, что все сопутствующие обстоятельства будут чисто моими проблемами. Ха!»

Неожиданно девушка позади дирийки всхлипнула. Артайнис удивленно обернулась к ней, но Воиса отступила на шаг и закрыла руками лицо.

— Воиса? Что случилось? — мягко спросила юная красавица.

— Я... воевода... я, — запинаясь, бормотала горничная, и по ее лицу катились слезы.

Почти с мольбой она протянула руки к Артайнис, словно влахаке грозило утопление и только золотоволосая госпожа могла спасти ее.

Артайнис украдкой глянула на дверь. «О святая Агдель! Надеюсь, у этого посланника достаточно терпения».

— Спокойно. Расскажи мне, что произошло. Ведь все хорошо.

— Праздник... Он был таким... милым. И он сказал, что взберется ради меня на самые высокие горы... — всхлипывала Воиса между рыданиями, но Артайнис перебила, так как ей стало любопытно:

— Что? Воевода?

— Нет! — взвизгнула юная горничная так резко, будто села на ежа, при этом бедняга сильно трясла головой, и Артайнис испугалась, как бы влахака не свернула шею. — Михалес. Он — солдат, здесь, в крепости.

— Юноша с локонами? Который всё время ошивается во дворе? — спросила дирийка.

— Он всегда ждет меня, — гордо ответила Воиса, только чтобы затем снова разрыдаться.

Ее плечи сильно тряслись, когда она с трудом вдыхала и выдыхала.

Артайнис осторожно подошла к девушке и взяла ее за руку, но при этом следила за тем, чтобы слезы глупышки не оставили пятен на кипасисе.

— Милый юноша с темными локонами строил тебе глазки, и на празднике?..

— Было весело. Все смеялись и танцевали. Я выпила вина и тоже танцевала. И он позвал меня на стену и показал мне город, а потом...

Артайнис, улыбаясь, гладила ее по спине. «Девичество уже, наверное, осталось позади».

— Это было плохо? Или это было прекрасно?

— Это было прекрасно, — прошептала влахака.

— А после того он уже не ждет тебя во дворе?

— Почему, ждет.

— Почему ты тогда плачешь?

— Воевода. Он позвал вас, потому что знает об этом. Он отошлет меня прочь.

Артайнис попыталась объединить для себя образ улыбающегося Стена с образом Стена, разгневанного из-за любовных походов девушки... или стражника, но у нее ничего не получилось. «Я не могу себе даже представить, чтобы воевода так сильно вникал в подобные вещи». Но кто мог знать наверняка, какие нравы царят в этой варварской стране? Возможно, были предписания, о которых она не знала. Может быть, воинам воеводы не разрешалось делить постель с кем бы то ни было. Или только с определенными женщинами... Или они должны были сначала получить согласие своих многочисленных духов?

— Воевода позвал меня по совсем другим причинам, — уверенно заявила Артайнис. — Не из-за тебя. Сейчас ты снова ложись и перестань волноваться. Тебя не отошлют, и с твоим Михалесом ничего не произойдет. Мы подумаем об этом завтра, а сегодня ночью ты не должна бояться. Понятно?

Воиса с благодарностью кивнула и попыталась выдавить робкую улыбку. Артайнис убрала пряди волос с ее лица.

— Ты такая красивая, ты не должна лить слезы. Я скоро вернусь.

С этими словами она оставила горничную и открыла дверь. Посланник не повел и бровью, когда увидел ее и чопорно спросил:

— Следуйте за мной, пожалуйста.

— С удовольствием, — ответила она с невинной улыбкой.

Его лицо осталось бесстрастным. И у Артайнис появилось подозрение...

— Если ты расскажешь кому-нибудь хоть слово из того, что только что, возможно, услышал, я подмешаю тебе в еду яд, который отнимет у тебя всю мужскую силу.

Мгновение посланник ошеломленно медлил, но затем двинулся вперед, опустив голову.

— Я ничего не слышал, — наконец пробормотал он, на что она ответила:

— Тогда ладно.

И в раздумьях отправилась следом. На родине она, несомненно, была бы осторожнее, если бы хозяин дома позвал ее себе в такой поздний час. При других обстоятельствах она приняла бы во внимание то, что у воеводы был к ней некий личный интерес. Но здесь такая перестраховка была излишней, это было не в духе Стена — пользоваться своим положением властителя для каких-то низменных целей, тем более что его чувства к ней были скорее отеческим расположением, в этом она была уверена. Мысли Артайнис вернулись к Воисе, которая так сильно беспокоилась из-за такого маленького промаха. Конечно, поверить сладким речам первого встречного кавалера было не очень умно. Однако Михалес не казался юной дирийке прожженным ловеласом. Напротив, он был скромным, и она уже не раз умудрялась вогнать его в краску простым вопросом, он даже заикаться начинал. Потому вполне может быть, что его намерения были абсолютно серьезны. «А если нет... Ей понравилось. Ему, наверное, тоже. Так что все хорошо. Почему во Влахкисе даже такому маленькому любовному приключению придают столь большое значение? Варвары!»

Когда слуга ввел ее через вестибюль в большой зал, она была поражена: на такое собрание людей дирийская гостья не рассчитывала... А затем... Ее взгляд упал на существ, которые замерли в задней части зала, и у нее перехватило дыхание. Она сразу же поняла, кто

перед ней. Все-таки это ее отец написал трактат о троллях. Но читать описания — одно, а видеть живьем этих огромных необыкновенных существ — совсем другое! Один из них был почти в три шага ростом, а двое других и того больше. Люди за столами на их фоне казались почти гномами.

— Артайнис, надеюсь, мы вас не разбудили? — спросил Стен, поднимаясь со своего места на другом конце зала.

Рядом с ним сидели Ионнис и Натиоле. Оба принца сразу же обернулись к ней. Ионнис подарил ей быструю улыбку, и ее сердце забилося быстрее. Радость юноши при виде дирийки была очевидной. Такой же очевидной была неприязнь на лице Натиоле.

— Нет, я еще не спала, — заявила она и медленно направилась мимо столов к воеводе.

Свечи и лампы с маслом были зажжены лишь в передней части зала. В задней части между колонн царила темнота, скрывавшая двоих троллей. Третий стоял впереди, прямо возле Стена, и, как показалось Артайнис, смотрел на нее с дружелюбным любопытством, хотя она и не была уверена, правильно ли ей удалось истолковать выражение его глаз. Она спросила себя, была ли его кожа, напоминавшая камень, столь же твердой.

— У нас появились вопросы по истории вашей родины, на которые никто из нашего круга не смог ответить, — громко заявил воевода. — Поэтому мы позвали вас. Все, кого вы здесь видите, входят в мой совет. Тролли — наши гости.

Воевода начал перечислять членов совета. Уже после нескольких имен Артайнис потеряла способность запоминать и каждый раз только дружелюбно кивала, когда представляли следующего вельможу. Девушка периодически посматривала на троллей, вид которых завораживал. Ее впечатляла не столько экзотичность, сколько почти ощутимое физическое давление от одного только присутствия. Эти существа занимали место. Сознательно и гордо. И они излучали ощутимую силу и самоуверенность.

Ее отец иногда рассказывал о своих встречах с троллями, многочисленные дети Саргана с большим удовольствием слушали жуткие истории о клыкастых людоедах. Прикладывая пальцы ко лбу, отец изображал рога и бегал за визжащей толпой, фыркая и рыча, только чтобы затем позволить им побороть себя, падал на пол, а дети превращались в могучих героев из сказаний. При этих воспоминаниях Артайнис не удержалась от улыбки, и наконец Стен закончил представление.

— Надеюсь, меня простят, что я не смогла запомнить сразу все имена, — сказала она с кокетливой улыбкой, на которую многие ответили.

— Я уверен, что никто не упрекнет вас в этом, — вмешался Ионнис. — Совет за последние годы сильно разросся.

Мгновение она наслаждалась своей способностью располагать к себе всех присутствующих. Но потом она перехватила мрачный взгляд Натиоле и скорректировала свою оценку. «Почти всех присутствующих».

— Но я хотел бы также представить вам и троллей, Артайнис. Это Керр, старый друг. Двух его спутников зовут Врак и Цран.

Артайнис с любопытством подошла к троллю. Несмотря на его впечатляющий вид, он казался неагрессивным. Он был почти в два раза крупнее Артайнис, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не провести рукой по его грубой коже и не попробовать, какая она на ощупь. Даже запах был почти осязаемым, проникающим и земляным.

— Рада встретиться с вами, — честно заявила юная дирийка. — Я так много слышала о троллях.

Где-то в сумерках за Керром раздалось сопение, но огромный тролль не стал отвлекаться на него. Он осторожно наклонился к ней, и она услышала, как он потянул воздух своим широким носом.

— Ты пахнешь, как полугном, — прозвучал неожиданный вердикт, отчего Стен разразился неудержимым приступом смеха.

Артайнис растерянно взглянула на воеводу, который в самом деле хохотал как мальчишка.

— Я не понимаю... — сказала Артайнис.
— Ваш отец. Некоторые тролли называли его так.
— Ты пахнешь, как он, — уверенно констатировал Керр. — Как полугном. Но ты больше.

Не уверенная в том, не стала ли она объектом коварной шутки, Артайнис прищурилась.
— Полугном? Мой отец?

Она почувствовала, как к горлу поднимается смех, и, когда Стен кивнул, она чуть не поддалась чувствам. Но вместо этого она коротко задержала воздух. Весь гнев на тролля и его странное поведение был забыт. «Полугном! Превосходно! Я не могу дождаться, когда вернусь домой. Папа всегда отрицает, что я уже на целую ладонь выше него».

Пока она раздумывала над тем, лучше ли будет сразу во время приветствия обратиться к Саргану этой кличкой или мягко шантажировать своим новым знанием, Стен сказал:

— Надеюсь, это не вызовет никаких проблем в семье.

— Нет, — солгала Артайнис и сладко улыбнулась. — Ни в коей мере. Мой отец просто забыл упомянуть эту деталь в своих путевых заметках.

— Мне кажется, что он охотно упускал одну-другую деталь. Он очень... скромный.

Артайнис внезапно осознала, что на нее и воеводу смотрят члены совета, и постаралась взять себя в руки. Ее маленькая месть отцу за поездку — это одно, но демонстрировать чувства в обществе... Она виновато потупила глазки.

— Мой отец действительно может быть очень скромным. Но его первая мысль всегда посвящена благополучию других.

Казалось, будто воевода хочет еще что-то сказать, но Керр опередил его:

— Копье?

— Да, правильно, копье, — согласился с ним Стен, затем снова повернулся к юной дирийке: — У нас есть одна легенда.

Она внимательно выслушала рассказ воеводы. Это была печальная история, в которой дирийцы, с точки зрения влахаков, выступали не в лучшем свете.

Воспоминания о годах захвата империей причиняли влахакам боль. Артайнис часто замечала, что их сердца наполняла труднопостижимая смесь гордости и печали, глубокая меланхолия, пропитанная пылающим чувством собственного достоинства.

Когда Стен закончил, он с надеждой посмотрел на нее. Все присутствующие, включая троллей, по всей видимости, очень надеялись на ее ответ.

Вначале она немного откашлялась и была сама удивлена, насколько сейчас ей тяжело говорить.

— Время, когда Влахкис был провинцией моей родины, любят называть *золотым веком*. Но не только поэтому, — поспешила уверить она, — а потому что империя тогда значительно увеличила свою территорию и много прекрасных художников и ученых со всех концов мира устремились в Дирию. Я знаю, что когда Влахкис взбунто... я имею в виду, вернул себе свободу, на золотом троне сидел император Аркидес, седьмой по имени.

Если бы Ионнис в этот момент не подмигнул ободряюще, она бы покраснелась. «Проклятая нервозность».

— Его сын, принц Аркидес, погиб во Влахкисе, и его тело провезли через Соркаты в Колхас. Там он был положен в гроб для торжественного прощания. Его отец был вне себя от горя и велел построить мавзолей для своего любимого сына, который он...

Ее голос замер, пока она откашливалась. Потом она внутренне заставила себя продолжить речь:

— ...который он возжелал наполнить костями убийц сына.

Артайнис ожидала криков, ну, как минимум, смятения, но никто не проронил ни слова. Она растерянно запнулась и заморгала, пока Керр не спросил:

— Я не знаю, что такое мавзолей. Но что с копьем?

— Если оно еще существует, то только в том мавзолее. Аркинес, седьмой по имени, не дал священникам богини Агдель провести необходимые ритуалы и передать тело богине. В

своем горе он запирался в мавзолее, оставаясь наедине с мертвым сыном. Он никого не подпускал к телу. Священники предрекли ему гнев Агдель и объявили, что император наказан богиней сумасшествием. В любом случае, Золотой Император велел запечатать мавзолей, после того как туда было отнесено все мирское имущество юного принца.

— И? — спросил Натиоле с холодной издевкой в голосе. — Ваша богиня наказала вас и вашего непослушного императора?

Артайнис сердито глянула на него сверху вниз.

— Аркидес, седьмой по имени, так и не оправился от удара судьбы. Он был слабым регентом, примеру Влахкиса последовали и некоторые другие провинции, и в течение нескольких столетий империя продолжала уменьшаться, варвары на границах жаждали золота и крови моей родины. Возможно, это действительно был гнев Агдель, который богиня ниспослала на империю из-за еретика-императора.

— Конечно, об этом не может судить ни один смертный, — миролюбиво вмешался Ионнис.

— По крайней мере ни один смертный, который больше не знает, где его корни, — пробормотал Натиоле, чем вызвал строгий взгляд воеводы.

Артайнис почти неохотно перевела взгляд с принца на крупное существо перед ней. Тролль все еще смотрел на юную дирийку. Его брови сошлись на переносице, словно он раздумывал над важными вопросами. «Для него, наверное, совсем не просто понять человеческую историю», — подумала она.

— Копье на твоей родине? — наконец медленно и осторожно поинтересовался Керр.

Артайнис, раздумывая, склонила голову к плечу.

— Этого я точно не знаю, — честно ответила она. — Но если оно вообще существует, то только там.

— Тогда мы идем туда, — констатировал тролль, и его слова прозвучали непоколебимо, словно это была неоспоримая истина.

13

Атмосфера в маленьком помещении накалилась до предела. Большая часть советников, к этому времени уже удалилась. Но, возможно, именно это и стало причиной... Воевода перевел заседание в маленький зал, когда стало ясно, что для дальнейшего обсуждения необходимо присутствие лишь некоторых членов совета. Большинство советников, несмотря на возбуждение, вызванное появлением троллей, охотно воспользовались возможностью вернуться наконец в теплые кровати.

Тролли, естественно, остались, а также Стен, его сыновья, Винтила, Корнель и даже Артайнис, которая подперла щеки руками и, казалось, вот-вот заснет.

Еще в маленьком зале остались Раяв, старый вояка, который дослужился до оружейника воеводы, и Риклеа, бывшая управляющая в Дабране, которая была приближенной советницей Стена, хотя уже несколько лет не занимала никакой официальной должности.

Взгляды троллей время от времени обращались к Корнелю, который стоически переносил их. Священник, как казалось Натиоле, напоминал статую, бесчувственную и холодную. Только когда он говорил, в его голосе и словах сквозило очевидное отвращение.

— Мне кажется неразумным участвовать в таком рискованном деле. — Корнель как раз заканчивал речь. — Ведь все наши обязательства перед ними давно выполнены?..

Чудовищное существо, которое Стен назвал глубинным троллем и которое постоянно держалось в тени, громко фыркнуло. Слуги зажгли совсем немного свечей, и тем не менее существо не подходило к круглому столу, за которым сидели влахаки. Однако сейчас оно сделало шаг вперед, хотя было такое впечатление, будто тени не хотели отпускать его и окутывали словно покрывало. Глубинный тролль возвышался над всеми, его рога доходили почти до потолка, облик был угрожающим.

Краем глаза Натиоле заметил, как рука Раява дрогнула на волосок в сторону меча. Ветеран сражался во всех битвах влахаков, два раза вместе с троллями, и тем не менее Натиоле почувствовал страх опытного воина. Волосы Раява поседели, он коротко подстригал их вопреки обычаю влахаков, лицо было изборождено морщинами. Но его глаза были все еще такими же зоркими, хотя сейчас они были расширены, словно он в любой момент ожидал нападения. «Он остался, чтобы защитить отца, — понял юный влахак. — Он не доверяет этим существам». Натиоле тоже напрягся. Одного взгляда на чудовище было достаточно, чтобы по спине побежали мурашки. В этих черных глазах читалось такое презрение ко всему человеческому, что оно было почти осязаемо физически.

— Ты, человечешко, несешь чушь, — прорычал глубинный.

Разум Натиоле отказывался называть его по имени. Это... нечто не было личностью, оно было чудовищем, сила природы на двух ногах, нечто подземное, что не могло иметь имени.

— Врак, — подскочил Керр. — Дай ему сказать.

— Почему?

— Потому что... — начал было Керр, но потом беспомощно опустил руки и скривился. — Потому что люди... так делают.

— Мы — не люди. Мы — тролли!

Эти слова отозвались эхом в маленьком зале. В них четко слышалась неукротимая гордость, при виде которой все другие расы становились ничтожными. «Он говорит: „Мы — тролли“, но имеет в виду: „Вы все только грязь“».

— Это я знаю. Тем не менее нам нужно поговорить. Стен предоставил нам убежище. Там есть мясо и темнота. Хочешь там подождать?

— Что? Один?

По выражению лица этого существа было видно, что ему явно не нравится такое предложение. Внутренне Натиоле уже приготовился к еще одному взрыву, но глубинный тролль пробурчал что-то.

— Цран, хочешь пойти с ним? — обернулся Керр к третьему троллю, который до сих пор стоял в стороне.

Тот молча пожал плечами.

— Раяв, отведи, пожалуйста, наших гостей в их... жилье, — попросил Стен и коротко улыбнулся воину.

Седовласый воин с выражением абсолютной преданности на лице кивнул и в соответствии с приказом повел обоих троллей из зала. Одну часть хранилища в подвале разгрузили, чтобы сделать пребывание в Ремисе удобным для троллей, насколько это вообще возможно. Натиоле не завидовал прислуге, которой приходилось заботиться о потребностях гигантов, так как запах этих мощных существ уже сейчас заполонил полкрепости. А в подвале было и вовсе невыносимо.

Но по крайней мере, с уходом глубинного тролля частично исчезло безотчетное ощущение опасности, которое до сих пор отравляло встречу. Было видно, что и Керр не питает особой симпатии к Корнелю, но, во всяком случае, он казался более собранным и цивилизованным, чем его спутники. «И они слушают его. Удивительно».

— Он был не прав, — категорично заявил Керр, когда оба тролля исчезли.

И только после того, как гигант указал на священника, Натиоле понял, что тролль имел в виду не своего спутника, а человека.

— Вы нам ничего не должны, и мы вам ничего не должны, — спокойно продолжил тролль. — Это правильно. Но это никакое не рискованное предприятие, мы просто просим о помощи. Даже если Врак никогда не признает этого.

При последних словах он оскалил зубы. Но Стен, по всей видимости, расценил это как дружескую гримасу, так как он улыбнулся и сказал:

— Он напоминает мне Парда.

— Ха! — тролль весело хмыкнул. — Услышать такое никто из них не захотел бы!

— Это и есть рискованное предприятие, — снова вмешался Корнель.

Прежде чем кто-то успел сказать что-то, священник встал и разгладил свое белоснежное одеяние. Казалось, что оно светилось даже в слабом сиянии свечей. «Надменный, высокомерный фат», — сердито подумал Натиоле, и по мрачному взгляду Винтилы понял, что старый прорицатель думает то же самое.

— Объясни, пожалуйста, — ответил воевода, указав взглядом на Керра, который молча слушал.

— Я не говорю об опасностях такой поездки. С этим можно справиться. Нет, меня волнует нечто большее. Золотая империя могущественна, и, вероятно, ей дела нет до подземных жителей, тамошние граждане слабо разбираются, кто такие тролли. Особенно такие, как Вранк, или как там его зовут.

— Врак, — поправил его Керр.

— Как бы то ни было, мы, влахаки, ведем торговлю с империей, точно так же как и Ардолия на востоке. В нашу казну течет золото, мы получаем много важных товаров. Нам не следует рисковать хорошими отношениями, выступая союзниками таких существ, появление которых, возможно, не будет приветствоваться в Дирийской империи.

Стен собрался было дать ответ, как вдруг Артайнис тихо рассмеялась. Натиоле удивленно посмотрел на юную чужеземку и увидел, что та вовсе не думала спать, а внимательно следила за обсуждением.

— Вообще-то мы не настолько недружелюбны по отношению к гостям, — заявила она и зевнула, манерно прикрыв рот маленькой ручкой. — Даже троллей мы можем встретить как гостей. Моя родина — большая. И полна чудес. Мы знаем много необычных народов. В Колхасе можно увидеть людей со всех концов мира...

— Да, — грубо перебил ее Корнель. — Людей. Но мы говорим о троллях, дитя мое. Которые в два раза больше человека, с длинными клыками и рогами. Которые не привыкли к жизни на поверхности, где их легко рассердить. Этому Врану даже здесь тяжело держать себя в руках. А вы подумайте, что он может сделать на вашей родине!

— Он будет делать то, что я ему скажу, — твердо заявил Керр.

Все посмотрели на тролля, который скрестил руки на груди.

Натиоле глянул на Артайнис и увидел гневные искорки в глазах юной дирийки. Но она смолчала и даже улыбнулась, когда Корнель к ней повернулся.

— Ваши сомнения веские, — констатировал Стен. — Но Керр пришел к нам как друг, с просьбой. Я не могу отказать ему только потому, что он — тролль. И опасность, о которой вы говорите, кажется мне не настолько большой, чтобы отказать другу и союзнику.

— Как скажете, воевода, — ответил с поклоном Корнель и сел.

Священник прекрасно владел собой. На его лице не дрогнул ни единый мускул, ни одна клеточка не выдала его чувств, хотя Натиоле был уверен, что тот рассержен и подавлен.

С враждебной улыбкой, обращенной в сторону священника, юный принц кивнул:

— Ты прав, отец. Мы должны помочь троллям.

— Нам нужен проводник. — Голос Керра рокотал в помещении, от этого звука руки Натиоле покрылись гусиной кожей.

Голос тролля вызывал чувство паники, юноше отчаянно хотелось сбежать, и Натиоле ненавидел себя за эти моменты слабости.

— Вы его получите, — ответил воевода и задумчиво взглянул на стол.

Неожиданно поднялся Ионнис:

— Отец, разреши поехать мне.

— Ты хочешь отправиться с ними? — спросил Стен.

И Натиоле не смог понять, что при этом послышалось в его голосе: то ли удивление, то ли радость.

— Да. Я знаю перевалы, мне известен маршрут. Я долго жил в империи. Меня там знают, к тому же, если с троллями приедет сын воеводы, это придаст их просьбе больше веса.

Тон, каким говорил Ионнис, не понравился Натиоле. Его брат говорил быстро, словно хотел убедить Стена количеством слов, а не их содержанием.

Воевода задумчиво потер подбородок.

— Я не уверен, хорошая ли это идея, — наконец протянул он.

— Ты можешь дать мне официальные бумаги для наших друзей в империи. Меня не будет всего лишь одно лето, и я вернусь домой еще до наступления зимы.

— Я охотно отправлюсь в путь с твоим сыном, Стен, — осторожно заявил Керр. — Это будет как воспоминание о старых временах...

— Ты будешь нужен здесь, Ионнис, — вмешался Стен, но младший принц Влахкиса отмахнулся.

— Натиоле же здесь.

Неожиданно Натиоле понял, что он сам слишком пассивен. Вокруг него разворачивались события, а он позволял им просто... происходить. Даже не вмешиваясь, не принимая в них участия. «Это недостойно будущего воеводы!»

— Я согласен с Ионнисом, — заявил он. — Он не понадобится срочно, и его присутствие поможет троллям. К тому же новая поездка станет еще одним доказательством доверия для дирийцев. Возможно, Артайнис сможет сопровождать его?

С надеждой он взглянул на золотоволосую дирийку. При его словах лицо девушки просветлело и она выпрямилась. Перспектива вернуться на родину преобразила ее, и она улыбнулась Натиоле, но тут же поникла, когда Стен рассмеялся.

— Нет, такого Сарган мне никогда не простит. Я обещал ему... нет, так не годится. Но если вы оба уже объединились против меня, то, наверное, теперь нет выбора, да? Ионнис, ты поведешь троллей в империю.

— Спасибо, отец.

Ионнис, улыбаясь, откинулся на спинку стула, и Натиоле тоже был доволен. «Несколько месяцев спокойствия без Ионниса будут очень приятны. Только жаль, что не удалось сразу избавиться и от этой дирийской чумы».

— Тогда решено, — пробурчал Керр и потянулся. — Я пойду к остальным и сообщу им.

Прощание с троллем не было особенно теплым, но это, казалось, не беспокоило его. Двое солдат сопровождали гиганта в подвал, в то время как Стен обратился к молчаливой Риклее:

— Подготовь, пожалуйста, все для их отъезда. Дюжины воинов должно хватить. Чем скорее они смогут отправиться, тем лучше.

Влахака молча кивнула и поднялась. Ее простое голубое одеяние доходило до лодыжек, скрывая ужасный шрам на ноге, который Натиоле однажды ребенком заметил у нее. Тогда Риклеа выглядела моложе. Со временем, возраст взял свое, хотя причиной ее медленной походки и прихрамывания было ранение в битве влахаков, а не годы. Когда объединенные войска Флорес и Тамара сбежали на юг, Риклеа осталась в Дабране с несколькими верными людьми. Тогда масриды не пришли, но влахакские дезертиры, которые считали битву безнадежной, попытались разграбить Дабран. Риклеа защитила город и при этом получила ранения, которые искалечили ее ногу. Влахака продолжала службу управительницей в Дабране, пока после смерти Висинии Стен не позвал ее в Теремию. С этой молчаливой, замкнутой женщиной у Натиоле никогда не было теплых отношений, хотя он и был уверен, что та была смелым борцом за интересы влахаков.

— Завтра мы встретимся и обсудим план поездки, — сказал Стен. — А сейчас мне нужно хоть немного вздремнуть. И я думаю, что это не помешает всем нам.

Люди расходились, тихо переговариваясь, и Натиоле вышел из маленького зала в значительно лучшем настроении, чем входил в него, но, прежде чем он добрался до лестницы, ведущей в жилые помещения, к нему присоединился Ионнис.

— Я не мог и подумать, что ты меня поддержишь.

— Почему нет?

— Потому что ты не переносишь империю и всегда упрекал меня в том, что я отношусь к ней по-другому.

— Возможно, — усмехаясь, сказал Натиоле. — Я решил так: лучше Ионнис, чем я.

— Как будто отец отпустил бы тебя в путешествие.

Смех младшего брата зацепил Натиоле, и он резко остановился.

— Что?

— Наследника престола? В небезопасное путешествие? Нет, такого не может быть. Я здесь не нужен, ты — другое дело.

Не уверенный в том, издевается брат или просто завидует, Натиоле поморгал, а потом ответил:

— Я все равно отказался бы. Мне не хочется в империю. В *отличие* от тебя.

Ионнис промолчал и пошел вперед, оставив Натиоле наедине с мрачными мыслями.

14

Хотя в помещении, куда отвели троллей, царила абсолютная темнота, Врак все равно был недоволен. Дитя Анды беспокойно слонялось из угла в угол, царапало когтями стены и громко фыркало.

— Зачем они это делают?

— Что? — поинтересовался Керр, который сидел в углу, прислонившись к стене, и жевал большой сочный кусок мяса.

Цран сидел немного поодаль, под одним из низких сводов, и чем-то шумно чавкал. Охотнику тоже не нравилось это место, но он значительно лучше контролировал себя, чем Врак, который так сильно стучал кулаками в стену, что из кладки вылетала пыль и мелкие камушки.

— Они рубят скалу, ставят куски друг на друга. Вместо того чтобы просто заселять пещеры и жить в них. Они делают пещеры. Это неправильно.

Керр пожал плечами и покачал головой.

— Люди такие. Они строят вещи. У них невероятно много вещей. Как... лопаты, например. Ими копают землю. Люди слабые, поэтому им нужна помощь.

— Но они рубят камень. Зачем?

В голосе Врака слышалось непонимание. Во многих отношениях потомство Анды было еще более прямолинейно, чем остальные тролли. Их существование сводилось в основном к выживанию. Эта задача стояла во много раз острее, чем у троллей древних племен. Глубоко в душе Керр мог понять другого тролля.

— Они так защищаются. Их кожа тонкая, Врак, плоть слабая, а кости хрупкие. Здесь, на поверхности, много опасностей, и люди строят вещи, чтобы защититься.

Огромный тролль только засопел с презрением.

— Ты еще не сталкивался с таким, — объяснил Керр. — Когда с неба падает вода, или ветер дует так сильно, что вся вода замерзает, превращаясь в лед, или лед просто падает с облаков. На поверхности свои правила.

— Пещеры.

Керр, вздохнув, поднялся.

— Для пещер людей слишком много. Они повсюду. Их больше, чем можно себе представить. Они собираются группами, и им нужна вся земля под небом. Многие из людей даже не могут сражаться. Многие не охотятся. Лишь некоторые делают это для всех. Это... тяжело понять, как живут люди.

— Если они не сражаются, значит, должны умереть. Тот, кто слаб, — умирает.

— А ты оставишь раненого члена племени? Предашь свое племя?

— Никогда.

— Так и люди. Они заботятся друг о друге. Стен защищает свое племя. Кто-то приносит людям в каменные дома мясо, другие — одежду. Это все очень запутанно...

— Люди не такие, как мы, — возмущенно возразил Врак и ударил кулаком в грудь.

Неожиданно Керр вспомнил о сравнении Врака с Пардом мысленно улыбнулся. Из головы не шел образ мощного вождя, хотя Керр никогда не ощущал такого беспокойства рядом с Пардом, как он ощущает рядом с Враком. Великий тролль был другим. Да, он был великим охотником и опасным воином, но, несмотря на все, он был хитрым и расчетливым. Во Враке Керр этого не замечал. Слишком четко в нем прослеживался образ Анды, слишком сильно им владело темное дыхание мира. Керр чувствовал в своем сердце гордость Врака, его ярость, его жажду силы, но разум все время напоминал о Друане и о Парде, о необъяснимой силе души, которой они обладали. Они были сильны не только благодаря мощи своих тел, но и благодаря Духу, и никто из них не страшился смерти. Всю свою жизнь Керр пытался поступать подобно им, достичь их мудрости и силы. Они все еще были примером для него. Он охотно вспоминал их деяния и слова. Но сам он не был Друаном, а Врак не был Пардом.

— Нет... Они нет... Но это ведь хорошо, правда? Или ты хочешь, чтобы люди были, как мы?

Врак снова фыркнул, а затем коротко рассмеялся.

— Главное, что они не становятся нам поперек дороги.

— С тех пор как Стен и Висиния были на нашей родине, я не чуял внизу ни одного человека. Им не нравится подземный мир.

— Хорошо. Потому что я их вонь тоже не переношу. Весь этот металл. И огонь, — прорычал Врак и плюхнулся на пол.

Внезапно Керр отметил, что в воздухе появился новый запах. Дым. Люди часто зажигали огонь для света, но этот дым пах иначе. Это была лишь слабая нота, но скорее как горящее дерево, чем как масло или дрова или воск. К последним Керр уже давно привык. Они были неотъемлемой составляющей ночной жизни людей, как и темнота. Но такого огня Керр раньше не знал. Тролль растерянно втянул больше воздуха, игнорируя запах человеческих тел, их пота, тканей, которые они носили. Он отогнал прочь запах мяса, запахи пищи в крепости. Он сконцентрировался на новом запахе. Все больше в нем росла доля горящего дерева. Разогретого камня, горячей ткани, странные, неизвестные примеси.

— Что-то не так, — наконец сказал он.

Оба спутника сразу же глянули на него. По крайней мере он почувствовал, что их внимание теперь направлено на него.

— Битва?

Керр неуверенно пробормотал:

— Я не знаю. Ждите здесь. Я пойду узнаю. Но будьте готовы.

Он быстро скользнул к лестнице. Неосознанно он использовал тактику охоты. С его широкими ступнями было нелегко взбираться по узким ступенькам, но в конце концов он добрался до выхода. Запах стал интенсивнее и постепенно перебивал все остальные.

Дверь в подвал была закрыта, и мгновение Керр неуклюже нащупывал ее в темноте. В коридоре тоже не было света, но дыхание мира указало Керру дорогу. Пригнувшись, тролль побежал дальше. Что-то подгоняло его, он не мог выразить словами, что именно. Запах был слишком чужим, и он не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь слышал нечто подобное в мире людей. Он смутно напоминал коварное оружие гномов... Гномы иногда использовали огонь: горящую смолу или масло, которым тролли не могли ничего противопоставить.

Даже если крепость Ремис была построена из камня, Керр все равно чувствовал коридоры и ходы, размещение комнат и залов. За дверью в подвал находились комнаты, где готовили пищу. Пахло мясом и кровью, но Керр, не обращая на это внимания, промчался по мрачному помещению до двери, которая вела во двор.

Небо было затянуто прозрачными облачками, но они не затмевали серебряный свет луны. Словно белая слизь, он висел на Керре. Тролль глубоко вдохнул свежий ночной воздух. Запах исходил из самого большого здания, где-то над троллем. Теперь, под открытым небом, Керр неожиданно потерял уверенность том, что следует сделать. Как и

каждый раз, когда он поднимался на поверхность, небо пугало его своей бесконечностью. Ему не хватало крыши мира, которая всегда укрывала троллей в туннелях, успокаивающего ощущения тяжести и надежности. А неосязаемое бездонное небо с ветрами и облаками и все время меняющимися цветами не давало этого.

Троль почувствовал движение во дворе, позади себя, и резко обернулся. Человек испуганно отшатнулся. Женщина, одетая в кожу и металл, к запаху которой примешивался страх... Ее рука скользнула к мечу на боку, но она казалась неуверенной.

Очень медленно Керр поднял руки, чтобы показать ей что она не должна пугаться его.

— Я ничего не сделаю тебе, — тихо промолвил он, и женщина немного расслабилась. — Я что-то учуял...

— Я не хотела пугать тебя, — ответила женщина и откашлялась.

— Ты не испугала меня.

— А, хорошо.

— Да.

Так они молча стояли друг напротив друга. Разговоры с людьми часто приобретали такой оборот, и Керр за все время так и не смог придумать, как изменить это. Но он предполагал, что замолкали они из страха. Троль отреагировал бы иначе. Страх заставлял реветь, бушевать, сражаться. Страх нужно было победить. Только Стен и некоторые другие, кто довольно долго общался с троллями, был в состоянии понять это.

Женщина была не одна, как понял Керр. На крепостной стене сверху двигались еще двое людей, темные силуэты на фоне освещенного луной неба. Троль услышал тихий шепот — наверное, его неожиданное появление испугало стражей и там.

— Запах, — снова начал Керр. — Он странный. Я не знаю его. Он идет из... зданий. Вы что-то сжигаете?

— Сжигаем?

Женщина слегка наклонила голову и с удивлением посмотрела на тролля. Потом она осторожно понюхала воздух.

— Я не знаю ни о чем таком. Ты уверен...

Неожиданно она умолкла и посмотрела вверх, на главное здание. Ее глаза расширились от ужаса, и она закричала:

— Пожар! Пожар!

Керр проследил за ее взглядом и высоко наверху в здании увидел закрытые ставни, за которыми ярилось темно-красное пламя. Сначала он удивился, что этот огонь не был светлым, как обычно, но крики воительницы были подхвачены стражниками на стене, и уже скоро тревога разнеслась по всему двору.

За криками сразу же последовала реакция. Из окон выглядывали люди. Некоторые, пошатываясь, выходили из здания поменьше. Теперь Керр увидел: сквозь ставни просачивается темный дым. Сквозь некоторые окна уже прорывались жаркие языки пламени. Крики множились, толпа во дворе росла.

— Где? — прогремел голос Стена, немного успокоив людей во дворе. — Где горит?

— Там, наверху, — ответила воительница и указала вверх.

Стен сжал губы, и Керру показалось, что воевода побледнел.

Затем Стен крикнул:

— Принесите воды! Образуйте цепь с ведрами! Выведите всех из здания! Вперед!

Люди беспрекословно повиновались своему предводителю, хотя Керр и не мог понять смысла их действий. Толпа исчезла, разлетелась выполнять приказы.

— Отец?

Оказавшись в центре событий, Керр был ошеломлен, его ощущения спутались. Нос тролля был атакован бесчисленным множеством запахов, люди кричали и носились вокруг, все двигалось. Почти как во время сражения.

— Нати! Сюда! — крикнул Стен, когда сын вдруг появился в двустворчатых воротах главного здания.

— Что произошло? Где горит?
— В башне, — объяснил Стен. — Где Ионнис?
— Я не знаю. — Молодой человек беспомощно огляделся. — В последний раз, когда я его видел, он направлялся в свои комнаты.

Все посмотрели на окна. В этот момент ставни разлетелись и стену стали лизать жадные языки пламени.

— Он все еще там, наверху.

15

Мир открывался ему. Дреег пришел, отозвавшись эхом в его разуме и оставив в нем отпечаток всего, что было вокруг. Это были не просто картинки. Это был мир в формах и запахах, обладающий вкусом, удивительный, богатый, в котором звучал дреег. Не то чтобы он сильно нуждался в биении сердца. Его обостренные чувства указывали ему дорогу даже в непроглядном мраке. Непроглядной темнота была только для его глаз, но он не полагался на них. Они искали лишь света, а свет был его врагом. Чем меньше света, тем лучше. В темноте он был в безопасности; она окутывала, защищала. Никто из его врагов не мог сравниться с ним в темноте. Все они искали света, так как были слабы. Свет означал ненавистную слабость.

Другие чувства были надежнее, и они всегда открывали ему мир в гармонии с дреегом. Эти чувства не предавали его, как это делало зрение, когда свет был слишком ярким и слепил его. Он чувствовал скалы вокруг себя, мог услышать эхо своего дыхания, чувствовал сухой запах камня. Поблизости не было никого: ни врагов, ни добычи. Это не удивляло его; едва ли другие живые существа отваживались заходить сюда. Даже другие тролли обходили его, да и гномов он здесь еще никогда не встречал, хотя их грохочущие отряды все чаще перемещались по туннелям. При мысли о гномах он оскалил клыки. В его голове промелькнула картина — поверженные гномы, бегущие гномы, гномы, беспомощные в темноте. Тряхнув головой, он отстранился от этих мыслей. Они были бесполезны. Когда-то он снова будет охотиться на гномов, и это будет хорошо и правильно.

Туннель неизменно вел наверх. Скала сначала становилась более гладкой, потом снова шершавой. Ее запах менялся, приобретал острые нотки с металлическим привкусом. Это было место, в котором можно было встретить гномов, но они были достаточно хитры и не попадались ему. Приходилось признать за гномами и такое качество, как хитрость... И причина была не в том, что сюда постоянно приходило потомство Анды, а в мощном присутствии, которое они ощущали и которого боялись. И которое чувствовали все, даже обжоры и серяки. Здесь биение сердца было громким, а дыхание мира пронизывало все своей силой.

Ацот постоянно возвращался на это место. Он знал, что и другие поступали так же. Ему подражали: приходили сюда в одиночку... подобно охотникам и воинам. Они принимали опасности пути, преодолевали их или гибли. Он был первым, но стал не единственным. Возможно, все дело было в том, что он был непобедим. Он не проиграл ни одного боя. Еще никогда ему не приходилось быть поверженным другим троллем из ветви Анды, и уж тем более каким-нибудь троллем древних племен. Ацот редко тратил на это мысли; битва была для него так же естественна, как и победа. Но сейчас он спросил себя, было ли причиной его побед то, что младшие последовали его примеру.

Даже сам Ацот не смог бы объяснить, почему он снова и снова проходит этот путь. Здесь покоилась его сила; но все силы происходили из него самого и Анды. Было такое впечатление, словно его внутренняя сущность витала в этом месте, где все началось, даже если он и не мог догадаться почему.

Темнота звала его. Это все, что он знал. И этого было достаточно.

Там, в центре, билось сердце земли, и царила темнота, которая была сильнее, чем везде. Ацот приближался к ней. Он ощущал ее задолго до того, как попадал в пещеру. И причиной

был не только дреег, дыхание мира и его биение сердца. Он знал о *Духе темноты*. Люди так называли сердце. Имя пришло от людей, и имя было таким же слабым, как и они. Ацот невольно покачал головой, и его длинные грубые волосы цеплялись за кожу на спине. Сердце было все, и его биение было жизнью исконных троллей и жизнью потомства Анды. Только благодаря этому тролли выживали. Ацот был одним из первых, кого Анда призвала к себе. Он почувствовал ее гибель, и даже сегодня он уважал Парда за его победу. Но еще больше он уважал силу Керра, хотя этот тролль и не был столь мощным. Керр, тогда еще юный тролль, вошел в темноту. Более того, он вобрал ее в себя и двинулся дальше, чем смогла решиться сама Анда. Его сердце вобрало в себя дыхание мира, и его эхо все еще можно было почувствовать в нем.

Ацот мог ощущать и в себе силу и биение сердца, но Керр был больше, чем это. Его сила была не в теле, а в разуме, и Ацот ценил это. Пард и Керр вместе победили Анду, каждый по-своему, и Ацот научился этому. Когда Керр в дни охоты спустился вниз, в глубины, он напомнил Ацоту его самого. И поэтому Ацот не позволил детям Анды убить Керра. Страх молодого тролля был отчетливо слышен, но Керр восторжествовал над ним и доверил свою жизнь когтям своих врагов. Юный тролль снова был сильным. И когда они нашли его, его сердце говорило с ними и подтверждало правоту Ацота.

Перед охотником открылся туннель в вертикальную шахту, которая с одной стороны вела еще дальше в глубину, а с другой поднималась до самой поверхности. Там, наверху был каменный дом людей, где Анда, Пард и Друан много дреегов назад убили проклятых магов света и освободили сердце земли от их власти. Воздух доносил до Ацота далекий запах людей. В каменном доме снова жили люди, и это бесило тролля. Но Ацот пришел не из-за них.

Он ловко хватался за узкие выступы, вставлял когти в щели и лез вверх по стене. Ему было несложно преодолеть небольшое расстояние. Все тролли отлично лазали по скалам, Ацот не был исключением.

На последнем отрезке пути он неосознанно затаил дыхание. Дреег прошел по миру так громко и ясно, что Ацоту почти показалось, будто он услышал его собственными ушами. Сердце тролля забилося чаще, когда он вошел в пещеру, узнал клубящуюся темноту, которая изменялась быстрее, чем обычно. Образы цеплялись за сознание Ацота, картины войны, смерти и боли, но тролль бесстрастно сносил их. Сердце говорило с ним, как много дреегов назад оно говорило с Андой.

Это было подсознательное пение о боли и страдании, не облеченное в слова. Сердце ничего не знало о мире, не понимало его; слишком сильно оно терзалось собственной болью. И хотя Ацот делил с ним его боль, он оставался спокоен. Он мог понять мир, так как его жизнь была болью. Постоянная охота, бесконечное бегство, вечная война — все это смешивалось в биении сердца и эхом отдавалось в троллях, а особенно в потомстве Анды. Все они были детьми земли, созданиями его сердца, но Анда подошла ближе всех к истоку бытия. Она приобрела власть, силу и ясность взгляда, но заплатила за это свою цену. Вместе с силой сердца пришло страдание. Все тролли, которые не последовали ее призыву, чувствовали лишь тень того, что двигало Ацотом, его братьями и сестрами. Ощущали лишь отголосок того, что сделало Анду чудовищем. Все, кроме Керра, который шел обоими путями и поэтому мог понять...

На этот раз картины стали живее, красочнее. Что-то изменилось, словно спящий медленно просыпался, а его сны приближались к действительности, принимали ее. Сердце не всегда спало спокойно, Ацот знал об этом. Но он еще никогда не ощущал дыхание такой силы. Добавились беспомощность, ужас... Так мог чувствовать себя утопающий. «Или спящий, который не хочет просыпаться». В смущении, откуда к нему пришли подобные мысли, Ацот поднялся. Слишком сильно сердце влияло на него. Ему не понравилось это изменение, так как тролль вообще с недоверием относился ко всем изменениям. Неожиданно ему захотелось, чтобы с ним был Керр и они могли поговорить об этом.

На обратном пути он задержался в шахте. Слабый сквозняк донес до него звуки пения,

искаженные многочисленным эхом. Люди на холодной поверхности пели, и Ацот стоял в шахте и с неудовольствием прислушивался.

16

Вид огня парализовал Натиоле. Он знал, что должен сделать что-то, но ни один мускул в его теле не двигался. Юноша застыл не от страха. Чудовищная мысль зародилась в его разуме; мысль, которую он сразу же возненавидел, за которую он презирал себя. «Возможно, Ионнис мертв». Такие мысли никогда не забываются, и от них невозможно избавиться, как сильно этого бы ни хотелось. Благодаря этой мысли он осознал, кто он на самом деле: не хороший, благородный герой из легенды, а всего лишь Натиоле, сын великого отца и брат любимого сына. «И жалкая, ханжеская сволочь».

— Там есть кто-то наверху? — спросил тролль.

Его голос звучал глухо, но вырвал Натиоле из темной дыры, в которую он неожиданно провалился.

— Ионнис, — прошептал Стен.

У воеводы, казалось, перехватило дыхание. Натиоле еще никогда не видел отца таким растерянным. Неожиданно он увидел, насколько постарел отец, как жестоко обошлись с ним годы войны и лишений. Уважаемый предводитель влахаков превратился в обычного человека — отца, который боится за сына.

Не в состоянии ясно мыслить, Натиоле устремился вперед. Он лихорадочно проталкивался сквозь толпу снующих по двору людей. Паника и беспокойство больше не касались его, и принц запрыгнул на ступени к дверям. Позади него отец прокричал что-то, потом тоже ринулся вперед, но Натиоле почти не обращал на это внимания. Внутри здания было спокойнее. Хотя здесь люди тоже носились взад-вперед, их движения были более целенаправленными. В их мрачных лицах он видел решительность и упрямство, словно во время сражения. Большинство были солдатами, одетыми лишь частично, без доспехов или оружия, но тем не менее готовыми принять бой с огнем. Они образовали цепочку с ведрами, напоминавшую линию фронта. Натиоле прорвался сквозь нее и помчался дальше, к следующей лестнице. Возможно, они что-то кричали ему, возможно, не обращали внимания, он не мог сказать.

Воздух на лестнице был на удивление прохладным. Сквозняк тянул снизу вверх, мягко ероша волосы Натиоле. О безумной пляске пожара свидетельствовали крики и пока еще отдаленный треск горящего дерева. Теперь юный влахак тоже чувствовал запах горелого, дерущий горло, запах, означающий тепло и родину, но также и смерть, как сейчас.

Он взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступени. На площадке над ним стояло трое солдат, двое мужчин и одна женщина. Воительница отирала пот с грязного от сажи лба, оба ее товарища кашляли, да и у Натиоле грудь тоже свело.

— Как дела? — сдавленно спросил Стен, который, как оказалось, по пятам следовал за сыном.

По лицу воеводы струился пот, дыхание было прерывистым.

— Дальше никак, вецет, — категорично заявила воительница. — Пробыться невозможно.

— Нам нужно наверх, — беспомощно сказал Натиоле. — Мой брат...

Он увидел сочувствие в их глазах, но они покачали головами.

— Мы пытались. Слишком много дыма. И прямо над нами горит.

— Нет. Нет. Я не могу допустить этого.

Стен поднял руки в почти умоляющем жесте, словно хотел сделать так, будто подчиненные и не произносили никогда этих слов.

Натиоле скептически смотрел мимо воительницы. Там действительно воздух был черным от дыма, который двигался, словно живое существо. Но они были еще на два этажа ниже комнат Ионниса.

— Возможно, нам нужно просто пробежать сквозь огонь? Если там, наверху пожара еще нет, то я смогу вынести Ионниса, — заявил он и подавил приступ кашля, который в нем поднялся из-за дыма.

Раздались шаги, и по лестнице поднялись ещё солдаты с ведрами, полными воды.

— Дай мне одно, — коротко приказал принц и указал на воду.

Не медля, он схватил ведро за ручку и вылил воду себе на голову. Она была холодной, наверное, из источника, и сразу полностью пропитала одежду. Отец последовал его примеру, вылив на себя следующее ведро.

За поясом у Натиоле висел меч, им он отрезал хороший кусок своей мокрой рубашки. Он завязал лоскутом рот и нос, два раза глубоко вдохнул и выдохнул, затем глянул на Стена, который тоже соорудил такую импровизированную защиту от дыма.

— Готов? — спросил Натиоле отца, и, когда тот решительно кивнул, они вместе ринулись по лестнице наверх.

С каждым шагом дым становился все плотнее. Даже через ткань Натиоле чувствовал дерущий горло запах, и уже скоро каждый вдох причинял боль. Он начал кашлять, но затем сконцентрировался на том, чтобы бежать вперед так быстро, как только возможно. Отца он скорее чувствовал, чем видел. За ними следовало еще две фигуры, наверное, солдаты. Дым ухудшал видимость, но юноша продолжал двигаться на ощупь вдоль лестницы; ступенька за ступенькой он добрался до первой лестничной площадки. Там ему в лицо ударила просто адская жара, и он увидел в густом дыму колыхание голодного пламени. Этаж, скорее всего, был полностью в огне. Все трещало и хрустело, огонь бушевал, словно голодный зверь, который жил лишь для того, чтобы пожирать.

В таком аду не мог выжить никто, и Натиоле подумал обо всех людях, которые жили на этом этаже. Он повернулся к отцу.

— Винтила, — с трудом произнес он, но воевода покачал головой.

За долю мгновения Натиоле и сам понял, что отец был прав, и решительно отказался от дерзкой мысли. Если Винтила был там, внутри, то его тело давно превратилось в пепел, а дух витал по темным путям. Даже из-за этой короткой остановки кожа Натиоле накалилась, и казалось, что он стоит посреди огня. Его глаза начали слезиться, а каждый вдох доставлял настоящее мучение.

Когда к ним присоединились оба солдата, они вместе помчались дальше. Натиоле молча молился духам, чтобы лестница за ними не загорелась. Другого пути назад не было, только через окно, но прыжок с такой высоты был бы смертелен.

С удивлением Натиоле обнаружил, что дым немного поредел, стоило преодолеть один пролет.

Позади него неожиданно раздался громкий хрип, а затем глухой удар. Обернувшись, он увидел, как отец упал на колени, а потом рухнул ничком, сотрясаемый ужасным приступом кашля. Стен, скорчившись, лежал на ступенях, прижимая руки к сотрясающейся груди. Один из солдат опустился на колено перед ним. Он бросил взгляд на Натиоле. Его светлые глаза, обрамленные сажей, четко выделялись на темном лице.

— Отнесите его вниз, — ответил влахак на немую просьбу. — Я — дальше. Один.

Мужчины моментально подхватили лежащего за плечи и за ноги и понесли вниз. Натиоле пытался встретиться взглядом с отцом, но мешал плотный дым. Принц не стал долго задерживаться и бросился наверх.

Наконец он добрался до коридора, который вел к комнатам Ионниса. Воздух был наполнен дымом, но здесь было не так невыносимо, как на лестнице, и к тому же прохладнее.

— Ионнис? — прокричал он и сразу же закашлялся.

Его голос прозвучал хрипло и грубо, тем не менее он крикнул еще раз:

— Ионнис?..

...и не получил ответа. Из-за двери не доносилось ни единого звука. Всего за несколько шагов он уже был перед дверью. Но она была заперта!

Натиоле, не веря своим глазам, пялился на нее. Он прошел через огонь, добрался сюда вопреки здравому смыслу, чтобы теперь тупо упереться в запертую дверь. Его собственные действия казались ему идиотством, но он продолжал дергать за ручку, колотить по двери, снова и снова выкрикивать имя брата. Ответа не было, а старое дерево все так же надежно преграждало ему путь.

Юный влахак изо всех сил навалился плечом на дверь. Острая боль пронзила плечо и выгнала последний воздух из легких, но конструкция выдержала его атаку. Ее не сможет пробить один человек, не хватит ни времени, ни инструментов, и это понимание отозвалось болью внутри него. Ни один человек не был достаточно силен, чтобы разбить железный оклад и твердую дубовую основу. И пройдет не так много времени, пока пламя доберется до этого коридора и до самого Натиоле. Несмотря на такую перспективу, Натиоле снова отскочил и уже собирался взять разбег, как тут ему на плечо опустилось что-то тяжелое.

— Дай мне, — пробормотал Керр, пригнувшись в коридоре, чтобы не цеплять рогами за потолок.

— Что ты здесь делаешь? — спросил юный влахак, временно отупев от удивления.

Тролль указал когтистым пальцем на дверь:

— Чтобы пробить.

— Нет, здесь, наверху?

— Люди Стена принесли его вниз. Он сказал мне, что его сын еще здесь. Вот я и последовал за тобой. У нас в племени все заботятся о молодых.

И, не проронив больше ни слова, тролль отошел на два шага, немного отклонился, а затем резко прыгнул на преграду. На крошечное мгновение Натиоле подумал, что дверь выдержит и этот мощный штурм, но она разлетелась в щепки, а обломки посыпались в комнату. Натиоле тут же проскочил в проем вслед за троллем.

Через закрытую дверь просочилось лишь немного дыма. Натиоле убрал с лица теплую влажную повязку и сделал несколько жадных вдохов, от которых снова закашлялся. Все его тело пекло, пот смешался с водой, образовав вместе с сажей грязный слой на коже и одежде. Короткие волоски на руках опалились, и юноша не сомневался, что то же случилось с бровями и ресницами. Со двора до них доносились приглушенные ставнями крики.

— Здесь! — крикнул Керр и промчался дальше, через узкую дверь в смежную комнату.

Троллю пришлось скорчиться в три погибели, чтобы протиснуться.

Внутри рядом со своей кроватью действительно лежал Ионнис. Неподвижно, как сразу заметил Натиоле, еще наполовину закутанный в одеяло.

Юный влахак устремился к брату. Ионнис был теплый, но, когда Натиоле перевернул его, брат не пошевелился.

— О духи! — вырвалось у Натиоле. — Он мертв!

— Нет, — возразил Керр.

Натиоле удивленно взглянул на гиганта.

— Я слышу стук его сердца и запах дыхания, — невозмутимо продолжило огромное существо. — Он жив.

— Мы должны вынести его отсюда.

На этот раз Керр не возражал. Осторожно перевернув брата, Натиоле почувствовал что-то влажное и липкое на его волосах: «Кровь! Кровь? Как это может быть? Наверное, он подскочил при криках тревоги и упал».

— Пойдем, — пробурчал тролль.

Он схватил Ионниса своими здоровенными ручищами, но Натиоле сжал губы и покачал головой.

— Я понесу его, — твердо заявил он.

Он рывком взвалил Ионниса на плечо. Брат оказался на удивление тяжелым, и когда Натиоле выпрямился, то уже с трудом дышал от напряжения. Он осторожно последовал за Керром, который двинулся к выходу. Шаг за шагом юный влахак приближался к лестнице. Единственная мысль, которая наполняла его разум, — как бы донести свой драгоценный груз

к отцу. «Держись, Ионнис, — молил он про себя. — Все будет хорошо, брат, все будет хорошо».

Дым стал плотнее, огонь отчетливо трещал. Массивная фигура тролля загорала Натиоле обзор, и он осторожно переложил Ионниса, чтобы снова натянуть ткань на лицо. Однако она почти высохла, и дым раздражал легкие еще сильнее, чем раньше. Принц, кашляя, начал спускаться по лестнице и чуть не натолкнулся на Керра, который внезапно остановился.

— Огонь здесь, — заявил тролль и тоже закашлялся.

Его голос прозвучал отрывисто, и это удивило Натиоле. «Никогда бы не подумал, что дым мешает троллям. Они кажутся такими... несокрушимыми», — пронеслось у него в голове.

— Нам нужно спуститься, — шепотом возразил юный влахак. Каждое громкое слово царапало его горло, вызывая непреодолимые позывы к кашлю.

— Здесь мы не пройдем. А другого пути нет?

В ужасе Натиоле протиснулся мимо тролля. Действительно, языки пламени вырывались из коридора, облизывая стены и подползая под лестницу. Обрамленное черным дымом пламя можно было бы назвать красивым, если бы не смертельная опасность, которую оно несло с собой.

— Другого пути нет.

Простая фраза, но Натиоле мгновенно осознал весь ужас ее значения, как только произнес. Они оказались в западне, запертые на острове в море огня, которое накатывало на них раскаленными валами. Несколько мгновений принц растерянно смотрел в огонь, который был их смертным приговором. Из ступора Нати вывел приступ кашля. И когда Керр обернулся и с удивительной легкостью подхватил бесчувственного Ионниса с его плеча, юноша уже не сопротивлялся. Даже когда тролль под руку почти волоком потащил его вверх по ступенькам, Натиоле позволил это сделать. Да даже если бы и не позволил... Сопротивление все равно бесполезно; хватка тролля была крепка, как скала, а Натиоле почти не мог дышать, не говоря уже о том, чтобы ясно мыслить.

Только когда они снова добрались до спальни брата и вдохнули относительно свежего воздуха, боль в груди и кашель утихли и затуманенный разум Натиоле прояснился.

— Это единственная лестница, — сообщил он еще раз. — Мы сидим здесь, словно крысы в ловушке.

Странные видения вдруг всплыли перед его мысленным взором. Отец, еще совсем юный... Он был заперт в капелле, окруженный масридами. Мать, будучи заложницей Цорпада, тоже жила пленницей в одной из комнат. Оба в стенах крепости не раз заглядывали смерти в глаза, и теперь их сыновьям предстоит такая же участь.

— Тогда мы слезем, — решительно сообщил Керр.

Короткий смешок Натиоле прервался приступом болезненного кашля.

— Вниз? По вертикальной стене?

— Да, — невозмутимо ответил Керр, словно издевка в голосе Натиоле вовсе не задевала его.

— Исключено. И даже если нам удастся, как же Ионнис? Я не оставлю его.

Большой тролль почесал подбородок. Он медленно подошел к окну и посмотрел вниз.

— Я понесу его, — твердо сказал он. — Я умею хорошо лазать.

Словно в доказательство, он поднял свою руку с впечатляющими по длине когтями. Натиоле нерешительно взглянул на него, затем снова на Ионниса. Тролль был прав: у них не было выбора. Огонь скоро доберется до них, и никто не сможет их спасти. Они были предоставлены сами себе, и у них был только один — этот — путь на свободу.

— Хорошо. Мы полезем.

— Госпожа, пожалуйста, поторопитесь!

На заспанном лице Воисы от ужаса глаза стали размером с блюдца, а руки дико дрожали, когда она помогала Артайнис надевать платье. Сама девушка была босиком и переминалась с ноги на ногу.

Одним рывком дирийка привела в порядок ткань своего платья. Формальность была соблюдена. Хотя она не слышала запаха дыма, не видела пламени, но беспокойство Воисы оказалось заразным. Пожар мог легко устроить им смертельную ловушку.

— Идем, — приказала она горничной, нащупывая сандалии пальцами ног.

Она последовала за Воисой в коридор перед своей комнатой. Уже на лестнице они встретили много других людей, которые также были разбужены криками тревоги.

Во дворе уже было полно солдат, гостей и жителей замка, часть которых спустилась сюда в ночных сорочках. Толпа разделилась на маленькие и большие группы, все возбужденно обсуждали пожар, призывали на помощь и предлагали ее.

Оказавшись во дворе, Артайнис сразу почувствовала запах пожара. Воздух был наполнен дымом, а ночное небо подсвечено заревом.

— О духи, помогите нам!

Воиса прикрыла рот рукой при виде бушующего огня.

Перед входом в башню люди образовывали цепи, по которым передавали ведра с водой.

Дирийка обратила внимание, что влахаки в первую очередь щедро поливали соседние здания, чтобы предотвратить распространение пожара на остальные части крепости. В ряд бок о бок стояли солдаты и слуги. Хотя обычно общество крепости делилось по чинам и положению, перед пожаром все оказались равны. «Возможно, огонь скорее объединяет людей, чем разделяет? Ну, по крайней мере в час беды», — размышляла Артайнис. Это навело ее на мысль, что и она может помочь. Дирийка схватила Воису за руку и потащила к цепочке, где образовывался слишком большой промежуток. Она молча встала на пустое место и подхватила первое ведро, которое дошло до нее по цепи. Затем передала его Воисе, которая с удивлением пялилась на госпожу, но была слишком взволнована, чтобы сказать что-то.

Некоторое время они молча работали. Вскоре все платье и обувь Артайнис насквозь промокли, вода выплескивалась из ведер, но из-за напряженной работы дирийка не чувствовала холода. «А вода вообще дает хоть какой-то эффект?» — обеспокоенно задалась она вопросом. Казалось, что пламя бушевало с неуменияющей силой.

Часть людей вывели коней из деревянной конюшни на задней стороне двора и теперь вели их за территорию крепости через большие ворота. Животные ржали в панике, пока их проводили через двор.

Хотя Артайнис ничего не понимала в таких вещах, ей тоже показалось разумным отвести животных в безопасное место. Большое здание было потеряно, это очевидно. Пламя вырывалось из окон на двух этажах, да и из верхнего уже валили клубы черного дыма. Словно туча, они поднимались ввысь. «Надеюсь, все, кто был в башне, успели вовремя покинуть ее».

Несмотря на лихорадочную деятельность вокруг, Артайнис не впадала в панику, напротив, на удивление дирийка оставалась спокойной и собранной. Только когда из горящего здания, шатаясь, вышел Стен сал Дабран, поддерживаемый двумя солдатами, ее сердечко забило чаще. Воевода выглядел ужасно. Лицо было черным от копоти, волосы опалены, одежда кое-где прожжена насквозь. Он совсем обессилел. Оба его спутника помогли воеводе осторожно опуститься на колени, по всей видимости, они тоже были на грани... Стен скорчился от тяжелого приступа кашля.

Артайнис осмотрелась и заметила юношу, который стоял неподалеку, беспомощно озираясь. Она подозвала его и передала следующее наполненное водой ведро.

— Продолжай здесь, — сказала она и побежала к воеводе, который с искаженным от боли лицом, преодолевая кашель, старался подняться на ноги.

Не раздумывая, она подхватила его под руки и помогла встать, позволяя опереться на себя. Казалось, Стен совсем не замечал, кто его поддерживает. Он смотрел на огонь, что-то сказал обоим солдатам, которые сопровождали его, и те побежали назад в здание. Все его внимание было поглощено тем, что происходит в башне, и юная дирийка увидела, как его рот непрерывно двигается, словно он снова и снова повторяет одни и те же слова.

— У вас все в порядке? — тихо спросила она.

Несколько мгновений ей казалось, что он не ответит, но потом он медленно повернул к ней голову.

— Мои сыновья... — сказал он с такой беспомощностью в голосе, что Артайнис очень испугалась.

Он снова посмотрел вверх. Наконец до девушки дошла страшная правда этих слов.

— Они еще там, наверху? Ионнис еще в своих комнатах?

— Да.

Короткое слово среди оглушительного шума, треска и грохота... И в нем чувствовалось столько страха и горя, что у юной дирийки перехватило дыхание.

— Я... Я хотел к ним... но дым...

Воевода что-то невнятно забормотал. Обычно уверенный в себе мужчина сейчас дрожал всем телом и непрерывно теребил пальцами кусок ткани. В грязной от сажи, разорванной одежде, онемевший от страха за сыновей, воевода в этот момент был лишь отцом, весь мир которого сузился до горящей башни перед ним.

— Что мы можем сделать?

— Мы должны ждать, — медленно ответил Стен и сразу взял себя в руки.

Черты его лица разгладились, пальцы успокоились.

— Мы ничего не можем сделать. Я отправил людей. Если есть еще путь, они найдут его. Керр с ними. Тролль может преодолеть такие препятствия, которые остановят любого человека. Мы должны верить, что ему удастся найти Ионниса. Мы можем лишь надеяться и молиться духам. И позаботиться о том, чтобы не сгорела остальная часть крепости.

«Наверное, эти слова были предназначены больше для него самого, чем для меня, — подумала юная дирийка, так как Стен даже не видел ее, а все так же пристально следил за горящим зданием перед собой. — Вначале он потерял жену. Ионнис рассказывал, как он не отходил от нее до самого последнего вздоха. Он знает, что такое утрата. Возможно, поэтому он боится еще сильнее».

Артайнис молча глянула вверх. Где-то там, наверху были Ионнис и Натиоле. Если судить по свирепому пламени, вырывавшемуся из окон, они, скорее всего, уже были мертвы. И воевода был прав: они едва ли могли сделать больше, чем молиться. Юная дирийка не была особо религиозной, и, кроме короткого призыва «О Агдель, помоги!», ей ничего не приходило на ум.

Казалось, Стен изо всех сил заставлял себя хоть ненадолго отвести взгляд от башни. Он снова закашлялся, затем громко крикнул в суматоху во дворе:

— Каждый, кто может держать ведро, становитесь в цепочки! Все другие, покиньте двор. Если кто-то пропал, сообщите об этом охране. Там, наверху есть солдаты для поиска выживших. Как только пожар начнет утихать, мы узнаем больше.

Воевода сам стал в цепь в первых рядах, чтобы, так же неотрывно, как и раньше, наблюдать за башней. Толпа во дворе организовалась, и каждый был готов выполнить приказ воеводы. Артайнис заняла место позади Стена, забирала у него пустые ведра и подавала полные. Несмотря на всеобщее возбуждение, время тянулось мучительно медленно.

Неожиданно на четвертом этаже горящей башни вылетели оконные ставни, и в светлом четырехугольнике окна показалась мощная лапища. Затем через узкое отверстие протиснулся тролль. Зрелище было бы смешным, если бы речь не шла о жизни и смерти.

— Слава духам! — вырвалось у Стена, который так же, как и Артайнис, затаив дыхание заворуженно смотрел на фасад.

Существо выбралось полностью, развернулось спиной к зрителям и, ухватившись за

нижний край рамы, ухнуло вниз, с шумом ударившись о стену. Гигант повис на руках, цепляясь за подоконник. Над ним в комнате уже виднелись зловещие сполохи; наверное, пожар почти добрался до окна.

Раздались крики, люди стали переговариваться и показывать на тролля пальцами. Артайнис пригляделась и увидела: что-то привязано к спине мощного создания... какой-то узел... И только когда ее разум осмыслил пропорции узла, девушка поняла, что это человек, который безжизненно болтается на высоте четвертого этажа горячей башни. Артайнис в ужасе прикрыла рот ладонью, когда тролль оторвал от подоконника одну руку и, не удержавшись, немного проехался вниз. Теперь за спасительный подоконник цеплялись только пальцы гиганта.

— Неужели он хочет спускаться по стене?

Словно в ответ на это, тролль вонзил когти в кладку и отпустил подоконник. Крик, вырвавшийся из множества глоток, разнесся по двору, когда мощное существо неудержимо заскользило к земле. Но Керру удалось закрепиться, он нащупывал пальцами рук и ног трещины и выступы. Медленно и осторожно он опускался вниз, и на фоне освещенного серебряной луной неба Артайнис наблюдала, как он выцарапывает камни и известковый раствор, чтобы удержаться на вертикальной стене.

Тут из окна выбрался еще кто-то и без промедления полез вслед за троллем. Судя по размерам, это был человек, но юной дирийке никак не удавалось разглядеть, кто именно. Все взгляды приковывала эта пара, которая, презирая смерть, спускалась вниз по стене башни.

— Продолжаем! — заревел Стен рядом с ней. — Двигайтесь!

Его слова возымели действие, подача воды продолжилась, и руки влахаков неумоимо и размеренно передавали ведра.

Тролль двигался медленно и обдуманно, его мощные руки и ноги нащупывали очередной выступ, и он приближался к надежной земле. И каждый раз, когда Артайнис поднимала глаза на стену, он оказывался чуть ниже. Керр не смотрел вниз, а был полностью сконцентрирован только на одном конкретном куске кладки, словно под ним совсем не было пропасти в дюжину шагов. Спутник тролля был привязан за пояс веревкой, которая тянулась из окна, и, насколько юная дирийка могла понять, он двигался по следам тролля. Девушка вспомнила о когтях, которые так поразили ее еще в комнате совещаний. Очевидно, тролли с их помощью могли делать гораздо больше, чем просто рвать в клочья своих врагов. Сейчас на этих когтях буквально висела жизнь тролля и, возможно, жизни еще двоих людей. Артайнис, застыв, следила за продвижением этой пары. Сама она неплохо лазала и с хорошим снаряжением вполне смогла бы спуститься по стенам этой крепости, но выбираться из самого высокого окна без подготовки и ночью... здесь требовалось скорее безумие, чем смелость. «Или страх смерти». Окно было выбрано удачно. Прямо под ним был не двор, а крыша небольшого, почти круглого здания, которое стояло вплотную к башне. До сих пор Артайнис не замечала этого здания; оно было совсем маленьким и, по всей видимости, почти не использовалось. В любом случае она еще никогда не видела, чтобы туда кто-то входил.

Рядом с ней неожиданно застонал Стен, и Артайнис увидела, как из окна над спускающимися вырвалось пламя. Воевода закусил губу, чтобы сдержать крик. Хотя тролль и человек уже преодолели большую часть пути, страховочная веревка уже скоро будет охвачена огнем. «А падение с такой высоты, скорее всего, будет смертельным для него». Как раз в этот момент человек соскользнул. Его правая нога ушла вниз, а тело повисло над пропастью. Несколько мгновений он висел на одной руке всем законам природы вопреки, но потом сорвался. С криком он пролетел добрую дюжину шагов, но потом его падение резко затормозилось — веревка на поясе удержала его. Он глухо ударился о стену, и Артайнис содрогнулась при этом звуке. Чудом человек не зацепил тролля, пролетев на волоске от гиганта, который ускорил спуск. Очень скоро существо добралось до беспомощно болтающегося человека и схватило его за руку. Артайнис бросила взгляд на Стена, который был бледен и протягивал руки к троллю, словно в мольбе.

Дирийка снова посмотрела на огонь. В окне, из которого свисала веревка, уже бешено

плясало пламя. Неожиданно к ней пришли слова молитвы.

Тролль цеплялся за стену только одной рукой, а второй пытался подтянуть к себе человека. Сложно представить, какой силой нужно было обладать для этого. Медленно, но уверенно гигант поднимал упавшего.

Неожиданно веревка разорвалась где-то наверху. Человек резко дернулся и продолжил падение, его рука не удержалась в лапище тролля, и человек рухнул на крышу круглого здания. Артайнис потеряла человека из виду. Стен захрипел, но потом взял себя в руки и ринулся через двор к маленькому зданию.

— Лестницу! — крикнул на бегу, забыв о кашле и напряжении.

Словно пойманный зверь, он метался перед стеной, пока солдаты наконец не принесли длинную лестницу. За несколько мгновений он взобрался по ней и запрыгнул на крышу.

Тролль наконец спустился и, оказавшись на крыше, исчез из поля зрения Артайнис. В волнении она ждала, проклиная собственную беспомощность.

Оба солдата, которых воевода посылал в башню, шатаясь, выбрались из здания. Один покачал головой:

— Там, внутри уже никого нет.

Затем на краю крыши появился Стен и спустил тело во двор на веревке.

— Приведите Корнеля! — крикнул он с крыши и показал пальцем на воительницу: — Ты! Приведи Корнеля!

Пока Артайнис бежала к лежащему человеку, воевода тоже спустился. Керр же соскользнул через край, повис на миг на одной руке, а затем просто спрыгнул, приземлившись на все четыре конечности. Его мощные ноги спружинили. Затем гигант освободился от своей ноши. Подойдя к троллю, Артайнис увидела Ионниса, который был до этого привязан к троллю простыней. Казалось, огромный тролль был единственным спокойным существом во дворе, словно скала посреди бурной реки, которую не заботило течение.

— Корнель! — снова прокричал Стен.

Он спустился с крыши, упал на колени и обхватил ладонями голову Натиоле.

— Что с ним? — спросила юная дирийка у тролля, который как раз склонился над Ионнисом.

— Я не знаю. Он не просыпается. И из его головы идет кровь.

Артайнис очень захотелось, чтобы сейчас рядом оказались личные врачи ее отца. «Кто знает, что в этой стране понимают под медициной? О Агдель, пусть они знают не только, как убивать людей, но и как их можно лечить».

Наконец появился священник, который продирался сквозь плотную толпу. Он, как всегда, был облачен в белоснежное одеяние, что выглядело абсолютно неправдоподобно в дыму и копоти пожара.

— Корнель, мои сыновья. Помогите им.

В голосе воеводы слышалась мольба, и священник солнца сразу же подскочил к братьям. Не обращая внимания на грязь, он опустился на колени и положил ладонь на лоб Натиоле. Другой рукой он стал обследовать тело. Артайнис заметила пятна крови на штанинах, разорванную ткань. Юный влахак слабо кашлял, но его глаза смотрели вокруг, ничего не видя.

— Будет больно, — прошептал Корнель с сочувствием.

Затем он прижал пальцы к ране на левой ноге юноши. Первобытный крик вырвался из глотки Натиоле, когда всего на крошечный миг из-под пальцев священника вырвался яркий свет. Когда он погас, крик оборвался, принц потерял сознание.

— Старайтесь не особенно двигать его, отнесите в кровать. Осторожно! — резко приказал Корнель, после чего повернулся к Ионнису.

Его тело он тоже осторожно ощупал, но на этот раз не использовал свою силу. Воевода, который на коленях стоял между сыновьями, вопросительно смотрел на священника, но Корнель медленно покачал головой.

— Я ничего не могу для него сделать. Он потерял много крови, его рану нельзя вылечить при помощи моей силы. Позови врачей, Стен сал Дабран, и обеспечь ему покой.

— Священник, сделай что-нибудь, — сдавленным голосом приказал Стен.

— Я не могу, — ответил Корнель и потер глаза. — Я всего лишь простой служитель Божественного света. Рана вашего сына очень глубокая, его голова повреждена. Если я попытаюсь закрыть рану, то могу повредить его разум. Ему нужен покой и тепло. Тогда он, вероятнее всего, выживет. Но это не зависит ни от меня, ни от вас.

Артайнис нерешительно взглянула на священника солнца, но не заметила лжи в его глазах, лишь печаль. Очевидно, Стен тоже пришел к такому выводу, так как велел своим людям отнести сыновей в безопасное место. Затем неуверенно поднялся и какое-то время, пока их выносили на носилках, стоял совсем потерянный.

— Все будет хорошо, — пророкотал тролль. — Они живы. У них твоя кровь, Стен, они сильные. Их дух силен.

Артайнис очень хотелось верить словам тролля, но она увидела, что воевода борется со слезами. И внезапно, после всех волнений ночи, она поняла, что ей тоже хочется плакать.

18

Неотъемлемой частью любого дворца должен быть большой ухоженный сад. И Камрос не единственный, кто так считал. В настоящее время в моде были как раз такие сады с экзотическими растениями. Чем богаче владелец, тем примечательнее флора его сада. В таком дивном уголке обязательно должны были быть и животные, количество и экзотичность которых опять же ограничивались богатством владельца.

Исходя из этих соображений напрашивался вывод, что Бариксес, должно быть, сказочно богат, так как в его садах резвились создания из всех провинций империи, а некоторые явно прибыли из-за границы. Это подтверждало все, что Камрос знал о вельможе. За время своего пребывания на должности сатрапа он безжалостно обескровил провинции; причем настолько, что теперь там постоянно поднимались восстания и имперской армии приходилось подавлять их. Но в отличие от большинства других сатрапов Бариксес не почил на лаврах, а после возвращения в Колхас занялся преумножением своего богатства. Теперь ему принадлежали крупные районы города, и он владел некоторыми доходными участками земли в центральной части Дирии. Человек с изысканным вкусом, обладающий богатством, чтобы иметь возможность воплощать в жизнь любые идеи.

Естественно, Бариксес охотно демонстрировал гостям свои владения. Вероятно, это и было причиной тому, что слуги пронесли Камроса в паланкине через полсада и, как заметил чиновник, выбрали не самый короткий путь к дому. Но желание человека похвалиться имуществом не раздражало Камроса, так как он наслаждался видом необыкновенных пестрых птиц, их резкими криками и взволнованным трепыханием подрезанных крыльев. Здесь были редкие хищные кошки с востока размером с небольшую лошадь и огромная, длиной почти в два шага ящерица с серебристой чешуей, которая лениво лежала на солнце. Растения, взлелеянные настоящими мастерами садового искусства, впечатляли не меньше. На их пестром фоне идеально смотрелась экзотическая живность.

Но в конце концов Камрос пресытился показной роскошью. К счастью, его паланкин приближался к цели. На пологом склоне собралась большая группа людей. Несколько мгновений дирийский чиновник хмурился в недоумении, ведь он, собственно, надеялся на приватную встречу с Бариксесом, но затем разглядел, что это всего лишь слуги. Добрых две дюжины слуг замерли, готовые немедленно выполнить любое желание хозяина.

На слуг Бариксес тоже не скупился. Здесь были рабы со всех концов мира, одетые в такие ткани, которые были бы чересчур роскошными даже для мантий некоторых судей. Камрос заметил темнокожего раба, который держал понос с кувшином и двумя бокалами, а другой раб был приставлен для того, чтобы держать над напитками зонт, обеспечивая тень.

Были здесь также стражники в роскошных доспехах, большей частью силки,

молчаливость и преданность которых очень высоко ценилась.

Носильщики очень осторожно опустили паланкин, и под его позолоченными ножками зашуршал мелкий гравий. Камрос поднялся с мягких шелковых подушек.

Радужный хозяин стоял в нескольких шагах, окруженный слугами, которые ловили каждое его слово.

В таких случаях протокол был очень строгим, и Камрос знал, что не имеет права даже на малейшую ошибку. Он подошел к Бариксесу, остановившись в семи шагах от вельможи. Было бы невежливо заговорить первым, и, так как ни один из слуг не доложил о нем, ему надлежало ожидать, пока на него обратят внимание.

Чиновник воспользовался этим временем, чтобы незаметно оглядеться. Дворец стоял на холме, на склонах которого был выстроен весь Колхас. Вид открывался грандиозный. Отсюда можно было наблюдать роскошные дома других вельмож, а ниже — долину, каменное сердце города, средоточие могущества империи: район храмов и дворцов, откуда исходили религиозные и политические амбиции империи, которую никогда не покидало лето. Величественные купола и крыши сияли золотом в теплом утреннем солнце. С течением столетий район сильно разросся, устремляясь не только вширь, но и ввысь. Он превратился в настоящий лабиринт из храмов, дворцов и роскошных управленческих зданий, который для непосвященного представлял собой невероятный беспорядок зданий, площадей и улиц, переплетающихся, лишенных каких-либо барьеров и границ.

Однако такие знатоки, к каким причислял себя и Камрос, видели эти незримые границы, могли различить иерархию, внешние проявления которой скрывала помпезная архитектура.

Храмы находились в самом сердце Колхаса, хотя их влияние было невелико. Уже несколько столетий, как религия стала скорее личным делом, а священники едва ли обладали каким-то влиянием на власть имущих этой страны. Хотя чиновники подозрительно относились к ним; ведь недаром глубоко укоренившаяся вера стояла головы уже минимум двум императорам.

Важнее были административные здания, построенные тоже в виде храмов, в которых, однако, почитали абсолютно земных богов: богатство, силу, эффективность. Божества, перед жертвенными алтарями которых Камрос преклонил колени.

Такому мощному государству, как золотая империя, было необходимо правительство, которое могло справляться с многочисленными проблемами. И бюрократы создали такой аппарат. За много столетий своего существования этот аппарат раздулся, стал самовластным, а иногда даже слишком самовластным, но он был настоящим сердцем империи, артерией которого в заботе о благосостоянии и безопасности доходили до самых далеких провинций. Император был мозгом. Но без сердца и крови, которая качалась по артериям, империя давно развалилась бы.

Нынешний властитель знал об этом, ведь он сам когда-то был чиновником, и теперь относился к бюрократии с соответствующим уважением. Но одновременно он заботился о том, чтобы различные влиятельные слои общества сохраняли паритет по отношению друг к другу и ни в одних руках больше не могла бы сосредоточиться такая власть, которая однажды оказалась у Золотого Триумвирата. Это была сложная игра, и император мастерски владел ею.

— А, ты, должно быть, Камрос. — Бариксес начал разговор в покровительственном тоне, вернув мысли чиновника с небес к делам земным.

Подобранные именно таким образом слова приветствия были хорошим знаком и указывали на определенную открытость по отношению к делу Камроса. Бариксес повернулся к чиновнику. На нем были одеяния из самых изысканных шелковых тканей с самыми дорогими красками, которые только можно было отыскать в империи. Его пальцы были унизаны золотыми перстнями, а темные волнистые волосы заколоты сзади гребешком, инкрустированным драгоценными камнями. Он был на удивление стройным, учитывая, что каждая трапеzia была для него праздничной, а черты его лица сохранили молодость,

насколько это можно было распознать под отлично нанесенным макияжем.

— Так и есть, — ответил Камрос несколько более формально.

— Ларцанес сообщал мне о тебе только хорошее. Ты женат на его дочери?

— Да, я удостоен счастья быть принятым Ларцанесом в качестве зятя.

— Пройдемся немного? Скоро будут кормить зверей, а я люблю наблюдать за этим, — заявил Бариксес с открытой улыбкой.

Слова вельможи и его поведение оказали свое действие. Тщательно подготовленные ответы утратили актуальность; Камрос не рассчитывал на такой открытый и прямо-таки дружелюбный прием. Ларцанес заверил, что замолвит за зятя доброе словечко, но такой прием явно был чем-то большим, чем просто любезностью. «Я должен быть осторожен. Он опутывает меня невидимыми нитями. Словно паук, перед тем как съесть жертву».

— Для меня это будет радостью, — несколько неуклюже ответил Камрос и последовал за Бариксесом в сад.

Рабы отправились следом, хоть и держались на приличном расстоянии.

— Должен поздравить тебя. Я слышал, что ты стал преемником старого Анфанеса.

— Было сочтено целесообразным назначить меня на эту должность. Надеюсь, что окажусь достойным ее.

Такой ответ вызвал у Бариксеса тихий смех. Возможно, причиной этому была его умеренность во всем... или ему было известно, по скольким головам пришлось пройти Камросу для достижения своей цели.

— Ты точно будешь. Я уже давно знаю Ларцанеса. Он не стал бы хвалить тебя, если бы не одобрял твоих действий. И не стал бы заключать с тобой союз, если бы не надеялся что-то извлечь для себя. Твоя семья, хоть и уважаемая, не имеет знатного имени. Твои средства довольно велики, но не настолько, по сравнению с другими почитателями красоты его дочерей. Значит, Ларцанес полагается на то, что ты еще приобретешь и имя, и богатство.

Собеседники дошли до низкой изгороди, за которой был вырыт глубокий ров. По ту сторону рва был широкий луг, на котором бродила дюжина хищников: размером с небольшого осла, мощные тела и впечатляющие челюсти, шерсть коричневого окраса с темными пятнами. Когда люди приблизились, некоторые из животных подняли головы, но большая часть неподвижно лежала на солнце.

— Ты знаешь, что это за звери? — спросил Бариксес и, после того как Камрос отрицательно покачал головой, объяснил: — Это нияльги с востока. На языке тамошних дикарей это слово означает неустанные преследователи. Они образуют стаи и считаются выносливыми охотниками. Если они нашли себе жертву, то не отстанут от нее. Даже львы обходят их. У нияльгов очень тесная взаимосвязь, и стая всегда действует сообща.

— Они выглядят очень экзотично.

— Экзотично? Так тоже можно сказать. Но я бы скорее назвал их отвратительными. Что, однако, не мешает восхищаться ими. Подожди.

По прошествии некоторого времени к собеседникам подошли еще слуги. У них были длинные палки и жилеты из толстой ткани.

— Это для защиты, — объяснил Бариксес. — Нияльги — хитрые и уже несколько раз нападали на своих кормильцев. Эти звери могут одним укусом раздробить кость, словно она тонкая палочка.

Хищники оживились. Все поднялись на четыре лапы, и двое двинулись навстречу слугам. Хоть нияльги и казались расслабленными и лениво поглядывали по сторонам, Камрос отметил, что одно или два животных постоянно держат в поле зрения обе группы людей.

Слуги открыли ограждение и положили длинную деревянную доску через ров. Двое из них остались на страже, вооруженные палками, но нияльги не приближались. Один из слуг палкой подтолкнул по доске козу. Испуганное животное блеяло и сопротивлялось, но скоро оказалось по ту сторону рва. Слуги быстро убрали доску и закрыли ограду.

Вначале ничего не происходило. Нияльги не двигались, а коза семенила вдоль рва,

прямо к месту, где стояли Бариксес и Камрос. Затем от группы отделилось два нияльга, один направился в одну сторону, второй — в другую.

Словно по безмолвному приказу, два зверя резко двинулись вперед, на козу, которая помчалась прочь. Однако стая разделилась, и оба охотника погнали свою добычу прямо в лапы ожидающих сородичей. Коза исчезла под телами охотников, и ее голос быстро замолк. Вся стая собралась вместе и терзала тушу.

— Один нияльг сам по себе не так опасен. Они выносливы, но не очень быстры. Но в стае от них нет спасения. Это не так просто заметить, но в стае действует строгая иерархия. Как среди чиновников, — пошутил Бариксес, в то время как Камрос размышлял, на что намекала такая демонстрация.

— Но чиновники редко разрывают коз.

— Как точно подмечено, — смеясь, ответил Бариксес. — Обычно у них на уме добыча более крупная.

Его смех замер, и он оценивающе посмотрел на Камроса.

— Вопрос только: насколько более крупная?

— Война — охота цивилизованного мира, — холодно ответил Камрос. — И ее добыча — страна.

19

Запах дыма все еще висел в воздухе, отвлекая Корнеля от богослужения. В капелле собралась небольшая группа верующих, атмосфера царил подавленная. Мысли Корнеля снова и снова возвращались к пожару. Божественный свет защитил капеллу, но главное здание и западная башня в конце концов сгорели, несмотря на все попытки затушить огонь. По крайней мере, удалось предотвратить распространение огня на другие части крепости Ремис, что на фоне разрушений было, однако, слабым тешением. О погибших не объявляли, трупов не нашли, но оба на воеводы были ранены. Священник рассеянно закончил молитву и отпустил верующих. Вместе с Гарьясом он очистил капеллу, но даже повседневная рутина не принесла покоя в душе.

Его подчиненный тоже молчал. Прошедшие события, наверное, тяготили его не меньше, чем Корнеля. Собственно, он должен был поговорить с молодым человеком, успокоить его душу, но он был слишком взволнован, чтобы вселить мир в другой разум. «Еще одна моя слабость».

Во дворе запах пожарища был еще сильнее. Вот уже два дня он пропитывал воздух, цеплялся за одежду, волосы... Он был вездесущим и всепроникающим. Здание уже остыло настолько, что в нем начали ремонтные работы. С восходом солнца рабочие принялись убирать обломки из внутренней части наполовину обвалившегося здания. Тяжелая работа — пепел затруднял дыхание и требовалась недюжинная сила, чтобы сдвинуть огромные каменные блоки, из которых была сооружена башня.

Под утро в главной башне обрушились перекрытия. Сохранились лишь внешние стены до третьего этажа, крыша исчезла в огне и дыму. Среди развалин торчали колонны большого зала и несколько внутренних перегородок. Знаменитая мозаика, которая изображала сражающуюся воеводу Ионну, была наполовину утрачена, точно так же как и более древние, отреставрированные фрески вестибюля.

Корнель, качая головой, рассматривал пепелище. Настенные украшения когда-то были разрушены масридами и скрыты за гобеленами, и их восстановление для влахаков было вопросом чести. Но перед силой огня творения мастеров не выстояли. Корнель в который раз осознал бренность всего, что создано руками человека. Несмотря на свою принадлежность к ордену Альбус Сунас, он все же был влахаком и ему было больно от этой потери. «Но мозаики можно восстановить, здание отстроить. А вот гибель людей — настоящая трагедия. К сожалению, это понимают лишь немногие, в то время как большинство скорее дорожат камнями и землей, чем людьми, которые населяют ее».

Из-за обрушения главного здания путь в покои воеводы стал менее удобным. Приходилось почти полностью обходить низкое здание, а затем идти через двери кухни, которые, собственно, были предназначены для доставки крупных товаров. На кухне царила обычная суматоха; от больших печей шел жар, готовилась трапеза. Никто не обратил внимания на Корнеля, пока тот брел через кухню к коридору. Затем он поднялся на третий этаж, где стояли двое часовых, юные солдаты, но они беспрепятственно позволили ему пройти. Один из них был тем самым стражником у ворот, который несколько дней назад призвал к благоразумию свою соратницу, и священник дружелюбно кивнул ему, отчего тот покраснел.

Как и ожидалось, Стен сал Дабран был в своих комнатах. Священник пересек рабочую комнату и прямо пошел в спальню. Воевода в одиночестве сидел у широкой кровати, на которой лежал Ионнис. Юный принц лежал абсолютно неподвижно, его голова была перевязана. Он так и не проснулся и выглядел словно мертвый.

Когда Корнель вошел, воевода сразу поднялся со стула. Он был так же бледен, как и его сын. На изможденном лице вокруг глаз обозначились темные круги, а лоб избороздили морщины тревоги.

— Никаких изменений? — поинтересовался Корнель, взглянув на Ионниса.

Ответом было лишь отрицательное покачивание головы, но священнику большего и не нужно было. То, что сын воеводы не просыпался, было очевидно.

— Мы молимся за него. И за его брата.

В глазах Стена промелькнула короткая искра: то ли гнев, то ли надежда. Но с его губ слетело лишь усталое «спасибо».

— Как дела у Натиоле? — спросил Корнель.

— Лучше. Вы совсем немного разминулись с ним, он только что был здесь. Нати еще хромает, но нога хорошо заживает.

Воевода мгновение помедлил. Но потом он произнес:

— Этим он обязан вам.

Корнель посчитал, что разумнее не развивать эту тему.

— Выяснили ли ваши люди что-нибудь о пожаре? — спросил он вместо этого. — И что сказал фельдшер по поводу ранений вашего младшего сына?

— Рана могла быть получена во время падения. При этом я совершенно не могу представить, как он должен был упасть и откуда. Керр сказал, что он неподвижно лежал рядом со своей кроватью. Или же ранения стали следствием нападения... Целители этого не знают. Ясно лишь одно: без Нати и Керра он сейчас был бы мертв... Сгорел бы в своих комнатах. Посреди нашей крепости, под защитой всех этих толстых стен, в самом сердце страны.

— Он не мертв, — успокоил Корнель взволнованного воеводу, который повысил голос на последних словах.

— Нет. Но до этого недалеко, священник. Ему повезло, что дым не разрушил легкие, так как он вовремя оказался на свежем воздухе. Я... не смог добраться наверх, и я никогда бы не спустился по этой стене.

— То, что сделал ваш сын, было очень смело. Поступок героя.

Теперь лицо воеводы немного просветлело, и он кивнул.

— Да. У Натиоле сердце матери, даже если этого не видно на первый взгляд. Она тоже прошла бы сквозь огонь, чтобы спасти их жизни. Не только Ионна обладала смелостью львицы.

— Ваша супруга была необыкновенным человеком. Во всех отношениях, — согласился Корнель с воеводой.

Некоторое время они молча стояли у кровати и прислушивались к дыханию раненого. Священнику не удавалось понять взгляд Стена, направленный на сына.

— Еще раз возвращаясь к пожару, — наконец прервал молчание Корнель. — Он начался в комнатах Винтилы?

— Такое впечатление, что да. Но прорицателя не было там целый вечер. Наверное, это несчастный случай, горящая щепка из камина, искра, которая упала на ткань. Что-то в этом роде...

«Или поджог, — Корнель закончил про себя мысль Стена. — Младшего сына ранили, и он был без сознания, а затем подожгли. Потеря принца ослабляет Влаккис и в первую очередь ее слышущего непобедимым властителем».

— Я соберу все возможные сведения, — продолжил Стен. — Я хочу знать, что произошло. Возможно, кто-то что-то видел. Если это поджог...

Ему не нужно было продолжать. Если это был поджог, значит, речь шла о нападении на Ионниса и других обитателей крепости.

— Если бы тролль не сообщил о пожаре, все могло быть намного хуже.

— Без Керра я, наверное, потерял бы двоих сыновей. Теперь вы понимаете, почему я полностью доверяю ему? Вы видите в нем только тролля, а я вижу в нем друга, который самоотверженно рисковал своей жизнью ради меня и моей семьи. Какой человек поступил бы так же?

Корнель не нашелся что ответить. Но ему все равно было неприятно слышать восхваления в адрес создания темноты.

— Несмотря ни на что, тролли опасны, хотя среди них, возможно, и есть более понятливые, чем остальные сородичи. Но я не хочу читать проповедей, вам известно мое мнение по этому вопросу и известны мои опасения.

— И я воспринимаю их серьезно, Корнель. Можете мне поверить. Я знаю лучше, чем кто-либо другой, что такое тролли и насколько опасными могут стать глубинные тролли. Мне не нравится, что один из них сейчас находится в моей крепости. Но это не меняет моего мнения о Керре.

Стук в дверь прервал их разговор. После приглашения Стена дверь открылась и в комнату проковылял Винтила, старый прорицатель шел сгорбившись и тяжело опирался на палку.

— Ах, Корнель. Ваши песнопения уже закончились?

Лишь с большим трудом священнику удалось убрать с лица мрачное выражение.

— Да. Мы восхваляем Божественный свет на рассвете, как вы знаете.

— Конечно, конечно, — ответил Винтила, усмехнувшись, отчего его острые черты еще больше стали походить на лисьи.

Каждый раз, когда старый прорицатель оказывался поблизости, Корнель чувствовал себя неуютно, словно Винтила знал что-то о нем, какую-то тайну и постоянно давал ему понять это. Другим священникам Винтила казался безобидным и немного чужаковатым, что объяснялось долгим общением прорицателя с мистическими существами, но Корнель смотрел сквозь маску старика. За доброжелательной улыбкой скрывался острый ум. Не только его черты напоминали лисьи, о и разум был быстр и проворен, как у этого небольшого хищника.

— Надеюсь, вам по вкусу новое пристанище? — вежливо поинтересовался Корнель.

— О, да. Мне много не надо. Ни комнаты, ни здания, чтобы выполнять свои обязанности... Кроме того, изменения — это всегда хорошо. Они воспитывают дух юных.

Корнель кисло ответил на лукавую улыбку старика. Винула, зевая, потянулся, после чего снова оперся на палку.

— Садитесь, прорицатель, — предложил Стен и указал на стул, на котором он перед этим сам сидел рядом с сыном...

«...всю ночь, — предположил Корнель. — Он просидел рядом всю ночь». Воевода был способен на многое, но в первую очередь он был предан своему народу и своей семье.

Винтила устроил целое представление из того, как он усаживался на стул с мягким сиденьем. Иногда Корнель задавался вопросом, насколько показной была дряхлость прорицателя. Но такие мысли были недостойны ни его самого, ни его поста, и он жалел о том, что так думал.

— Бедный мальчик, — пробормотал Винтила и положил Ионнису на лоб ладонь, покрытую голубыми корявыми венами. — Ему повезло, что у него такой смелый брат.

— Да, об этом мы как раз говорили. Я волнуюсь за Ионниса, но горд за Нати.

— Произошла бы трагедия. Когда я думаю, что в этом могла быть моя вина...

— Не мучьте себя, прорицатель. Это не ваша вина.

Корнель молча следил за разговором между воеводой и прорицателем. До прихода Винтилы он мог говорить со Стеном вполне свободно, а теперь казался себе отодвинутым на второй план, лишним, нежеланным в собственной стране, среди своих соотечественников.

— Да... Последние несколько дней я и огня не зажигал... А в тот день отправился в дорогу задолго до наступления темноты, чтобы помочь крестьянам из пригорода. Они неожиданно вызвали меня. Если бы не они и их животные... Я, скорее всего, тоже был бы в своих комнатах.

— И вы не зажигали огня?

Вопрос Стена возник сразу же, да и Корнель мгновенно насторожился.

— Нет, нет. Этим старым костям не нужно много тепла. Как я уже говорил, мои запросы невелики.

Воевода задумчиво потер подбородок. Он был небрит, и в тишине Корнель услышал скребущий звук, издаваемый щетиной.

— Никакого огня...

Значение сказанного было понятно всем присутствующим. Возможно, кроме Винтилы, который наклонился вперед и с закрытыми глазами держал руку Ионниса в своей. Прорицатель, казалось, совсем не замечал того, что происходит за его спиной, да и слышал ли он, о чем говорили? Будто его все это не касалось. «Или словно он достиг цели своими словами и спокойно доверился тому, какое действие они произведут».

— Если это не было несчастным случаем, остается лишь одно. Коварное, трусливое нападение.

Это были слова, которых Корнель боялся. Он почувствовал, как волосы на затылке поднялись. Следующие слова он мог предугадать почти дословно, будто Божественный свет ненароком сделал его пророком: «Масриды нарушили мир». В мыслях он вознес короткую горячую молитву, так как эти слова будут означать войну.

— Пожары возникают постоянно, — неожиданно вмешался Винтила. — Его мог вызвать не только огонь в камине, но также неосторожно оставленная лампа или что-нибудь подобное.

— Мы должны быть абсолютно уверены, — быстро вмешался Корнель. — Ложное обвинение может привести к фатальным последствиям.

Он выдержал долгий взгляд Стена с внешним спокойствием, хотя внутри все вздрагивало.

— Да, мы... должны.

— Если это было нападение, то это могли быть только масриды. — Не отрывая взгляда от Ионниса, Винтила все-таки произнес то, чего так боялся Корнель. — И тогда нужно быть готовыми к новым нападениям, ведь на этот раз принцу удалось выжить.

— Мы не знаем... — начал было Корнель, но Стен поднял руку, заставив его замолчать.

Воевода, очевидно, уже взял себя в руки, превратился из отца во властителя, который этим простым жестом требовал уважения.

— Корнель, я задам вам эти вопросы только один раз, так что постарайтесь честно ответить на них. На чьей вы стороне? Если дело дойдет до конфликта, то можем ли мы вам доверять?

«Конфликт, какое красивое слово для отвратительного дела», — с сарказмом подумал священник солнца.

А вслух он сказал:

— Моя любовь принадлежит Божественному свету, воевода. Но в вашем вопросе

кроется ответ: если вам приходится его задавать, значит, вы не доверяете мне.

На щеке Стена дрогнул мускул. Винтила все еще сидел спиной к ним, и его внимание, казалось, было направлено только на Ионниса. Старый прорицатель разжег своими словами огонь, который, наверное, охватит всю страну, но это, казалось, совсем не волновало его.

— Простите меня, Корнель, — неожиданно сказал воевода. — Я устал и говорил необдуманно, хотя это и не оправдание.

— Сейчас тяжкие времена, — пробормотал священник с огромным облегчением. — Меня прислали сюда. Не только ради ордена, но и ради моих обязанностей по отношению к Божественному свету. И не важно, что происходит, я — влахак, точно так же как и вы, господин.

Он почувствовал испытывающий взгляд Стена и выдержал его. Проходили мгновения, и никто не произносил ни слова.

Прежде чем воевода успел что-либо ответить, дверь снова открылась, и в комнату вошла дирийская гостья. Корнель видел Артайнис в последний раз в ночь пожара, когда она, к его удивлению, участвовала в тушении пожара. «Не совсем то, что можно было бы ожидать от дворянки из золотой империи».

Прорицатель устало поднялся со своего места.

— Я вижу, наша гостья разделяет мое беспокойство о немесе Ионнисе, — сказал он со странной улыбкой, после чего поковылял к двери.

Артайнис не ответила на его улыбку, да и на Корнеля фактически не обратила внимания. Она остановилась рядом с воеводой и тихо сказала:

— Вам нужно немного отдохнуть, Стен. Я могу немного подежурить. Если что-нибудь — хоть что-нибудь — изменится, я сразу же пошлю за вами.

Стен сал Дабран, казалось, возмутился и хотел уже возразить девушке. Но усталость воеводы красноречиво говорила о правоте дирийки. Со сжатыми губами он медленно кивнул.

— Ну хорошо.

— Я тоже могу остаться, — поспешил заверить его Корнель.

Воевода посмотрел на них по очереди. Потом он глянул на Ионниса. И наконец произнес слова, которые означали спасение для священника:

— Я доверяю вам.

Ни в его голосе, ни во взгляде Корнель не уловил скепсиса. Но воевода — это только один человек, которому в совете будет противостоять целая толпа, которая не разделяет этого мнения. Если снова возникнет угроза войны между влахаками и масридами, то орден Альбус Сунас подвергнется прямым нападкам. И это будет справедливо, так как Корнель знал: многие священники чувствовали себя частью Ардолии. С содроганием он подумал о бесчинствах после битвы троллей и помолился про себя, чтобы эта история не повторилась.

20

Хотя каждый шаг причинял ему боль, Натиоле был благодарен за то, что вообще мог двигаться. Он все еще не знал точно, что произошло после того, как выбрался из окна. У него сохранились неясные воспоминания о страхе, огне, криках и кружащем голову ощущении огромной высоты. Но память отказывалась открывать истинные картины происшедшего, оставляя Нати лишь дикую смесь впечатлений, которые почти не имели смысла. Само собой разумеется, ему доложили о том, как он с Керром спускался по стене, как длинная страховочная веревка оборвалась и как Корнель вылечил его. Из этого сформировалась картина, но она не соответствовала тем впечатлениям, которые у него остались.

Его грудь пульсировала при каждом вдохе и выдохе, но целители заверили, что это скоро пройдет. Корнель срастил поломанные кости его левой ноги. Останутся лишь шрамы. Сейчас тело принца покрывали многочисленные ссадины и ушибы. Все это сильно болело, включая синяки на плечах и пояснице.

— Наверное, в будущем вы сможете предсказывать снег в Соркатах, — сказал священник этим утром, осматривая его ногу.

«Это, наверное, такой юмор в ордене», — мрачно подумал Натиоле. Мысли о ранах напомнили ему об Ионнисе, и его настроение еще больше омрачилось. Младший брат был ранен тяжелее, и никто не отваживался прогнозировать что-либо.

Преодолевая внезапно навалившуюся усталость, Натиоле поковылял из своих комнат в коридор. Спуск по лестнице давался с трудом, юноша не раз слишком сильно опирался на ногу, и приходилось закусывать губу, чтобы не стонать от боли. «Тем не менее я должен быть благодарен Корнелю, — пронеслось у него в голове. — По крайней мере, я могу ходить».

Ионниса поместили этажом ниже. Стен, вероятно, рядом с ним. Он почти все время проводил возле младшего сына.

Натиоле хромал по коридору, принимая каждый следующий шаг как болезненный подарок. Он услышал, что из комнаты отца доносятся тихие голоса. Юный влахак немного помедлил и затем осторожно постучал.

Дверь открыл отец. Увидев Натиоле, он улыбнулся. Потом перевел взгляд на костыли и распахнул ее полностью.

— Получается?

— Да. Болит уже меньше, чем вчера. К костылям привыкают, — ответил Натиоле и зашел в помещение.

В рабочем кабинете доминировал Керр. Троль присел на корточки у стены. Помещение было переполнено всевозможной мебелью из других комнат: несколько сундуков и комодов... Рядом с гигантом двум людям оставалось совсем мало места. Керр пробормотал приветствие, когда вошел Натиоле, и немного отодвинулся. Тем не менее им все равно пришлось стоять вплотную друг к другу, и Нати в нос бил сильный запах тролля.

— Боль проходит, — сказал Стен с сочувственной улыбкой. — Иногда в это сложно поверить, но ее срок ограничен. Воспоминания о твоей... о вашей смелости останутся. Как только Ионнис очнется...

«Если Ионнис очнется», — с горечью подумал Натиоле, но не произнес вслух. У отца было и так довольно забот.

— Раны свидетельствуют о твоих деяниях, — сказал Керр и почесал когтем бок. — Шрамы — это хорошо. Они напоминают нам о наших ошибках.

— Не беспокойся, я не собираюсь еще раз спускаться по стене горящей башни, — ответил Натиоле и осторожно прислонился к низкому комоду из темного дерева, украшенному резьбой.

В последние годы резчики по дереву с острова Ксалас изготавливали все больше таких комодов с ящиками, и те, кто мог себе позволить, меняли на них свои старые сундуки. Самые красивые комоды были богато украшены, на них были изображены целые картины из истории страны. «Даже дирийцам нравится эта мебель», — вспомнил Натиоле.

Стен со вздохом сел на сундук и указал взглядом на мощного тролля.

— Мы тут как раз обсуждали план дальнейших действий. Керр и я едины во мнении, что троллям нужно как можно скорее отправляться в путь. Враку плохо в подвале, он чувствует себя несчастным.

В этом месте Керр согласно буркнул. Это был грохочущий звук, который вырвался из его глотки.

— Но Ионнис, естественно, не может повести их. Наверное, мы должны предложить им в качестве провожатого кого-то другого.

— Я тоже думаю, что троллям было бы хорошо отправиться в дорогу поскорее. Не то, чтобы они были нежеланными, — поспешно добавил Натиоле, — просто положение напряженное, а их цель далека.

— Чем быстрее мы пойдем, тем быстрее вернемся домой, — объяснил тролль с неоспоримой логикой. — Возможно, все это путешествие — не очень хорошая идея, но я не

могу повернуть назад. С каждым дреегом наш союз с ветвью Анды все больше рушится, и иногда мне кажется, что я — единственный, кто еще может преодолеть пропасть между нами.

Тролль медленно покачал головой. Обычно Натиоле было сложно прочесть эмоции на лицах мощных созданий, но сейчас принц видел усталость и неуверенность в глазах и всей фигуре Керра. Плечи тролля поникли, он снова почесал бок.

— Поступки Анды повлекли за собой столько изменений. Я пытался сохранить единство моего народа. Если вообще это еще мой народ. Иногда я смотрю на потомство Анды как на троллей древних племен. А через миг они снова становятся чужими, и мое племя боится их. Я могу понять потомство Анды, но что случится, когда меня не станет? — Он посмотрел на Стена. — У тебя есть сыновья, но за мной никто не следует. Я один зашел в тень сердца. И я боюсь, что потомство Анды начнет старую войну, как только я исчезну.

Тролль посмотрел в пол, словно стыдился своего беспокойства.

— Я понимаю тебя, — ответил Стен. — Конечно, ты думаешь о будущем. На твоих плечах лежит большая ответственность. Я знаю, какие страхи тебя тревожат. У меня не иначе обстоит дело, и у Натиоле тоже. Будущее — это дикая страна, и от наших решений многое зависит. Иногда мне хочется повернуть время вспять. Оказаться там и тогда, где и когда я отвечал только за свою жизнь и на моих руках не было крови стольких людей.

Натиоле удивленно глянул на отца. Он был горд, что тот говорил о его непосредственном отношении к управлению как о само собой разумеющемся. Но мрачные слова совсем не годились воеводе, который провел свой народ через все опасности. «Это, наверное, из-за ранения Ионниса. Они и его тоже глубоко ранили».

Кашель перед дверью прервал их молчание. Когда Стен снова открыл дверь, вошел Винтила. Теперь маленькая комната была определенно переполнена, но старому прорицателю это не мешало. Усмехаясь, он постучал своей палкой по костылям Натиоле.

— Радуйся, что скоро сможешь снова отложить их.

— Я и радуюсь, прорицатель. Но, наверное, неплохо хоть раз почувствовать, как они нужны.

У старика вырвался смех, похожий на карканье.

— Ваш сын — умная голова, воевода. Уже почти как философы из империи!

— Я знаю, — заявил в ответ Стен. — Вы как раз заговорили об империи: наши гости хотят как можно скорее отправиться в путь, и мы советуемся, кто лучше всего поможет им в этом.

— Ну, вы держите свое слово, так?

— Естественно.

— Тогда дайте им проводников. Высокопоставленных людей, которые смогут говорить от их имени в империи. Которые смогут говорить и от *нашего* имени.

— Таков и мой план, — медленно ответил Стен. — Вероятно, на повозках путешествие будет быстрее, но, возможно, будут проблемы с Враком. Керр?

— Повозках? Эти деревянные штуки с животными впереди, которые нас везли?

Стен кивнул.

— Я могу объяснить, даже если ему и не понравится это. По крайней мере, мы будем двигаться быстрее. Но я не могу гарантировать, что Врак не будет рассматривать животных как провиант.

Стен и тролль принялись подробно обсуждать путешествие, Натиоле слушал лишь вполуха. Он задумался над словами прорицателя, да и взгляд старика был четко направлен на него.

— Я пойду с вами, — внезапно заявил он, удивленный собственным решением. — Ионнис не может сопровождать вас, поэтому я займу его место.

Разговор мгновенно смолк, Стен озадаченно посмотрел на сына, а затем покачал головой.

— Нет, ты нужен здесь. К тому же ты ранен. Об этом не может быть и речи.

— Ионнис принял это обязательство, и теперь оно — на мне. Это правильно, отец. Ты сам говоришь, что должен пойти тот, кто может говорить от нашего имени. Тот, чьи слова имеют вес, так как он может подтвердить их действиями. Кто подходит для этого лучше, чем сын воеводы? Поэтому ты и хотел послать Ионниса.

Даже самому Натиоле не были понятны собственные мотивы, но юноша знал, что должен пойти. Он чувствовал себя виноватым в том, что младший брат ранен, словно он слишком поздно пошел спасать его. Или словно его недоброжелательные мысли стали причиной несчастья. Брат уважал империю, пытался объяснить ему эту любовь. Но Натиоле отказывался слушать. «Я должен пойти. Я должен увидеть то, что увидел он. Я должен понять то, что понял он. Я хочу быть лучшим сыном, если он... если мой брат больше не очнется...»

Натиоле почувствовал, как к глазам подступают непрошеные слезы, и ему стало стыдно, что он выглядит, словно капризный ребенок. Но это был не каприз, а печаль, которая побуждала к такому поступку. Печаль и вина.

— Нати. Натиоле. Ты мой наследник. Ты нужен мне здесь. Особенно сейчас, когда Ионнис ранен.

Стен почти умолял, он искал понимания. Его слово было законом во Влахкисе, но и без того Натиоле никогда бы не отправился в путь без разрешения отца.

— Возможно, это не такая уж и глупая идея, — неожиданно вмешался Винтила.

Все взоры устремились на прорицателя, который указал палкой на Керра.

— Троллям нужна наша помощь, и мы давно приняли решение поддержать их. Ионнис был бы правильным кандидатом. Но столь же правильным мне кажется то, что теперь поедет брат. Особенно учитывая обстоятельства.

Натиоле, нахмурившись, смотрел на старика. Он не рассчитывал получить поддержку Винтилы, но для него слова прорицателя всегда имели большой вес.

— Далекое путешествие, — продолжил старик, пристально глядя на Стена. — Лето за пределами Влахкиса. Через горы... Было бы неплохо, если бы от имени троллей и от нашего имени говорил наследник престола. А если пожар был действительно попыткой нападения на принца, тогда немес Натиоле будет в большей безопасности, если покинет Ремис, пока мы не нашли виновных.

Стен, казалось, еще сомневался, но Натиоле заметил: отец колеблется. И тогда он продолжил:

— Ты отправлял Ионниса в империю, чтобы он научился там... всему... жизни. Чтобы он учился. Возможно, такая поездка может стать ценной и для меня?

— Я не знаю, почему ты вдруг так загорелся путешествием в империю, — осторожно ответил Стен. — Если принять во внимание твои прежние взгляды (возьмем хотя бы отношение к нашей гостье), то меня удивляет твоя настойчивость. Но вы оба не так уж неправы. Возможно, такая поездка в сложившихся обстоятельствах — хорошая идея. Я подумаю над этим.

— Я не против пойти с Натиоле, — заявил вдруг Керр и резко встал. — Он смелый и решительный. Такой, как он, хорош для племени.

Натиоле не был уверен, должен ли он воспринимать эти слова как похвалу, ведь они исходили из уст тролля.

Стен поднялся.

— Я возвращаюсь к Ионнису, — сообщил он и закончил это маленькое совещание.

— Я попозже сменю тебя, отец, — сказал Натиоле, прежде чем выйти.

Он осторожно прикрыл за собой дверь, будто слишком громкий звук мог разбудить Ионниса. Он почти сразу осознал весь абсурд этой мысли. «О духи, — подумал он. — Если бы все было так просто».

Погруженный в мрачные мысли, Натиоле брел по коридору, ведущему к кухне, и заметил Артайнис, только когда уже почти столкнулся с ней. Увидев его, она остановилась.

— Немес Натиоле, вы идете от...

Натиоле кивнул.

— Ионнис спит, без изменений. Сейчас с ним мой отец, — сказал юноша.

Он заметил, что по дирийским меркам девушка сейчас выглядит совсем не броско, собственно, она была почти незаметной. Вместо роскошных одежд на ней было простое темное платье, а волосы, обычно уложенные в изысканную прическу, заплетены в тугую косу.

Она задумчиво наклонила голову.

— Думаете, лучше будет не мешать сейчас вашему отцу?

Этот вопрос удивил Натиоле. «Очевидно, она действительно беспокоится и об отце, и об Ионнисе».

— Я не знаю, — честно признался он. — Пожар, предположительное нападение на нас и состояние Ионниса сказались на отце. А в комнате больного обстановка еще хуже, чем в голубятне, — такое впечатление, словно каждый хочет посетить принца, и моему отцу, несмотря на все его заботы, приходится постоянно решать, желанный это посетитель или нет.

Это, наверное, была самая длинная речь, которую он когда-либо произносил в присутствии дирийки. Скорее всего, причиной тому была усталость, окутывавшая его разум.

— Тогда я не буду мешать ему, — решила Артайнис. — А вы направлялись на кухню?

— Я еще не ужинал, — признался он, — и хотел бы взглянуть, что могу там найти.

Девушка лукаво улыбнулась ему.

— Вылазка на кухню, — сказала она. — Это мое любимое преступление.

Натиоле пристально посмотрел на нее. Может, она насмехается? Но он не смог найти признаков насмешки. Поэтому юноша молча продолжил путь, а Артайнис последовала за ним.

На кухне даже сейчас хлопотали, так как нельзя было допустить, чтобы огонь в печах полностью погас. Впрочем, в помещении были только служанка да поваренок, которые складывали решетки и следили за печами.

— Садитесь, — предложил Натиоле дирийке, все еще не уверенный, шутила ли она над ним.

И девушка просто села за грубый деревянный стол и в ожидании посмотрела на него. Он прислонил костыли к краю стола.

— Я сейчас вернусь.

Он быстро собрал хлеб, яблоки, сыр, кусок холодного жареного мяса и сложил все это на деревянную доску. Потом ему пришла в голову мысль, и он позвал поваренка.

— Отнеси это воеводе в его комнату, — приказал он. — Ни в коем случае не позволяй ему отправить тебя назад со всем этим.

Мальчик отчаянно закивал, схватил доску и пробормотал:

— Да, господин.

Затем побежал к двери, балансируя с доской. Собрав вторую доску, Натиоле вернулся к дирийке, уселся напротив нее и поставил снедь между ними. Она отломил кусок хлеба.

— Во Влахкисе все настолько... неформально, — рассеянно сказала она. — У нас дома я не смогла бы поужинать в кухне, даже если бы это было моим самым заветным желанием. Это было бы равносильно полному перевороту домашних устоев.

— Раньше Ионнис и я прихватывали с собой наверх все, что повар не успевал спрятать, — невозмутимо ответил Натиоле. — Если бы каждая такая вылазка была равна перевороту, то масриды уже давно отвоевали бы Ремис.

Она захихикала.

— Вы раньше были близки со своим братом?

К Натиоле сразу вернулись невеселые мысли.

— Когда мы были детьми, да. До того как он уехал в Дирию.

— То, что вы сделали во время пожара, было очень смело. — Артайнис посмотрела ему прямо в глаза. — Вы спасли его.

«Я желал ему смерти». Эта мысль вскипела в душе Натиоле, словно горькая желчь. Он поспешно подскочил, но сразу же пожалел об этом, так как ногу пронзила острая боль.

— Вина? — предложил он и похромал прочь, не дожидаясь ответа.

«Мне сейчас еще не хватало фальшивого восхищения его дирийской возлюбленной».

Но, к его счастью, Артайнис больше не говорила о пожаре. И когда он принес ей кубок красного вина, она просто поблагодарила его. И все. Тишина между ними скоро стала невыносимой, и Натиоле наконец спросил:

— Вы скучаете по дому?

— Конечно. Мне не хватает друзей и семьи. И погоды. Влахкис — холодная страна. По крайней мере по сравнению с моей родиной.

— Я скоро отправлюсь в Дирию. Если отец позволит сопровождать троллей.

На лице Артайнис промелькнуло удивление и еще что-то... что ему не удалось понять. «Наверное, она рада, что я уезжаю». Но девушка мгновенно овладела собой и сказала только:

— Вам там наверняка понравится. Я не могу себе представить, как в Колхасе отреагируют на троллей. Вы уже ездили куда-нибудь на длительное время?

Натиоле покачал головой.

— Нет, никогда. В долгие поездки отец всегда отправлял Ионниса. А наследник должен был всегда находиться при воеводе и учиться управлять страной. Это очень важно.

— Ваш отец — мудрый человек, Натиоле. И люди любят его. Он точно был хорошим учителем.

«Конечно. Он всегда был для всех примером». Натиоле сжал губы в тоненькую ниточку. Что эта дирийка вообще могла знать о Стене сал Дабране, кроме рассказней ее отца? Что она вообще могла знать, кроме той комфортной жизни, которая окружала ее в золотой империи?

— Это не всегда легко — быть сыном такого... выдающегося отца, — холодно ответил он. — У воеводы высокие требования. Ионнису всегда было легче справляться с ними, чем мне. Но, скорее всего, вам сложно представить эти обязанности.

Неожиданно для него Артайнис фыркнула.

— Вы думаете, это легко — быть всю свою жизнь политической гарантией? Моя ценность измеряется для моего отца только тем, за кого он однажды сможет выдать меня замуж. И это будет, честно говоря, тот, кто просто предложит наивысшую цену. И только до тех пор я могу путешествовать и увеличивать его влияние — как сейчас во Влахкисе.

Девушка произнесла последние слова так эмоционально, что ее голос при этом невольно сорвался на крик. Служанка испуганно отложила решетку в сторону и уставилась на молодого хозяина и дирийку. Только когда Натиоле не очень дружелюбно ответил на ее взгляд, девочка снова принялась за работу. Он хотел накричать на Артайнис. Хотел сказать ей, что ему безразлично, за кого она выйдет замуж и выйдет ли вообще. Но когда он обернулся к дирийке и увидел растерянность на ее лице, злые слова застряли у него в горле. Золотоволосая красавица застыла, прикрыв рот ладонью, словно хотела вернуть назад все столь необдуманно произнесенные слова.

— Простите меня, — пробормотала она. — Я забылась, немес.

Неожиданно Натиоле почувствовал, как на него навалилась просто свинцовая усталость. Ему уже не хотелось обижать ее.

— Вы не должны огорчаться, Артайнис. Это моя вина. Я... плохой собеседник.

Она снова улыбнулась и, качая головой, посмотрела на него.

— Я думаю, вы просто еще не знаете, на что способны, и сильно недооцениваете себя, — сказала она и поднялась. — Спасибо за трапезу.

Когда Артайнис покинула кухню, Натиоле налил еще кубок вина. Его мысли совершенно запутались, и ему теперь не удавалось упорядочить их. «Возможно, выбор Ионниса не так уж и плох».

Сборы в дорогу ... это звучало для Керра почти волшебно. На своей родине тролли всегда были в пути. Перерыв и отдых случались нечасто. Пропитание и воду можно было найти лишь в редких местах, и племени голодных троллей приходилось постоянно кочевать. Для Керра жизнь представляла собой длинную череду путешествий, прерываемую короткими периодами покоя.

Потомство Анды жило так же. Возможно, страсть к перемене мест была у них еще сильнее. Глубинных во время долгих пауз в их вечном странствии охватывала полная беспомощность. Врак примирился с тем, что заперт в четырех стенах, он покидал подвал лишь в крайних случаях, но он отчаянно стремился к движению и был полон желания продолжить путь.

Наконец время отправления наступило, и это отразилось даже на биении сердца. У Керра чесались руки, и два других тролля тоже были в приподнятом настроении. Даже когда они покидали защищенный подвал и отправлялись во двор, под открытое небо, где их уже ждали люди.

— Наконец снова можно бежать, — пробурчал Врак. — Мои ноги уже совсем искривились от такого долгого сидения!

— Вспомни о повозках, — напомнил ему Керр о транспортном средстве, о котором он договорился с людьми. — Это будет не так приятно, как путь под землей.

— Не важно! Главное — в дороге. И прочь от вонючих людей.

Керр вздохнул. Он часто объяснял Враку, что на поверхности они зависят от помощи людей, но тот охотно забывал об этом обстоятельстве. Глубинному придется привыкнуть к этому, так как в пути они не всегда смогут найти подходящее пристанище на день и Врак скоро возненавидит свою беспомощность. «И будет рад, что у нас есть спутники, которым мы можем доверять».

Во дворе действительно уже стояли три большие повозки, изготовленные из твердой тяжелой древесины. В каждую было запряжено по два вола. Сначала люди пробовали запрячь лошадей, но близость Врака слишком беспокоила бедных животных. Керр смутно помнил рассказы Друана о поверхности и о том, что уже с момента знакомства людей и троллей лошади всегда были проблемой.

Наконец Натиоле предложил попробовать запрячь медлительных волов, и действительно, через несколько дней животные привыкли к запаху Врака, хотя Керр все еще чувствовал запах их страха.

У повозок собрались Стен, Натиоле и еще десяток людей, все в доспехах из пропитанной жиром кожи, с тщательно заточенным оружием. Лучшие из лучших, самые зоркие, чуткие и отважные, кто мог действовать, несмотря на свой страх перед троллями. Словом, очень опасные люди.

— Ах, наши почетные гости! — крикнул Стен, когда тролли вышли во двор.

Керр под открытым небом невольно пригнулся, совсем чуть-чуть, но тут же снова выпрямился. Если люди не показывают свой страх, то и он не будет!

— Мы готовы, — заявил тролль, и Врак хлопнул в ладоши, произведя такой громкий звук, что некоторые вздрогнули.

— Да! Готовы!

Керр с тоской подумал о Парде, который в моменты радости реагировал точно так же.

— Очень хорошо. Это ваши спутники. Наши лучшие солдаты, — ответил Стен, проигнорировав презрительное фырканье Врака. — Они подчиняются Натиоле и сделают все, чтобы защитить вас днем.

При упоминании своего имени Натиоле почти незаметно перенес вес тела с раненой ноги на здоровую. Он был без костылей, и это было ярким доказательством силы священника ордена солнца. Но Керр знал, что некоторые раны юноши будут заживать еще очень долго. В глазах молодого человека была такая неизбывная печаль... Тролль пытался понять ее: «Наверное, он боится за брата. Я тоже так себя чувствовал, когда Друан был

далеко».

— Нам нужно поскорее отправляться в дорогу, — тихо сказал Натиоле. — Тогда мы не потеряем оставшуюся часть ночи и вам не сразу придется забираться в повозки. Мы попытаемся в основном передвигаться в темное время суток, когда вы можете идти самостоятельно.

— Мы готовы.

Молодой человек кивком принял слова Керра, потом повернулся к отцу. Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, неподвижно, словно две скалы.

— Если увидишь кузину Ану, передавай ей мой привет, — наконец сказал отец. — Ей всегда рады в этом доме, и я хотел бы, чтобы она знала об этом.

— Я передам. Если увижу ее...

Стен сделал шаг вперед и обнял сына.

— Удачного пути тебе, Нати.

Ответом сына было лишь невнятное бормотание. Воевода отстранился.

— Итак, — сказал Натиоле и указал на ворота, ведущие в город, — в путь!

Больше ничего не нужно было говорить, тролли сразу же направились в указанном направлении. Четверо солдат залезли на козлы, чтобы погонять волов, и скоро колеса загремели по брусчатке. Но прежде чем караван успел добраться до ворот, позади них раздался громкий оклик «Стой!».

Керр удивленно обернулся и увидел, что к ним большими шагами приближается девушка-полугномка. Она была закутана в невероятно, сложное одеяние и пахла чудными травами. Это был тяжелый сладкий запах, от которого Врак отшатнулся. Оскалив клыки, он зарычал, выражая недовольство по поводу задержки. Лишь когда Керр попросил его подождать, рычание глубинного тролля стало немного тише.

— Неужели вы хотели уехать, не попрощавшись со мной? — спросила Артайнис прохладным тоном.

Натиоле хотел уже было ответить, но она перебила его, подняв руку:

— Я имею в виду Керра.

Троль озадаченно перевел взгляд с нее на Натиоле, который замер с открытым ртом, и затем снова на полугномку.

— Люди по ночам спят, — бесстрастно заявил он. — Все другие спят.

— Не очень убедительное извинение, но, к счастью, я еще не спала и заметила ваш отъезд. Я желаю вам удачного пути, пусть Агдель охраняет ваш путь. И ваш тоже, Натиоле сал Дабран, хоть и вы не посчитали нужным попрощаться со мной.

— Я прошу прощения. Не знал, что вы этого так жаждали, — жестко ответил Натиоле с легким поклоном.

— Тогда бы вы, по крайней мере, избавили меня от стыда за то, что пришлось поспешно бежать за вами и просить прихватить с собой письмо для моего отца. Вы это сделаете для меня?

— Естественно. С... — начал было молодой человек, но Врак перебил его:

— В путь. Ты сказал это, человек.

— Одно мгновение, — попросила Артайнис с широкой улыбкой, увидев которую Керр примирительно положил руку а плечо Враку.

Глубинный тролль был совсем не рад и продемонстрировал ему оскаленные клыки, что в данный момент было не очень хорошо.

— С большим удовольствием, — повторил Натиоле. — Я лично передам ему ваше письмо. Письмо верной дочери?

— Скорее просьба все-таки выслать мне моих слуг. Я не имею ничего против Воисы, но кипасис требует умелых и опытных рук, — ответила девушка, но затем подмигнула. — Слова любящей дочери, естественно, я тоже посылаю.

Керр почувствовал себя неловко. Между людьми, а особенно у мужчин и их женщин, сложные отношения, и тролль не мог сказать, что действительно понял, что происходило

между принцем и дирийкой. Но он знал, что у людей, как и у троллей, соединение парами было сильным союзом, иногда даже сильнее, чем связь с племенем. Тем больше его беспокоило то, что он не мог понять этого знака между полутномкой и Натиоле.

Натиоле поклонился с улыбкой, взял маленький кожаный сверток. Со словами «всего хорошего!» он развернулся, и маленький эскорт продолжил путь. Керр еще раз оглянулся на Стена, который стоял во дворе с девушкой и задумчиво смотрел им вслед.

22

«Как же я была права, — размышляла Артайнис, — когда сказала Натиоле, что жизнь во Влахкисе почти лишена какой-либо формальности».

Хотя она не была связана с Ионнисом ни родственно, ни как-либо иначе, воевода разрешал ей сидеть с больным, словно она была сестра или возлюбленная. Стен сал Дабран обращался со своей дирийской гостьей так, будто она принадлежала к их семье.

Но как раз из-за отсутствия протокола Артайнис часто было сложно решить, что правильно, а что нет. Она привыкла к тому, что существует много правил, которым нужно следовать. А то, что во Влахкисе правил не было или она о них не знала, заставляло ее нервничать. Пока все вокруг нее работали над устранением последствий пожара и восстановлением башни, она пыталась найти, где была бы полезна.

Со вздохом она посмотрела на Ионниса, состояние которого оставалось неизменным уже в течение десяти дней. Щеки на его тонком лице ввалились, кожа казалась совсем бледной по сравнению с темными локонами. Юноше не было и двадцати, но во сне он казался еще моложе.

Она вспомнила о троллях и Натиоле. Сейчас принц сопровождает гигантов на ее родину... А ей пришлось остаться здесь... Встреча со старшим братом Ионниса перед отъездом поразила Артайнис. «Он впервые не обращался со мной так, словно я заноза под ногтем. И он совсем не гордился тем, что сделал... Хотя у него есть все права на это. Станный юноша. Станный и замкнутый».

В дверь постучали, и когда девушка открыла, то обнаружила Ливиан, энергичную пожилую женщину, в искусство врачевания которой воевода очень верил.

Она кивнула Артайнис в знак приветствия, после чего повернулась к кровати больного.

— Я хочу удалить ему швы с головы, — спокойно сказала она. — И лучше всего, если бы мне при этом не мешали.

Артайнис поняла требование и направилась к двери.

— Вы можете попросить на кухне, чтобы мне принесли миску горячей воды? — промолвила седовласая женщина, разматывая повязку на голове Ионниса. Юная дирийка кивнула и поспешно покинула комнату. После того как Артайнис передала поручение, она нерешительно направилась во двор, пребывая в раздумьях, как провести остаток дня. Солнце осветило ей лицо. Это был теплый день позднего лета: на небе ни облачка, легкий ветер шевелит листья на деревьях...

Во дворе царил бурная деятельность. Каменотес из Теремии и его помощники устроили небольшую мастерскую, в которой готовили каменные блоки для нового фундамента башни. Дирийка немного понаблюдала за рабочими, которые обрабатывали огромные валуны, и двинулась дальше.

Капелла ордена Альбус Сунас, которую огонь чудом не тронул, прилегала к главному зданию крепости. «Наверное, священник считает это доказательством силы его Божественного света», — подумала Артайнис. Хотя, скорее всего, благодарить следовало строителей, которые выбрали такой тип здания: приземистый, компактный, с каменным куполом и без легковоспламеняющихся частей. Она подошла к деревянной двери и, немного поколебавшись, положила ладонь на ручку. Артайнис еще никогда не была в храме ордена Альбус Сунас. Любопытство победило, и девушка осторожно нажала на ручку. Дверь была не заперта.

От изумления у Артайнис даже дыхание перехватило. Догматы вероучения о Божественном свете всегда казались ей строгими и тяжелыми, но капелла была, бесспорно, радостным и светлым местом. Стены и потолок были сложены из чистого белого камня, а через отверстия в куполе в помещение проникали лучи света, которые заставляли белый цвет сверкать почти неземным сиянием. «Хорошее место для молитв», — подумала девушка, надеясь, что Агдель простит ей то, что она с благоговением стоит в чужом храме.

— Вы ищете божественного просветления или только меня? — спросил язвительный голос позади, и Артайнис обернулась.

Священник Корнель появился незаметно, вероятно из-за занавеси, которая отделяла часть помещения.

— Я... не искала здесь ни вас, ни просветления, — призналась она. — Мне было просто любопытно.

— Любопытство? К ордену Альбус Сунас? Знаменитому ордену предателей, которые чуть не вызвали катастрофу? — Слова священника звучали агрессивно.

— Вы всегда так обходительны с гостями? — Артайнис, насупившись, ответила вопросом на вопрос. — Неудивительно, что ваша вера утратила многих своих последователей во Влахкисе.

Неожиданно ее ответ вызвал у Корнеля улыбку.

— В этом вы, пожалуй, правы. Простите, я не хотел вас обидеть. Но в последнее время мне просто встречается слишком много людей, которые обвиняют мой орден в каждом несчастном случае, который происходит в этой стране.

— Что... и в пожаре? И в нападении на принца?..

Корнель кивнул.

— И в пожаре...

Артайнис внимательно посмотрела на мужчину, который стоял перед ней. Худое решительное лицо, белые одеяния, гордая прямая осанка. Она не верила в то, что Корнель — поджигатель. «Не потому, что он не способен на такое. Но он просто не стал бы отрицать, если бы был причастен...»

— А что, по вашему мнению, произошло той ночью? — спокойно спросила она.

Священник потер подбородок и испытующе посмотрел на нее. Потом он наконец решился ответить.

— Я не знаю. Но я также не верю, что пожар устроила неосмотрительная служанка, а принц неудачно упал. Я предполагаю, что целью настоящих поджигателей было навести подозрение на орден Альбус Сунас.

— И кто мог бы быть в этом заинтересован? — удивленно спросила девушка.

— О, больше сторон, чем я могу сосчитать. Совершенно определенно все те, кому не нравится мир между влахаками и масридами. Вопрос лишь, кто из них решился зайти так далеко, что осмелился напасть на семью воеводы?

Это была интересная мысль, которая раньше не приходила в голову Артайнис. «Действительно, — подумала дирийка, — возможно, до сих пор мы ставили неправильные вопросы. Старая вражда между Влахкисом и Ардолией имеет настолько глубокие корни, что, наверное, больше никто не ищет убедительной причины для нападения».

— И что вы хотите предпринять?

Священник пожал плечами.

— Я едва ли что-то могу предпринять, — ответил он. — Вся Теремия не доверяет ордену, и лишь благодаря милости Божественного света я вообще могу свободно передвигаться по этой стране и по этому городу. И неизвестно, как долго я буду пользоваться такой свободой. Если я и подозреваю кого-нибудь... кто мне поверит? Нет, чтобы убедить воеводу, нужно больше, чем просто слова. Мне нужны неопровержимые доказательства.

— Я согласна с вашим видением дела, — осторожно сказала Артайнис. — И, возможно, смогу помочь вам. Я могла бы...

Она не успела больше ничего сказать, так как со двора донеслись громкие крики и топот копыт.

— Что там снова стряслось? — озадаченно пробормотал священник и открыл деревянную дверь.

Артайнис украдкой выглянула во двор через его плечо. Четверо всадников в броне с гербами масридов влетели галопом во двор. Один из них сжимал железной рукавицей знамя с изображением грифа. «Посланники марчегга Бекезара?» — удивилась Артайнис, узнав герб.

Солдат сразу же окружила толпа людей, так как возле крепости было много ремесленников и слуг. Командир масридов, высокий мужчина, соскочил со своего жеребца и снял шлем, обнажив стриженую светлую голову с единственным длинным локоном. Всаднику было примерно тридцать, может сорок лет, было сложно определить точный возраст по его огрубевшему обветренному лицу. Рука масрида покоилась на рукояти боевого молота, словно воин не был уверен, среди друзей или среди врагов он находился.

— Позовите воеводу! — громко приказал он. — Мы привезли важные новости из Ардолии!

Несколько человек отделились от общей толпы и побежали в крепость выполнять приказ.

Другие масридские всадники тоже спешили, но продолжали крепко держать своих лошадей под уздцы и, похоже, не собирались отводить животных на конюшни и вообще передать их кому-то из собравшейся во дворе прислуги.

Наконец в дверях появился воевода в сопровождении Риклеи. Собравшиеся во дворе влахаки, почтительно расступились перед Стеном, позволяя пройти к масридам. Хозяин крепости обратился к предводителю, которого очевидно узнал:

— Я приветствую тебя, Басцаи. Полагаю, вы принесли важные новости, которые не могут ждать и должны быть переданы немедленно?

Воин, к которому обратился воевода, поклонился.

— Это так, вецет. То, что я привез, ты должен узнать прямо сейчас.

Мужчина поднял взгляд на влахака, немного помедлил, прежде чем сообщить, затем резко выдохнул и недрогнувшим голосом произнес:

— Марчег Тамар Бекезар — мертв, господин. Он был подло убит в охотничьем домике вблизи Соркат.

— Что? — вырвалось у воеводы. — Марчег убит? Но кем?

— Этого мы не знаем, вецет. Пока еще нет. Но марчег Бекезар был не один, когда мы наконец нашли его.

Тень понимания мелькнула на лице воеводы. Его взгляд помрачнел, но он твердо спросил:

— Кто был с марчеггом, когда он погиб?

Вот теперь голос масрида задрожал.

— Флорес сал Дабран, господин. Ваша сестра. Она была сражена теми же убийцами.

Никто не проронил ни слова. Было такое впечатление, что все собравшиеся одновременно задержали дыхание, стало так тихо, словно все эти люди во дворе — всего лишь изображения на холсте, подумалось Артайнис. «Сестра-близнец воеводы, убита вместе с властителем масридов. О Агдель, помоги! Для того, кто желает войны между Влахкисом и Ардолией, нет более благоприятного момента!»

Со своего места дирийка увидела, что глаза Стена закрылись после слов Басцаи. Риклеа положила ему руку на плечо, но промолчала, как и все остальные. Воевода слегка пошатнулся, затем поднял левую руку, пальцы которой так сильно сжал в кулак, то косточки побелели.

— Моя сестра мертва? — спросил он. — Где ее тело?

Он посмотрел на коней и всадников, словно ожидая увидеть тело там.

Басцаи удрученно покачал головой.

— Мне жаль, господин. Нам пришлось похоронить ее сразу на месте. Прошло много

времени, прежде чем мы наконец нашли их, а дикие звери...

Он осекся.

«О боги, — подумала Артайнис. — Бедный воевода». А еще она подумала о сыне Стена, который лежал, объятый сном, похожим на смерть, и о втором сыне, который как раз в этот момент был где-то на пути в Дирию с мощными, но опасными существами. «Нет никого, кто мог бы утешить его, — поняла она. — Он совершенно один».

— Отведите коней на конюшни, — наконец вымолвил воевода с почти нечеловеческим спокойствием. — А затем, Басцаи, вы и ваши люди, будьте моими гостями. Расскажите все, что знаете о Флорес и Тамаре.

Он отвернулся от всех, от масридов и от влахаков. Артайнис заметила, что его лицо стало таким же белым, как и кулак, который он продолжал сжимать.

— Завтра ночью мы будем пить за мою сестру, — объявил он. — Флорес получит сполна всю честь, которую надлежит воздать ей как влахаке и боярыне. А потом я хочу выяснить, кто ответственен за ее смерть. И, клянусь перед лицом всех духов, мы будем преследовать их и убьем.

23

За последнее время глаза Натиоле привыкли к темноте. Еще бы, ведь они в основном двигались ночью. Фонари, закрепленные на повозках на длинных шестах, давали свет лишь на несколько шагов вокруг. А иногда небо, как, например, сегодня ночью, было слегка затянуто облаками, которые приглушали обычно яркое сияние луны. Только рассеянный слабый свет, который углублял тени, размывая очертания предметов...

Рядом с ним по широкой дороге топал Керр. Тролль казался неутомимым, и отсутствие света не мешало ему, даже, похоже, нравилось. Оба его спутника в основном молчали. Натиоле предполагал, что такое их поведение вызвано разными причинами. Цран был прямолинеен и немногословен, тем ценнее было каждое его высказывание. Врак же был всем недоволен, ненавидел свет в любых его проявлениях и держался подальше от Натиоле, насколько это было возможно. Молчание глубинного тролля выражало раздражение и гнев. Очевидно, он был рассержен тем, что вынужден находиться рядом с людьми на поверхности, его бесили даже звезды, мучившие его своим слабым сиянием. На день это мощное существо приходилось тщательно накрывать, так как его темная и бугристая кожа светлела и буквально покрывалась ранами от прямого солнечного света — и, по всей вероятности, болела, хотя глубинный никогда не признавался в этом.

Натиоле было все тяжелее держаться в седле. Не только потому, что нога все еще болела, но также потому, что из-за присутствия троллей лошади здорово нервничали. Ариан за время путешествия немного привык к гигантам, но уши жеребца часто беспокойно дергались, к тому же он стал чересчур пугливым.

Радовало, что дорога была тщательно вымощена и достаточно широка для повозок, хотя ею и не так часто пользовались. Большая часть торговых караванов до сих пор двигалась по Маги, но воевода еще несколько лет назад заключил соглашение с марчемом масридов о расширении этой дороги и поддержании ее в хорошем состоянии. Вначале дорога шла параллельно реке — с запада на восток, но дальше уходила от Маги на север, затем сворачивала по направлению на северо-восток и пересекала Иамес у Долеорман, а оттуда шла прямо к перевалу Еркель. Иногда дорогу использовали дирийские торговцы, которые не желали платить пошлину в Турдуе или хотели сэкономить даже те жалкие гроши, которые брали за свой труд бурлаки на Маги. Но это случалось редко, и поэтому маленькая группа двигалась, почти не встречая других путешественников на своем пути.

Уже давно они перешли Иамес и шли не по Влахису, а по Ардолии. Обширные земли у Трех Сестер, между Иамесом и Илтом, были мало заселены, еще с давних времен они считались частью Сиревы, северо-восточной области, и самой крупной из четырех областей страны между гор. Это были владения Тамара Бекезара, марчега Ардолии. Тамар

торжественно поклялся, что не будет заселять эту часть своей территории, но долгий мир стал причиной появления здесь новых дворов и деревень.

Уже при одной этой мысли Натиоле становилось немного не по себе. Он рос, зная, что масриды — старые враги его народа. И поэтому, по его представлениям, путешествовать по их земле всего с десятью солдатами было не так уж безопасно.

Троллей же эти человеческие границы совсем не волновали, хотя юный влахак и попытался объяснить им их значение. Врак только пробормотал, будто все равно не поймет смысла, в то время как Керр кивнул, хотя, по всей вероятности, тоже не придал этому особого значения.

— Скоро взойдет солнце, — зевая, сказал Натиоле.

Дни и ночи пути отбирали все силы. Обычно в темные часы и рано утром группа двигалась. Перед восходом солнца тролли укладывались на повозки и ехали так в сопровождении солдат до обеда. Затем путники находили место для отдыха: в лучшем случае это был трактир с комнатами или крестьянский сарай. Но на ничьей земле между Иамесом и Илтом часто приходилось довольствоваться поляной возле дороги. Ближе к вечеру люди со спящими троллями снова отправлялись в дорогу; иногда влахаки дожидались пробуждения гигантов. Ночью обычно была еще одна остановка на отдых.

К такому ритму путешествия Натиоле давно привык, и, несмотря на медлительный темп волов, они хорошо продвигались вперед. Людей такой способ утомлял. Но тролли пока не проявляли никаких признаков слабости, поэтому и юный влахак упрямо продолжал сидеть в седле, не выказывая ни боли, ни усталости. Он был предводителем отряда, и хотя он слабо разбирался в троллях, но давно догадался, что они признают только силу.

— Скоро будем ложиться, — ответил Керр, взглянув на небо, которое на востоке начало медленно светлеть.

Над Соркатами уже появилась серебряная полоска, там, где солнце сквозь облака возвещало о своем появлении.

— А сколько еще до гор? — поинтересовался тролль, после того как позвал Црана и Врака.

— Несколько дней, я имею в виду ночей. Если мы будем все так же хорошо продвигаться, то, наверное, всего пять. Перевалить через горы мы сможем максимум через восемь или девять дней.

До сих пор погода не подводила. Теплая, не слишком жаркая, почти без дождей... Только одна неприятная ночь... У них были неплохие шансы перейти Соркаты без проблем. Натиоле был почти уверен, что погода не поменяется.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Керр. — Чем быстрее, тем лучше.

— Почему, разве у нас назначена скорая встреча с императором?

Натиоле с улыбкой взглянул на Керра, но тролль непонимающе глянул в ответ.

— Нет. Люди же не знают, что мы придем.

— А, вот и ладно, — только и ответил юный влахак и снова уставился на дорогу.

«Даже с умным троллем, таким как Керр, не всегда просто общаться. Как же это удавалось отцу?» Он решил, что обязательно как-нибудь задаст этот вопрос воеводе. В историях и песнях Стен сал Дабран всегда был героем, который точно знал, что в каждой ситуации предпринять. Не важно, бился ли против тирана Цорпада, освобождал ли заложников из крепости или путешествовал с троллями. Однако, даже проведя короткое время в компании гигантов, Натиоле начал сомневаться, было ли на самом деле все так гладко, как это представлялось в легендах. А отец почему-то мало рассказывал о тех событиях, в лучшем случае — короткие анекдоты, но никогда — целые истории.

Отряд ненадолго остановился, пока тролли шумно укладывались на повозки. Дерево скрипело и угрожающе трещало, и снова Натиоле спросил себя, сколь долго повозки смогут выдерживать такую нагрузку. Но Стен объяснил, что тогда, перед первой битвой троллей, влахакам пришлось точно так же транспортировать троллей, чтобы иметь возможность застать Цорпада врасплох. Юный влахак обеспокоенно наблюдал, как дно ближайшей

повозки немного просело. Но конструкция снова выдержала, и волю неохотно продолжили путь.

Когда солнце взошло, два солдата накинули на троллей грубые покрывала. Люди накрывали всех троллей, хотя только Врак страдал от солнечного света. «Наверное, сейчас этот старый ворон Корнель снова повторил бы, что непереносимость Враком солнечного света свидетельствует о наказании Божественного света». Тем не менее при мысли о проповедях священника юному влахаку стало не по себе. Ведь по крайней мере в одном тот был прав: тролли были опасными и чужими. И полезно никогда не забывать об этом.

Ключа носом, Натиоле ехал дальше. Рассвет медленно прогонял утренний туман, хотя облака ослабляли силу лучей. Тем не менее приятно потеплело, а мягкое покачивание медленно идущего коня убаюкивало, и юный влахак чуть не заснул на ходу. Он почти не воспринимал то, что творилось вокруг, и был более чем рад, когда появилась возможность спешиться, прилечь и удобно пристроить раненую ногу на возвышении из свернутого пледа. Солдаты уселись в круг и устроили партию в мору, но Натиоле не стал участвовать в игре. Тролли спали сном без сновидений, после завтрака, который одновременно был ужином, юный влахак, завернувшись в одеяло, погрузился в глубокий сон.

Юный влахак здорово набил руку, ежедневно седлая жеребца, так что вскоре после отдыха он снова сидел верхом, бодрый и отдохнувший.

Он и раньше мог днями странствовать по стране, часто полностью предоставленный сам себе. И это путешествие освежило старые воспоминания. Это было пожелание родителей: принц должен хорошо знать свою страну, которой будет когда-нибудь управлять, и это была одна из немногих обязанностей, которую ему было действительно приятно выполнять. Он вспомнил о своих поездках в Мардев, в Дезу, о постоянных переездах из Дабрана в Теремию и обратно. «Возможно, Теремия всегда была центром моей жизни, но я побывал практически в каждом уголке моей родины». Хотя следовало признать, что Ардолия была исключением. Страну на востоке он мог посещать лишь изредка, хотя внутренне ощущал, что и это часть его отчизны. Каждый раз, произнося масридское название государства, он снова осознавал это. Словно сама земля напоминала ему о позоре влахаков.

Неожиданно в вечернем свете на дороге перед ними вырисовались силуэты всадников, которые неспешно двигались навстречу. Теплые лучи падали на щиты, копья и кожаные доспехи с металлическими пластинами, которые масриды называли легкими, играли на наручах и поножах, шлемах, которые закрывали почти все лицо. Их была целая дюжина. Натиоле взглянул на Арвана, старшего офицера. Опытный воин пожал плечами, но его рука неосознанно опустилась на эфес меча.

Доспехи и тяжелое оружие влахаков были плотно завернуты в холстину и ехали вместе с троллями на повозках. В долгих переходах солдаты оставляли на себе лишь самое необходимое из военного снаряжения. «По прибытии на место от доспехов будет ощутимо нести троллями», — подумал Натиоле наполовину сердито, наполовину весело. Но всепроникающий запах троллей не был проблемой, а вот масриды — были.

— Почему они вооружены? — прошептал он Арвану.

— Может, они преследуют грабителей? Или это один из их патрулей? Демонстрация силы?

— Может, нападение? Набег на Влахкис?

Солдат покачал головой.

— На них герб Бекезара — гриф. Никто не осмелится совершать вылазку на территорию соседнего государства с официальным гербом Ардолии.

— И на том спасибо, — пробормотал Натиоле, согласившись солдатом.

Возможно, это были воины самого марчега, призванные поддерживать порядок в этой безлюдной местности. Но недоверие принца по отношению к масридам было слишком глубоким.

— Все ведут себя вроде спокойно... — тихо сказал он. — Будьте внимательны, на

рожон не лезьте. Нельзя позволить провоцировать нас. Мы просто... путешествуем на восток.

Солдаты кивнули. Внезапно Натиоле очень захотелось, чтобы его кольчуга была не в повозке. Возможно, его беспокойство было нелогичным, но если дело дойдет до драки, то они окажутся в проигрыше, и не из-за того, что их меньше, а из-за того, что они слабее вооружены. «Драки не будет, — стал сам себя он уговаривать. — У нас мир уже очень много лет».

— Остановитесь!

Приказ был не особенно громким. Движением руки Натиоле оказал своим людям последовать приказу. «Может, лучше не называть своего имени, — подумал он. — Если наследный принц без доклада появляется в стране, это выглядит невежливо».

Масриды перестроились, образовав свободный полукруг перед влахаками. Их предводитель был крупным мужчиной с широкими плечами и шрамом на лице. Он небрежно сидел в седле, удерживая поводья в одной руке, а копьё — в другой.

— Что привело вас сюда?

Хотя вопрос прозвучал вполне буднично, Натиоле показалось, что он услышал оттенок враждебности в голосе. Это заставило его насторожиться.

— Мы здесь проездом. Направляемся к перевалу.

— Торговцы?

— Можно и так сказать...

— Довольно много металла для торговцев, — заявил предводитель масридов, посмотрев на Арвана.

— Ну, путешествие долгое и не совсем безопасное, — ответил Натиоле и улыбнулся, как он надеялся, дружелюбно. — Нужно защищаться.

— Действительно нужно. Вооруженные влахаки на пути к перевалу. Вот так оказия.

Эти слова озадачили Натиоле, и он не мог решить, что делать, но, прежде чем он успел ответить, масрид направил коня к повозкам. Юный влахак обеспокоенно смотрел, как некоторые солдаты крепче перехватили копьё. Конь командира масридов нервно загарцевал, но тот успокоил его, легко похлопав по шее, и подъехал ближе.

— Что у вас там?

— Э... вряд ли тебе будет это интересно, — вялоотреагировал Натиоле.

Он заметил испуганный взгляд Арвана, но поднял брови и слегка покачал головой.

«Что мне было сказать? Что погрузили туда троих троллей?»

— Что ты сказал, парень? Проклятье, я хочу знать, что в повозках, абсолютно точно!

Юный влахак беспомощно поднял руки.

— Поверь мне, ты и сам потом не захочешь...

— Ты, четырежды проклятый пожиратель глины! Что у вас там?

Услышав старое оскорбление масридов по отношению к влахакам, Натиоле вздрогнул. Инстинктивно он снова опустил руки, ощутив успокоительную силу меча на боку. Ариан, казалось, тоже почувствовал, что пахло жареным, жеребец тихо заржал и запрядал ушами.

Масрид подъехал еще на два шага. Его конь отчаянно фыркал, гарцевал на месте, но всадник удерживал бедное животное, и, похоже, его не сильно заботило поведение жеребца. Острие копьё медленно опустилось к краю повозки.

— Что там под покрывалом?

Натиоле вопросительно глянул на Арвана, но тот неподвижно уставился прямо перед собой.

— Что?

И, не дожидаясь ответа, масрид копьём откинул в сторону грубую ткань.

— О духи... темноты!!!

Его крик окончательно взбесил жеребца, и он поднялся на дыбы, выкатив глаза, очевидно намереваясь выбросить всадника из седла. Некоторое время масрид был занят тем, чтобы не свалиться. Его спутники мгновенно подняли щиты и копьё. Им не было видно, что

находится на повозке, но реакция командира послужила достаточным предупреждением.

— Нападение! — прокричал масрид. — Уничтожить их!

Натиоле мгновенно вытащил меч, и другие влахаки последовали его примеру. Противники заняли позиции и замерли. Солнце послало на землю последний золотистый лучик, окутавший вооруженных людей, готовых убивать, и скрылось, не желая видеть смертей и крови...

...И тут Врак с ревом подскочил! Да так, что повозка чуть не перевернулась. Темнота, клубясь, сгустилась вокруг глубинного, мрачные тени буквально липли к нему, подтверждая слова масрида — восстал Дух темноты!

Натиоле хотел уже было напасть на своего противника, но конь командира масридов снова с диким ржанием поднялся на дыбы, развернулся и понес прочь, через поле.

Огромными прыжками дитя Анды помчалось к группе масридов, которые мгновение тупо пялились на восставшего демона ночи. Еще пара шагов, и солдаты на своей шкуре ощутили бы его ярость... Но люди неожиданно поняли, что осторожность мудрее храбрости, и последовали за своим предводителем настолько быстро, насколько могли. Глубинный тролль преследовал их и чуть было не догнал, но им повезло: беготня троллю наскучила и людям удалось скрыться. Врак с ворчанием вернулся к повозке.

— Люди! Фу! Жалкие слабые трусы!

Он презрительно плюнул.

Керр, который только что проснулся, взглянул на Натиоле:

— А что случилось?

— Расскажу по дороге. Нужно поскорее продолжать путь и надеяться, что они не будут преследовать нас. Моему отцу придется объясняться с марчемом, но, думаю, он справится.

И они поспешно поехали дальше. То, что поездка с троллями не будет приятной прогулкой, Натиоле ожидал, но стычка с масридами... Такого он не предполагал.

24

«Пусть я не достойный слуга Божественного света, но все равно мы не заслужили этого нового испытания», — думал Корнель, спеша по улицам Теремии. Священнику совсем не пристало бежать, но выбора не было. Подобрал одеяния, он неся по улицам, и его сандалии шлепали по брусчатке. Люди уступали ему дорогу, часто неохотно, но Корнель не обращал на это внимания и при необходимости просто протискивался сквозь толпу.

Один из немногих верных прихожан принес известие, что разгневанная толпа захватила Гарьяса. Влахаки угрожали повесить юного священника ордена Альбус Сунас на ближайшем дереве! Ну или просто забить до смерти...

С того момента, как в городе распространилась весть о смерти боярыни Флорес сал Дабран, город бурлил, как адский котел. Большинство жителей обвиняли масридов. «И, наверное, в Ардолии точно так же отреагировали на убийство марчега Бекезара, только там скорее обвиняют влахаков».

Когда он наконец добрался до квартала Апас, солнце почти скрылось, и священник заторопился. Он боялся, что обнаружит бездыханное тело Гарьяса подвешенным на дереве. Портовый квартал находился в Ремисе, восточной части города, на его кривых улочках трудно было не заметить толпу, которая окружила священника. Еще издали Корнель услышал крики возбужденных влахаков.

— Масридская собака!

— Месть за Флорес!

— Смерть всем форбсам!

— Смерть угнетателям!

То, что Гарьяс на момент масридского господства над Влахкисом был еще маленьким мальчиком, казалось, совсем не волновало возмущенных горожан.

Наконец Корнель обогнул угол дома и оказался прямо перед орущими людьми.

Здесь собралось несколько дюжин жителей Теремии, а в центре находился Гарьяс, с руками, связанными за спиной, и мешком на голове. Его когда-то белое одеяние было покрыто грязью и нечистотами. Дети развлекались тем, что бросали в священника гнилыми овощами и всем, что находили на замызганной улице. Двое мужчин как раз в этот момент пробирались к Гарьясу. Один из них сжимал в руке прочную веревку. Было несложно разгадать их намерения. Они принялись подталкивать пленника в сторону небольшой группы деревьев.

Корнель сделал глубокий вдох. Может кончиться плохо как для юного помощника, так и для него самого, если он вмешается. Но какой у него выбор? «Мы все находимся в руках Божественного света, — подумал он. — Он защитит меня. Или лишит своей милости. Все в его власти».

Одним рывком Корнель пробился вперед, в центр взволнованной толпы. Он проигнорировал гневные крики собравшихся и просто поднял к небу обе руки. Затем он призвал к себе Божественный свет, вызвав на темном небе сверкающую молнию.

— Послушайте меня! — громогласно крикнул он.

— Эй, а вот еще один! — раздался возмущенный ответ, и какая-то на редкость деятельная женщина крикнула:

— Давайте его тоже повесим!

— Тихо! — крикнул Корнель еще громче, и действительно люди притихли.

— Вы все знаете, кто я, — начал священник. — Вы не очень любите меня, но мне безразлично. Вы знаете, почему я все еще здесь, в Теремии, и почему каждый трижды проклятый день читаю проповеди в честь Божественного света. Потому что воевода Висиния сал Сарес позволила это мне. Она хотела, чтобы я это делал. Она хотела мира между влахаками и масридами. И она доверяла мне.

Он задержал дыхание на мгновение. Имя Висинии все еще имело большой вес, влахаки чтити память воеводы. И он хотел использовать имя покойной княгини.

— Флорес сал Дабран мертва, — продолжил он, и сразу же раздалось несколько гневных выкриков, но он не обратил на их внимания, а лишь крикнул еще громче: — Подлю убита в Соркатах! Но вы же не верите на самом деле, что Гарьяс имеет к этому какое-то отношение! Он все это время был здесь, в Теремии!

— Он — проклятый форбс! Масрид! — прозвучало гневное восклицание.

— Он — влахак, проклятье! Посмотрите на него! Влахак, которому доверяет ваш господин. Точно так же, как он доверяет мне.

И мысленно добавил с горечью: «Он доверяет мне ровно настолько, чтобы не повесить». Но ни один мускул на его лице не дрогнул, словно он ни капельки не сомневался в своих словах.

— И вы хотите пойти против воли воеводы? Вы хотите обесчестить память его супруги, действуя против ее воли?

Теперь Корнель увидел, что настроение изменилось. Большинство присутствующих не были уверены, говорил ли священник правду, и в их головах зародилось сомнение. «По крайней мере, они боятся гнева главы государства, пусть и не Божественного света», — подумал Корнель.

— Ваш господин, воевода, пообещал найти убийц. Может, вы лучше предоставите ему право наказывать виновных?

Наконец эта фраза дошла до понимания толпы. Люди нерешительно отстранились от Гарьяса, пока не образовался коридор, по которому Корнель смог пройти к своему помощнику. В три быстрых шага он был возле юноши и стянул мешок с его головы. По лицу Гарьяса текли слезы. «И от него несет так, словно он обделался», — подумал Корнель с отвращением. Тем не менее он схватил бедолагу за руку.

— Пойдем. Нам срочно нужно в крепость.

С этими словами он потянул Гарьяса сквозь толпу влахаков, которые медленно расступались перед ними.

Корнель знал, что этот момент был решающим. Возможно, им позволят уйти. Но достаточно будет единственного провокационного выкрика или поступка, чтобы настроение собравшихся снова изменилось. Если сейчас в них полетит хоть один камень — они пропали, в этом Корнель был абсолютно уверен.

Шаг за шагом они продвигались вперед. За ними следовали взгляды, гневные и отчаянные. Священник старался идти не слишком быстро, хотя его чувства в панике приказывали бежать, разум сдерживал, заставляя медленно ступать вперед. Корнель не мог позволить себе, чтобы их уход был похож на бегство. Наконец через некоторое время, почти вечность, они добрались до большой площади перед храмом Альбус Сунас.

Только сейчас Корнель осмелился обернуться. Толпа влахаков осталась далеко позади, и священник солнца послал небу благодарную молитву.

Гарьяс безостановочно бормотал себе под нос слова благодарности и еще что-то бессвязное. Корнель вздохнул.

— Я отведу тебя в замок, — сообщил он. — Прими ванну. И ради всего святого, не выходи в город в ближайшее время! Даже в храм, если только тебя не будут сопровождать солдаты. Я поговорю с воеводой и попрошу у него защиты.

Когда священники добрались до крепости, наступил поздний вечер. Если стражники на воротах и заметили жалкое состояние Гарьяса, то удержались от комментариев, за что Корнель был им благодарен.

Отведя молодого помощника в задние комнаты капеллы, он быстро вымыл лицо и руки. Его следующее задание было не намного легче предыдущего. На сегодняшнюю ночь было запланировано прощание с боярыней Флорес, и он знал, что не может оставаться в стороне от предстоящей попойки. Он не придавал большого значения сборищу, но догадывался, что навлечет на себя еще больше подозрений, если не появится хотя бы на короткое время.

Он не собирался медлить, поэтому сразу же вышел из капеллы и отправился в маленький зал. Хотя он сам был влахаком, но всегда чувствовал отвращение к безудержной пьянке, которую устраивали в стране между гор в честь каждого умершего. Почему нельзя просто тихо погоревать и предоставить каждому в отдельности проститься с покойным?

Когда он добрался до зала, то сразу понял, что поминки боярыни уже идут полным ходом. Зал был забит людьми, и большинство из них держали в руках кружки и кубки, из которых они уже выпили довольно много вина.

Мужчина с редкими седыми волосами, которого Корнель знал только в лицо, как раз произносил прощальную речь:

— ...и тогда, когда положение для заложников стало более чем опасным, а Нати и Стен сидели как проклятые в ловушке, пришла немес Флорес, прихватив с собой целую толпу троллей. И я уверен, что при этом она угрожала большим парням, что отлупит их, если они не помогут ей спасти брата...

Смех наполнил маленький зал, когда старик преподнес свой вариант истории о заложниках, освобожденных из рук Цорпада. Корнель поискал глазами воеводу, тот сидел во главе длинного стола, окруженный подданными. Рядом с ним сидела юная дирийка, перед которой стоял оставленный без внимания кубок. «Вот еще человек, которому весь этот шум не по душе», — подумал Корнель.

— Выпей, форбс, — кто-то грубо толкнул священника в бок. — Или не хочешь почтить боярыню?

Корнель поспешно схватил предложенную кружку.

— За Флорес сал Дабран!

И отпил большой глоток.

— Так... лучше.

И подвыпивший влахак поплелся дальше. Священник стал пробираться к столу воеводы. Заметив его приближение, дирийка отодвинулась, чтобы он мог сесть рядом с ней на длинной скамейке. Он благодарно кивнул ей.

— Я думала над вашими словами, — прошептала она ему. — Я верю, что кто-то действительно хочет новой войны. И поэтому вместе с марчемом должна была умереть и боярыня.

Корнель показал головой в сторону воеводы:

— Он тоже в это верит?

Артайнис нерешительно наклонила голову набок.

Стен сал Дабран как раз в этот момент встал и поднял кружку.

— Моя сестра, — громко начал он, отчего все другие в мгновение ока замолчали. — Моя сестра была трижды проклятой упрямой влахакой. Если она что-то вбивала себе в голову, то не было в мире такой силы, которая смогла бы переубедить ее. Поэтому она стала лучшей воительницей Дабрана. Поэтому она двадцать лет назад спасла меня, Нати и Висинию. Поэтому она решила выступить с нами в битве троллей. И с таким же упорством она продолжала любить масрида — Тамара Бекезара, вместе с которым она и нашла свой конец. Я уверен, что она сражалась до самого последнего вздоха. И я надеюсь, что то, чего Флорес не нашла в жизни, она обретет после смерти. Но наша задача — найти убийц Флорес и Тамара. Всех до единого убийц.

Затем воевода поднял кружку выше.

— За Флорес!

И залпом осушил ее.

Почти каждый в зале поступил точно так же. Когда Стен сел, Корнель заметил, что, хотя воевода явно прилично выпил, он был гораздо трезвее, чем большинство присутствующих.

— Это смело с вашей стороны — прийти сюда сегодня, — сказал он, повернувшись к Корнелю.

— Было бы гораздо глупее не появиться, — ответил священник.

— Гнев влахаков велик, священник. Никто не знает, кто сейчас правит Ардолией и что планируют масриды. Винтила и многие другие мои советники настаивают на том, чтобы собрать под своими знаменами мужественных воинов, и я склонен согласиться с ними. Даже не знаю, как долго мне удастся защищать орден Альбус Сунас.

— Я сегодня уже прочувствовал гнев людей, — ответил священник.

А затем неожиданно ему пришла одна мысль.

— Разрешите мне отправиться в Ардолию, воевода. Разрешите мне узнать, кто стал наследником марчеге Бекезара. И если мое предположение правильное и это несчастье вызвали поджигатели войны, то там я смогу, наверное, узнать больше, чем здесь.

На мгновение глаза Стена сузились в тонкие щелки, и он мрачно глянул на священника солнца:

— Именно сейчас вы хотите сбежать в Ардолию, священник? К таким же, как вы?

— Стен, если бы он хотел сбежать, то уже давно бы это сделал, — вмешалась в разговор дирийка. — Но если есть еще возможность сохранить мир между Ардолией и Влахисом, то почему бы ею не воспользоваться, правда?

Воевода повесил голову. Он выглядел как человек, которому предстоит нести непомерный груз.

— Думаю, моя сестра ни в коем случае не хотела бы, чтобы из-за нее началась новая война. Хорошо, Корнель. Отправляйтесь в Ардолию. Но... — Стен помедлил немного, а потом продолжил: — Вы должны сделать кое-что для меня. Для моей семьи. У Флорес и Тамара есть дочь. Ана. Она такого же возраста, как Натиоле. И она наследница Тамара и его трона.

— Простите, воевода, но многие масриды не захотят видеть ее на троне в Турдуе. Если я правильно проинформирован, то есть и другие претенденты из дома Бекезаров, сыновья брата Гиулы, которые найдут у народа больше поддержки, чем женщина, к тому же наполовину влахака. И, более того, — бастард.

Молниеносным движением, которого невозможно было ожидать от человека в его

возрасте, воевода схватил священника за плечо. Его пальцы больно впились в плоть Корнеля.

— Никогда больше не говорите о моей сестре без должного уважения, форбс, или о моем народе. Может, вы и выбрали другой путь, но, пока я — воевода Влахкиса, больше ни один влахак в этом зале не будет оскорблен.

Корнель с трудом подавил панику. Он неуверенно поднял руки и медленно кивнул в подтверждение того, что понял слова воеводы.

Стен ослабил хватку. Словно ничего не произошло, он отпил еще один глоток вина.

«Будет лучше исчезнуть отсюда, пока еще возможно, — подумал Корнель, осторожно потирая плечо. — И я должен взять с собой Гарьяса. Будет достаточно искры, чтобы огонь охватил сразу всю страну».

25

Единственное, что приносило Ацоту спокойствие, это только охота. Для себя он давно решил, что все тролли, будь то потомство Анды или древние племена, в душе были охотниками. Они жаждали охоты больше, чем всего остального. Охота означала — быть полностью *троллем*.

Глубоко внизу, в пещерах охота была трудной, но могучее создание было только радо этому. Здесь охота была настоящим вызовом, здесь могло выжить только потомство Анды. Серяки редко спускались так глубоко, да и обжоры держались выше, поближе к своим жертвам. Иногда сюда забирались гномы, которые прокладывали шахты так глубоко в недра земли, в обход пещер троллей, в надежде что внизу нет никаких врагов. Эта мысль развеселила Ацота, и он презрительно оскалил клыки. «Здесь, внизу есть нечто похуже простых троллей».

Слишком часто потомству Анды приходилось довольствоваться тем, что еще могло расти на такой глубине. Лишайниками и грибами, которые можно было найти у горячих источников. Это была пустая еда, которая насыщала тело, но разум продолжал голодать. За ней не нужно было охотиться, добывание ее не требовало никаких особых навыков. А значит, такая еда делала охотника слабым.

Керр рассказывал, что у людей на поверхности есть свои растения, о которых они заботятся, словно те — их дети. Поэтому Ацота не удивляло, что люди были маленькими и слабыми. Так же как и гномы, ведь недомерки тоже строили большие пещеры, где выращивали грибы и лишайники. Ацот видел подобные сооружения, когда гномы попрятались от гнева троллей. Маленьким тварям пришлось бросать обжитые места, когда они столкнулись с потомством Анды.

После их отхода глубинные тролли, ведомые запахом растений, земляным и сладковатым, обнаружили огромную пещеру. Там было достаточно еды для целого племени, для многих племен. Дреег показал Ацоту пещеру, ее невероятную высоту, желоб для воды — все работа гномов, которую он чувствовал подсознательно.

Они опустошили пещеру, взяли с собой столько еды, сколько могли унести, и пошли дальше. «Так должно быть! Тот, кто связывает свою жизнь с местом, и вещами, теряется вместе с ними». Глубоко внутри Ацот знал, что он другой и что эта непохожесть на других делала его сильным, сильнее людей и гномов, сильнее даже старых троллей, которые отчаянно держались за свой способ существования. Ацота нельзя было ранить, отобрав у него что-нибудь, так как у него не было ничего, что бы он ценил. Кто хотел убить его, должен был прийти к нему и сражаться, а Ацот не боялся никакого противника и никакой борьбы. Он даже тосковал по ней.

Керр понял это. Ацот услышал это в словах тролля. Но Керр был слишком долго с людьми и слишком много слушал других троллей. Так что хоть он и понимал Ацота, но не разделял силы, которой обладало потомство Анды и которая происходила из пренебрежения ко всему. Сердце Керра было привязано к вещам и троллям, и даже к людям. Слабость, которую Ацот никогда не позволял себе.

Дреег прокатился над миром и сквозь него. Тролль почти добрался до своей цели. Он снова искал то место, которого все другие избегали. Место смерти.

Его шаги были беззвучны, но он знал, что их все равно чувствуют. Его движения были бесшумны, но он знал, что его уже обнаружили. Он мрачно оскалил зубы. Охота еще лучше, когда не ясно, кто жертва, а кто охотник.

В широком туннеле царила всепоглощающая тишина. Но среди запахов камня улавливалась теперь другая нотка — острая, сухая, почти едкая.

Он провел когтями по стене и почувствовал ее сопротивление. Он подошел очень близко. Снова прошел дреег, удивительная ясность удара сердца, объятие мира. Ацот соединился со своей жертвой, со своим охотником.

Противник вырвался из глубины туннеля. Он был быстр, скользил частично по полу, частично по стене. Его длинные лапы цокали по твердому камню.

Пригнувшись, Ацот прыгнул навстречу, принял на себя его вес и резко отшвырнул. Острые лапы противника царапали кожу, оставляя полосы. Обитатель туннеля дернулся вперед, и его запах ударил в ноздри тролля: дикий и сильный; достойный противник. Ацот хотел схватить его, но, прокрутившись, тот вывернулся и схватил дитя Анды хелицерами за ногу. Боль пронзила тело до самого живота, огненно сверкающая, словно ненавистный свет гномов.

С ревом Ацот опустил кулак пауку на спину. Еще один удар, и жесткий панцирь треснул. Паук снова укусил, запуская смертельный яд в его тело. В гневе Ацот схватил врага за ногу и швырнул во мрак. Трепыхаясь, чудовище полетело в туннель, в то время как Ацот, тяжело дыша, отбросил еще дергающуюся ногу и подошел к созданию тьмы. Паук пытался убежать, может, из-за боли или страха или потому, что доверял действию своего яда, но тролль не позволил ему уйти.

Ацот прижал врага к полу и ударил кулаком по головогрудю. Оставшиеся ноги царапали по скале, паук дергался, но Ацот был безжалостен. Снова и снова тролль наносил удары, дробя панцирь, пока передняя часть тела паука не превратилась в кашу. Только когда чудовище перестало двигаться, тролль отпустил его.

Ацот поднялся, тяжело дыша, боль снова пронзила бок. Он чувствовал яд в своем теле, пекуче горячий, разъедающий изнутри. Яд проникал в его внутренности, оставляя огненный след в мышцах. Тролль со вздохом сполз по стене на колени. Его дыхание замедлилось, когда боль взорвала грудь. Ацот осторожно ощупал рану; кожа приподнялась, и мышцы медленно растворялись. Это был один из пауков с желтыми пятнами, а не коричневый. Коричневые устраивали ловчие сети в туннелях, а желтые прятались за фальшивыми стенами — блоками из склеенных паутиной камней.

Ацот дышал все тяжелее. Гномы выпускали в туннели пауков, чтобы бороться с троллями. Они выращивали их для того, чтобы те охотились на троллей и убивали их своим ядом. Но пауки размножались и в качестве корма для паучат использовали как троллей, так и гномов. Тролли научились обходить пауков, их чувства были достаточно остро развиты. А вот гномы постоянно попадали в ловушки. На искаженном от боли лице Ацота мелькнула улыбка. «Маленькие сволочи хотели сделать кормом нас, но теперь их самих жрут».

Тролль боролся с действием яда. Кровь Анды, кровь сердца, защищалась против разрушительной силы, снова стягивая то, что было уничтожено, удаляя все чужеродное и мощно двигаясь по артериям. Еще один дреег, и его раны закрылись, так как удар сердца земли воспламенил кровь Анды.

Устало и пока еще неуверенно Ацот поднялся на ноги. Он запрокинул голову и проревел в темноту о своей победе и силе, которая переполняла его. Его голос отразился эхом от стен и разнесся далеко в вечные тени мира, предупреждая врагов о присутствии тролля. Другие из ветви Анды смогут услышать его и порадоваться победе.

Он медленно подошел к мертвому противнику. По очереди тролль вывернул и осторожно оторвал мохнатые ноги чудовища. Затем отделил панцирь от незащищенного брюха и вонзил клыки в теплую плоть. О, это был замечательный вкус, и тролль ел, пока

живот не разболелся от пресыщения. Затем он выдрал когтями еще пару сладких кусков, которые собирался взять с собой про запас. Лапы Ацот тоже аккуратно собрал. Еще бы, это был настоящий деликатес. Теперь нужно поискать воду, чтобы вдоволь попить и высосать мягкое вкусное мясо из паучьих ног.

Довольный тролль покинул место своего триумфа. Его жизнь была хорошей, у него была хорошая еда, и он был хорошим охотником.

Мир под поверхностью принадлежал ему.

26

Совсем недавно казалось, что в этом году лето решило не покидать страну меж гор. Но прошло немного времени, и стали проявляться первые признаки осени. С Соркат подул резкий ветер, и ранним утром было ощутимо прохладно.

Вообще раннее утро было не самым любимым временем суток для Артайнис, но она предпочла покинуть крепость Ремис как можно раньше. Она даже обошлась без услуг Воисы, так как выскользнула из своих комнат на восходе. Первые лучи окрашивали небо, и стая ворон кружила над стеной, когда девушка проходила крепостные ворота.

За прошедшие недели в крепость все прибывали и прибывали солдаты. Многие влахакские дворяне последовали призыву воеводы и подтягивались в Теремию со своими воинами. Если масриды нападут... Никто не хотел, чтобы его застали врасплох. Войско росло, но места совершенно не хватало, Хотя после пожара повсюду шли восстановительные строительные работы.

Басцаи и его спутники десять дней назад вернулись в Турдуй, и с тех пор влахаки еще не получили новостей о том, кто же наследует титул марчега Ардолии. Но все больше становилось голосов, которые громко заявляли: для воеводы настал подходящий момент, чтобы отвоевать последнюю часть Влахкиса и навсегда изгнать масридов за горы. Почти каждый день устраивалось обсуждение или заседание совета, дворяне и другие предводители влахаков постоянно толпились в комнатах воеводы.

Священник Корнель отправился в Ардолию вместе с масридским командиром и его людьми, и казалось, что Стен сал Дабран ожидает от него вестей о событиях в Ардолии. Воевода занимал скорее выжидательную позицию, хотя по настоянию советников все же начал собирать войско. «Война была слишком давно... Влахаки слишком долго жили под гнетом», — думала Артайнис, пробегая мимо палаточного городка, который образовался под крепостными стенами и в котором размещались солдаты прибывших дворян.

Перед городскими воротами тоже были разбиты лагеря. С востока потянулись беженцы. Многим влахакам старшего поколения ситуация напомнила время освободительной борьбы, и никто не хотел оказаться на... неправильной стороне границы, если война снова начнется. Артайнис слышала от Воисы, что из Теремии исчезло много масридов. «Двадцать лет они прожили бок о бок, но хватило двадцати дней, чтобы все это забылось». Некоторые пустующие дома уже нашли новых владельцев, но все же многим пришлось устраиваться перед городскими воротами.

Однако целью Артайнис был не разрастающийся военный лагерь, а городской квартал Сцерали. А точнее, один торговец. Найти во Влахкисе дирийские товары было не так-то и легко. Перевалы, которые объединяли две страны, были слишком труднопроходимы. Поэтому дирийский магазин в самой зажиточной части Теремии считался местом исключительной роскоши, где лишь некоторые горожане могли позволить себе делать покупки. «Но, к счастью, папа отправил меня в ссылку не с пустыми руками», — подумала Артайнис, с благодарностью чувствуя вес кожаного мешочка на поясе в складке кипасиса.

Магазин дирийца даже внешне сильно отличался от соседних домов. Влахаки строили в основном приземистые деревянные или фахверковые дома, которые могли противостоять ветру и непогоде, а в империи все планировалось исходя из того, что результат должен быть приятен глазу. Торговец Сайкос хоть и не имел в Теремии возможности воспользоваться

драгоценными породами древесины и привлекать опытных ремесленников своей родины, зато приложил все усилия, чтобы выделить фасад в ряду других с помощью искусной резьбы, изображавшей картины динамичной истории золотой империи и некоторые мифические образы, как, например, крылатых небесных быков. Фигуры у входа, обтянутые листовым золотом, завершали образ, кричащий о богатстве владельца. Вывеска над дверью сообщала, что Сайкос продавал здесь самые изысканные и редкие товары из золотой империи.

Не желая слишком долго находиться на прохладном утреннем воздухе, Артайнис совсем недолго полюбовалась лавкой и быстро вошла внутрь.

Маленький полноватый мужчина средних лет в вышитом платье поспешил к ней, едва серебряный колокольчик на входе извести о прибытии клиента. Узнав ее, он склонился в полоне чуть не до пола.

— Фрика Артайнис Вульпон! Какая честь, что вы озарили своим блеском мой скромный магазин!

— Я приветствую вас, Сайкос, — ответила Артайнис.

После нескольких месяцев во Влахкисе ей стала особенно заметна разница между краткими фразами местных жителей и витиеватыми оборотами ее соотечественника. Даже уважительное обращение «фрика», как к даме высших слоев, радовало ее сердце. Обращение «немес» просто не могло сравниться с ним.

— Присаживайтесь, госпожа.

Торговец быстро выставил табурет на трех ножках.

— Разрешите угостить вас чаем, фрика? Хотя у меня сейчас в запасах остались лишь листья среднего качества из малоизвестных районов, которые едва ли смогут удовлетворить ваш тонкий вкус, воспитанный на изысканной радости, но я знаю, что в такой мрачной стране вообще трудно достать приличный напиток.

Артайнис с благодарностью кивнула.

— Было бы замечательно выпить чаю.

Торговец исчез в задней части магазина, послышался звон посуды. Девушка осмотрелась в лавке. Помещение было до потолка заставлено полками, на которых был красиво разложен товар. Рулоны дорогих тканей — как, например, крашеный шелк — лежали на самом верху, под ними находилась кожа изысканной отделки. Здесь также были папирусы и различные чернила, украшения и благовония и, естественно, драгоценные пряности в стеклянных баночках на деревянных подставках. «Чтобы привезти все это из Дирии, понадобился целый караван». Сайкос регулярно получал товар, так как его слуги неутомимо мотались между империей и Влахкисом, приумножая богатство торговца.

Сайкос вернулся с подносом, на котором стоял серебряный чайник и две крохотные чашечки. Торговец ловко разлил ароматный напиток, затем подал Артайнис одну из чашек. Девушка со вздохом отпила небольшой глоточек.

— Прекрасно. Благодарю вас.

— Я доволен, когда вы довольны, фрика, — ответил торговец и смиренно склонил голову. — Какие еще скромные услуги я мог бы оказать вам?

— Большое количество чая, — просто сказала она. — Но в первую очередь кофе. Я полностью исчерпала свои запасы и по утрам едва могу открыть глаза. И мне также понадобится ваш усыпляющий чай, а также целебный чай.

Артайнис не знала, оказывает ли напиток, которым она потчевала Ионниса, хоть какой-то положительный эффект, но у нее было большое желание продолжать попытки. «И я просто не могу понять, как люди во Влахкисе встают по утрам, не выпив чашки кофе. Вода или молоко не идут ни в какое сравнение с этим пробуждающим напитком».

Сайкос с сожалением покачал головой.

— Чай я, конечно же, смогу продать вам, фрика, — заверил он ее. — Но кофе?..

Он поднял руки в жесте, выражающем полную беспомощность.

— Силки, которые были здесь проездом, выкупили все мои запасы. Они почти

ограбили меня, но такой человек, как я, должен быть доволен такими клиентами, ведь они хотя бы оплатили товары, хотя были очень невежливы. Теперь я могу лишь надеяться, что до начала снегопада еще один караван успеет преодолеть перевал, обеспечив мне новую поставку. В противном случае придется дожидаться весны.

— Силки? — озадаченно переспросила Артайнис. — Какие силки?

— О, несколько недель назад пара силков была здесь. Один из них точно был князем, если у них вообще есть князь. Он не хотел, чтобы его узнали, поэтому даже здесь, в моей лавке не снимал головного убора. Но я хорошо знаю людей и чувствую, когда человек предводительствует, а этот силк был как раз таким.

— И что силки хотели здесь? — Артайнис прервала поток слов торговца. — Они были проездом?

«Но проездом куда?..» — сразу же спросила она себя. Ей показался крайне странным тот факт, что жители крепости Ремис ничего не знали о дирийских гостях. При этом силки должны были вызвать внимание влахав, и слух об их прибытии должен был бы распространиться со скоростью молнии.

— К сожалению, я этого не знаю, фрика. Я попытался расспросить силка, куда он намеревается ехать, но он, — здесь торговец сделал эффектную паузу, — он более чем невежливо отреагировал на мои расспросы. В конце концов я посчитал за лучшее не подвергать свое здоровье опасности и больше ни о чем не спрашивал. Я ведь всего лишь простой торговец.

— Значит, силк пришел к вам, не сказал, куда он направляется, скупил весь ваш кофе и снова исчез? — Артайнис подытожила рассказ дирийца о странном происшествии.

— Так и никак иначе, госпожа, — поспешил заверить ее торговец.

— Странно. Но, возможно, силки выполняли поручение самого императора, кто знает?

«Прямо здесь... Во Влахкисе? Если это и так, то воеводе не помешает узнать об этом. Я должна рассказать о странных посетителях, когда увижу его в следующий раз».

— Фрика, вы позволите?

Торговец отнес поднос в задние комнаты и принялся насыпать небольшой лопаточкой чай из больших глиняных кувшинов в маленькие пакетики.

— Вот этот лист, госпожа, обладает почти таким же эффектом, как кофе, — заверил он ее.

Артайнис с недоверием понюхала предложенный пакетик.

— Ну хорошо, Сайкос. Я попробую.

Сияя от радости, торговец потер руки.

— Очень хорошо, фрика. Я предложу вам замечательную цену за эти смеси.

Артайнис с улыбкой откинулась назад. Торговец сейчас назовет ей цену, накрученную в три раза, и она выразит полное замешательство. В эту игру они будут играть так долго, пока каждый из них не почувствует, что получил хоть небольшую выгоду.

Артайнис хорошо владела такими приемами торговли и знала об этом. Пока она умело настраивала выражение лица, подумала: «Как же я на самом деле соскучилась по таким мелочам, как поторговаться с лавочником...»

Когда дирийка ближе к полудню возвращалась в Ремис с пакетом покупок, крепостной двор уже был заполнен ремесленниками, воинами и слугами. Холодный утренний ветер исчез, уступив место теплему осеннему солнцу.

Пройдя через внутренние ворота, Артайнис, к своему удивлению, обнаружила Стена сал Дабрана на крепостной стене, откуда открывалась широкая панорама города. Воевода сложил руки за спиной и, прикрыв глаза, подставил лицо солнцу. Он стоял абсолютно неподвижно, словно его не трогало ничего вокруг.

Дирийка неуверенно приблизилась к нему, так как не знала, может ли побеспокоить его в такой момент. Собственно, она должна была рассказать о силках, но, возможно, сейчас было неподходящее время? И, кроме того, она не была уверена, что Стен придаст новости

значение, учитывая груз проблем, и без того отягощавший его разум и душу.

«Но по крайней мере я должна поздороваться. Потом я соображу, что рассказывать ему, а что — нет».

— Стен? — осторожно начала она, и тот обернулся.

Его темные глаза секунду смотрели на нее, потом он улыбнулся, открыто и дружелюбно.

— Артайнис. Как здорово видеть тебя.

С тех пор как пришло сообщение о смерти его сестры, она не видела воеводу таким расслабленным. Глубокие тени на его лице разгладились, глаза блестели, и он снова был энергичным человеком, каким предстал перед нею при первой встрече несколько месяцев назад.

— А мне вас, — ответила девушка. — Произошло... что-то особенное? — осторожно поинтересовалась она.

Улыбка Стена стала еще более радостной.

— О, да, это так, — ответил он. — Ионнис наконец проснулся.

27

— Я думаю, что нам удалось.

Керр с удивлением посмотрел на Натиоле.

— Что удалось?

— Уже сегодня ночью мы начнем подъем. А завтра рассвет застанет нас в золотой империи.

Керр с любопытством огляделся, но ландшафт не изменился. Путников окружали скалы и осыпи. Горы вздымали мощные вершины. Все пахло так же, как и во Влахкисе, прохладный воздух был на вкус таким же. Дреег был здесь слабее, но остальное не изменилось. Над троллем простиралось непостижимо далекое небо с мерцающими звездами, ветер завывал над перевалом.

— А Дирия похожа на Влахкис? — осторожно поинтересовался тролль.

Если верить рассказам Саргана, их целью была фантастическая страна, совершенно отличающаяся от Влахкиса, больше, величественнее, красивее и во всех отношениях лучше. Керр не заметил здесь ничего такого, что подтверждало бы хоть часть из рассказов Саргана.

— Что ты имеешь в виду? — Голос Натиоле приглушал кусок ткани, который прикрывал подбородок до самого носа и шею юноши.

Раньше Керр спросил бы, зачем эта тряпка, но сейчас ему достаточно было знать, что причина есть. Люди порой делали настолько странные вещи, даже в мелочах, что пояснения ничего по сути не поясняли, а расспросы давали мало полезной информации.

— Страна. Она такая же, как твоя?

— Я еще никогда не был в империи, не говоря уже о самой Дирии или Колхасе. Там должно быть теплее, зимы короче и не такие лютые. Поэтому люди не носят теплую одежду. Ионнис рассказывал, что ландшафт более скудный, чем у нас. В основном степи и овраги, лесов почти нет. Иначе, чем во Влахкисе.

— А она больше?

— О, да. Намного больше. Империя огромна, в несколько раз больше Влахкиса. Она простирается на запад до Ларгического моря, на север до пустыни варваров и на восток далеко в степи, где живут силки и другие, странные народы.

— То есть большая, — попыток Керр и пошел дальше.

Он никогда до конца не понимал пристрастия людей занимать участок земли и говорить, что она принадлежит им. Конечно, они строили на земле вещи, например эти замки, но их можно разрушить... В конце концов, земля вечна, а люди — нет. Сколько он знал Стена, у людей шла война и спор с масридами и их магами солнца из-за земли, которую они делили. Страна между гор раскололась, и снова и снова находились люди, которые с

радостью убивали друг друга. «Может быть, все дело не в земле? И им это просто доставляет удовольствие? — предположил Керр. — Пард радовался войне, но ему не нужны были причины или какой-то особый повод для нее».

— Теперь мы снова сможем ехать медленнее, — сообщил Натиоле, оторвав тролля от мыслей.

— Почему?

— Даже если наша маленькая встреча с масридами имела последствия, то нас уже никто не будет преследовать по ту сторону перевала. Скоро мы будем в империи. Власть масридов кончается здесь.

— Но... разве они не могут преследовать нас? И догнать в империи?

— Могут, но люди в империи не позволят им это сделать. Иначе возникнут проблемы между империей и Ардолией.

— Проблемы?

— Политические проблемы.

— Если есть враги, их нужно убивать, — вмешался Цран. — Не важно, где они находятся.

Керр медленно кивнул. Это была стратегия, которой придерживался Пард и которая соответствовала сущности троллей.

— Все не так просто, — возразил Натиоле.

— Почему?

Керр услышал вздох человека. Тем не менее Натиоле ответил:

— Империя — могущественная, и как Влахкис, так и Ардолия ведут активную торговлю с нею. Если сейчас солдаты из Ардолии появятся на территории империи, то торговля прекратится. Или даже империя вышлет в ответ своих солдат. Никто не хочет рисковать.

— Тогда и ваши враги могут просто убежать? Они могут спрятаться в империи и ваши солдаты ничего не смогут сделать против них?

— Точно.

— Это слабость, — заявил Цран. — Как можно бороться против врагов, которые прячутся? Если сильный, то сражаешься везде и против каждого.

— У вас, троллей, это так. У нас дело обстоит иначе. Это могло быть, конечно, так, но Влахкис и Ардолия слишком мелкие государства. А у империи гораздо больше солдат, они лучше вооружены и... тому подобное...

— Но у вас есть мы. Мы друзья.

— И это хорошо.

После этих слов все замолчали. Натиоле сидел в седле, его конь не спеша шел шагом. Керр и Цран пристроились рядом. Маленький отряд двигался медленно, так как волю едва тащили тяжелые повозки. Где Врак, никто не знал.

Глубинный тролль просто исчез в темноте. Так он поступал теперь почти каждую ночь. Дитя Анды старалось держаться вдалеке от маленькой группы, что было только на руку Керру. Возвращался Врак четко перед рассветом, мрачный, в большинстве случаев молчаливый, и без промедления укладывался на повозку, прежде чем поднималось солнце. Такое поведение позволяло Керру хоть немного расслабиться и не волноваться о том, что постоянные гневные комментарии Врака в любой миг перерастут в нечто более опасное, чем просто слова.

Перед путниками медленно открывался перевал, за которым виднелись склоны Соркат, освещаемые лишь звездами. Тролль заметил чуть ниже отдельные деревья, которые постепенно переходили в настоящий лес. Керр снова удивился разнообразию растительного мира, который на поверхности, казалось, царил повсюду. «Кроме гор», — подумал тролль, глядя вверх, на заснеженные пики. Там, в вышине не было ни деревьев, ни кустов, лишь скалы и лед.

— Это Дирийская империя, — объявил Натиоле и указал вперед. — Где-то у подножия

— место, с которого начинается влияние империи, здесь находится граница, которую мы перейдем.

— Что нам нужно будет делать? — поинтересовался Цран. — Залазить?

— Что? Нет, дорога просто приведет нас туда.

— К месту... к границе?

— Да.

Натиоле с удивлением посмотрел на большого тролля, и Керр понял по лицу человека, что тот не понял вопроса. Поэтому он попытался уточнить.

— Как выглядит эта граница? Стена?

— Ах, ты об этом. Нет, нет. Никаких укреплений или чего-то подобного. Горы обозначают границу.

— Но как ты тогда ее узнаёшь?

— Мы просто уважаем ее. Каждый знает, что по ту сторону Соркат властвуют дирийцы.

Теперь и Керр был озадачен. Цран, бормоча, покачал головой. Снова люди делали совершенно непонятные вещи. То, что они твердо верили во владение, Керр еще как-то мог понять. И то, что они притязали на территорию, тоже. «Но почему они должны уважать это, если здесь вообще никто не живет? И что будет, если я захочу присвоить эту землю?»

Но он не задал вслух вопроса. Раньше он спросил бы и попытался понять. Теперь же он знал, что некоторые действия были чисто человеческими, не тролльскими. И тролли никогда не будут такими, поэтому ему не обязательно понимать людей во всем.

В этот момент из тени вынырнул Врак. Способность глубинного тролля двигаться бесшумно и незаметно впечатляла даже Керра, опытного охотника. В свете звезд можно было разглядеть, что на его клыках и когтях блестит кровь. «Охотник — всегда охотник, где бы он ни был», — промелькнуло в голове Керра.

Не говоря ни слова, Врак подошел к своей повозке и залез внутрь, не дожидаясь, пока вол остановится. Керр глянул на Црана, но тот лишь пожал плечами в ответ. Этому троллю молчание Врака тоже нравилось больше, чем постоянное недовольство и гнев. Гиганты тоже улеглись в повозки, и, когда солнце взошло, мир вокруг Керра исчез.

Когда Керр открыл глаза, то увидел чужое бородатое лицо. Тролль от неожиданности чуть не ударил незнакомца, но успел сдержаться. «Врак!» — в ужасе подумал он и выпрямился. Но Врак с недовольным видом сидел на своей повозке, а чужаки замерли на значительном расстоянии вокруг него полукругом.

Повозки стояли во внутреннем дворе с бассейном посередине. Волон нигде не было видно, но Керр слышал их запах; они были недалеко.

Тут тролль заметил быстро приближающегося к ним Натиоле, он размахивал руками, громкими криками отгоняя людей от повозки Керра. Некоторые ответили на языке, которого Керр не понял, но хоть он и слышал запах страха, их слова звучали сердито, словно поведение Натиоле мешало им.

— Вы проснулись. Это хорошо, — начал разговор юный влахак. — Тогда поспешим продолжить путь.

— Где мы?

— Это место называется Макаца, первая деревня империи по ту сторону Соркат. Мы остановились здесь на отдых, но кто-то заметил вас, и здесь собралось полдеревни, чтобы поглазеть.

Керр снова бросил обеспокоенный взгляд на Врака, но люди были либо достаточно умны, либо достаточно напуганы, чтобы подходить к глубинному ближе. Выражение лица Врака обещало ужасную и кровавую смерть каждому, кто осмелится приблизиться.

Жители деревни собрались вокруг повозки Керра, показывали на него пальцами, перешептывались, а некоторые даже хихикали. Керр неуверенно оскалил зубы в улыбке. Он знал, что так поступают люди, но после такого выражения тролльей любезности толпа

испуганно отшатнулась. «По крайней мере, теперь не хихикают».

— Чего они хотят? — прошептал он Натиоле, который, нахмурившись, стоял возле повозки.

— Вы для них — экзотика. Нечто чужое.

— Мы — тролли, — слышались слова Црана, здоровяк тоже встал, вызвав волнение толпы: люди снова отшатнулись, держась при этом на почтительном расстоянии от Врака.

— Да. Я и мои люди привыкли к вам. Но для этих вы — первые тролли, которых они увидели в своей жизни. К сожалению, я не говорю на их языке, и поэтому объясняться с ними тяжело. В противном случае я объяснил бы им, кто вы и как с вами нужно себя вести. Только единицы благодаря торговцам понимают отдельные слова по-влахакски.

— Мы должны как можно скорее отправляться, — заявил Керр, которому было неприятно внимание стольких людей.

Натиоле кивнул и стал пробираться сквозь толпу зевак.

— Я запрягу волов.

Керр огляделся в поисках других влахаков, но вокруг троллей были только чужаки.

— Врак, что бы они ни сделали, не убивай никого! — крикнул он глубинному троллю.

— Если хоть кто-то дотронется до меня, то сильно пожалеет.

— Не убивать!

— Не волнуйся. Не буду. Я, наверное, вырву руку... или что-нибудь такое...

Хотя люди держались на расстоянии, Керр осознавал опасность ситуации. Если Врак почувствует угрозу, он будет действовать как истинное дитя Анды, а это означало драку. А при таком количестве людей она могла легко превратиться в кровавую баню. И будет много мертвых. «Наверное, было бы все-таки лучше, если бы я отправился в путь один».

— Никакого вырывания рук. Откусывания голов. Они — не противники для тебя.

Врак не ответил, но Керр был уверен, что тот понял его. Но в том, выполнит ли глубинный тролль указание, Керр был гораздо меньше уверен. Осторожно, чтобы снова не испугать людей, Керр поднялся и отошел на два шага от повозки. Он двигался медленно и снова улыбался, только на этот раз не демонстрируя зубов. Запах страха стал еще сильнее, но по крайней мере люди вроде не собирались паниковать.

Даже при более близком рассмотрении Керр не заметил отличия местных от жителей Влахкиса. У здешних были в основном темные волосы, и все они были не особенно высокого роста, но последнее в глазах тролля было признаком всех людей. Их еда пахла иначе, но их тела — нет. Одежда состояла в основном из простых штанов и рубашек, как и у людей в стране между гор. Возможно, их одежда была несколько более пестрой, а кожа — более темной, но Керр не мог утверждать наверняка.

Он медленно подошел к Црану и таким образом осторожно отогнал толпу от Врака. Охотник воспринимал взгляды людей гораздо спокойнее, чем дитя Анды, хотя Керр видел, насколько настороженным и собранным был Цран. Во всяком случае, внешне он не проявлял эмоций, но чутко следил за всеми движениями людей.

Керру показалось, что прошла целая вечность, пока Натиоле наконец вернулся с влахаками, которые вели волов. Увидев напряженные лица троллей, юный влахак крикнул Керру:

— Мы выступаем! Арван последует за нами с повозками и конями.

Керр с облегчением кивнул и последовал за Натиоле через двор. Цран и Врак держались как можно ближе к нему, продолжая следить за людьми. Одно неправильное движение, один чересчур громкий возглас, и гнев Врака будет ответом, но они добрались до ворот без происшествий и вышли на широкую пыльную дорогу. Неосознанно Керр вздохнул с облегчением.

Натиоле зашагал быстрее, и вскоре дома Макацы остались позади. Керр даже не стал оборачиваться на деревню, чтобы определить ее отличия от влахакских поселений, а просто следовал за молодым человеком.

— Теперь всегда так будет? — спросил тролль.

— Боюсь, что да. Наверное, было не очень умно оставить повозки просто во дворе таверны, и мы больше не будем так поступать. Но вы определенно будете привлекать всеобщее внимание по всей империи.

— Если кто-нибудь коснется меня, то пожалеет, — мрачно повторил Врак.

— Мы не допустим этого, — пообещал Натиоле. — С этого момента мы будем дежурить у повозок и позаботимся о том, чтобы днем никто вас не видел. А ночью большинство людей в империи спят. Как и у нас... Я надеюсь...

В интонациях человека не прозвучало и половины той уверенности, которую выражали слова. Керр скептически посмотрел на Врака, выражение лица которого стало еще более замкнутым, чем обычно. «Я должен был пойти один».

28

— С дороги! Пропустите! Проклятье, это будет не моя вина, если вы, четырежды проклятые идиоты, пострадаете!

Тяжелый экипаж, запряженный лошадьми, пробивал себе дорогу сквозь толпу, кучер на козлах громко кричал и ругался. Корнелю пришлось поспешно отскочить в сторону, чтобы избежать столкновения с доверху набитой повозкой.

Турдуй сильно разросся со времени его последнего визита. В прошлый раз между плотно стоящими домами высилось множество наспех сколоченных времянок, из-за которых улицы и переулки превращались в непроходимый лабиринт. Но сейчас население увеличилось настолько, что стражникам на городских воротах наверняка было дано распоряжение изучать всех новоприбывших на предмет того, не намереваются ли они тоже поселиться внутри городских стен.

Корнель огляделся. Город буквально лопался по швам. Это произошло не только от того, что во время правления марчега Тамара Турдуй приобрел новый блеск богатства и тем самым стал привлекать много людей. Священник увидел множество оборванных масридских беженцев из Влахкиса. Они просили милостыню повсюду и у всех, даже у тех, кто выглядел, словно у самого лишь кровать на ночь и кусок хлеба на обед. Под натянутыми холстинами ютились целые семьи, а вонь от такого количества людских тел, собранных вместе, в это теплое утро уже висела в воздухе невыносимо тяжелым покрывалом, растянувшимся над городом и Маги, главной водной артерией страны, которая ежедневно приносила в Ардолию новых беженцев.

«Скоро здесь появятся новые дома», — удрученно подумал священник, пробираясь к центру города. На некоторых местах явно совсем недавно бушевали пожары, и у моста он обнаружил останки сгоревших трупов мужчин, которые были небрежно сброшены в реку.

«Влахак, сомнений нет». Как в Теремии, так и в Турдуе весть о смерти марчега и его возлюбленной вызвала волнения среди населения, но те, кто сейчас имел право голоса в Сиреве, явно не стремились защитить влахакскую часть населения.

«Надеюсь, одеяние священника оградит меня от каких-либо подозрений и защитит», — подумал Корнель. Быть узанным как влахак в данный момент казалось ему довольно опасным.

Быстрым шагом он направился к большому храму Божественного света на рыночной площади Турдуя. Уже издали он разглядел большое роскошное белое здание. В отличие от Влахкиса орден Альбус Сунас высоко почитался в Ардолии, и многие масриды со смирением следовали вере Божественного света.

Поэтому Корнеля не удивило, что даже сейчас, в начале дневной службы храм был переполнен. Он молча стал в последний ряд прихожан и прислушался к словам совсем юного священника, который восхвалял свет, но также просил о защите и милости для всех тех, кто недавно стал под защиту ордена. Только когда богослужение закончилось и верующие покинули храм, он обратился к этому священнику:

— Меня зовут Корнель, из храма в Теремии, брат.

Его собеседник, который как раз в этот момент подзывал к себе послушника с метлой, внимательно посмотрел на него.

— Из Теремии, говоришь? Тогда ты, наверное, пришел с беженцами? Или нет?

Одеяние на юноше было безупречно, он был чисто выбрит, короткие светлые волосы были коротко подстрижены. Корнель заметил золотые браслеты на запястьях масрида. Выражение его лица четко показывало, что он не испытывал большой братской любви к намного более скромно одетому Корнелю. Поэтому влахак покачал головой.

— Я путешествую по поручению воеводы, — заявил он не без гордости. — Мне не пришлось бежать.

— Тогда нам следует поблагодарить за это свет. Я слышал, что влахаки, словно дикие звери, напали на наших братьев и сестер.

Корнель вспомнил о трупах в Маги и предпочел промолчать.

— Кстати, меня зовут Вицлас. Из дома Сциласа, — представился младший священник с некоторым высокомерием в голосе.

«Масридский дворянин. Конечно. Наверное, третий сын, который, чтобы хоть как-то выделиться, теперь служит в храме».

— Но что привело тебя сюда, если ты не ищешь убежища? — спросил Вицлас.

— Воевода желает знать, кто в настоящее время правит в Ардолии, раз марчега Бекезара больше нет среди живых.

На лице священника появилось мрачное выражение. Наблюдая за послушником, который рьяно старался очистить пол храма от грязи, юный масрид промолвил:

— На этот вопрос не так легко ответить, брат. Как тебе, наверное, известно, марчег Тамар не оставил законного наследника мужского пола, и у него не было также родных братьев и сестер, которые могли бы унаследовать трон. Но у старого марчега Гиулы были два брата и сестра, дети и внуки которых могут стать наследниками Тамара. В настоящий момент самыми законными претендентами считаются Сциглос Бекезар, кузен Тамара по линии отца, и племянник Цорпада Диммину по линии матери. У него двукратное дворянство, и, судя по всему, что о нем рассказывают, его темперамент очень напоминает темперамент обоих дядей.

«Тогда пощади, Свет, страну Влахкис, — подумал Корнель. — Как Цорпад, так и Гиула были вспыльчивыми. А Цорпад к тому же был поджигателем войны и палачом».

— Тирадар Бекезар и Виколий Аркос тоже выдвинули свои притязания на титул и страну. Оба также являются кузенами убитого марчега, и некоторые считают, что станут лучшими наследниками трона, так как они, скорее всего, будут править в духе Тамара и проявят терпимость по отношению к грязным влахакам. Если же властителем станет Сциглос, то будет война, это точно. Уже сейчас он собирает всех, кто может держать оружие, сюда, в Турдуй.

— Во Влахкисе поговаривают, что у марчега Бекезара еще есть родная дочь, — осторожно бросил Корнель.

— Ну и что?

Собеседник выглядел так, словно его сейчас стошнит.

— Дочь, рожденная влахакской проституткой! Девочка никогда не унаследует трон. Когда Сциглос станет марчегом, он снова покажет влахакам, где их место.

«Но воевода смотрит на это иначе, брат, — задумался Корнель. — Неужели масриды решили, что это будет так просто: поставить во главу вспыльчивого военачальника, который нападет на Влахкис и быстро завоюет его? Стен сал Дабран — не дурак, и, вполне возможно, нового марчега ожидает кровавый сюрприз, если он впопыхах двинется на Теремию».

Но вслух он сказал лишь следующее:

— Находится ли тело марчега все еще в здешнем храме? Я хотел бы оказать ему последние почести.

— Да, здесь, в замке, в соответствии с обычаем. Они не могут сжечь его, пока новый правитель не примет оружие из рук убитого. Но, честно говоря, брат, бальзамировщику

пришлось выполнить кошмарную работу. У марчега был ужасающий вид, когда свита принесла его сюда.

Корнель склонил голову.

— Могу ли я провести сегодняшнюю ночь здесь, в храме? — спросил он.

— Конечно, брат. Для одного из *наших* здесь всегда найдется место.

Он произнес слово *наших* с такой интонацией, что Корнелю сразу стало ясно, что тот считал его кем угодно, но не полноценным членом ордена.

— Благодарю тебя, — просто ответил он. — Я не мешкая отправлюсь в замок.

Послеобеденное солнце жарко палило улицы, которые за это время наполнились еще большим количеством людей. Или, по крайней мере, так показалось Корнелю. «Я должен был спросить у этого молодого франта, сообщил ли он лишь свое мнение или так считает весь орден Альбус Сунас в Ардолии», — промелькнуло у священника в голове. И он подозревал, что ответ вряд ли удовлетворил бы его.

Когда влахак наконец взобрался на замковую гору, лоб заливало потом. Крепостные стены украшали многочисленные вымпелы и гербы. По всей вероятности, дворяне Ардолии съехались сюда, чтобы сопроводить марчега в последний путь через пламя и стать свидетелями того, как будет коронован правитель.

Для Корнеля было непривычно, но приятно то, что стражники на воротах уважительно приветствовали его и пропустили без малейших задержек.

— Поспешите, пожалуйста, он сейчас начнет, — шепнула ему молодая женщина с опущенным забралом.

Сначала он не понял, что означали ее слова, но затем ему стало ясно, что имелось в виду.

Посреди центрального двора замка собралось несколько дюжин воинов, мужчин и женщин в традиционных тяжелых кольчугах масридов, с мощными щитами и сверкающим оружием. Перед ними стоял высокий грубоватый мужчина среднего возраста в роскошных доспехах, инкрустированных серебром и золотом, сверкающих на солнце. Его голова была чисто выбрита, за исключением единственного, довольно облезлого белого локона на затылке.

Прежде чем начать свою речь, он осмотрел воинов в доспехах.

— Солдаты! Начинается новая эра! Долгое время мы сохраняли мир на границах, позорный мир, к которому вынудили нас наши враги. Но теперь появляется все больше признаков того, что влахаки готовы нарушить его условия. Мало того, что они убили нашего любимого марчега. Нет, их враждебность не знает границ! Только вчера я получил известие о том, что отряд влахаков попытался вторгнуться в Ардолию со своими союзниками троллями. Без сомнения, чтобы разбойничать и поджигать! Мы не можем допустить этого! Хотите ли вы, чтобы ваши семьи стали жертвами тролльих лап? Хотите ли вы, чтобы эти чудовища угрожали всему, что вам дорого? Если ваш ответ «нет», нам остается только одно — война!

«О милостивый Божественный свет, — подумал Корнель. — Они встретили принца Натиоле с его спутниками. И этот великий оратор, по всей видимости, теперь бездумно использует в своих целях сообщение о встрече с ними».

Воины перед выступавшим разразились ликованием. Многие кричали «Война!» и «Смерть троллям!». Но все сильнее и сильнее были слышны другие слова, которые скандировала толпа, множась от ряда к ряду, пока над двором не разнеслось:

— Сциглос! Сциглос! Сциглос!

Масрид с жидким локоном на затылке с бесстрастным выражением лица наблюдал за эффектом, который произвели его слова. Наконец он еще раз медленно кивнул собравшимся и вошел в замок через небольшую боковую дверь. Солдаты во дворе постепенно разошлись.

Страх перед троллями приобрел среди масридов уже почти мистический характер. Влахаки воспринимали этих больших существ как опасных охотников, но вполне обычных созданий, вовсе не демонических. Зато для масридов они были духами темноты,

пришедшими из древних времен, когда Влаккис был еще диким, влахаки ночами сидели, скорчившись, в своих глинобитных хижинах, а снаружи бродили мрачные чудовища. Естественно, для ордена Альбус Сунас тролли тоже имели свое значение: существа, которые не переносили Божественного света и прятались в темных расщелинах земли. А то, что тролли уже дважды сыграли ключевую роль в битвах против масридов, несколько не прибавляло им популярности. Тем не менее слова Сциглоса были ложью, так как тролли выполняли часть соглашения и не покидали своих подземелий.

«Стоит обратить на этого типа внимание. В самом деле достойный наследник Цорпада Диммину. Угрожает ли опасность Натиоле и его спутникам? Хотя если бы масриды схватили принца, то Сциглос незамедлительно похвастался таким уловом. Я с удовольствием встретился бы и с остальными претендентами на трон, чтобы выяснить, как они относятся к эскалации войны. В любом случае воеводу очень интересуют все эти новости. Мне нужно максимально сократить свое пребывание в Турдуе».

Но сначала он хотел совершить то, для чего взобрался на гору. Здешний храм Альбус Сунаса едва ли можно было не заметить. Его купол устремлялся высоко в небо, хотя сама капелла была маленькой, так как здесь правили службу только для князей и их семей. Зато внутренняя отделка была очень богатой. Мерцающие драгоценные камни играли на свету, который струился с потолка, а пол был выложен золотой мозаикой. Стены покрывали дорогие ковры, изображающие сцены из жизни пречистых мужей и жен, посвятивших себя службе Божественному свету.

В центре круглого помещения на возвышении покоилось тело Тамара Бекезара. Корнель вспомнил о словах Вицласа, что бальзамировщик хорошо потрудился, и вынужден был согласиться с масридским священником, так как в помещении лишь слабо пахло травами, которые сжигали в небольших металлических чашах, но не тлением.

На марчеге оставили доспехи, которые тоже пострадали в его последнем бою, как заметил Корнель, подойдя немного ближе, чтобы осмотреть покойника. Его боевой топор лежал в сложенных на груди руках.

Лицо было накрыто восковой маской, как это было принято. Строгие черты Тамара сквозь нее казались почти умиротворенными. Корнель совсем не часто встречал марчегу при жизни. Но влахакский священник знал, что тому пришлось принять несколько трудных решений, которые не облегчали ему правление Сиревой и Валеодарой на юге. Среди масридов Тамар считался упорным, жестким правителем. Но он подарил своему народу двадцать лет мира.

Доспехи в некоторых местах были расколоты, отчего не полностью покрывали зияющие раны. Тело повелителя, свидетельствовало о жизни в борьбе, но его окружала аура спокойствия и мира. Марчегу вымыли, раны очистили, но скрывать не стали. Все должны видеть, что он погиб в бою... марчег, который никогда не требовал от других того, что не был бы готов сделать сам.

Корнель подошел еще на шаг к телу и положил руку на грудь покойного.

— Вы были великим человеком, Тамар Бекезар. Пусть Божественный свет примет вас. Доброго пути.

И как раз в тот момент, когда хотел развернуться, он увидел рану на ноге марчегу. Из бедра все еще торчало древко стрелы, шириной приблизительно в два пальца. Что-то в этой стреле привлекло внимание священника... У дерева были такие темные прожилки... Оно казалось почти черным. Корнель осторожно опустился на колени и потащил древко, однако извлечь остаток стрелы было невозможно. Корнель наклонился, чтобы рассмотреть получше.

«Во Влаккисе нет ни одного дерева с такой темной древесиной», — промелькнуло у него в голове.

Внезапно по всему телу Корнеля пробежали мурашки. «Это может стать доказательством! Это то, что я ищу! Теперь остается лишь убедить Вицласа и моих дорогих братьев в Ардолии позволить мне вырезать острие стрелы из ноги мертвого марчегу».

Натиоле все еще было нелегко управляться с лошадью. Новый конь был более быстроногим, чем Ариан, более горячим, но также и значительно более упрямым. И жеребцу, и всаднику еще предстояло привыкнуть друг к другу, и поэтому Натиоле был особенно внимателен. Тем не менее он был рад, потому что Ариан мог отдохнуть. Долгое путешествие потрепало жеребца, и теперь его старый конь мог идти налегке рядом с повозкой.

Их небольшой караван, так отряд называли дирийцы, несколько разросся. Сатрап не только предоставил им свежих лошадей, но и дал конный эскорт в сопровождение. Хотя дирийские воины были почти такими же молчаливыми и неприступными, как Врак, благодаря их присутствию путешествие стало значительно приятнее и легче. Причем влахаки даже не встречались с сатрапом, который правил этой частью страны. Просто однажды утром им навстречу выехали всадники и на ломаном влахакском предложили свою помощь.

Позже Натиоле понял, что их путешествие не осталось незамеченным и что им предоставили эскорт до Колхаса. Он подозревал, что дело было не только в защите влахаков или чести, но также и в том, чтобы зорко следить за огромными троллями и их вооруженными спутниками.

Юный принц в разговорах никогда не скрывал правды, поэтому очень скоро сведения об их путешествии дошли до самого сатрапа.

Судя по всему, группа дирийских солдат постоянно ехала немного впереди, так как все постоянные дворы и караван-сараи были всегда подготовлены к их прибытию и больше никто не требовал оплаты.

Организация внутри огромной империи впечатлила Натиоле. Дисциплина воинов их эскорта тоже внушала уважение. На солдатах были легкие кольчуги, но зато прочные шлемы и массивные каплеобразные щиты. В целом они производили впечатление очень умелых наездников. И даже не нужно было смотреть на их превосходные мечи и длинные копья, чтобы понять, что каждый из них хорошо обучен и опытен. Днем дирийцы были рядом, а ночью держались подальше от троллей и разбивали отдельный лагерь немного поодаль от влахакского. Естественно, что не только Натиоле, но и тролли относились к ним с подозрением, но до сих пор столкновений не было, за что Натиоле благодарил всех духов.

Отряд проезжал мимо сел, городов и крестьянских хуторов. Очень скоро Натиоле потерял счет названиям поселений и местностей. Троллей и подавно такая информация не интересовала. Да и жажда Натиоле в пополнении географических знаний тоже была скоро утолена. Единственное, что сейчас было важно, так это факт, что они неумолимо приближаются к Колхасу. Принц особенно не разбирался в географии огромной страны, в отличие от Ионниса, который буквально впитывал в себя любую крупницу информации о золотой империи.

Благодаря активной помощи новых спутников и свежим коням они продвигались значительно быстрее. К тому же торговые пути в империи были в прекрасном состоянии, широкие, покрытые брусчаткой и на первый взгляд абсолютно ровные, что облегчало транспортировку троллей. Дирийский эскорт внушал жителям империи уважение, и такие сцены, как в начале путешествия по эту сторону Соркат, больше не повторялись. Их странствие проходило настолько однообразно, что Натиоле уже начал удивляться этому. Однако простым объяснением всему была невидимая, но постоянно ощущаемая власть сатрапа, которая вела их по стране.

Они часто встречали других путешественников, в основном торговцев, которые передвигались с повозками и вьючными животными. Периодически их обгоняли гонцы, лошади которых неслись во весь опор, что сначала поражало Натиоле, так как долго выдерживать такой темп для коней было невозможно. Но уже скоро он обнаружил множество станций вдоль дороги, на которых гонцы меняли животных и могли без промедления продолжать путь. Натиоле предполагал, что известие об их скором прибытии

тоже неслоь вперед отчаянным галопом и уже, вероятно, достигло самого Колхаса, поэтому неожиданными гостями они не станут.

Общение с местным населением ограничивалось отдельными словами и жестами. Почти никто не понимал влахакского, а Арван знал лишь крохи по-дирийски. Но разговаривать с местными напрямую почти не приходилось, так как их спутники беспокоились обо всем. «Тем не менее, наверное, все-таки стоило воспользоваться присутствием дирийки при дворе, чтобы выучить хоть несколько слов на их языке», — подумал Натиоле. Возможно, этот пробел можно будет восполнить позже.

Так проходили дни, нанизываясь, словно жемчужины на нитку, неотличимые друг от друга и однообразные. Предгорье перешло в долину, на которой преобладали дикие травы и кустарник, перемежаемые обработанными полями. Плоская равнина плавно перетекла в холмистую малонаселенную местность с небольшими участками леса. С каждым днем становилось все теплее. Теперь они шли вдоль русла широкой реки — не Маги, как горячо заверили его солдаты, хотя она тоже текла с юга. Река называлась Ойрис, ее берега были густо заселены.

Становилось все теплее, и природа расцветала буквально на глазах. Поселения становились крупнее и встречались чаще. Склоны холмов становились более пологими, обширные поля покрывал целый лабиринт оросительных каналов. Дорога была загружена: от путешествующих пешком в одиночку до караванов длиной во много шагов.

Натиоле уже почти утратил какое-либо ощущение пройденного расстояния. Неожиданно командир сопровождавших их дирийцев приблизился к нему, указал вперед и воскликнул:

— Колхас!

И действительно, когда они поднялись на вершину очередного холма, то увидели такой огромный город, что у юного влахака от удивления раскрылся рот.

Светло-серая крепостная стена окружала город, который занимал всю низину до следующего холма. Бесконечное множество домов стояло плотно друг к другу на широких улицах. Натиоле не удалось даже приблизительно оценить их количество. Здесь и там высились башни, некоторые были пристроены к дворцам, а другие стояли сами по себе. Большинство сооружений были сложены из такого же светлого камня, что и крепостная стена, а многие были еще к тому же выкрашены светлой и даже белой краской. Все здания были выше домов в Теремии, а отдельные достигали четырех или пяти этажей. Но взгляды всех путешественников неудержимо притягивало к золотым куполам посреди города, к огромным зданиям с балконами и зубцами, колоннам и павильонам, к деревьям, которые стояли среди этих колоссов, и только в сравнении с ними можно было вообще догадаться, какого размера, собственно, дома и сам город.

Рядом с собой Натиоле услышал тихий кашель одной воительницы. И даже потрясенный Арван молчал, хотя и бывал в Колхасе раньше.

На холме по правую руку от них раскинулись зеленые луга с отдельно стоящими дворцами. Каждое владение, обнесенное оградой, было крупнее, чем некоторые деревни во Влахкисе. Над городом висело какое-то марево, прозрачное облако, источником которого могла быть поднимающаяся пыль или невообразимое количество очагов, тиглей и печей.

Деятельность вокруг города была столь же бурной, как и сам Колхас. Люди, которые на таком расстоянии казались размером с муравьев, кишели вокруг, обрабатывая поля, сновали по дорогам и казались вездесущими.

— Пойдемте, — предложил командир дирийцев и прищиприл своего коня.

Пораженный открывшимся видом, Натиоле последовал за ним, и повозки пришли в движение.

До сих пор влахак не считал себя каким-то неотесанным провинциалом. Он знал Теремию и Турдуй, два самых крупных города страны между гор. Он читал об империи и разговаривал с дирийскими гостями при дворе, правда без особого желания. Но он никогда не предположил бы, что их рассказы, всегда такие красочные и, казалось,

гиперболизированные, соответствуют действительности. Город, такой огромный и мощный... Казалось, что на его территории внутри стен поместится весь Влахкис. «Возможно, теперь я буду лучше понимать Ионниса», — подумал юный влахак. Мысль о брате уколола его сердце. «По крайней мере, теперь я знаю, что ты имел в виду, когда рассказывал о Колхасе Прекрасном».

Уже скоро они смешались с потоком людей, которые почти не обращали на них внимания.

Дирийские солдаты снова скакали несколько впереди, разгоняя толпу и создавая для них проход. Но если до сих пор на них таращились с удивлением, то теперь на их долю выпадали лишь мрачные взгляды и тихие проклятья.

Пестрота толпы поражала Натиоле. Он видел высоких и низкорослых, темноволосых и блондинов, светлокожих и темнокожих. У некоторых путешественников, которые проходили через ворота, была почти черная кожа, как констатировал растерянный Натиоле.

Разноцветные ткани, широкие платья, узкие рубахи, головные уборы самых разных форм и цветов. Мириады ощущений нахлынули на юного влахака, подавив сознание. Он был рад, когда они без проблем прошли через большие ворота и съехали с переполненных главных улиц на боковые. Но даже здесь было довольно многолюдно. Некоторые жители сидели на табуретах перед домами, пили дымящиеся напитки из чашек, предлагали свои товары и громко переговаривались друг с другом. У большей части этих людей были черные волосы и загорелая на солнце кожа. Их одежда была простой, состояла в основном из штанов и широких рубаш, подхваченных широкими поясами. Почти все были босиком, только у некоторых Натиоле заметил простые сандалии.

Влахаки молчали, и Натиоле посмотрел на своих людей, которые были впечатлены так же сильно, как и он. Принц благодарил духов, что тролли на повозках скрыты от любопытных взглядов. Скопление такого множества людей могло легко вывести их из равновесия и привести к стычке с Враком.

Наконец узкие улочки остались позади, и они добрались до центра: огромного комплекса величественных зданий. Дирийский эскорт вывел их на широкую улицу, на которой почти не было пешеходов. Там стояла охрана из воинов в исключительно роскошных доспехах, по два человека на каждую дюжину шагов. На них была позолоченная чешуйчатая броня, каждая пластина которой представляла собой перо. На ярком солнце, от которого лоб Натиоле покрылся бисером пота, они держались стоически нерушимо со щитами во весь рост и длинными копьями. Они никак не отреагировали на появление влахаков и их повозок. Воинов можно было бы принять за статуи.

Широкая дорога, выложенная камнями идеальной квадратной формы, вела мимо плоского здания, обрамленного колоннами, через площадь, на которой стояло две дюжины статуй высотой с человека, прямо к большому дворцу, золотые купола которого возвещали о силе и богатстве империи.

— Теперь я знаю, почему ее называют *золотой империей*, — прошептал Натиоле, разглядывая все это великолепие.

На ступенях дворца их ожидала группа встречающих, состоящая из нескольких солдат в позолоченных доспехах и двух высоких мужчин, один из которых сразу же двинулся им навстречу.

Прежде чем Натиоле успел что-то сказать, мужчина бросился на землю и коснулся лбом брусчатки.

— Я приветствую вас от имени моего великолепнейшего господина, помазанника самой Агдель и одаренного ее любовью, окрыленного главы, оплодотворяющего земную корову, носителя небосвода и любимых детей империи, лик которого обласкан богиней; от Аркидеса, девятнадцатого по имени, а тем самым и от имени Дирийской империи, рождение которой происходило в огне и управлялось волей самой Агдель.

Его влахакский был безупречным. Натиоле удивленно взглянул на Арвана, но тот смотрел прямо перед собой. Мужчина, наголо обритая голова которого блестела на солнце,

не двигался. Юный влахак не был уверен, как он должен реагировать на речь человека у своих ног.

— Я благодарю тебя и твоего господина, — наконец просто сказал он. — Я приветствую твоего повелителя от имени Стена сал Дабрана, воеводы Влахкиса.

Мужчина поднялся и церемонно сложил руки на груди. Его темно-голубое одеяние, украшенное золотой вышивкой, напомнило Натиоле платья Артайнис. Оно ниспадало широкими складками, почти полностью скрывая его полное тело. Торчали лишь голова, кисти и ступни в простых сандалиях. Подобно дирийке он был накрашен, глаза были подведены темным, придавая его взгляду мистичность и глубину.

— Я — Пилон, уста Золотого Императора, отвечаю за все удобства вашего пребывания здесь. В мои обязанности также входит показать вам ваши комнаты, которые будут соответствовать гостям вашего уровня.

— Я благодарю вас.

— А это... тролли? — спросил полный мужчина, бросив взгляд на повозки, где под покрывалами лежали спящие гиганты.

На жаре их земляной запах плыл за ними, словно облако болотных испарений.

— Э... да. Солнечный свет ослабляет их, — несколько приуменьшил Натиоле. — Ночью они проснутся.

— Я знаю, — ответил Пилон. — Я читал книгу «Рох, тролль». Я знаю об этих существах все, что необходимо.

Натиоле дружелюбно кивнул, но подумал: «Ох и сомневаюсь я в этом...»

Пилон подошел к солдатам, которые сопровождали их через всю страну, и принялся им что-то говорить. Командир давал односложные ответы, которые, по всей вероятности, не удовлетворили Пилона. Выражение его лица становилось все более сердитым. Натиоле вопросительно посмотрел на Арвана, но тот едва заметно покачал головой. Дирийцы говорили слишком быстро и употребляли сложные для него слова. Затем Пилон замахал руками, словно отгонял надоедливых мух от своего завтрака, солдаты развернули коней и поскакали прочь.

— Я глубоко опечален тем, что вашими провожатыми по нашей чудесной стране стали эти нецивилизованные варвары, — заявил Пилон, и на его лице действительно появилась такая печаль, что Натиоле даже испугался, не расплачется ли тот сейчас.

— Эти воины очень помогли нам, их услуги были неоценимы. — Юный влахак попытался успокоить своего собеседника.

— Это пожиратели рыбы с запада, — почти сплюнул Пилон. — Необразованные, без манер, ничем не лучше наемников. Они недостойны сияния империи, которое гонит все недостойное прочь от моего господина и от всех нас.

Его рука в перстнях указала на солдат, которые все так же неподвижно стояли на своих местах.

«Интересно, у них под панцирем нигде не зудит?» — задумался Натиоле, но был оторван от этих мыслей громким восклицанием:

— Неужели это влахаки?

Человек небольшого роста важно вышел из здания, раскинув руки и широко усмехаясь озорной улыбкой. Седые волосы обрамляли лицо, изборожденное морщинами, которые, казалось, были результатом радостей, а не печалей. Складки его необычайно дорогого одеяния и подчеркнута прямая осанка скрывали приличный животик, как заметил Натиоле.

— Влахаки и тролли, как я слышу по запаху, — продолжил новоприбывший.

Пилон встал у него на пути, но тот просто проигнорировал «уста Золотого Императора» и прошел мимо.

— Батюшки мои, ты, должно быть, Натиоле. Когда я видел тебя в последний раз, ты был вот такой.

И он правой рукой показал высоту своего бедра.

— Вы не можете... — с мольбой пробормотал Пилон. — Вы должны...

— Ах, — перебил его незнакомец и доверительно подмигнул Натиоле. — Не волнуйся, Пилон. Все это разрешено. Я просто приветствую старых друзей.

Теперь юный влахак наконец понял, кто это, и склонился в поклоне:

— Для меня честь встретиться с вами, Сарган Вульпон.

Во время их последней встречи Натиоле действительно был еще такого роста. А Сарган был намного изящнее.

— Называй меня просто Сарган. Добро пожаловать в Колхас, жемчужину Дирии и сердце золотой империи, Натиоле. Добро пожаловать в центр мира!

30

«Настроение в Теремии значительно улучшилось, с тех пор как воевода пришел в себя», — подумала Артайнис, преодолевая уже последний отрезок пути по оживленной улице, ведущей к лавке Сайкоса.

Страна готовилась к войне, воевода печалился об утрате немес Флорес, но с его чела ушли страшные тени, как только его младший сын проснулся. Стен сал Дабран вновь контролировал ситуацию в замке и в городе с полной силой и осмотрительностью. Это сейчас было особенно необходимо, так как количество вооруженных солдат росло с каждым днем и не всегда было легко держать под контролем людей, которые собрались в военный поход, а теперь были вынуждены бездействовать. Да и оставшиеся в городе масриды чувствовали себя в большей безопасности, с тех пор как Стен сообщил, что не потерпит никаких нападений и самосуда.

«Подчиненные следуют за воеводой. Если он еще надеется, то и они будут надеяться. Что же будут делать влахаки, когда потеряют его?»

На мгновение ее мысли понеслись к Натиоле, который был сейчас на пути в Дирию. Однажды он займет место отца.

Она очень надеялась, что группе из троллей и влахаков удалось перейти Соркаты до первых снегопадов. Погода во Влахкисе была непредсказуемой, иногда случалось, что перевалы круглый год оставались непроходимы.

«Возможно, это путешествие и ответственность, которая легла на принца, помогут ему подготовиться к своей будущей должности».

Артайнис в последний раз посмотрела на серое небо, на котором сгущались грозные тучи, и зашла в лавку.

— Фрика, какая честь! — Сайкос приветствовал ее с обычной вежливостью.

— Было очень приятно получить от вашего посыльного сообщение, что у вас снова есть кофе.

Ввиду все ухудшающейся погоды дирийский караван, о котором говорил посыльный торговец — мальчишка из Теремии, — наверняка был последним, которому удалось пересечь границу с Влахкисом.

— Я посчитал целесообразным дать вам возможность пополнить свои запасы, до того как ко мне снова придут силки.

— Силки? — с удивлением переспросила Артайнис. — Они что, вернулись?

Торговец медленно кивнул.

— Так и есть. По крайней мере их таинственный предводитель. Я думаю, что эти силки разбили лагерь где-то поблизости, госпожа.

Увидев недоверчивый взгляд Артайнис, он поспешил добавить:

— Возможно, я и ошибаюсь, фрика. С моим скромным интеллектом, который дала мне Агдель, я не всегда правильно делаю выводы из своих неточных наблюдений. Но частота, с которой посещает мою лавку этот неотесанный предводитель, говорит мне о том, что силки расположились не очень далеко отсюда.

Новость озадачила Артайнис. «Силки разбили лагерь вблизи Теремии. Они не делали бы этого, даже если хотели бы ознакомиться с чудесами Влахкиса, почти такого же

варварского, как и их собственная страна. У них, должно быть, есть задание. Но от кого? И какое?»

Скорее всего, ее отец знал о задании силков. В империи почти ничего значительного не происходило без того, чтобы Сарган Вульпон не ведал об этом, даже если и любил с лицемерной скромностью рассказывать о том, что дни, когда он участвовал в судьбах империи, прошли. «А кто я, если не дочь своего отца?»

После недолгих размышлений она сказала:

— Сайкос, ты можешь оказать мне еще одну услугу?

Торговец низко поклонился:

— Само собой разумеется, фрика.

— Когда предводитель силков придет к вам в следующий раз, скажите, что у вас нужных товаров прямо сейчас нет, и попросите его прийти в определенное время через несколько дней.

Затем отправьте мне посыльного. Я с удовольствием выясню, где находится этот лагерь силков.

Даже если Сайкос и посчитал такое желание странным, то ничем не показал этого.

— Обязательно, госпожа. А теперь давайте займемся вашим кофе.

Погрузившись в размышления, Артайнис перебирала разные варианты значения новости, которую она получила от Сайкоса. «Возможно, какой-то дворянин в Колхасе заинтересован в получении информации из первых рук о том, что происходит здесь, во Влахкисе, — размышляла она. — Присутствие силков может ничего и не означать». Тем не менее она твердо решила по крайней мере выяснить, где эти всадники расположились и сколько их. «Лучше сначала получить более точную информацию, прежде чем передавать ее воеводе или его сыну». Она металась между дружбой со Стеном и его семьей и лояльностью по отношению к своей родине. Если силки находились в этой стране по заданию какого-то дирийца, то ей вряд ли стоило вмешиваться. Ее поступки могли отразиться на отце, а тем самым и на всей семье. «С другой стороны, знание, конечно, сила, до чего же я любопытна! Так ужасно любопытна...» В этот момент Сайкос вернулся с небольшой шкатулкой, которую с самодовольной улыбкой протянул золотоволосой красавице. Девушка почти благоговейно подняла крышку, и по лавке разнесся несравненный аромат кофе. Артайнис восхищенно прикрыла глаза...

Когда на обратном пути она проходила мимо комнат Ионниса, то услышала громыхание, за которым последовало цветистое влахакское ругательство. По всей видимости, принц только что проснулся.

Заинтересовавшись, дирийка постучала в дверь. А когда вошла, то увидела такую картину, что чуть не прыснула от меха. Ионнис сидел на кровати, одетый лишь в штаны. Перед ним стояла миска для умывания. На полу валялись осколки разбитой кружки, а принц держал в руке мочалку, не зная, что с ней делать.

Артайнис с трудом подавила улыбку и сделала обеспокоенное лицо.

— Немес Ионнис! Что же вы такое делаете? — воскликнула она.

— Я пытаюсь помыть волосы, — ответил он максимально достойно, что сильно диссонировало с его видом.

— Почему ты не попросил слугу? Он бы помог тебе, — сказала она тише, входя в помещение.

Он выпрямился и скривился.

— Потому что они и без того опекают меня целыми днями, — сообщил он. — Я ничего не могу сделать, чтобы мне обязательно не помогли.

— Может, это и правильно, — поддразнила его Артайнис.

Ионнис мрачно взглянул на нее. Такая мысль явно не понравилась влахаку. Хотя раны на его теле на удивление хорошо заживали, он все еще спал до полудня и малейшее напряжение быстро изнуряло его, вследствие чего как отец, так и прислуга постоянно

заботились о принце. Было очевидно, что Ионнис сделал лишь несколько шагов по комнате, но они дались ему с огромным трудом.

— По крайней мере я так думаю, когда смотрю на результат твоих стараний, — добавила она с многозначительным взглядом на глиняные черепки.

Потом ей пришла одна идея.

— Может быть, ты разрешишь мне помочь тебе?

Он посмотрел на нее таким взглядом, который она не смогла растолковать. «Смущение? Благодарность?»

Артайнис приняла мочалку у него из рук и погрузила в миску с водой. Вода была еле теплой. Осторожно, чтобы не касаться затянувшейся раны на затылке, она провела мокрой мочалкой по волосам и левой рукой убрала воду.

Ионнис закрыл глаза. По его коже побежали мурашки.

Внезапно Артайнис преувеличенно ясно восприняла все, что видела, — его слегка загорелую кожу, под которой после нескольких дней болезни проступили ребра. Слабый запах мыльной воды. Края ужасной раны. Длинные ресницы закрытых глаз.

«Он стал для меня другим, — подумала она. — Больше не чужой принц из далекого Влахкиса, которого отец принимал у себя как гостя. Больше не один-единственный друг в этой варварской стране».

Она неуверенно сделала глубокий вдох, когда поняла, что оба они осознали, как перешли границу, которая до сих пор была между ними.

Ионнис, должно быть, подумал о том же. Юноша поднял руку и осторожно обхватил пальцы ее левой руки. Медленно поднес их к губам и поцеловал. Артайнис отпустила мочалку. Он нежно потянул девушку к себе, и она поддалась, опустившись на кровать рядом.

Он открыл темные глаза и с улыбкой взглянул на нее. Капли воды текли по лицу, скатываясь на грудь подобно жемчужинам. Она смахнула капли, а он снова поцеловал ее пальцы. Она была так близка к нему, что его дыхание ласкало теплом ее кожу. Наконец он наклонился вперед и поцеловал ее в губы. Его рот был теплым. Мягким.

Они обнялись, а поцелуи стали дольше. Но когда она случайно дотронулась рукой до его затылка, он застонал и невольно отпрянул.

Артайнис открыла глаза.

— Все в порядке?

Ионнис смущенно кивнул.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила она.

Он зарылся лицом в ее волосы.

— Живым, — пробормотал он. — Я чувствую себя живым.

И его губы стали медленно опускаться по ее шее.

Она закрыла глаза, наслаждаясь ощущением такой близости. Но потом отпрянула.

— Вдруг кто-то войдет и застанет тебя за тем, что ты угрожаешь добродетели своей гостью?

— Я не верю, что в данный момент в силах попасть под такое подозрение. Хотя с удовольствием стал бы хоть немного опаснее для твоей добродетели, — несколько жалобно возразил Ионнис. — Но в данный момент просто пройти от кровати до двери — настоящий вызов для меня.

Она рассмеялась. Потом склонила голову ему на плечо.

— Когда тебе станет лучше, я надеюсь, у нас будет достаточно времени, чтобы провести его вместе.

Он задумчиво кивнул. «Он знает это так же хорошо, как и я, — подумала Артайнис. — В конце концов, он не дурак. Время — это такой драгоценный дар для нас». Уже не так далек тот день, когда отец позовет ее назад, в Дирию.

«Но сегодня я еще здесь, — напомнила она себе. — С ним».

— Хочешь, я принесу чего-нибудь поесть? — спросила она, стараясь не думать о печальном. — Вряд ли меня кто-нибудь остановит, если я проберусь на кухню, — а вот при

виде тебя повара могут удариться в нешуточную панику.

Ионнис с улыбкой спросил:

— А разве мой отец не рассказывал тебе историй о моих прошлых прегрешениях?

Она отмахнулась.

— Нет, это мне рассказывал Натиоле, перед тем как отправиться в путь.

Нахмурившись, он посмотрел на нее.

— Ты разговаривала обо мне с Натиоле?

— Да, почему нет? Твой брат иногда может быть вполне приветливым, когда не старается казаться совершенно несносным.

По какой-то причине такое мнение не очень обрадовало Ионниса, но она решила не обращать на это внимания.

«Сегодня я здесь», — мысленно повторила Артайнис, прежде чем выйти из комнаты.

31

Несколько мгновений они стояли молча друг напротив друга, затем Дениксер Склерон улыбнулся. Лукавая улыбка не очень подходила крупному худому мужчине с аскетическими чертами лица. Но Камрос еще во время трапезы заметил, что Дениксер хоть и выглядел аскетически, но обладал аппетитом, благословленным самой Агдель.

— Ты опасный человек.

Камрос скромно опустил взор, но потом улыбнулся и снова взглянул на собеседника. Несколько мгновений он смотрел Дениксеру в глаза, после чего ответил:

— Мы все опасные люди. Поэтому мы здесь. Его визави мог расценить это как намек на их тайную встречу, но Камрос на самом деле имел в виду больше, чем просто посещение дворца тестя; он говорил о Колхасе и его могуществе, о сердце империи.

— Склероны поддержат твоё дело.

С этими словами Дениксер отвернулся, и рабы повели его туда, где уже ждал паланкин. Камрос с облегчением пересек вестибюль и вернулся в атриум. Ларцанес отпил глоток вина и вопросительно посмотрел на Камроса поверх позолоченного стеклянного бокала.

Камрос со вздохом опустился на низкую скамейку и пододвинул подушку за спину. Он игнорировал взгляды тестя, целиком наслаждаясь мгновением.

— И? Дениксер устроил большое представление, не поддерживая наши намеки. Он ожидает большую долю или он вообще не принял наших предложений?

Камрос, улыбаясь, схватил свой бокал и повертел его. Красное вино маслянисто плескалось в стеклянной темнице.

— Он согласен, отец, — наконец заявил чиновник. — Думаю, он просто хотел насладиться тем, что мы немного попотеем.

— Ха! Я знал это!

«Это так, — подумал Камрос. — Ты знал, старик. Ты знаешь очень много». Он стал размышлять над тем, была ли эта мысль похвалой или угрозой.

— Таким образом, Склероны и Фирусы у тебя в кармане. Так ты обеспечил себе поддержку двух могущественных семей военных аристократов из четырех существующих.

— Я не сказал бы, что они в моем кармане, хотя эта мысль очень соблазнительна. Они рядом со мной. Но разве это удивляет тебя, отец? — спросил Камрос лишь затем, чтобы ответить самому: — Нет. С деньгами Бариксеса мы могли бы просто купить их. Но так, конечно, лучше, ведь мы не только щадим казну Бариксеса, но и повышаем тем самым прибыль, которую он сможет получить в других делах.

— Это разумно — заботиться о благополучии такого человека, как Бариксес.

— В любом случае. Но твоя тактика тоже была беспроблемной.

Теперь Ларцанес скромно отмахнулся.

— Ты справился бы с этим и сам, сын мой.

— Тем не менее я обязан поблагодарить тебя за оказанную честь, отец. Такая простая

мысль, но она отражает истину: военным семьям нужна война.

— Император научил меня этому очень давно. Выясни, что конкретно нужно твоему собеседнику, и ты получишь все, что потребуешь. Все.

— Во всяком случае, у нас сейчас хорошие позиции. Благодаря Склеронам и Фирусам мы получаем неоценимое влияние на армию. И по вполне приемлемой цене.

«Всего лишь за обещание войны, возможности продвижения для членов семей, перспективу заработать бессмертную славу».

— Что с наемниками? — неожиданно спросил Ларцанес.

Чтобы выиграть время, Камрос отлил еще глоток вина и потянулся рукой к украшенной пиале с засахаренными финиками, которая стояла перед тестем. Затем осторожно ответил:

— Это возможность...

— По крайней мере два из самых больших объединений внутри или вблизи Колхаса, — объяснил его собеседник. — Самим оплачивать часть отрядов, не требуя средств из императорской казны... Это может стать преимуществом.

Чиновник обдумал эти слова. Военная слава и завоевания наверняка будут привлекательны для императора, а их вкус станет еще слаще, если ему не придется оплачивать их из государственной казны. Однако оплата наемников сразу же затронет интересы других кругов. «Стоит ли овчинка выделки?»

— Я не думаю, — наконец твердо сказал он. — Или пока еще нет. Я не хочу никому давать повод. Чем позже сформируется оппозиция, вероятность которой очень велика, тем лучше для нас.

— Я уверен, что мы можем сделать так, чтобы у одного или двух объединений был долгий период спокойствия. Тайно, разумеется. Это стоит некоторых денег, но ведь мы как раз немного сэкономили.

— Хорошо, — решительно ответил Камрос. — Этого хватит.

Наемники — всегда обоюдоострый нож. Уже давно империя не обходилась без чужеземных отрядов, которых набирали со всех частей империи и даже по ту сторону границ. В большинстве случаев солдат нанимали сатрапы, чтобы защитить свою власть от могущественных военных аристократов, которые в противном случае имели бы слишком много влияния на подвластной сатрапу территории. В периоды опасности и войны наемники всегда были под рукой, в то время как подключение других военных подразделений часто приводило к большим проблемам. В отличие от недавно призванных воинов, наемники были опытными и закаленными в боях и часто составляли ядро армии, даже если в империи об этом никогда открыто не говорилось.

— Значит, у нас есть армия и финансовые средства для ее обеспечения, оснащения и возможной вербовки наемников. Достаточно сильная армия, чтобы завоевать провинцию. У нас есть боеспособные вооруженные силы, — снова констатировал Ларцанес. — Нам не хватает... войны.

— Цель найдется, — ответил Камрос. — Стоит только поискать.

В атриуме повисла тишина. В воздухе все еще витали ароматы трапезы. Некоторые деликатесы рабы уже убрали со стола, но оставалось достаточно, чтобы двадцать мужчин могли основательно подкрепиться. Само собой разумеется, зять и тесть не пожалели средств, чтобы побаловать и впечатлить Дениксера, — моллюски и голубиные грудки, нежный козленок в молоке, перепелиные яйца, экзотические фрукты и медовая выпечка. И это была лишь малая часть разнообразных блюд, разложенных в изысканных серебряных пиалах, которыми был плотно заставлен стол.

Камрос хорошо откусал и теперь чувствовал пресыщение. Несмотря на это, он взял последнюю огненную виноградинку, которая лежала на единственном золотом блюде. При неправильном приготовлении она могла стать смертельно ядовитой, так как в ее коже содержался ужасный яд, который отнимал у человека дыхание и бедняга, посинев, умирал. А при правильном приготовлении она была греховно дорогим деликатесом, особенной роскошью, которую вероломные убийцы любили использовать в качестве оружия. «Не

потому ли они столь дороги? Потому что у убийц такой большой спрос на них?» — спросил себя Камрос, с наслаждением поедая фрукт. Естественно, этот огненный виноград был почищен с крайней тщательностью, и специальные рабы гарантировали безопасность для господ ценой собственной жизни. Тем не менее оставалась некоторая доля неуверенности, крошечно малый риск, который делал наслаждение совершенным.

— А ты знал, что у нас в городе тролли? — неожиданно спросил Ларцанес.

— Нет. Тролли? Как из книги Саргана Вульпона? Ты уверен?

— Да. Мне рассказал один знакомый в императорском дворце. Они хотят получить аудиенцию у императора.

— Тролли, которые желают аудиенции? Просто неслыханно! Мы ведь говорим об огромных людоедах, не так ли? Чудовищах с темного юга, из непроходимых гор. К кому они относятся?

— К кому они относятся, я не могу сказать, но они пришли из Влахкиса, так же как и сопровождающие их люди. Ты знаешь эту варварскую маленькую страну... которая когда-то была провинцией империи.

Словно пораженный громом, Камрос вздрогнул и взглянул на тестя, который многозначительно смотрел в ответ. «Удача поистине верна настойчивым!»

32

— И не пытайся запомнить дорогу, — заявил Сарган и слегка улыбнулся. — Даже я все еще иногда теряюсь.

Сначала Керр хотел сказать человеку, что он легко найдет дорогу назад по запаху, но потом предположил, что это просто была одна из шуток людей, и промолчал, чтобы не портить ее.

— Это... невероятно. Все такое огромное.

Натиоле был явно поражен. Юный влахак, распахнув глаза, осматривал огромные конструкции из дерева и камня. Керр тоже чувствовал нечто вроде почтения перед теми, кто создал здания, между которыми они двигались. Во Влахкисе лишь некоторые дома были высокие, а крепость Ремис очень высокой, но по сравнению с дворцами и храмами Колхаса они казались крошечными. Золотая столица была невообразимо велика.

На Керра навалились новые впечатления. Когда тролли проснулись, они находились уже в центре Колхаса. Биение сердца земли здесь было слабым, едва слышным, а эхо, которое оно оставляло в голове Керра, — нечетким и неточно отображало окружающий мир. В своем путешествии они все больше отдалялись от духа темноты, и его дыхание здесь было всего лишь слабым напоминанием в их сердцах. Врак особенно страдал от этого, хотя и не признавался. Он стал совсем молчаливым и остался с Цраном в большом подземном помещении, которое им предоставили.

Но Натиоле и Керр приняли приглашение Саргана показать им Колхас. Или, по крайней мере, его важную часть, как, подмигнув, уточнил седовласый дириец.

— Оно и должно быть большим. Это же центр империи. Отсюда всем управляют. Здесь расположены все важные храмы, все ключевые правительственные здания, здесь заседают чиновники, слово которых начинает или останавливает войну. И, конечно же, это резиденция Золотого Императора.

— Но здесь так много строений. Так много храмов, куполов, башен. Это как отдельный город, — удивился Натиоле.

К тому же в этом важном месте было удивительно спокойно. На улицах почти не было людей, кроме воинов в золотых доспехах, которые стояли на каждом углу. На многих улицах высились колонны, поддерживавшие плоские крыши, под которыми прохаживалось совсем мало людей.

— Да, можно и так сказать. Ты не забывай, что город разрастался в течение столетий. Каждый император велел строить новые дома, чтобы оставить напоминание о своем

правлении. Закладывались новые храмы, строились новые дворцы. Нередко для этого приходилось переселять целые кварталы.

— А сколько людей живет в Колхасе? — спросил Керр.

— Подсчет невозможен. Но, должно быть, больше миллиона, — с гордостью ответил Сарган. — Аркидес, седьмой по имени, велел снести кое-что и перенести стену на севере, чтобы создать больше места. Но даже новая стена уже слишком сильно ограничивает рост. Раньше было запрещено поселяться снаружи стен, но наш добрый император отменил этот запрет и сам передал поля прямо перед городскими воротами на севере и на востоке крупным землевладельцам. Теперь там растут первые кварталы за границей города, и я уверен, что теперь Колхас ожидает еще один скачок по количеству жителей. Между нами: власть крупных землевладельцев была императору бельмом на глазу.

— Что будет, если на вас нападут? — поинтересовался Натиоле.

— Во-первых, количество наших врагов невелико, и потом, они недостаточно сильны, чтобы пробиться аж сюда. Но даже если им удастся это, им придется идти по равнине. А это займет достаточно времени, и всадники успеют предупредить нас, чтобы созвать народ к защите города. Наша страна благословлена богиней Агдель.

— А всех ваших императоров зовут Аркидес?

— Нет, — с улыбкой ответил Сарган. — Но с того момента, как к власти пришел Аркидес, первый по имени, многие стали брать это имя при помазании на императорство. Первый по имени был великим властителем, и это он сделал золотую империю такой, какова она сейчас. Простая страна Дирия под его правлением превратилась в мощное государство. Иногда императоров всех вместе называют аркидами, но я не следую этой моде.

— А что с... э... с написанным? — вмешался Керр, которому последние слова дирийца показались слишком запутанными.

— Написанным?

— Которое дала тебе его девочка. — Тролль попытался объяснить Натиоле.

Мгновение человек, не понимая, смотрел на него, а потом кивнул.

— Письмо! Конечно. Прости, Сарган. Твоя дочь передала мне письмо для тебя, о котором я совершенно забыл. Вид города, путешествие...

— Нет причин извиняться. Кроме того, я уверен, что ее гнев на меня не уменьшился ни от расстояния, ни от времени. В некоторых вещах она точная копия своей матери. Ты можешь отдать его мне, когда мы вернемся.

— Оно у меня с собой, здесь.

Молодой человек запустил руку под камзол и вытащил простой кожаный свиток. Керр с интересом наблюдал, как Сарган улыбнулся Натиоле и тот неожиданно покраснел. Потом дириец принял письмо.

— Я прочитаю его позже, — заявил он и спрятал его в одной из складок своего широкого одеяния. — Ее речь порой бывает чересчур витиеватой, когда она хочет сказать своему старому отцу, что думает о нем.

— Правда? — Голос Натиоле прозвучал удивленно. — В Теремии она была образцом вежливости.

— И сдержанности?

— Ну, это... не обязательно, — задумчиво сказал молодой человек. — Она очень... волевая.

— Копия матери, как я уже говорил, — со вздохом сожаления ответил Сарган, но Керр слышал по запаху, что тому скорее весело. — Кстати, вон тот зал называется Залом сотни колонн, там Золотой Император обычно устраивает шумные праздники. Возможно, именно там он и примет вас перед двором.

Здание, на которое указал Сарган, было высоким и длинным, с двумя крыльями, между которыми вздымалась колоннада, поддерживающая плоскую крышу. Даже на таком расстоянии Керр разглядел, что колонны украшены барельефами животных. Наверху капители венчали головы тельцов, а внизу преобладали существа, похожие на кошек. Все

барельефы были цветными, так же как и головы тельцов, и даже ночью здание казалось роскошным, так как было освещено дюжинами чаш с огнем.

— Сам зал, естественно, внутри, и там на самом деле больше сотни колонн, если заняться подсчетом, — заявил Сарган и показал на меньшее по размеру, но не менее роскошно украшенное здание, окруженное такими же колоннами. — Или он примет вас в Апа-Дар.

Здание, на которое теперь указывал Сарган, представляло собой лишь крышу, поддерживаемую группами колон. Эта открытая зала удивила Керра.

— И никаких стен? Какую же защиту дает это здание?

— О, Апа-Дар задуман не для защиты. Там проводятся собрания. Иногда отмечают небольшие праздники. Здание древнее, гораздо старше большинства строений остальной части города. Когда-то это был дворец императора, но сейчас он стал слишком мал для этого.

Керру это здание совершенно не казалось маленьким, но он оставил свое мнение при себе. То, что люди строили вещи для защиты от ветра, непогоды и холода, он уже давно понял. Но что они строили такие, которые даже не защищали, показалось еще более непонятным, чем все прочие поступки. «В империи люди еще более странные, чем во Влахкисе. Тяжело себе такое представить, но это факт».

— Когда подойдет время аудиенции, я вас предварительно проинструктирую.

— Инстро... что? — спросил Керр.

— Я объясню вам, что вы должны учитывать во время приема. Протокол очень строгий, для... чужеземцев, конечно, делают исключения и поблажки, но император будет более благосклонным, если вы станете соблюдать правила. По крайней мере некоторые.

Теперь вздохнул Керр. «Еще больше правил».

— Нам нужно назад, — констатировал тролль. — Я не хочу оставлять Врака одного надолго.

Оба человека кивнули, и Сарган медленно повел их по широким улицам назад к зданию, в подвале которого расположились тролли. По словам Саргана, они занимали дворец, предназначенный только для размещения гостей золотой империи. Здесь селились посланники из всех частей империи и не только. Рабы удовлетворяли их самые необычные пожелания, как с достоинством заверил Пилон. По сравнению с огромными залами и колоннами, которые они видели по время прогулки по центру города, их жилье было не столь помпезным, но тем не менее Керр мог пройти в двери с высоко поднятой головой, а высота потолка в два раза превышала рост тролля. Даже Враку приходилось сгибаться совсем немного, когда он проходил через дверь в подвал.

— Мы построили эти помещения специально для вас, — объяснил Сарган. — Первоначально здесь был лишь маленький подвал, в котором охлаждали пищу и напитки. Целая армия рабов расширила его, когда до нас дошла весть о вашем прибытии.

— Это очень великодушно, — ответил Натиоле, но Сарган лишь с улыбкой отмахнулся:

— Нет, не совсем. У нас такой обычай впечатлять наших гостей. Для некоторых посетителей это первый город, который они видят. А другим мы показываем наши залы и храмы, дворцы и, конечно, солдат. Империя хочет удостовериться, что каждый гость понял, насколько мы могущественны.

— Потому у ваших залов нет стен, — заявил Керр, отчего Сарган расхохотался. — Чтобы вас было видно не только внутри, но и снаружи.

— Правильно подмечено, друг тролль.

Они молча прошли через ворота в большой внутренний двор, в котором шумел чудесный фонтан. По краю чаши фонтана были установлены богато украшенные скульптуры в форме рыб, и из их ртов в резервуар вытекала чистая вода. Тролль не устал любоваться этим чудом, и каждый раз зрелище заставляло его радоваться снова. «Иногда изобретения людей великолепны!»

Путники стали спускаться в свои комнаты по пологой лестнице, четверо солдат в

золотых доспехах без лишних вопросов пропустили их.

— Они из гвардии Колхаса. Это единственные вооруженные солдаты, которые имеют право долгое время пребывать в городе. Все они опытные воины, из самых отдаленных провинций империи. Но в основном это силки. Никто из них не может стать чиновником или императором; это запрещено, поэтому им доверяют. Их также хвалят за молчаливость, но будьте уверены: ваш язык они понимают.

На лицах стражников не дрогнула ни одна мышца, подтверждая либо опровергая слова дирийца, но Керр поверил Саргану. Дириец был другом, не *хареегом*, как Стен, но он не стал бы им врать. «По крайней мере, кроме этого смешного запаха цветочной воды, от него больше ничем не пахнет».

— Вернулись, — пробурчал Врак, а Цран добавил:

— С полугномом.

Оба тролля встретили Саргана впервые, и им было сложно доверять ему. Но Керру в конце концов удалось успокоить своих соплеменников.

Подвал был обширным и разделялся на несколько частей. В самой большой части троллям устроили ложе, которое Врак после недолгого осмотра забросил в угол. Здесь был низкий стол, на котором стояли глиняные миски, полные кусков свежего мяса, а также металлические кружки с водой и другими напитками, запах которых, однако, ничего не говорил Керру.

— Полугном? О огненное дыхание Агдель, да что же у вас, троллей, за мания к полугномам?

— Ну, так тебя называют. На рисунках.

— Рисунках? Что за рисунки? Рисунки троллей?

— Рисунки, на которых я нарисовал историю Друана, Парда и Анды. На стенах наших пещер. История троллей.

— Замечательно, — прошипел Сарган. — Я пишу книгу о троллях, а тролли пишут книгу обо мне. И в ней они называют меня полугномом.

— Собственно, так называл тебя Пард, — начал Керр, но Сарган замахал руками и перебил его:

— Ладно, ладно, хорошо. Только лучше молчите. Или вы хотите, чтобы об этом узнал весь мир?

Тут к запаху остальных примешался какой-то новый. Керр не ответил, а лишь посмотрел в открытую дверь, в которой кто-то стоял.

— Слишком поздно, Сарган Вульпон. Не целый мир, но мои уши уже слышали это.

Дириец со вздохом обхватил голову руками.

— Ана. Ну, если знаешь ты, то Артайнис тоже узнает. И тогда я не смогу спокойно доживать дни старости, мне придется провести их, слушая едкие насмешки от своей драгоценной дочери.

В дверях появилась молодая девушка, которую присутствие троллей, казалось, совсем не впечатлило. Керр не почувствовал в ней ни малейшего страха, она стояла, широко расставив ноги, самоуверенно, положив руки на два меча за поясом. На входе она задержалась на мгновение. Ее темно-русые волосы были очень коротко острижены, и, в отличие от большинства дирийцев, которых видел Керр, на ней была кожаная одежда. В тот момент, когда она хотела войти, один из стражников преградил ей путь и сказал что-то на языке, которого Керр не понял. Она в гневе сделала шаг назад и пристально уставилась на него. Потом она спокойно и тихо сказала несколько слов на чужом языке империи и, потащив меч из ножен, продемонстрировала полоску металла.

В углу выпрямился Врак, как предположил Керр, в надежде на хорошую драку. Цран тоже почувствовал запах насилия в воздухе.

Другие стражники окружили девушку, которая следила за каждым их движением. Еще ни один из них не достал оружия, но Керр чувствовал, что осталось недолго.

Сарган поспешно подскочил и быстро заговорил на своем языке. Его слова были

словно водопад, словно ливень, который разогнал противников. Он встал между стражниками, показывая на девушку, на Натиоле, на оружие, на себя и не переставая говорить. Наконец солдаты отступили, хоть и не спуская глаз с молодой гостью.

— Приветствую тебя, Ана, — сказал Натиоле и кивнул ей. — Ты что же хотела? Сцепиться с гвардией Колхаса?

— Нати, — в ответ поприветствовала его Ана и коснулась двумя пальцами лба. — Если было бы нужно, да. Иногда эти задницы понимают только один язык.

В два шага она подскочила к влахаку и обняла его.

— Так здорово видеть тебя, кузен. И, конечно, познакомиться с твоими друзьями. Тролли, да?

— Да. Это Керр, Цран и Врак, глубинный. Привет тебе от воеводы. Флорес тоже в городе?

— Нет. Она хотела отправиться во Влахкис, но уже давно должна была бы вернуться. Я думала, что она с вами.

Натиоле с удивлением посмотрел на Ану.

— Нет, мы даже не знали, что она хотела приехать. Наверное, мы разминулись.

Наконец Керр понял, кого ему напомнила эта молодая женщина. У нее была выправка Стена. «Или его сестры Флорес. Наверное, это ее ребенок».

33

Набедренник отделился от бедра мертвого марчега с чавкающим звуком. Корнель прижимал ко рту и носу платок, пропитанный уксусом, но вонь, которую издавала разлагающаяся плоть, заставила его отпрянуть на несколько шагов. Он помахал рукой над чашей с курениями, чтобы немного благовоний пошло в сторону трупа, после чего снова приблизился к мертвецу и наклонился к оголенной ране.

Корнель был благодарен Божественному свету за то, что Вицлас не только разрешил обследовать стрелу в ноге убитого князя, но и выразил готовность закрыть капеллу для этой цели.

«Последнее, чего мне хотелось бы в данный момент, — чтобы банда приверженцев Сцигласа застала влахака за осквернением тела их любимого властителя».

Корнель достаточно повидал на своем веку и знал, что с каждым днем угасшая за двадцать лет ненависть масридов и влахаков все больше разгорается, и он не испытывал ни малейшего желания попасть в Турдуе в такую же ситуацию, в какую попал Гарьяс в Теремии.

Кривым ножом Корнель осторожно отделил ошметки кожи и желеобразную массу, в которую превратилась мышца, от остатка стрелы, которая глубоко вонзилась в ногу марчега. Рана определенно не была смертельной; по крайней мере, не... мгновенно смертельной. Скорее всего, марчег сам обломал древко стрелы, чтобы она не мешала ему. А вот погиб масрид от ударов мечей и секир врагов.

Наконец нож Корнеля дошел до металлического наконечника стрелы. Ему пришлось заставить себя вложить два пальца в зияющую серую рану и рывком вытащить острие из кости. Крови не было, труп был слишком старым. Корнель быстро накрыл ногу металлическим набедренником. Теперь ни один масрид не смог бы заметить его вмешательства.

Священник протер платком руки, но знал, что сможет почувствовать себя хотя бы наполовину чистым только после того, как примет ванну. Он осторожно завернул обломок стрелы в кусок кожи и положил в карман. Затем он открыл засов капеллы и вышел в ночной внутренний двор замка.

Вицлас уже ждал его. На лице юного масрида отражалась смесь страха, отвращения и любопытства.

— И как, брат? Ты нашел то, что искал? — поинтересовался он.

Корнель неуверенно кивнул.

— Тогда пойдем назад в храм. Сегодня ночью к нам хочет прийти Виколий Аркос, и это точно не будет визит вежливости. Скорее всего, он попытается перетянуть Альбус Сунас на свою сторону. Он хочет, чтобы наш орден поддержал его притязание на трон марчеге.

Корнель удивленно поднял брови.

— А пойдет ли Альбус Сунас навстречу его... пожеланиям?

Вицлас надменно улыбнулся.

— Это будет полностью зависеть от того, что он предложит взамен. Но я сомневаюсь, что его предложения смогут конкурировать с тем, что у нас было при Тамаре Бекезаре.

На это Корнель ничего не ответил. «Естественно, — подумал он. — Орден располагает слишком большой властью в Ардолии. Без его поддержки любому претенденту нелегко получить власть».

Они молча покинули замок и стали спускаться в город. Даже в этот ночной час на улицах и площадях Турдуя было довольно оживленно; хотя встречные прохожие во мраке казались более угрожающими, чем днем, но ни к кому из них не цеплялись. Корнель не мог сказать, были ли тому причиной их белые одеяния или уличные разбойники просто предпочитали жертв попроще.

Когда Вицлас открыл дверь в храм, из помещения на них устремился яркий свет. Внутри уже было пять членов ордена, четверо мужчин в простых одеяниях священников и одна женщина, на которой было особенно роскошное платье. «Это кераля местного храма», — с удивлением констатировал Корнель. Женщины встречались в ордене довольно редко, и еще реже они поднимались до такого высокого поста, как верховный священник храма.

Кераля была еще не старой, но ее коротко стриженные волосы уже полностью поседели, что подчеркивало достоинство ее сана. На серьезном лице сверкали голубые глаза, и она пристально рассматривала Корнеля.

— Ах, Вицлас и наш влахакский гость. Заходите, братья, теперь мы в полном составе, — сказала она низким звучным голосом, и Корнель со своим спутником незамедлительно последовали ее приглашению.

— Я хочу, — продолжила кераля, — чтобы нашему высокому гостю, которого мы сегодня здесь ожидаем, вы оказали честь, которую он заслуживает. Никаких поспешных или неуважительных замечаний!

При этих словах она коротко глянула на Вицласа, и Корнель спросил себя, в какой ситуации священник мог вести себя настолько несдержанно, чтобы заслужить такое порицание.

— Мы слушаем слова вецета, сформируем для себя мнение и затем обсудим все, что услышали. Но пока наш гость здесь, мы говорим только *одним* голосом. Моим. Я понятно выразилась?

Ее слова прозвучали энергично и убедительно. Все священники кивнули и заняли места вдоль стен.

Едва они успели это сделать, как послышались шаги и в дверь постучали. В храм вошел молодой еще мужчина, на котором были простая кольчуга и кожаные наручные и ножные доспехи, лишенные каких-либо украшений, причем они выглядели так, словно хозяин снимал их только тогда, когда ложился спать. Его сопровождали женщина и мужчина, оба в масридских металлических доспехах. Корнель с удивлением узнал в мужчине Басцаи. «Быстро он нашел себе нового хозяина, — подумал влахак. — Но что ему, в сущности, оставалось? Воин без предводителя бессилен. Каждый масрид должен решить, за кем теперь следовать».

Мужчина в центре казался каким-то странно бесцветным на фоне своих спутников. Его каштановые волосы обрамляли лицо с крупными чертами, причем нос явно был несколько раз сломан. Справа и слева на поясе у него висело два простых длинных охотничьих ножа, которые выглядели так, словно ими пользовались очень часто.

Масрид направился к керале. Они обхватили друг друга за плечи и коснулись щеками.

— Еся, — радостно воскликнул мужчина. — Рад видеть тебя.

— Виколий Аркос!

Керала освободилась из объятий и указала на священников, которые стояли у стен.

— Наш орден рад приветствовать вас, вецет.

Этим обращением она недвусмысленно дала понять дворянину, что он не на дружеской встрече. Какой бы ни была просьба, он излагал ее священнику ордена Альбус Сунас.

Виколий Аркос отступил на шаг и нервно откашлялся. Его спутница и Басцаи заняли места немного позади и больше не двигались. Они не выглядели угрожающе, но тем не менее казались напряженными. «Аркос должен целиком доверять им, раз взял на такую встречу», — промелькнуло в голове у Корнеля.

— Тогда я сразу перейду к делу, проклятье, — начал гость. — Ты знаешь, как сильно меня утомляют формальности, которых требуют при дворе. Мне становится плохо, когда я слышу лишь тупую болтовню. Я — не человек слов, Еся. Никогда таким не был. Но я — человек, который знает, когда ему нужно бороться и когда нужно сохранять мир. У Сциглоса на уме лишь слава, и он ищет ее во Влаккисе. Для победного военного похода он готов вытащить на свет божий даже кости старого Цорпада и послать их в бой.

Рядом с собой Корнель услышал звук, похожий на приглушенный смех или кашель. Но когда он оглянулся на Вицласа, тот пялился прямо перед собой с бесстрастным выражением лица.

Керала кивнула в ответ на слова дворянина.

— Я понимаю ваши опасения, вецет, — медленно сказала она. — Но многие масриды любят Сциглоса Бекезара. Не только из-за его неоспоримо благородного происхождения, но потому, что он хочет повести масридов к новой высоте. Некоторые считают, что долгий мир был нам во вред, а Влаккису а пользу.

— Вздор, — глухо возразил Виколий. — Даже для человека с разумом мула очевидно, что под управлением марчег Тамара Ардолия расцвела. Даже его кузен Тирадар признал это, хотя в день его рождения Божественный свет и не светил ему прямо на голову, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Он замолчал на мгновение, снова откашлялся и затем шумно сплюнул на пол, после чего продолжил:

— Я говорю, что мы должны подождать, по крайней мере для того, чтобы понять, что этот сукин сын воевода замыслил. До тех пор мы можем собрать достаточно солдат, чтобы быть готовыми ко всему. И даже если дело дойдет до войны, нам нужно подождать с ней до весны. Иначе существует опасность, что мы все жалким образом передохнем в эту четырежды проклятую зиму.

Еся сделала глубокий вдох и выждала несколько мгновений, прежде чем ответить сердитому претенденту на трон.

— Альбус Сунас должен в первую очередь служить Божественному свету, вецет, — наконец мягко ответила она. — И во Влаккисе наши братья и сестры не в таком почете, как нам бы того хотелось. Наш брат Корнель здесь, — она указала на священника, — наверняка может подтвердить это.

Корнель лишь кивнул, так как догадывался, что ни керала, ни воинственный Виколий не стремятся выслушать его оценку положения ордена в сопредельном государстве.

— Если марчег снова объединит Ардолию, будет гораздо легче распространять учение всеохватывающего Божественного света, — продолжила она низким приятным голосом.

— Возможно, Еся, — неожиданно рассудительно ответил Виколий Аркос. — Но ты знаешь, что едва ли возможно заставить упрямых влаккских собак следовать нашей вере силком. То, что мы не смогли сделать за двести лет, мы не успеем насадить за одну осень — или ты думаешь иначе?

Керала утвердительно кивнула, очевидно не слишком радуясь тому, что ей приходится признавать правоту дворянина.

— То, что я верно служу ордену Альбус Сунас, не подлежит никакому сомнению. Поддержите меня, и я никогда не забуду этого, даю слово. Если я стану марчемом, то тебя сделаю первой советницей, Еся! Сциглос же, наоборот, стремится воспользоваться вами для своих целей. А когда он достигнет их, то союзники из ваших рядов ему, скорее всего, больше не понадобятся.

— Мы обдумаем ваши слова, вецет, — с достоинством ответила кераля.

Дворянин понял, что таким образом она дает понять, что аудиенция окончена. Поклонившись без лишних слов, масридский дворянин повернулся к двери и с двумя спутниками направился к выходу.

Но не успели гости выйти на улицу, как в дверях храма появилась молодая воительница.

— Кераля! — воскликнула она.

Потом женщина заметила дворянина и приветствовала и его, склонившись в глубоком поклоне.

— Вецет Виколий! Сциглос Бекезар отправил меня в храм. Он просит вашего присутствия и присутствия благородной Еси для обсуждения одного важного вопроса.

Виколий громко чертыхнулся. «Да, не очень-то приятно знать, что Сциглос следит за тобой», — подумал Корнель.

Кераля тоже выглядела не особенно радостной оттого, что Сциглос вызывает ее к себе подобным образом. Священники громко зароптали, и Еся остановила шум, подняв руки.

— Я иду в замок с вецетом Виколием. Ждите меня. Позже сообщу, что там произошло.

К удивлению Корнеля, она взглянула на него:

— Не согласишься ли ты сопровождать меня, брат? — попросила она.

— Конечно, кераля, — поспешил он уверить настоятельницу.

Они вместе отправились в путь, молча, каждый погруженный в свои мысли. Лишь после того, как они прошли какое-то расстояние, Корнель заметил, что воительница выбрала другую дорогу к замку, не ту, которой они несколько раз уже ходили. Она повела их по пологой улице, которая огибала центр города, уже скоро их окружали только маленькие дома, из окон которых струился совсем слабый свет.

Еся, которая вначале шла впереди с воительницей, через некоторое время отстала. Затем вроде как случайно она коснулась рукава Корнеля. Когда священник повернулся, она, не отрывая глаз от дороги, прошептала так тихо, чтобы только влахак смог разобрать ее слова:

— Осторожно, брат. Это ловушка.

Корнель очень удивился ее словам и осмотрелся: путников окружали лишь черные неподвижные тени. Но он не обнаружил ничего подозрительного. Тем не менее кивнул, после чего Еся ускорила шаги, чтобы присоединиться к Виколию и его спутникам.

Но она не успела этого сделать. Словно из ниоткуда, перед ними появилось пятеро вооруженных воинов с закрытыми лицами, которые без предупреждения набросились на них с обнаженными мечами и кинжалами. Воительница, которая до этого была их проводницей, развернулась к ним с поднятым клинком. «Шестеро против четырех, — промелькнуло в голове у Корнеля. — Это будет тяжелая драка».

Виколий и его спутники отреагировали почти молниеносно. Басцаи вытащил меч и как раз вовремя отразил мощный удар, который был направлен на его господина. Двое нападавших напирали на охранницу. Один из замаскированных нанес ей удар секирой по голове, но потом Корнель увидел, как ей к тому же вонзили кинжал в щель под шлемом, отчего она упала как подкошенная. Виколий ударил одного в бок, в то время как Басцаи поверг их бывшую проводницу ударом под колено.

В этот момент из пальцев керали вырвался яркий свет и ослепил нападавших. Это сверкание дало достаточно времени Басцаи, чтобы снова выпрямиться и защитить Виколия своим телом. Но нападавшие лишь потрясли головами и снова перестроились.

Корнель тоже поднял руки и вызвал Божественный свет. Он громко закричал:

— Назад, вы, собаки! Прочь от Божественного света!

С неба ударила молния, угодив в одного из них. Мужчина закричал и рухнул на колени, ослепленный и обгоревший. «Теперь целый город знает, что ордену Альбус Сунас приходится бороться за свою жизнь. Хотя бы помощь пришла поскорее».

Двое оставшихся нападавших теперь обернулись к Басцаи, пытаясь загнать его в угол быстрой серией ударов и выпадов. Кераля подняла с земли кинжал и защищалась им от третьего. Корнель пришел ей на помощь. Хорошо нацеленный удар кулаком привел нападавшего мужчину в замешательство, дав возможность керале ударить кинжалом. Но следующий удар секирой пришелся Корнелю в бок. Это был лишь слабый удар слева, но священник почувствовал, как его ребра треснули, и упал на землю, хватая воздух ртом. Снизу он увидел, как под ударами упал и Виколий. Из последних сил священник солнца еще раз призвал Божественный свет, вложив в призыв всю свою веру и всю надежду.

После этого место боя окутал ослепительный свет, и Корнель потерял сознание.

Когда он снова открыл глаза, дышать было очень тяжело, но все-таки возможно. Рядом с ним на коленях стояла кераля, в крови, но без смертельных ран. Она обхватила руками голову Басцаи. Воин тяжело дышал, прижимая руку к груди. Из-под пальцев пульсирующим потоком текла кровь.

Напавшие лежали вокруг. Некоторые были отброшены на несколько шагов, и в воздухе висел сильный запах горелого мяса, от которого Корнеля вырвало.

— Твоя вера сильна, брат, — тихо сказала кераля. — Мы благодарны тебе за нашу жизнь.

— А Виколий Аркос?

Она печально покачала головой. Корнель повернул голову и увидел лежащего дворянина, под которым быстро натекала лужа крови.

— Ты должен ехать назад во Влахкис, Корнель, — мягко сказала Еся, и в ее голосе снова появилась уверенность. — Кто бы ни стоял за этим подлым нападением, одно точно — грядет война.

34

Удар пришел сверху, быстрый и жесткий. Он не оставил Ане времени на выпад. Она отскочила, и оружие просвистело перед ее лицом.

Второй противник воспользовался мгновением и сделал шаг вперед вслед за ней. Не медля, юная воительница, крутнувшись вокруг оси, упала на колено. Удар слева прошел над ней, не причинив вреда, и она парировала атаку второго мечом в левой руке, а меч в правой нацелился в грудь нападавшего. Тот отшатнулся, она вскочила, отбив еще одну атаку первого противника двумя мечами разом, и столь мощно ударила по бедру, что он завалился на бок. С поднятым оружием она вопросительно посмотрела на него.

— Ну ладно, ладно, — согласился Берофан и опустил тренировочный меч.

Она рискнула бросить взгляд через плечо: Наркан потирал ушиб на груди.

— Будут синяки. Ты можешь хотя бы во время тренировок немного сдерживаться?

В ответ на это Ана презрительно хмыкнула и опустила деревянные клинки.

— Ага, а на поле боя никто не будет сдерживаться. Если вы не можете выносить боль, то, наверное, лучше сменить ремесло. Я слышала, что на хороших кожевников всегда большой спрос. Или ваши носы такие же чувствительные, как и кожа?

Наркан, вздыхая, поднял забрало легкого шлема на лоб и глянул на нее. Оба, конечно, знали, что Ана ни за что не будет драться в полсилы на тренировках. Когда она сражалась одна, то двигалась традиционным образом и использовала эффективные приемы и хитрости, которым ее обучила Флорес. Но в тренировочном бою с несколькими противниками все это не годилось; заранее определенные движения становились предсказуемыми, а какой-либо контроль собственной силы мог привести к поражению. Кроме того, кто привыкал сражаться

со сдерживающим себя противником, оказывался плохо подготовлен к борьбе не на жизнь, а на смерть.

— И снова в грудь, — пожаловался Наркан. — Можно подумать, это твое любимое место.

— Рана в груди выбивает противника из драки и часто смертельна. А с врагами, которые так же отвратительно защищаются, как и ты, это просто просится, не так ли? — сладким голосом сообщила Ана и сняла шлем.

Пот стекал по вискам на шею. В перчатках руки стали влажными, и она чувствовала напряжение во всем теле.

— И у тебя два меча, — возразил Наркан, скривившись, расстегивая камзол с защитной подстежкой и засовывая под него руку.

— Как будто дело в этом, — вмешался Берофан.

Высокий наемник подошел к Наркану и схватил его за затылок.

— Оставайся спокойным, иначе она еще и исколотит тебя деревянным мечом.

Оба наемника посмотрели друг на друга. Мгновение Ана не была уверена, шутят ли мужчины или Наркан действительно недоволен. У ларгота был взрывной темперамент, как и у моря, с побережья которого он был родом, и его настроение могло испортиться от любого пустяка. Но сейчас он рассмеялся и тоже схватил Берофана за затылок. С глухим звуком они стукнулись лбами. Потом Наркан поднял тренировочный меч.

— Я пойду мыться. Достаточно синяков на один день. Завтра буду рад встретиться снова. Ана?

— До завтра, — кивнув, ответила она, сунув под мышку деревянные мечи.

Вместе с Берофаном она смотрела вслед ларготу.

— Он слишком горяч, — констатировала юная наемница, когда он оказался за пределами слышимости. — Ему нужно было только немного подождать; ты заставил меня перейти в защиту. Твой следующий удар оттолкнул бы меня прямо ему в руки.

— Возможно, — пробурчал Берофан.

Его голос был низким, а волосы и кожа — темными. Все в этом большом человеке было темным, даже настроение, в котором всегда сквозила меланхолия. До сих пор Ане не удалось пробиться сквозь незримый панцирь, но девушке это не мешало; Берофан был необыкновенным воином и хорошим командиром. Наемники доверяли ему.

Они вместе вышли с тренировочной площадки, которая находилась между палатками, и направились к низкому столу, на который свалили своё снаряжение.

— С другой стороны, мы учили его наносить смертельный удар как можно скорее, — продолжил Берофан. — Он знает, насколько ты опасна, и увидел возможность избавиться от тебя. Это была хорошая атака.

— Я смогла парировать ее, — возразила она и сделала глоток воды из кувшина, который стоял на столе.

Вода стала теплой на солнце, но юной наемнице было все равно. Ее спутник терпеливо ждал, пока она напьется.

— Да, ты парировала. Но ты, Ана, — дочь своей матери. Для большинства других его атака была бы сокрушительной.

— Он должен был выждать, — упрямо повторила Ана.

— Возможно.

— Как бы то ни было, возможно, он научился чему-то. И нам эти тренировки полезны. Иначе мы скоро станем такими же ленивыми и толстыми, как половина этого города.

Она бросила взгляд на солнце.

— Я тоже пойду вымоюсь и наведу с визитом к кузену. Позаботься о том, чтобы наконец доставили это четырежды проклятое мясо. Если сегодня вечером снова будет только пшенная каша, наши люди поднимут восстание.

В ответ Берофан пробурчал что-то неразборчивое. Теперь он тоже сделал большой глоток воды. Темнокожий наемник был в два раза старше Аны, но целое утро жестких

тренировок переносил без жалоб, на равных с Нарканом и Аной. Берофан был офицером ее матери, сколько Ана помнила себя. И его кожа была тому свидетельством: у него повсюду были шрамы, украшавшие его, словно знаки боевого отличия солдат имперской армии. В представлении Аны он был незыблемой скалой постоянно меняющегося мирка их подразделения. На Берофана можно было положиться — вечером будет мясо.

— Должны ли мы начать беспокоиться о Флорес?.. — неожиданно поинтересовался он.

Ана, которая как раз в этот момент застегивала ремень с мечами, замерла и посмотрела на него.

— Не думаю. Возможно, она задержалась. Или захотела подольше побыть в Ардолии. Но мы можем выслать ей навстречу всадников, если ты считаешь это возможным.

— Да, считаю. А что с заказчиком? Должен ли я и дальше откладывать встречи на более поздний срок?

Она услышала оттенок неуверенности в его голосе. Это было необычно, что они даже не выслушивали потенциальных заказчиков, но именно за это им сейчас платили деньги. Причем внушительную сумму, благодаря которой они могли оплачивать все расходы и обеспечивать пребывание наемников в Колхасе. «Свободное время пойдет на пользу всем. И нам нужно дождаться Флорес».

— Да. Хотя это и странное соглашение, но такое уж оно. Пока оно не закончится, мы — официально — не ищем работы.

Хотя Берофан и бровью не повел, она знала, что он понял ее. Золото оттуда или отсюда... Едва ли осторожная разведка может повредить, в случае если опцион, как они называли своих мистических меценатов, окажется финансово несостоятелен. То, что кто-то инвестировал так много денег, чтобы они ничего не делали, указывало на большое, а значит, прибыльное дело. Но Флорес учила ее, что для наемников приятнее небольшие, хуже оплачиваемые и, следовательно, менее рискованные заказы. «Мертвецы не тратятся».

Она хлопнула его слегка ладонью по плечу, он ответил на ее прощальный жест, и они разошлись. Ана быстро вымылась в своей палатке и надела легкий кожаный доспех. Вооруженная женщина в доспехах... Она всегда была в империи инородным телом; особенно в Колхасе, где структура общества и система ценностей и взглядов были еще более старомодными и закоснелыми, чем где бы то ни было. Здесь почитались лишь традиции. И по традиции женщины не носили оружия. К счастью, наемники шли по особой статье и считались опасными, непредсказуемыми и даже сумасшедшими. Они были вне общества, во всех значениях этого слова. Что немного облегчало жизнь. Естественно, немаловажным фактором было то, что часто она появлялась с большой толпой вооруженных мужчин, и лишь немногие решались давать какие-то наставления. Но даже если она была одна, Ана не считала зазорным носить оружие, причем проблемы возникали у тех, кто вставал на ее пути.

Еще издали она заметила, что Натиоле уже ждет. Он прислонился к колонне, явно не представляя, какое культурное злодеяние при этом совершает. Скоро все чиновники и богачи в Колхасе будут до хрипоты возмущаться поведением варвара, который не умеет себя вести. Стража точно была возмущена! Хотя и не могла продемонстрировать свое отношение и оказалась в двусмысленном положении. Ана с улыбкой подошла к кузену. Неудобство этих золотых истуканов порадовало ее, так как девушка уже не раз имела неприятные стычки с надменными солдатами гвардии.

Ее кузен изменился, с тех пор как она его в последний раз видела во Влахкисе. Что было, впрочем, неудивительно, ведь прошло несколько лет. Натиоле вытянулся и теперь, наверное, был даже немного выше своего отца. У него были длинные черные волосы по обычаю влахаков, и он носил их собранными в конский хвост. Сразу было видно, что юноша умеет обращаться с мечом, с которым никогда не расстанется. Нати был стройным, но при этом с хорошими мышцами в нужных местах, его движения были уверенными. Но особенно интересным было лицо с высокими скулами и темными глазами. Он загорел и выглядел иначе, чем она помнила его со своего последнего визита во Влахкис.

Он заметил приближение девушки и вышел из тени навеса, чтобы приветствовать ее. Два чужеземца в самом сердце империи, в окружении роскоши и чванства чужого государства.

— Здравствуй, Ана, — натянуто сказал он.

— Натиоле. Давай немного пройдемся, — ответила она, взглянув на стражу.

Здесь могли быть солдаты золотой гвардии, которые понимали по-влахакски, но в большинстве других мест в Колхасе они могли разговаривать спокойно, не опасаясь, что их поймут.

— Ты вчера так быстро исчезла, — заявил Натиоле с оттенком упрека в голосе.

— Дела. Кроме того, я думаю, будет лучше, если мы побеседуем наедине.

Натиоле остановился и удивленно посмотрел на нее.

— Есть какие-то трудности?

— Нет, я имею в виду, без троллей. И без Саргана. И уж точно без любопытных ушей гвардейцев.

— Ах, о них Сарган уже предупредил. Но что с ним? Он же друг семьи. Если бы ты слышала отзывы отца, то подумала бы, что он практически входит в нее.

— Во Влахкисе, наверное, да. Но мы здесь, в Колхасе, — заметила Ана. — Сарган — важная птица, хотя любит делать вид, что он безобидный старик. Даже без официальной должности он знает, на кого надавить.

— Но он помог нам. Он — наш друг!

— Как минимум, у него самая лучшая сеть шпионов и доносчиков в стране между гор, это так. Он хорошо зарабатывает на торговле. Ни одно зернышко кофе не покидает этой страны без того, чтобы не принести Саргану доход с продажи.

Теперь Натиоле задумался. Молодой человек провел рукой по волосам и помолчал некоторое время.

Жители города обходили чужеземную пару, и Ане это было только на руку. Чужестранцы, да еще и вооруженные. Жители с любопытством рассматривали их, но сразу отводили глаза, стоило только Ане бросить вызывающий взгляд в ответ.

— Как дела у Ионниса? — спросила она.

Со вторым кузеном она виделась чаще. Благодаря тому что он долго пребывал в империи в качестве гостя в доме Саргана, их пути несколько раз пересекались. В отличие от Натиоле Ионнис был общителен и не настолько склонен к долгим раздумьям, поэтому они легко нашли общий язык. Если не принимать во внимание тренировочные бои, которые юноша через некоторое время стал прогуливать... Поэтому Ану опечалило известие о том, что принц ранен.

— Вчера я рассказал все, что знаю. Когда мы выезжали, он еще не очнулся. Но его раны обработаны и он в хороших руках. Надеюсь, что сейчас ему уже лучше.

— Я уверена, что твой отец пошлет тебе весточку, как только что-то изменится, — заверила она его. — Мне пришла в голову одна мысль: мои ребята и я тренируемся каждое утро. Если ты хочешь присоединиться...

— Тренироваться?

— Сражаться.

— Должен признаться, у меня остались не очень приятные воспоминания о дуэлях с тобой, — осторожно ответил Натиоле. — Отец всегда говорил, что ты в этих вещах, как тетя Флорес.

— Ой! Кто хочет выжить, тот должен уметь нападать. У тебя на боку меч. Ты должен постоянно тренироваться в обращении с ним. Клинок только тогда становится острым, когда им орудуешь умело.

— А где вы тренируетесь? — попытался отвлечь ее кузен.

Она заметила, что ему стало неловко. Действительно, много лет назад у нее было несколько стычек с кузенами, и их дуэли стали притчей во языцех среди солдат крепости Ремис. Хотя Ана была младше и меньше ростом, она давала такой отпор обоим братьям, что

часто покидала поле победительницей.

— Перед городом, в лагере. Нам разрешается входить в город только небольшими группами и без тяжелого оружия, поэтому наемники всегда строят себе палаточные городки. Собственно, там круглый год движение, так как здесь, в Колхасе нас традиционно ждут вербовщики. Или, по крайней мере, те вербовщики, у которых достаточно денег в сундуках.

— Я найду, когда смогу. К сожалению, по утрам я сплю долго, так как почти всю ночь провожу на ногах.

— И находишься в вони троллей? Ты крепче, чем выглядишь, кузен!

— Ха! Хотелось бы, чтобы чиновники наконец сказали, когда мы получим аудиенцию. Или к кому мы там вообще должны обращаться... Тролли не очень... любят ждать. Особенно Врак, глубинные... еще опаснее. Я каждую ночь боюсь, что Керр потеряет контроль над этим громилой.

— Тогда лучше подумай, как можешь предотвратить это, — серьезно ответила Ана. — Империи на все требуется много времени. Вам придется ждать. Долго ждать. Очень долго...

35

Артайнис подняла руку, чтобы отодвинуть усики плюща, которые свисали с дерева у тропы. Опустились сумерки, становилось все сложнее искать силков, следы которых привели ее сюда из лавки Сайкоса.

Юная дирийка шла по узкой протоптанной тропе через густой лес, который стоял немного в стороне от главной дороги из города, следовавшей вдоль русла реки. Своего коня Артайнис привязала к дереву и оставила позади, после того как увидела, что силкский всадник спешился и исчез среди деревьев.

Она нашла дорожку, ведущую сквозь густой подлесок, и двинулась по ней, стараясь не думать обо всех тех историях, которые рассказывал ей Ионнис о влахакских лесах, о диких зверях и пожирающих людей зраикасах.

«У влахаков считается наказанием оставить человека одного в лесу», — с содроганием вспомнила она. Наказанием, которое довольно часто заканчивалось смертью. Даже Стен сал Дабран однажды в клетке был предан на милость леса, когда еще юношей возглавлял мятеж против марчега Цорпада. Но ни волки, ни медведи не напали на него, а нашли воеводу как раз тролли, когда впервые за много-много лет снова поднялись на поверхность.

«Ну, маловероятно, что мне сейчас встретятся тролли, — подумала Артайнис. — А даже если и так, думаю, с ними как-то можно разобраться в отличие от зраикасов».

Но потом дирийка сама себя назвала душой. Она была не так далеко от Теремии, и, пусть силки и были непредсказуемыми варварами, все равно она не могла себе представить, чтобы они разбили свой лагерь посреди леса, кишящего кровожадными монстрами.

Постепенно протоптанная тропинка расширялась. Еще несколько осторожных шагов — и перед Артайнис показался небольшой просвет. Она остановилась, чтобы сориентироваться, прислушалась к приглушенным звукам лагеря, который должен был быть где-то перед ней.

Юная дирийка сошла с тропинки и укрылась в подлеске. Продвигаться в таких зарослях было трудно, у веток и сучьев, казалось, была только одна задача: цепляться за ее штаны и рубаху. Руками в перчатках она осторожно отводила ветки в сторону и постепенно пробиралась вперед, по направлению к крикам и смеху, которые теперь были отчетливо слышны.

Наконец перед ней открылась поляна, практически круглая площадка, на которой стояли четыре круглые палатки. Между ними сидели и стояли мужчины, по виду и по одежде силки, как и тот человек, который делал закупки в Теремии. По всей видимости, они чувствовали себя в абсолютной безопасности, так как громко переговаривались друг с другом и перебрасывались грубыми шутками. В центре между палатками было кострище, рядом с которым лежала гора покрывал, тюки с припасами и мехи с водой. Место для лагеря было выбрано отлично: силков не было видно с главной дороги, и недалеко протекал

небольшой ручей, который, наверное, впадал ниже по течению в Маги.

При приблизительном подсчете Артайнис обнаружила двадцать степных всадников, но, естественно, в палатках или за границей лагеря могли быть еще воины. «Своих коней они разместили где-то в другом месте», — заметила она. В любом случае, лошадей она нигде не обнаружила. На некоторых силках были кожаные штаны и рубахи, на других влахакские кожаные доспехи, а еще на некоторых типично дирийская одежда. У многих на боку висели ножи, у некоторых — мечи или дубинки. У палаток Артайнис заметила луки. Это было типично для кочевых силков — приспособляться к условиям во время дальних походов. Поэтому их так ценили в золотой империи в качестве наемников. Другой причиной ценности силков в глазах дирийцев было то, что они считались дикими и быстрыми воинами, которые без церемоний и правил часто побеждали даже в схватке с преобладающими силами.

«Они хорошо оснащены и экипированы и для погодных условий, и для страны», — подумалось Артайнис, пока она наблюдала за мужчинами, которые играли в кости, вырезали стрелы или жевали твердые куски хлеба.

В этот момент из палатки вышел предводитель, за которым Артайнис на большом расстоянии следовала по главной дороге. Его одежда соответствовала местным традициям, и на первый взгляд его можно было принять за влахака. До этого на нем был кожаный шлем, который скрывал большую часть лица, а завязанные платком нос и рот делали его абсолютно неузнаваемым. Но сейчас он снял головной убор, и Артайнис разглядела его. Для низкорослых силков он был высоким, почти на голову выше всех своих спутников. В его черных волосах уже было много проседи, а худое лицо изборозжено морщинами. На подбородке красовалась взъерошенная борода.

То, что этот человек действительно был предводителем, Артайнис поняла сразу. Все другие мужчины с уважением приветствовали его и кивали, когда он проходил мимо. Он снял со спины кожаный мешок и отнес его к кострищу, где выложил перевязанные пакеты.

Затем высокий силк подошел к огню, у которого занимались готовкой еще двое воинов. Из бревен они соорудили треножник, на котором закрепили горшок.

— Как в городе, Тохар? — спросил предводителя один из стоящих рядом.

Тот пожал плечами.

— Я принес кофе и хлеб.

— А баб не было? — спросил один из мужчин, что вызвало общий смех.

— Ни одной, которая была бы готова за деньги посмотреть на твою уродливую рожу, — мрачно ответил предводитель. — Но, по крайней мере, мне этот сукин сын в лавке не задавал лишних вопросов. Я думаю, он наконец понял, что так для него лучше.

— И что же происходит в городе? Здесь так скучно, что я уже думаю посетить пару деревенок поблизости. Может быть, там найдется приятная девушка?

При этом говорящий сделал руками двусмысленный жест. Тохар сплюнул и многозначительно положил руку на рукоять кривого меча, который висел у него в ножнах на поясе.

— Сделай это, Бака, и женщины больше никогда не будут волновать тебя, уверяю. В самой Теремии все спокойно. Еще пара влахакских пожирателей дерьма никак не дождутся, когда им наконец позволят сразиться с масридами.

Его собеседник пожал плечами. Судя по всему, влахакская политика совсем не интересовала его.

— Когда же наш заказчик наконец снова поручит нам что-нибудь? — вместо этого спросил он. — Или он будет ждать, пока мы тут в лесу от безделья сойдем с ума и прикончим друг друга?

Предводитель грубо рассмеялся.

— В это я не верю. Наши услуги слишком дороги, чтобы заказчик мог позволить себе чересчур долго не пользоваться ими. У нас будет достаточно работы.

«Значит, у них есть заказчик, как я и предполагала, — размышляла Артайнис в своем укрытии. — И он должен быть совсем недалеко, наверное, в Теремии. Это крайне интересно,

и это говорит также о том, что мой отец не имеет отношения к присутствию здесь силков, иначе его люди обязательно связались бы со мной».

Осторожно следя за тем, чтобы не шуметь, Артайнис попятилась назад из подлеска по направлению к дороге. Только удостоверившись, что лагерь достаточно далеко, девушка побежала к коню.

Не важно, каким было поручение силков и кто его дал, — воевода просто обязан узнать о присутствии такого крупного отряда чужеземных наемников вблизи Теремии.

Тем временем уже почти стемнело, и не было видно ни луны, ни звезд. На небе собрались темные тучи, обещая скорый дождь. Гроза разразилась еще до того, как Артайнис добралась до замка. Поэтому приехала промокшей до нитки, в конюшне немного отжала воду из одежды и быстро направилась в здание, которое временно было главным.

Следуя первому порыву, она сначала остановилась у комнат Ионниса и тихонько постучала. Может быть, он еще не спит? Когда он ответил, дирийка открыла дверь.

Ионнис лежал на кровати, а рядом с ним была одна из книг, которые она ему дала почитать. Артайнис прихватила с собой несколько ценных томов из библиотеки отца, некоторые из них должны были развеселить юношу.

Увидев ее, Ионнис сразу просиял. Она села рядом с ним и тряхнула волосами.

— Эй! Ты совсем мокрая, — полушутя запротестовал он, но это не помешало ему обхватить ее лицо ладонями и поцеловать.

Она ответила на поцелуй, но затем вытянула руку и схватила пергамент, который лежал рядом с ним.

— История императоров Дирии, — прочитала она вслух. — И как, интересное чтение?

— О, а как же. А был ли в истории вашей страны хоть один император, который мирно умер в своей постели?

Артайнис рассмеялась.

— О таком мне неизвестно. Большинству пришлось пройти много битв, прежде чем они взойшли на трон, да и потом легче не становилось. Быть самым могущественным человеком такой страны означает также иметь большое количество врагов. И у многих семей в жилах течет императорская кровь — по крайней мере четверть. Всегда найдутся другие претенденты. Но мне кажется, что во Влакхисе дело не обстоит иначе. Или у вас было много воевод, которые умерли от старческой немощности?

Он улыбнулся.

— Наверное, нет. Я надеюсь, что отец станет первым, кому это удастся.

«Возможно. Если не разразится новая война», — подумала Артайнис, но не стала произносить это вслух.

— Собственно, я должна срочно поговорить с твоим отцом, — вместо этого сказала она. — Я обнаружила, что в ваших лесах сидит целая банда силкских наемников. И я подумала, что Стен с удовольствием посмотрит на этот лагерь.

— Ты ходила на разведку в тайный силкский лагерь? Ты ездила в грозу?

Ионнис, смеясь, покачал головой.

— Почему ты не взяла с собой никого из наших людей? — уже снова серьезно спросил он.

— Потому что целый отряд влахакских солдат, скорее всего, спугнул бы человека, за которым я следовала. Кроме того, я хотела убедиться, что речь не идет о каком-то безобидном дирийском путешественнике.

— А теперь ты уверена, что это не безобидный путешественник?

Артайнис кивнула.

— Так много силков — за этим точно что-то скрывается.

— Если хочешь, можем сразу пойти к моему отцу. Я тоже думаю, что эта новость очень заинтересует его.

Ионнис поспешно встал, на мгновение замер, прислонившись к спинке кровати, и закрыл глаза. Артайнис тоже поднялась и взяла его за руку.

— Медленно, — дружелюбно напомнила она ему.

— Все нормально, — поспешил он уверить ее.

Ионнис отпустил кровать и обнял девушку.

— Хотя... возможно, тебе все-таки нужно поддержать меня? — пробормотал он с лукавой усмешкой.

Она наигранно ударила его, но неожиданно в дверь постучали и распахнули ее так быстро, что Ионнис и Артайнис буквально отпрыгнули друг от друга. В двери стоял Стен сал Дабран, и тот взгляд, которым он наградил своего сына и дирийскую гостью, выдавал его желание сразу же ретироваться.

— Ионнис, — вместо этого протяжно произнес он. — Я не знал... Я не знал, что ты не один.

Потом он неожиданно улыбнулся, словно принял решение.

— Я хотел попросить тебя сопроводить меня на заседание совета, — продолжил он, — Удивительно, но Артайнис с тобой, а я хотел к ней тоже зайти.

Ионнис вопросительно посмотрел на отца, явно удивленный тем, что тот не послал слугу с поручением. Артайнис подскочила к Стену:

— Естественно, мы с удовольствием последуем за вами, воевода. Но позвольте узнать, с какой целью вы нас искали?

— Что? О, да.

Стен, который, погрузившись в мысли, смотрел на пару, медлил с ответом.

— Только что вернулся Корнель, — наконец сказал он. — Он принес новости из Турдуя о масридах, и, боюсь, они не совсем хорошие.

36

— Сколько еще?

Уже несколько дней назад Керр перестал считать вопросы. Конечно, он знал, что Враку не нужен был ответ, так как дитя Анды прекрасно знало, что новостей нет. Более того, Керр предполагал, что Врак просто хотел спровоцировать их, начать спор, как-нибудь выпустить свое недовольство.

— Мы не знаем, — спокойно ответил Цран, на что Керр тихо вздохнул.

Большой охотник всегда находил правильный тон, чтобы успокоить гнев Врака.

— Эта проклятая дыра, — прорычал глубинный тролль и снова сел.

В Теремии он был беспокойным, часто двигался, крался по погребу, прислушивался и замирал, как во время охоты. Здесь он стал гораздо спокойнее и не показывал свой гнев. Словно ему не хватало воли для этого. «Здесь биение сердца земли тихое. Врак, далеко от Духа темноты. Возможно, в этом причина. Возможно, здесь его влияние слабее».

Эти мысли укрепили тролля в его желании. Если для того, чтобы изменить Врака, было достаточно уже одной удаленности от сердца, то, возможно, исцеление сердца исцелит и детей Анды. «Снова сделает их правильными троллями». При этой мысли Керр усмехнулся. Он все еще не мог определиться с тем, были ли дети Анды троллями или нет. «А если я не могу решить, то как это смогут сделать люди?»

Влахаки жили над ними, и он часто слышал их запах. Но кроме Натиоле и Арвана он видел лишь немногих. Солдаты снова бодрствовали днем, а ночью спали. И только оба предводителя переключили свою жизнь на ночные часы. Но иногда вечером их тоже не было, так как они ходили где-то в городе. Люди империи были явно дружелюбными, хотя и такими странными. Они часто приглашали влахаков к себе в гости.

Но сегодня ночью Натиоле спустился по лестнице и присоединился к троллям. Он сменил свою старую одежду на более легкую, хотя и не такую пеструю, как у дирийцев.

— Никаких новостей, — сообщил он. — Я снова спрашивал Пилона, и его ответ был такой же, как всегда. Мы должны подождать.

— Ждать. Ждать. Ждать. Может, дело пойдет быстрее, если я убью пару этих жалких

человечишек? — прошипел Врак, и Керр не мог упрекнуть его в этом.

— Это нехорошо, — серьезно заявил он. — Я не хотел такого.

— Я тоже, — ответил Натиоле. — Но единственное, что я могу сделать, это обращаться к Пилону. Я уже попросил помощи у Саргана, и он заверил, что использует свое влияние, но...

— Но?

— Но он тоже сказал, что нужно быть готовым к нескольким дням ожидания. Если не дольше. Аудиенция у императора — большая честь, и такая задержка совершенно нормальна.

— Не для нас.

— Я знаю, я знаю. Дома все было бы иначе. Но здесь у людей свои традиции. И правила. Ты даже не можешь представить, как тяжело здесь просто поужинать с друзьями.

— Но ведь мы не хотим к императору, — заявил Керр. — Мы ведь всего лишь ищем копье.

За это время желание тролля стало казаться ему чем-то глупым. Он представлял себе все намного проще. «Если бы я знал, как тяжело получить старое, сломанное оружие...»

— Все, что касается императоров, живых или мертвых, решается только действующим императором. Так мне объяснил Сарган. Никто не позволит нам пойти в гробницу. Никто, кроме самого Золотого Императора.

Керр неуверенно поскреб голову. Под землей он мог взвешивать, обдумывать, полагаться на свой опыт. Здесь он полностью зависел от других, к тому же от людей. Даже намного больше, чем во Влакхисе, где люди хоть и были другими, но, по крайней мере, действовали еще в понятных для Керра рамках. В империи все было иначе. Для троллей не было никаких разумных объяснений, никаких понятных правил. Все было чужим, вдвойне чужим, втройне чужим. Даже сам Натиоле хоть, казалось, и принимал их, но тоже чувствовал себя беспомощным.

— Что нам делать? — наконец спросил Керр. — Мы же не можем вечно оставаться здесь. Врак становится все раздраженнее. Еда ему не нравится. И он впадает в бешенство из-за того, что получает мясо готовыми кусками. Даже я становлюсь нетерпеливее, и Цран тоже. Нам не хватает охоты. Мы не принадлежим этому месту, Натиоле.

— У меня все так же. Я тоже не чувствую себя здесь как дома. Но мы можем лишь положиться на Саргана.

В воздухе появился новый запах. Керр сразу же узнал его.

— Пилон идет.

И действительно, по лестнице спускался Пилон в сопровождении двух солдат. Его одежда, как всегда, была роскошной, но Керр, тем не менее, скривился, когда запах ударил ему в нос в полную силу. «Зачем люди наносят себе на кожу эти проклятые мертвые травы?»

Он шумно чихнул.

— Всем ли вы довольны, дорогие гости золотой империи?

Керр и Натиоле переглянулись. Юный влахак осторожно заявил:

— Нет, к сожалению, нет.

Дириец сразу же поник.

— Что я могу сделать, чтобы устранить это досадное обстоятельство? Чем оно вызвано? Говорите, пожалуйста.

— Ну, мы уже так долго ждем. Тролли с удовольствием бы уже изложили свою просьбу.

— Конечно, — ответил дириец. — Я еще раз укажу на это. Но ускорение процесса находится за пределами моих возможностей. Самая большая проблема заключается в том, что тролли еще никогда не были гостями при дворе.

— Почему тогда мы стали проблемой? — удивился Керр.

— Нет протокола, нет прецедентов, нет правил и образа действий. Нужно все заново разработать, и соответствующие чиновники прилагают все усилия, чтобы организовать это

как можно скорее и эффективнее. Но, само собой разумеется, это означает слишком много работы.

— Много работы? А нельзя воспользоваться традицией приема других гостей? — перебил его Натиоле.

Керр едва понимал и половину разговора, но решил сейчас не переспрашивать, а потом уточнить все у Натиоле.

— О, нет. Это, к сожалению, невозможно. И к тому же нужно учесть каждый аспект. Например, мне уже сообщили, что наши дорогие гости тролли едят почти исключительно сырое мясо. Становится понятно, что это обстоятельство может привести к трудностям во время приема. Все нужно решить заблаговременно.

— Мне не нужно есть, когда я говорю, — заявил Керр, но Пилон лишь со смехом отмахнулся.

— Слишком великодушно. Приготовление правильной трапезы — одна из важных обязанностей хозяина дома. Что бы мы были за хозяева, если бы не выполнили все ваши пожелания?

«Мое самое сильное пожелание — поскорее уехать отсюда», — подумал Керр, но промолчал, так как это замечание не помогло бы.

— Но я, собственно, пришел по другой причине. Несколько высоких чиновников изъявили желание познакомиться с нашими гостями.

— Нанести визит? — уточнил Натиоле и посмотрел на Керра. — Я не знаю...

— Не совсем так. Речь скорее идет о приглашении. Мы осознаем, что это помещение не совсем соответствует вкусам наших дорогих гостей, и нам пришла идея придумать для вас хоть небольшое развлечение.

— Развлечение? Я не знаю...

— Что за развлечение? — с любопытством спросил Керр, которому сейчас как раз неплохо было бы хоть немного отвлечься.

— Возможно, праздничная трапеза. Или охота. Или бои.

— Бои? — загремело из угла, где сидел Врак. — Что за бои?

Пилон засеменил мимо Керра и на почтительном расстоянии прямо ответил глубинному троллю:

— Бои гладиаторов. Ночью, конечно, это будет не так легко, но у организаторов достаточно опыта в таких делах. Уже было несколько ночных развлечений подобного рода.

— Гладоров? Что это? — спросил Врак, но, прежде чем Пилон успел ответить, он крикнул: — Не важно, я буду сражаться против них!

— Эта идея не кажется мне хорошей, — заявил Натиоле, но Керр смотрел на это иначе.

— Бои против гладоров? Но это звучит хорошо. Как думаешь, Цран?

— Ага.

— Гладиаторов, — поправил их Пилон. — Но вы не будете бороться, дорогие гости. Вы должны присутствовать на таких боях только как гости.

— Фу! Присутствовать... Драться я хочу! — громко воскликнул Врак и подскочил. — Покажите мне гладоров! Я буду преследовать их, побеждать и есть их мясо.

— Гладиаторов. То есть... гладиаторов. Я не знаю, почтенные гости. Меня, собственно, послали, чтобы я передал вам другое приглашение.

Врак, рыча, сделал шаг вперед. К чести сопровождавших Пилона солдат, Керр отметил, что они отшатнулись лишь на шаг. Но все равно таким образом они оставили своего предводителя одного, а так не поступил бы ни один тролль. Врак возвышался над Пилоном, словно гора над землей. Дитя Анды мрачно смотрело на дирийца, и тени возбужденно металась по его телу.

— Я. Хочу. Бороться.

Пилон беспомощно кивнул, и Керр почувствовал запах страха человека. Рядом с ним Натиоле опустил ладонь на рукоять оружия. Молодой человек тоже пах страхом, но Керр отметил также решительность в его движениях. Он не сомневался, что принц победит свой

страх и нападет на Врака, если глубинным овладеет неудержимая ярость.

Несколько ударов сердца было слышно только сопение Врака. Керр давно знал, что такой момент наступит. Когда-нибудь бездеятельность и чувство беспомощности прорвутся наружу, а Врак — истинное дитя Анды — знал только одно решение проблем.

— Мы хотим драться, — сказал он спокойно, ни на мгновение при этом не спуская глаз с Врака. — Не важно, против кого или против чего.

Взгляд дирийца медленно оторвался от глубинного и перешел на Керра. Пилон сглотнул и кивнул.

— Я устрою это, достопочтенные гости. В ближайшие же ночи, как вы желаете.

— Хорошо, — пробурчал Врак и вернулся в свой угол.

Дитя Анды было довольно, по крайней мере на данный момент, а перспектива боя радовала и Керра, и Црана.

После нескольких поклонов Пилон выбежал из подвала, за ним вплотную охрана. Чувство облегчения обоих стражей шлейфом пронеслось в воздухе, так же как и чувство смертельного страха.

— Ты считаешь это хорошей идеей? — шепнул Натиоле Керру.

Молодой человек протер лоб тыльной стороной ладони и недоверчиво посмотрел в сторону Врака.

— Я не знаю, — честно ответил Керр. — Но так лучше, чем продолжать сидеть в этой дыре, пока Врак сам найдет себе битву по душе.

Троль почувствовал, что Натиоле не вполне согласен с ним. Но юному влахаку не пришлось на ум ничего, что можно было бы возразить, он помолчал некоторое время, после чего сказал:

— Ну, кто знает? Возможно, выступление Врака как гладиатора убедит чиновников в том, что они должны поспешить. Он не самый кроткий из гостей.

— Точно, — ответил Керр. — Но что такое, собственно, гладиаторы?

Натиоле с удивлением посмотрел на него, и Керр догадался, что им нужно срочно обсудить эту тему подробнее.

37

Местом проведения боев оказался котлован огромных размеров, искусно вырытый и отделанный. Сарган назвал это ипподромом, но название не совсем соответствовало сооружению. Стороны котлована были выложены широкими ступенями, достаточно большими, чтобы на них поместилось по два-три ряда зрителей. Лестницы вверх были выложены светлым камнем. Здесь были ступеньки, ходы под сидячими рядами и несколько больших лож, которые, словно широкие башни, возвышались на некотором расстоянии над зрительскими рядами.

Натиоле подсчитал, что дно котлована достигало приблизительно трехсот шагов в длину и примерно сотни в ширину. В центре возвышались колонны и два здания, по краю плоских крыш которых сиял позолоченный орнамент. По сторонам котлована были установлены сотни чаш с огнем, от которых по камню прыгали беспокойные тени.

Вся атмосфера была пропитана беспокойством. В воздухе висело напряжение, предвкушение радости, отражавшееся в гуле огромного множества людей. Еще никогда Натиоле не видел столько людей, собравшихся в одном месте. Их определенно было много тысяч, они толпились на ярусах, ели, смеялись, кричали, беседовали, шутили и пели. Пахло людьми так сильно, что Натиоле даже не представлял, что так бывает. В этом месте сейчас находилось больше людей, чем в Теремии жителей, он был уверен в этом. Волнующая мысль.

«Здесь присутствует больше дирийцев, чем было воинов в битве троллей!»

По левую сторону от Натиоле сидел Сарган, одетый в самые дорогие одежды. Он ел мясо, рукой макая его в соус в миске, сделанной из хлеба, и, казалось, развлекался по-

королевски. Он взял с собой всю семью. Натиоле никак не мог запомнить имена четырех жен полугнома, не говоря уже о множестве детей и внуков, кузенов и кузин, племянников и племянниц и остальных родственников, которые заняли, казалось, пол-яруса. Справа от Натиоле сидела Ана, на этот раз без своих обычных спутников. Казалось, зрелище впечатляло ее гораздо меньше, чем юного влахака, но он был рад, что она сопровождает его. А еще он был рад, что рядом нет никого из ее наемников — это были грубые ребята, Натиоле относился к ним довольно скептически.

— Это императорская ложа, — заявил Сарган и указал на богато украшенную плоскую башню, на стенах которой играли отблески чаш с огнем.

Камень был настолько отполирован, что блестел, а рельефные композиции изображали фигуры, которые казались Натиоле чужими и экзотическими: крылатые тельцы, змеи с коронами и люди с третьим глазом во лбу. На покрытой навесом платформе башни было темно.

— Золотой Император придет?

— Нет. Таким образом он признал бы присутствие троллей и то, что они уже давно в городе. Это невозможно, поэтому он будет наблюдать за ареной издалека.

Значит, в их ситуации ничего не изменилось. Натиоле вздохнул. Какой бы интересной ни была жизнь в Колхасе, у него было задание, которое он должен выполнить. «А потом я хотел бы вернуться во Влахкис».

— На ярусах под императорской ложей сидят высокопоставленные чиновники. Когда император появляется, он приглашает к себе избранных гостей. Статус всех других измеряется приближенностью к императорской ложе.

— Мы сидим совсем далеко, — заявил Натиоле, на что Сарган рассмеялся и облизал жирный соус с пальцев.

— Конечно. У тебя, как у чужеземца, нет статуса. Только находясь вместе с гражданином империи, ты можешь получить отблеск славы.

— Но... как обстоит дело с тобой?

Натиоле неуверенно посмотрел на дирийца. Возможно, такой вопрос был невежливым или даже наглым. Но Сарган усмехнулся.

— Я больше не чиновник. А всего лишь простой гражданин...

— Он знал, что Золотой Император не появится, — прошипела одна из супругов Саргана, все еще стройная, черноволосая женщина, глаза которой были подведены черной краской. Она сидела рядом с мужем и была представлена Натиоле первой, отчего тот предположил, что это первая жена.

— Если бы император появился, — продолжила она и ядовито взглянула на Саргана, — то мы сидели бы совсем рядом... или в самой ложе. Сарган — далеко не такой скромник, за какого себя выдает!

— Ну, ну, Периксис. Сдерживайся. Что подумает о нас наш юный друг? — мягко попросил Сарган.

Но его жена только пробурчала что-то в ответ и откинулась назад. Ее влахакский был на удивление хорош, даже если она и говорила с обычным дирийским акцентом, от которого слова скорее текли как вода, а каждое предложение звучало почти как песня.

— Там, наверху сидят аристократы военных семей, — Сарган продолжил рассказ. — Запрещено одновременно служить в армии и в правительстве. Действительно, но не столько из-за законов, сколько по традиции.

Как сильно Натиоле ни напрягался, он не смог найти отличий между чиновниками и воинами. У обеих групп были роскошные одеяния похожего покроя — почти все вариации популярного здесь кипасиса. Сочные краски, украшенные золотом аппликации, замысловатый крой.

— Они опасны, — вмешалась Ана. — Четыре самые большие семьи контролируют добрую часть армии, а меньшие семьи часто присоединяются к ним. Надменные сволочи, все вместе. Думают, что они прирожденные предводители, стратеги и тактики. Поверь мне:

всегда, когда империя где-то терпит военное поражение, за этим скрывается юный карьерист, который значительно переоценил себя и свои способности. А ответственные в конце концов другие.

От такого описания Натиоле не удержался от улыбки. Происхождение и норы Аны так и перли наружу, хотя девушка и жила в этом экзотическом месте. В отличие от дирийцев она, казалось, не очень наслаждалась вечером. Ее взгляд беспокойно бродил по толпе, и она ерзала на низком сиденье. Семья Саргана принесла с собой белые подушки, но Ана предпочла сидеть просто на скамье.

— Они опасны. Таким становится на самом деле каждый, кто хочет заполучить власть в империи. Нужно пробиться сквозь множество врагов, никому нельзя доверять, и необходимо постоянно бороться. Семьи военных аристократов уже столетиями дают Дирии военных предводителей. Их линии длинны и знатны. Они участвовали во всех важных битвах. Император контролирует их, так как их влияние в армии дает им большую власть.

— К счастью, они ненавидят друг друга еще сильнее, чем все другое, — сказала Ана и коротко хохотнула. — Некоторые обсуждения, в которых присутствуют члены хотя бы двух семей, напоминают петушьи бои. Этих петухов распирает от гордости, и они кидают друг в друга дикие речи. А кому потом приходится расплачиваться за это? Естественно: простым солдатам и наемникам. Кому же еще?

— У Аны и ее матери, само собой разумеется, свое видение вещей, — дипломатично возразил Сарган. — У меня лично с ними мало дел. Как чиновнику, мне запрещалась служба в армии.

— А такие события случаются часто? — поинтересовался Натиоле у Саргана, чтобы сменить тему.

— Бои? Скорее редко. Собственно, здесь в основном устраивают скачки. Иногда также состязания на колесницах, но скачки считаются высшим искусством.

— А эти гладиаторы?

— Высокопарное слово из старых времен. Много столетий назад, когда Дирия была маленькой страной, немного больше Колхаса, специально обученные рабы сражались друг с другом. Но эти времена давно миновали. Сегодня пленники, преступники и разный прочий сброд пытаются заработать таким образом немного денег. Развлечение для масс.

— И кровавое развлечение. Люди едва могут держать в руках меч, не говоря уже о том, как обходиться с ним. Что привлекательного в том, чтобы наблюдать за неумелыми, которых медленно избивают до смерти? Никогда не понимала этого, — снова вмешалась Ана.

— Некоторым горожанам нравится. Но кто обладает хоть какой-то репутацией и деньгами — что неразделимо, — тот понимает это и предпочитает правильные скачки. Простые состязания на колесницах привлекают много людей, а возницы — настоящие герои, но бюрократы ценят наездников выше.

— Да, но военные аристократы предпочитают состязания на колесницах. В распоряжении конюшен беговых лошадей — большие деньги и горячие поклонники, — добавила Ана.

— Состязания на колесницах скорее для простого народа, — уязвлено возразил Сарган. — Мы, то есть чиновники, предпочитаем скачки.

Натиоле пытался воспринимать информацию, не отвлекаясь от действия в амфитеатре, но это лишь частично удавалось ему. Слишком мощными были впечатления, которые просто оглушали. Когда юноша путешествовал по Колхасу, он видел лишь одну какую-то часть города... Да, это и был город... Но Нати еще не постиг его настоящего размера. А здесь перед ним предстал народ, богатый и бедный, молодой и старый, в одном непостижимом собрании...

— Сколько здесь может быть людей? — пробормотал он.

— Если заняты все ложи, а также стоячие места, то здесь должно быть четыреста сотен людей. Так говорят. Лично я не считал.

Прошло несколько мгновений, пока Натиоле осознал цифру. Его предварительная

оценка была слишком низкой. «И все хотят увидеть троллей. О духи, побеспокойтесь о том, чтобы Врак не наделал глупостей».

И будто глубинный тролль услышал мысли Натиоле! Из боковых ворот вышли три мощных существа. Возле императорской ложи зазвучало несколько труб, но это едва ли было нужно, так как само появление гигантов вызвало полную тишину.

Тролли самоуверенно выбежали на открытое место. Несмотря на освещение, Врак оставался словно в коконе тьмы и выглядел таким диким и грозным, как никогда. Даже на таком расстоянии Натиоле чувствовал его первобытную силу.

Цран стоял рядом с Керром, который все время оглядывался, осматривая окружение. Тролль явно был настороже, в отличие от Врака, который размахивал руками, скалил клыки и громко ревел. Натиоле еще раз послал немую короткую молитву духам.

— Но они же не будут сражаться против людей? — спросила Ана, и Сарган ответил:

— Это действительно было бы не совсем... уместно. Скорее всего, против зверей или чего-то подобного.

В этот момент открылись двери в здании посередине, и из него выбежало массивное существо. Натиоле до сих пор не видел ничего похожего. Животное передвигалось, пригнувшись, на четырех, но при этом было гораздо крупнее человека и, наверное, три шага в плечах. Его тело было покрыто мехом песочного цвета с рисунком из темных полос, а голова — широкая и большая. У него было четыре длинных клыка и огромные когти. Двигался зверь на удивление мягко для своих размеров, и, когда Врак снова заревел, развернулся и сконцентрировался на тролле.

— Одар, — объявил Сарган. — С севера. Говорят, довольно кровожадный.

Натиоле с удивлением посмотрел на маленького дирийца, который спокойно оторвал кусок хлеба, пропитанный соусом, и теперь ел его. Он, казалось, совсем не волновался и продолжал наслаждаться зрелищем.

Внизу лапы одара взрывали клубы пыли, он большими прыжками понесся на троллей. Натиоле невольно задержал дыхание.

— Их не кормят, — сказал Сарган с набитым ртом. — А еще перед битвой злят. Они становятся сами не свои. Все это — часть искусства обращения со зверями. Лучшие специалисты могут даже из козы сделать смертельно опасного монстра. Наверное, используют редкие эссенции или что-то подобное.

«Я не думаю, что это существо нужно еще дополнительно науськивать», — подумал Натиоле.

Керр и Цран отшатнулись, а Врак встал на пути у нападающего зверя.

Столкновение было впечатляющим. Сначала казалось, что Врак сможет устоять на ногах, но потом он вместе с одаром повалился на землю. Прозвучало низкое рычание глубинного тролля, а зверь издал странный высокий вой. В сплетении тел Натиоле с трудом мог разобрать что-то. Оба противника душили, кусали, когтили друг друга.

Другие тролли держались на расстоянии и, казалось, не собирались вмешиваться.

Толпа кричала и ревела, многие подскакивали, размахивая руками. Зрелище захватило и Натиоле, кровь дико забурлила, пульсируя в руках и ногах. Юный влахак следил за боем, слышал рев толпы, чувствовал себя частью этого огромного мощного скопления.

Рядом с ним Сарган продолжал есть хлеб и казался полностью расслабленным.

— Как вы можете оставаться таким спокойным? — озадаченно спросил Натиоле.

— Говори мне «ты», — спокойно ответил Сарган. — У нас так принято.

— Как ты можешь оставаться таким спокойным?

Казалось, Сарган обдумывал, что ответить. Внизу на арене Врак перекинул одара на спину и стал над ним на колени. Когти зверя рвали глубинному троллю живот, но тот совершенно не обращал на это внимания. Его кулаки наносили удары по голове и груди противника, пока сопротивление не ослабло. Тогда Врак вонзил клыки в горло животного. Во внезапно нахлынувшей тишине был хорошо слышен звук рвущихся жил, когда тролль дернул на себя и с куском окровавленной плоти во рту дико замотал головой. Его

торжествующий рев стал аккомпанементом смерти ода, который истекал кровью.

— В павильонах под ареной нет такого существа, которое могло бы противостоять троллю, — наконец объяснил Сарган, когда раздалось ликование зрителей. — Ты забываешь, что я уже видел, как они борются и убивают. Ничто и никто не может превзойти их в этом искусстве.

Когда Врак поднялся, покрытый ранами, с темной кровью на темной коже, и все же поднялся победителем, Натиоле был склонен поверить дирижеру на слово.

38

Уже до полудня воздух над пыльной площадкой буквально дрожал от жары. Во время короткого перерыва в боях Ана сняла доспех и расстегнула камзол на подкладке настолько, насколько могла.

Она с интересом наблюдала за сражающимися. Натиоле двигался прекрасно. Его чересчур горячий стиль изменился, юноша стал драться спокойнее, плавнее. Слишком часто в последние недели он попадался на обманные движения и на рипосты. Теперь он сражался обдуманнее, что делало его опаснее.

Уверенным шагом ее кузен и Наркан кружили друг напротив друга. Для неопытного наблюдателя битва могла показаться скучной, но Ана видела, как противники оценивают друг друга, как поджидают драгоценный момент между мгновениями, в который атака могла бы стать успешной. Она радовалась умениям Нати, медленному танцу мечей, который мог в любое мгновение перейти в град ударов.

Но до этого пока не дошло. Они все еще искали бреши в защите противника, а у таких воинов, как они, это могло занять много времени. Ни один не открывался; даже когда Наркан симитировал неуверенный шаг, Натиоле не клюнул на приманку. Ана усмехнулась. Ведь еще несколько недель назад он, увидев призрачное преимущество, сразу же кидался в атаку и попадал в тщательно подготовленную ловушку наемника. Но сейчас он просто проигнорировал этот якобы неловкий шаг, не спуская глаз с противника.

Изменение, происшедшее с Натиоле, можно было заметить даже внешне, как отметила про себя Ана. Он сменил одежду на соответствующую здешней моде, причиной чему, наверное, в основном была погода. Влахакская одежда из кожи просто не подходила для жарких, солнечных дней в Колхасе. Но и его взгляд стал тверже, а в шагах стало больше размаха, словно он приобрел уверенность в себе. Возможно, все дело было в опыте, который он накапливал в тренировочных боях с наемниками, в улучшении боевого искусства, что он и сам осознал. «Во Влахкисе сражаются определенным образом. Там знают своих противников. У нас много противников, почти каждый год другие. Нам нужно знать разные методы боя, — поняла юная наемница. — Он и до этого хорошо владел мечом, но мы будем еще учить его. Пока он не станет великолепен!»

Неожиданно бой перешел в череду стремительных атак. Наркан нападал быстро, как змея. Его тупое копьё сделало выпад вперед, но Натиоле увернулся, отчего оружие прошло сквозь пустоту. Ответный удар Натиоле был точным, деревянный меч скользнул по древку копья и ударил по пальцам Наркана. Настоящее оружие отсекло бы их, но сейчас наемник только поднял руки вверх. Удар Натиоле слева попал в цель, угодил в живот противника с глухим звуком, так что от стеганого камзола поднялась пыль.

Попадание вывело Наркана из равновесия, он отшатнулся, и Натиоле вдогонку нанес быстрый удар, от которого обычно очень верткий наемник упал на землю. В клубах пыли Ана заметила только, как тот перекатился. Натиоле обернулся к кузине и усмехнулся ей. Она усмехнулась в ответ.

Наркан векочил на ноги позади Натиоле. Его лицо было искажено от ярости, и он замахнулся копьём.

Возможно, Натиоле увидел это по лицу девушки или почувствовал атаку, так как резко развернулся и отскочил в сторону. Снова удар Наркана не попал в цель, когда Нати

перекатился через плечо. Нападающий не отступал. Ана в гневе хотела вмешаться, но рука Борофана на ее плече удержала наемницу на месте.

— Подожди.

Она сердито посмотрела на темнокожего воина, но тот совсем не обращал на нее внимания.

Натиоле удалось опять выровняться, что сильнее рассердило противника. С дикой силой Наркан напал, но ярость ослепляла его и приглушала инстинкты. Его удар был быстрый, но неточный, и Натиоле беспощадно воспользовался этой ошибкой. Его деревянный клинок ударил по бедру, соскользнул вниз, запутался между ног Наркана, и наемник снова, громко чертыхаясь, повалился на землю. Он вскочил, но теперь Борофан уже предоставил Ане свободу действий:

— Прекратить! Наркан, сложить оружие!

Ларгот помедлил немного. Его отказ подчиниться привел Ану в состояние ледяного спокойствия, как будто она находилась на поле боя. Потом он опустил деревянное копье и глубоко вдохнул и выдохнул. «Я никогда не забуду этого», — поклялась себе наемница.

— Хорошее нападение, — смеясь, заявил Натиоле и похлопал Наркана по плечу. — Ты чертовски быстр.

Наемник взглянул на него. По его коже струился пот, и он тяжело дышал. Через несколько мгновений он неуверенно усмехнулся:

— Не помогло.

— Чистое везение, — ответил юный влахак. — В следующий раз я буду глотать пыль, а ты еще будешь стоять.

Теперь Наркан усмехнулся шире.

— Хорошая драка... Вы оба... — признал Борофан.

Похвала из его уст много значила для ларгота, и он спокойно оперся о копье. Только когда он увидел выражение лица Аны, то улыбка снова исчезла.

— На сегодня все, — холодно объявила она.

Как раз в этот момент к тренировочной площадке подъехали два всадника. Ана узнала воинов из их подразделения, которые явно вернулись из долгой поездки. Их одежда была покрыта пылью, и они выглядели уставшими. Она сразу же забыла о Наркане.

— Вы принесли новости? — крикнула она им, но те лишь покачали головами.

— Нет, — сказал один, молодой южанин с белыми волосами, имя которого она никак не могла вспомнить.

Он вытер с лица пот рукавом и при этом размазал грязь, так что казалось, будто у него чужеземная боевая раскраска.

— Никаких следов Флорес. Мы спрашивали на постоянных дворах, но никто настоящему не смог вспомнить ее. Если она возвращается с юга, то не по главным дорогам.

— Спасибо, — сказала Ана. — Борофан, позаботься о них.

Громила согласно пробурчал и пошел к всадникам. Ана неуверенно потерла виски. То, что мать так долго не давала о себе знать, беспокоило юную наемницу.

— Что они сказали? — поинтересовался Натиоле, который уже снял кожаные доспехи и сложил их на земле.

На его стеганом камзоле были большие мокрые пятна, и он полил голову водой из кружки.

Хотя юный влахак за это время выучил кое-что на дирийском, этого было недостаточно, чтобы проследить за быстрыми словами, которыми Ана обменялась с всадниками. Натиоле с трудом мог купить на рынке даже хлеб, если торговцы замечали, что он не очень хорошо понимал их. Несколько корявых слов... Это не позволяло ему торговаться. Без Саргана и ее помощи Натиоле пошел бы по миру.

— Мы выслали всадников навстречу Флорес. Но они вернулись ни с чем. Она уже давно должна быть здесь.

— Ты беспокоишься? — спросил Натиоле, развязывая тесемки своего камзола и снимая

через голову толстое одеяние.

Он смыл с торса пот оставшейся водой.

— Это не в ее стиле, — констатировала Ана после недолгого раздумья. — Беспокойство — наверное, слишком сильное слово. Я думаю об этом, да. Флорес обычно придерживается того, что обещает. У нее должна быть очень уважительная причина, чтобы не вернуться.

— Возможно, мой отец уговорил ее выступить на совете, — пошутил Натиоле. — Он всегда сожалел, что она уехала из Влахкиса.

— Нет. Здесь что-то другое. Как сейчас обстоят дела в Теремии, кузен? Пожар в крепости — может ли он привести к раздорам?

— Я не знаю больше того, что уже рассказал. Но разве Флорес не осталась бы во Влахкисе, если бы там были неприятности?

Теперь Ана покачала головой. Ее мать никогда не позволит вовлечь себя в спор между влахаками и масридами. Все годы это был единственный конфликт, которого она избегала. Выбор в пользу отца Аны или Стена разбил бы Флорес сердце.

— Может быть, она помогает на каких-то переговорах? Все-таки у нее хорошие связи... во всех лагерях.

Его тон не понравился Ане, и она сердито сощурилась.

— Если это была шутка, кузен, то она была... плохая!

Натиоле со вздохом наклонил голову и скользнул в широкую светлую рубаху, которую несколько дней назад купил на рынке. Затем он аккуратно застегнул ремень на бедрах и сказал осторожно:

— Это была не шутка. Если и есть кто-то, кто может стать посредником в споре между отцом и марчегом, так это твоя мать. Оба слушают ее, прислушиваются к ее словам. Флорес... и ты, вы очень почитаемы на вашей родине. Ты никогда не думала над тем, чтобы вернуться? Во Влахкис? Отец принял бы тебя с распростертыми объятиями.

— Вернуться? Нати, я никогда не была в стране между гор дольше одного лета.

Широким жестом она показала на палатки, наемников, кострища, коней, повозки, на весь лагерь.

— Вот это моя родина. Я дома там, где находится наш отряд. Флорес — моя семья. Она, и Борофан, и даже этот четырежды проклятый болван Наркан.

— Но ты влахака. Ты — Ана сал Дабран, и ты должна носить титул боярыни! — запротестовал Натиоле, на что Ана улыбнулась с издевкой.

— Я еще и Ана Бекезар. Мой отец — марчег Ардолии, забыл уже?

Он промолчал, и она продолжила:

— Какую родину мне могут предложить в стране между гор? Я нигде не буду желанна. На востоке я буду наполовину влахакой. А на западе? Разве на меня там не будут смотреть как на масридского бастарда? Флорес знала это еще тогда, поэтому и уехала. Даже она, кровь которой не порочна, не захотела там оставаться.

— Никто не окажет тебе неуважения, — тихо возразил Натиоле. — Ты принадлежишь нашей семье, наша кровь и плоть. Флорес боролась за свободу нашего народа. Ее имя чтят!

— Я такая же масридка, как и влахака. Плоть и кровь извечных врагов. Не важно, кто будет смотреть на меня, во мне будут видеть только то, что делает меня врагом.

— Но... — начал было он, однако Ана перебила его:

— Не ты. Не твой отец. Но сколько людей терпят в своих рядах масридов? Сколько бастардов уважают? Что случается с детьми от союза влахаков и масридов?

Ему не нужно было отвечать. Она увидела ответ в его глазах. Она почувствовала это даже во время коротких визитов в страну между гор. Неприятие и даже ненависть. Для одних она была влахакской проституткой, как мать, а другие называли ее масридской содержанкой. Она уже тогда решила, что никогда не разделит судьбу несчастных, которые были бастардами в стране между гор, родители которых были из разных народов и которых все ненавидели. Флорес знала это, поэтому перешла через Соркаты и оставила все это позади.

Она искала новую жизнь, вдалеке от вековой озлобленности, которая пропитала все. Может быть, в империи наемники немного значили, особенно если они были женщинами. Но по крайней мере на их жизнь не посягали только из-за позора рождения.

— Ты — влахака, — наконец повторил Натиоле упрямо.

— Я — масридка, — холодно ответила она и отвернулась.

Она ушла с тренировочной площадки и не обернулась, хотя ей отчаянно хотелось этого. Одна ее часть жаждала поговорить с Нати, объясниться, вытащить занозу из раны в сердце. Но другая была слишком горда для этого. «И упряма. Особенность, которую приписывают как влахакам, так и моему отцу».

Натиоле не побежал за ней, когда она исчезла среди палаток, окунувшись в лагерную жизнь, в свою семью, в гуще которой, однако, она была одинокой.

39

Пока Ионнис и Артайнис следовали за Стеном в маленький зал, юная дирийка спрашивала себя, какие новости мог привезти священник Альбус Сунаса из Турдуя. «Надеюсь, еще не вести о войне. Но, видимо, новый марчег масридов не стал заверять в добрососедстве. Иначе воевода был бы менее обеспокоен».

Ионнис легонько толкнул ее локтем.

— Я спрашиваю себя, есть ли новости от Аны, — прошептал он. — И о том, признают ли масриды полувлахаку наследницей трона.

Артайнис ничего не ответила на это. Она поверхностно знала нравы Ардолии и тамошнюю политику и с трудом оценивала соотношение сил в этом государстве.

Когда они наконец вошли в зал, дирийка увидела, что большинство членов совета уже собрались. Присутствовало много мужчин и женщин. Многие лица Артайнис уже видела ночью, когда в Теремию прибыли тролли, но она не помнила всех имен. Естественно, среди прочих мелькал старый прорицатель Винтила, а также Риклеа, ближайшая советница Стена, и много влахакских дворян, которые за последние недели прибыли в столицу. Но были здесь и торговцы, и ремесленники, у которых имелся голос в совете Стена сал Дабрана, поэтому помещение было переполнено людьми.

Воевода занял главенствующее место у стола, а Ионнис сел по правую сторону от него. К удивлению Артайнис, Стен указал ей на место слева от него и кивком показал, что она должна туда сесть. Она осознала честь, которую он тем самым оказывал ей, и сначала низко склонилась перед влахакским властителем, после чего последовала его требованию. Краем глаза она заметила, что Ионнис улыбается. «От гордости?» — пронеслось у нее в голове, но потом ее мысли переключились на Корнеля, который как раз в этот момент вошел в зал и направился к свободному стулу у квадратного стола.

Священник солнца выглядел так, словно он преодолел путь из Турдуя без остановок, загнав пару лошадей. Его одежда была в пыли, сапоги покрыты коркой грязи. Даже в коротких темных волосах серела дорожная пыль. Судя по всему, он даже не успевал обривать вовремя голову. По лицу было видно, как он устал: под глазами залегли темные круги, а на щеках пробивалась щетина, и двигался он так осторожно, словно был ранен. А еще он показался ей старше, чем до отъезда в Турдуй, словно несколько дней заставили его постареть на несколько лет.

Наконец он с трудом опустился на подготовленное место. Стен подождал, пока в зал вернется тишина, потом поднялся и громко сказал:

— Корнель, вы сообщили мне, что в Турдуе еще совсем недавно было три претендента на титул марчег. Это верно?

С напряженным лицом священник кивнул.

— Да, господин, абсолютно. Так было до тех пор, пока не был подло убит Виколий Аркос. До этого было трое мужчин, которые считали, что обладают правом на трон Ардолии. Теперь их лишь двое.

— И кто эти двое? — спросил воевода.

Ни голос Стена, ни его лицо не выказывали волнения, но Артайнис отметила, что сила, с которой он сжимает кулаки, очевидно демонстрирует его напряжение.

— Тирадар и Сциглос Бекезары, оба кузены покойного марчега.

— Это означает, что масриды не думают о том, чтобы предоставить немес Ане по праву причитающееся место, не так ли?

Винтила тоже встал и дрожащей от гнева рукой показал на священника солнца.

— Ни семья Бекезар, ни ваш орден не придерживаются священных законов земли. Дух Флорес сал Дабран недолго бродит по темным тропам, а они уже плюют на память боярыни!

Его слова вызвали бормотание и тихие чертыхания, четко показывая, что многие в зале согласны с прорицателем.

Корнель прямо взглянул на старика.

— Я должен признать вашу правоту. В вопросе о наследовании трона Ану Бекезар в Турдуе не обсуждают.

Винтила презрительно хмыкнул, когда Корнель добавил с имени Аны фамилию ее отца.

— И какие же планы у двух других Бекезаров? — поинтересовался воевода с ледяным спокойствием.

— О планах Тирадара я не могу сообщить вам, господин, — медленно ответил священник. — Но Сциглос Бекезар не будет гнушаться никакими средствами, чтобы заполучить трон. Он стремится к власти любой ценой. А если он получит ее, то пойдет войной против Влахкиса, в этом нет никаких сомнений.

При этих словах вскочила одна молодая женщина.

— Господин, мы не можем допустить этого! Вы должны препятствовать тому, чтобы масриды вновь завладели Влахкисом.

Воевода повернулся к ней:

— Мы постараемся, Михалеиа. Этот совет и я сделаем все, чтобы защитить страну.

Женщина опустила на место, покраснев так, словно воевода только что отругал ее.

— Господин, есть еще нечто, что вы должны знать.

Священник встал, засунул правую руку под камзол и вынул маленький сверток.

— В Турдуе у меня появилась возможность обследовать труп марчега Тамара. В его теле торчал обломок силкской стрелы. Такими пользуются наемники Дирийской империи.

Он раскрыл кожаный сверток и достал металлическое острие стрелы с обломком темного древка. Снова в зале поднялся гул. Некоторые из далеко сидящих привстали, чтобы посмотреть на стрелу.

— Неужели вы думаете, что только чужеземцы используют эти стрелы? — язвительно спросил Винтила. — Масриды уже давно покупают оружие у дирийцев, судя по тому, что нам известно. Торговля действительно большей частью проходит через Турдуй. Кто знает, как долго масриды поджидали такого момента?

Вначале Артайнис практически не отметила взгляд, полный упрека, брошенный на нее Винтилой, так как неожиданно ей стало жарко от просветления. «Стрела силка. И силкские всадники, которые прячутся в лесах близ Теремии».

— Если Корнель нашел в теле мертвого марчега силкскую стрелу, мы не можем оставить этот факт без внимания. Это что-то значит, — очень громко сказал Ионнис.

На мгновение их взгляды встретились.

Артайнис встала.

— Воевода, я не вхожу в состав вашего совета, но у меня есть нечто, что я должна сообщить вам и что в данной ситуации может быть очень важным. Я могу говорить?

Стен поднял на нее заинтересованный взгляд.

— Если вам есть что сказать, то я прошу вас об этом, — разрешил он ей.

Спокойно, как ее обучали учителя в Колхасе, Артайнис доложила, как она услышала в Теремии о силках и проследила за их предводителем от лавки Сайкоса до леса.

— ...их, вероятно, две дюжины. Всадников... Я не всех видела. И они скрываются недалеко от города, так как в Теремии у них есть заказчик. Их предводителя зовут Тохар, — наконец закончила она доклад.

Как Артайнис и предполагала, ее рассказ вызвал бурю. Все зашумели, некоторые подскочили, указывая на Корнеля и на нее. Начали выкрикивать самые дикие предположения.

— Возможно все, — медленно начал воевода, после того как некоторое время прислушивался к взволнованным комментариям. — Но наверняка мы ничего не можем знать. Поэтому я предлагаю выехать к этим силкам и выяснить, что здесь, ради всех духов, происходит.

Стену ответил хор одобрительных возгласов. Артайнис отметила, что практически все присутствующие были рады, что наконец им есть чем заняться, а время долгого ожидания закончилось.

— Мы поедem завтра на рассвете, — решил воевода.

Фактически все присутствующие в зале заявили о готовности сопровождать Стену сал Дабрана. И только два торговца и старый Винтила не подняли рук.

Влахакский предводитель серьезно посмотрел на собравшихся.

— Тогда до завтрашнего утра. А завтра вечером мы снова встретимся здесь.

После этого члены совета постепенно разошлись. Остались только Стен, его сын и Артайнис. Выходя, Корнель бросил на нее взгляд, которого она не смогла понять однозначно. Была ли это благодарность? Или недоверие? Священник слишком хорошо контролировал свои эмоции, а его глаза были холодны.

— Отец, — тихо сказал Ионнис. — Если все действительно идет к войне с Ардолией, то Натиоле должен вернуться как можно скорее. И кто-то должен предупредить его, чтобы он не попал прямо в руки к масридам и их силкским палачам.

— Я понимаю, — сдавленным голосом ответил Стен. — Нати и тролли должны узнать о том, что произошло с Тамаром и Флорес. Лучше всего, если бы я сам поехал. Но я не могу, проклятье.

— Я мог бы забрать его, — предложил Ионнис.

Воевода посмотрел на него так... Этот взгляд был предназначен только для его сына, и Артайнис уставилась в пол.

— Ты еще не очень хорошо чувствуешь себя. И кроме того — как раз в такой момент, когда возможна война, я не могу лишиться вас обоих. Ионнис, стране нужен наследник, если я погибну. Ты нужен мне здесь, Ионнис.

— Отец...

Юному влахаку было явно тяжело возразить, а дирийка пожалела, что не вышла из зала вместе с остальными.

— Да и какого влахака я вообще могу сейчас отправить? — перебил его Стен. — Границы больше не надежны. А если я вышлю официального гонца, то только обращаю внимание масридов на Натиоле. И его поимка станет слишком хорошим средством шантажа для поджигателей войны в Турдуе.

Артайнис закрыла глаза. Она видела, что воевода прав. Он едва ли мог отправить влахакского посланника через враждебную им страну. А перевал Еркель был единственным проходимым путем через Северные Соркаты. Дорога к перевалу вела через Ардолию, где масриды будут зорко осматривать всех путешественников. Но чужеземцу будет легче пересечь Ардолию, не вызвав подозрений. Кроме того, ее отец, конечно, пожелает как можно скорее узнать о том, что стране между гор грозит новая война. Глаза Артайнис обратились к Ионнису, и от его взгляда кольнуло сердце.

— Я могла бы пойти, — просто сказала она, и, когда она произнесла это, какая-то часть ее была почти так же удивлена, как и мужчины в зале. — Естественно, я смогу добраться до Колхаса и до вашего сына без особых трудностей.

К ее удивлению, Ионнис подпрыгнул.

— Ты это серьезно? Ты хочешь сама пересечь Соркаты, чтобы встретиться с Натиоле в Дирии?

— Ионнис, возможно, она...

Но больше Стен ничего не успел сказать. Юный влахак склонился перед отцом и дирийкой, перебив воеводу:

— Если воевода такого же мнения, то я здесь уже не нужен.

И он вышел из зала, не удостоив их и взглядом. После того как они посидели некоторое время молча, Стен наконец встал.

— Не хотите ли немного пройтись со мной? — спросил он.

Артайнис кивнула и последовала за ним.

С крепостной стены замка Ремис они молча смотрели на город, который раскинулся внизу. Было ясно, с гор дул прохладный ветер. В воздухе пахло сгоревшими листьями и деревом.

— Вы знаете, что я никогда не потребовал бы от вас такого — отправиться в эту поездку. — Воевода наконец начал разговор.

— Конечно. Но если вы об этом подумаете: разве есть лучшее решение? Или решение, которое было бы хоть приблизительно столь же приемлемым? Я не могу себе представить. В этом случае я — идеальный гонец.

Стен медленно кивнул.

Артайнис глубоко вдохнула и повернулась спиной к ночному городу, чтобы видеть своего собеседника.

— Но если я поеду в Колхас и передам отцу новость о том, что между Ардолией и Влахкисом будет война, то как вы думаете, что тогда произойдет?

— Мы еще не знаем, будет ли война, — мягко ответил Стен. — Пока это еще опасность войны, даже если я и не хочу недооценивать ее. Но, возможно, масриды образумятся, а этот Сциглос никогда не станет марчемом.

— Возможно, — ответила Артайнис, но она и сама услышала, как горько прозвучал ее голос. — Но даже если это так, я не верю, что отец разрешит мне вернуться. Он захочет, чтобы я осталась в империи, пока не найдет для меня другого задания.

Она сглотнула.

— И Ионнис тоже знает это, — тихо добавила девушка.

— А вы хотели бы вернуться во Влахкис, Артайнис? — спросил воевода.

Она смогла лишь кивнуть, так как чувствовала себя такой потерянной, как никогда.

— Возможно, я смогу поговорить с вашим отцом, когда здесь все успокоится, — предложил Стен. — Я уже давно знаю Саргана. И я не могу представить себе, чтобы он согласился сделать вас несчастной.

Артайнис закусила губу, сдерживая слезы, которые выступили на ее глазах.

— Он не такой, как вы, воевода. То, что он меня любит, не означает, что он откажется от планов, которые имеет на меня. Даже если вы поговорите с ним, это ничего не изменит.

К ее удивлению, воевода улыбнулся.

— Может, и так. Но не стоит недооценивать своего отца, Артайнис. Много из того, что Сарган сделал в прошлом, он делал... только ради семьи.

Она снова посмотрела вниз, на город, на людей, которые, возможно, уже скоро отправятся в военный поход. «Что изменится, если я на пару дней дольше буду счастливой или несчастной, если эта страна погрязнет в войне? — подумала она. — Я приняла решение, и он не виноват в том, что теперь будет».

— Посмотрим, Стен сал Дабран, — наконец сказала она. — И даже если он не захочет прислушаться: я ведь унаследовала его упрямство.

— Я знаю, — лукаво ответил воевода. — И я думаю, что как раз это и нравится в вас моим сыновьям. И я благодарен вам, что вы готовы отправиться за моим старшим сыном, Артайнис.

Он наклонился к ней и поцеловал ее в лоб.

— Может, ты лучше оставишь это мне? — неожиданно прозвучал голос позади него.

За спиной воеводы стоял Ионнис и смущенно улыбался.

— Я искал вас, чтобы извиниться, а теперь вынужден констатировать, что мой отец собирается украсть тебя у меня.

Стен наигранно поднял руку, изображая нанесение удара. Но потом он только положил руку сыну на плечо.

— Духи наказывают стариков через детей за то, какими они были в юности, — процитировал он влахакскую поговорку.

Артайнис была рада видеть принца, рада, что он искал ее, и рада, что сегодня ночью она не будет одна.

Воевода с улыбкой отвернулся, когда дирийка сделала шаг в сторону Ионниса и тот обнял девушку.

40

Близость другого тролля заставила Ацота ускорить шаги. Он воспринимал его словно дыру в мире, через которую просачивался дреег. Тот тоже почувствует его, в этом Ацот не сомневался.

Хотя у него была только одна цель, Ацот не стал менее осторожным. Враги подстерегали везде, и им было все равно, чем он занят в этот момент. Для него не существовало ни одного мига небрежности. Тот, кто не осознавал постоянно опасность, становился легкой добычей. Однако тролль побежал быстрее, чем обычно, пересек две пещеры, своды которых терялись высоко вверх, в темноте. Его чуткий нос уловил запах грибов, к тому же съедобных, и он отметил это место, чтобы позже вернуться. Это не было заменой мясу, но грибы были вкуснее большинства растений.

В одном из туннелей они столкнулись. Другой тролль был большим, он еще пах недавней охотой — кровью, потом и ранами. Он что-то забросил на плечо, и Ацот узнал тушу серяка. Животные очень редко спускались так глубоко, и от одной мысли о деликатесе у Ацота потекли слюнки.

Они остановились, разделенные несколькими шагами. Ацот ждал. Иногда его узнавали. Но на этот раз противник сбросил добычу на пол и принял грозную стойку. Он потряс длинными руками, крутнул головой и оскалил клыки.

Ацот мгновенно принял вызов. Он тоже оскалился и поднял кулаки. Он с хрустом размял плечи и медленно шагнул вперед, не спуская глаз с противника.

Шаг за шагом они приближались друг к другу, демонстрируя рога и клыки, поигрывали мышцами, царапали когтями по скале, доказывая, что они воины.

Последний отрезок оба преодолели в прыжке. В полете они столкнулись. Ацот быстро ударил, вырывая из груди другого кожу вместе с плотью. На него посыпались удары, сильные, жесткие. Он схватил руку, круто развернулся, радуясь вою противника. Он почувствовал удар в глаз и отшатнулся. В висках зашумела кровь, устремляясь к глазу, рана запекла, но ему не нужно было зрение, чтобы драться. Они снова устремились друг на друга. На этот раз Ацоту удалось схватить ногу другого, и он напряг все мышцы. С глухим ударом противник рухнул на пол. Ацот, не давая ему времени на передышку, прыгнул на грудь и схватил голову обеими руками.

Неожиданно сопротивление тролля ослабело, и он поднял подбородок к противнику. Ацот, усмехаясь, встал и отошел на несколько шагов назад.

— Ацот, — просто сказал он.

Другой встал на ноги, потряс головой и ударил себя в грудь.

— Месп, — ответил он.

— Твое мясо, — прорычал Ацот и указал на добычу. — Дай мне часть.

Побежденный без комментариев поднял добычу и бросил ее Ацоту. «Добыча победителю».

Но мощный тролль взял лишь часть, отделив ее острыми когтями от остальной туши, которую он швырнул назад. Жуя жесткое мясо, он присел на пятки. В абсолютной темноте он не мог видеть другого тролля, но слышал его дыхание, запах его тела и чувствовал его внутри дреега. Месп тоже жевал. Они молчали, сидя друг напротив друга.

— Ацот, — наконец сказал Месп. — Я слышал о тебе.

Ацот лишь пробурчал что-то в ответ. Многие о нем слышали, но он не знал Меспа.

— Там, внизу, — продолжил Месп и показал головой за спину Ацота, — лежит сердце. Ты был там?

Ацот кивнул.

— Я иду туда. Почувствовать удар. Каждый дреег. Это хорошо.

Ацот не знал, что ответить на это, чтобы все не превратилось в бессмысленную болтовню. Вместо этого он спросил:

— Ты слышал о Керре?

Теперь настала очередь собеседника качать головой и бурчать.

— Его уже давно нет, — заявил Месп после некоторого раздумья.

Весть о том, что тролль с двумя спутниками поднялся на поверхность, быстро распространилась и среди глубинных троллей. Потомство Анды редко встречалось, но на таких встречах сообщали все, что казалось важным. Иногда были собрания. Удар сердца созывал многих, словно сама земля определяла это. «Так правильно, — думал Ацот. — Всегда, когда мы встречаемся, происходят важные вещи».

— На этом пути есть пауки, — заявил Ацот и встал.

Месп тоже поднялся. Больше говорить было не о чем, и они устремились мимо друг друга в темноту.

41

Раннее утро было чистым и холодным, мужчины и женщины, собравшиеся перед крепостью Ремис, кутались в шерстяные плащи и накидки поверх доспехов. Со своего места на возвышении Корнель видел, как над Маги начинает рассеиваться ранний туман, а над горизонтом занимается рассвет.

Воевода, сидя верхом, смотрел на две дюжины мужчин и женщин, собравшихся для захвата силкского лагеря в лесу, о котором говорила юная дирийка. Ионнис замер рядом с отцом. Священник знал, что Стен был против, но юноше удалось настоять на своем. Младший сын воеводы надел дирийскую кольчугу, а в ножнах на поясе у него висело два меча.

На Стене сал Дабране был кожаный камзол, а на боку тоже висел меч. На нем не было ни шлема, ни капюшона, и все могли легко узнать его по длинным черным волосам с проседью.

Корнель тоже решил не скрывать знаков своей веры. Сияющее белое одеяние выделяло его из толпы, а золотой диск солнца ловил первые лучи и отражал их. Священник чувствовал себя все еще уставшим после нападения в Турдуе и непрерывной скачки во Влахкис, но благодаря ночи сна и ванне он был хотя бы в состоянии достойно представлять свой орден в этой вылазке.

«Однако наша поездка может оказаться напрасной, — подумал он, — и мы обнаружим их лагерь покинутым. На своих быстрых конях они могут уже перевалить через горы. Дирийка сообщила, что они ожидали задания из Теремии. Посмотрим».

Священник решил, что собрались все члены отряда. Внезапно ворота открылись, и выехала Артайнис. Она сидела на рыжей кобыле, к седлу которой было приторочено несколько мешков, и на дирийке были одеяния из прочной кожи, словно она собралась в долгую поездку.

Увидев Корнеля, она помахала ему, и он направил своего коня к девушке. В бледном свете солнца она выглядела такой уставшей, словно не спала всю ночь. «Но это совсем не

портит ее красоты», — подумал Корнель, устыдившись, однако, своих мыслей.

— Доброе утро, — дружелюбно поздоровался он. — Я и не думал, что вы будете сопровождать нас в поимке силков.

Она ответила ему улыбкой.

— Я и не буду. У меня другая цель, и я боюсь, что мое пребывание здесь закончилось.

Ее слова удивили священника солнца. «Ее пребывание здесь закончилось? Означает ли это, что она возвращается на родину? Но почему так внезапно?»

— Если бы вы и хотели сказать больше... Вы только что сделали это, правда? — осторожно спросил он.

Ее улыбка стала шире.

— Вы умный человек, Корнель. Воевода правильно поступил, что сделал вас союзником.

Священник слегка наклонил голову, чтобы поблагодарить ее за приветливые слова.

— Тогда мне остается лишь пожелать вам хорошего путешествия. Удачного пути, Артайнис Вульпон.

— Вам тоже.

Дирийка направила кобылу к воеводе и его сыну, и Корнель интересом наблюдал за тремя собеседниками, хоть и не мог понять, о чем они говорили. Они обменялись несколькими фразами, и Ионнис вложил что-то в руку девушки, что именно, священнику, однако, не удалось разглядеть. Лишь сейчас Корнель понял, что причиной бледности принца могло быть не недавно полученное ранение, а нечто другое.

Стен сказал что-то, и Артайнис решительно кивнула, после чего прищипорила лошадь. Она поскакала по узкой дороге, которая очень скоро на востоке выходила из города.

Воевода подал знак, и всадники медленно поскакали по широкой улице, которая вела к центру Теремии. Даже в такое раннее время в переулках и на площадях уже суетился народ, в основном ремесленники и торговцы, открывавшие свои лавки и магазины, встречались и крестьяне, идущие на рынок. Где бы они ни проезжали, люди останавливались и с любопытством рассматривали их. Многие узнавали воеводу и его сына и с уважением приветствовали.

И только когда они выехали за городские ворота, Стен прищипорил коня. Отряд поскакал легкой рысью до самого края леса, к месту, которое им описала дирийка. Движением руки воевода приказал всем остановиться. Он спешил и подождал, пока спутники сделали то же самое.

— Отсюда мы пойдем пешком, — начал он вполголоса. — Тихо и осторожно, так как мы не знаем, выставлена ли у силков охрана. Нам ничего не известно об их намерениях, поэтому нужно следить за тем, чтобы не спровоцировать их слишком рано или вообще без необходимости. Михалеи и Истван, вы остаётесь с конями. Остальные — за мной.

«Едва ли возможно, чтобы силки не заметили, как к ним приближается такое количество вооруженных воинов, — подумал Корнель и коснулся пальцами солнечного диска на груди. — А если у них на самом деле намерения не дружеские, битва будет безжалостной».

Молча жестами Стен отправил вперед двух воинов, которые служили лазутчиками. Оба скоро исчезли из виду.

Протопанная дорожка петляла в лесу, просыпающемся от ночного сна. Пели птицы, а в зарослях шуршали мелкие звери. Мирное настроение, царившее здесь, действовало успокаивающе, и Корнель заметил, что некоторые проявляли все меньше осторожности, чем дальше они продвигались вперед.

Наконец лес перед ними расступился, и влахаки протиснулись вперед, чтобы констатировать только, что поляна пуста.

Двое лазутчиков вышли из тени деревьев и отрицательно покачали головами, когда Стен вопросительно посмотрел на них.

На поляне остались четкие следы поспешного сбора лагеря. Дрова в костре еще тлели,

повсюду валялись остатки еды, кожи и тканей, а круглые отпечатки на земле выдавали места, где стояли палатки силков.

— Их точно было больше дюжины, — задумчиво пробормотал воевода, изучая поляну.

Он последовал за отпечатками обуви через поляну до того места, где снова начинались деревья.

— Пойдемте, я хочу посмотреть, где они прятали своих коней, — сказал он спутникам.

Корнель ускорил шаги, чтобы быть рядом со Стеном.

— Как вы думаете, господин, было ли случайностью, что они отправились сегодня ночью?

Воевода мрачно покачал головой:

— Я был бы последним дураком, если бы поверил в это. Но вопрос...

— Отец, — Ионнис тихо перебил его. — За нами следят.

— Что? Откуда?

— Посмотри через мое левое плечо. Осторожно. Мне кажется, я только что заметил там блеск металла.

— Хорошо. Жди здесь, я хочу увидеть, смогу ли отогнать их к вам, — прошептал Стен, а потом громко сказал: — Я приведу Михалея.

Он развернулся и двинулся через поляну, якобы случайно, в направлении лазутчика, которого заметил Ионнис.

Но когда воевода почти достиг края леса, он внезапно изменил свой спокойный темп и побежал. На ходу он вынул меч и ринулся в лес. Ему навстречу порхнула стрела, но она пролетела над его левым плечом, когда он слегка отклонился в сторону. Затем Стен исчез среди деревьев. Раздались звуки борьбы. Солдаты закричали, пятеро побежали за воеводой, в то время как Ионнис подозвал остальных к себе.

В одно мгновение на поляну полетели еще стрелы. Это привлекло внимание влахаков, которые еще не поняли, что происходит. Ионнис с криком помчался вперед и тоже устремился в лес, за ним бежали его воины.

Корнель бдительно следил за происходящим. Из лесу неожиданно выскочил силк в легких доспехах. Петляя, он попытался пробежать мимо влахаков. Священник солнца мог лишь предположить, что Стен сейчас занят вторым противником. Тем временем Ионнис встал у силка на пути. Силк напирал, тесня принца кривым мечом. Ионнис пригнулся, уходя от первого удара, и сделал выпад. У влахака было очевидное преимущество благодаря длинному оружию. Корнель поднял солнечный диск и призвал Божественный свет. Сверкнул яркий луч, но силк уже отскочил назад, и молния не нашла своей цели, поэтому силк смог заблокировать атаку Ионниса и теперь сам наносил удары. На этот раз влахак был быстрее, и двумя последовавшими друг за другом ударами он поразил противника. Тяжело дыша, Ионнис остановился над убитым. Он выглядел так, словно сейчас и сам упадет рядом.

Священник солнца поспешил к нему.

— Все в порядке? — спросил он, и Ионнис кивнул, не в состоянии ответить.

Воевода выскочил из леса. Его меч был в крови, а лицо совсем помрачнело.

— Поймайте их! — крикнул он товарищам в лесу. — Мне нужны живые!

В зарослях едва ли можно было целенаправленно атаковать силков, поэтому влахаки наступали на врагов несколькими группами. Вместо одного сражения получилось несколько маленьких стычек, и Корнелю было сложно судить о том, сколько лазутчиков враги здесь оставили. Но по количеству стрел он предположил, что их должно быть не более полдюжины.

Тут справа, в подлеске он неожиданно почувствовал движение. Один из силков незаметно приближался к воеводе сзади, между кустов, и ему оставалось всего каких-то пять шагов.

— Стен! — изо всех сил закричал Корнель.

Воевода без малейшего промедления развернулся и упал на колени. Прыжок, в котором силк хотел вонзить кинжал влахаку в спину, ушел в пустоту. Священник солнца резко

призвал свет, и напавшего поразила молния, отчего тот, зашатавшись, упал.

Воевода снова вскочил на ноги и осмотрелся в поисках новых противников. Риклеа в этот момент вышла из леса, из раны на руке текла кровь, но в остальном она была в порядке.

Скоро затихли другие поединки. Превосходство влахаков стало очевидным. Из леса вытащили четырех убитых силков и уложили на поляне.

Лишь один влахакский воин был тяжело ранен, и Корнелю пришлось без промедления позаботиться о его ранах. Он прижег его порезы при помощи Божественного света, остановил кровотечение, чем спас жизнь воину. Корнель устало поднялся.

От запаха горелой плоти его чуть не вырвало, и он приложил много усилий, чтобы не показывать своего состояния.

Силк, которого священник поразил молнией, был жив. На его коже виднелись ожоги, но у него не было смертельных ранений, как Корнель констатировал при беглом осмотре.

— Свяжите его. Мы берем его с собой в Теремию, — приказал Стен. — Трупы мы похороним здесь. Кажется, что от нас ушел только один. Выставьте охрану, обязательно по двое. Я больше не хочу неприятных сюрпризов.

Влахаки принялись за работу. Они выкопали неглубокую могилу, после того как уверились, что поблизости больше нет силкских лазутчиков.

Воевода присоединился к сыну и Корнелю. Прежде чем он успел задать вопрос, Ионнис поднял руки, защищаясь:

— Со мной все хорошо, отец.

— Я бы так не сказал, — сухо констатировал Стен, но не стал развивать тему; вместо этого он повернулся к Корнелю. — Я должен поблагодарить вас, священник, за то, что вы спасли мне жизнь. Если бы вы не отреагировали столь быстро, то Ионнис уже сегодня ночью был бы объявлен воеводой.

— Я действовал не думая, воевода, — честно ответил Корнель. — Я не хотел вас называть по имени, господин, но в тот момент...

Стен рассмеялся.

— Действовали не думая? Это слова настоящего влахака, — сказал он. — Я уверен, что Висиния нашла бы, что сказать мне, если бы узнала, что я сам напал на силков.

Правой рукой в перчатке он мягко похлопал Корнеля по плечу.

— Вас не так легко оценить правильно, священник. Но со мной больше такого не повторится.

Корнель благодарно улыбнулся ему, даже если и не был уверен, действительно ли это похвала.

42

Врак и Цран спокойно сидели в гнилом подвале, но Керр носился взад-вперед. Время, словно песок, утекало сквозь пальцы, а цель, казалось, ни на шаг не приближалась. Дирийцы снова и снова успокаивали троллей, не давая конкретных ответов ни на один вопрос. Беспомощность мучила Керра. Ему вспоминался первый выход на поверхность, то ужасное ощущение, когда по утрам вставало солнце и все они были предоставлены на милость людей. Тогда он тоже ничего не мог сделать, чтобы хоть как-то изменить положение.

Бои на арене состоялись уже много дреегов назад. Врак после них некоторое время казался более живым, но в конце концов и он вернулся в это ужасное застывшее состояние. Глубинному не хватало дыхания сердца. Но в Керре огонь нетерпения с каждой ночью разгорался все сильнее.

— Нам нужно возвращаться, — тихо пробурчал он, но так, чтобы его услышал Цран.

— Почему?

— Потому что мы здесь ничего не делаем. Мы только ждем и ждем. Мы не знаем, что происходит с нашими племенами. А что, если там война? Что, если на нас нападают гномы?

А про себя он добавил: «Что, если потомство Анды нарушило мир?» Но он не

произнесет этого вслух.

— Тогда, будет ли их на трое больше или меньше, не сыграет особой роли, — твердо ответил Цран и зевнул. — Полугном говорит, что осталось недолго.

— Да, они говорят это все время!

— Люди другие. Но если отправиться в путь сейчас, то, получается, все напрасно. Далекое путешествие на проклятых повозках. Все это ожидание. Мы только зря потратили время.

Большой тролль, конечно, был прав, и Керра грызла мысль, что все это его вина. Он составил план, привел их сюда, и теперь они ждали. Ждали и ждали, но ничего не происходило. Он не мог изменить этого, но нес за это ответственность.

— Но мы тратим здесь время. Даже Натиоле и другие люди потеряли терпение. Это все-таки неправильно, что мы ничего не делаем!

— Люди, — снова высказался Цран.

Это было и все, что он собирался сказать, но Керр, тем не менее, понял его. «Что же мне делать?» Он не находил ответа на этот вопрос. Жизнь под горами никогда не была простой, но по крайней мере тролли там были хозяевами своей судьбы. Они вели войны, совершали ошибки и учились на них. Они оставались сильными. В империи они были ничем. С ними не считались, их не боялись. Посреди этого неописуемо большого города, в котором жило невообразимое количество людей, их словно не было. Они растворились среди массы тел, исчезли в тени огромных зданий, были не более чем странными посетителями, которых уже едва ли удостаивали вторым взглядом.

У него чесались руки. Это чувство шло от самых кончиков пальцев во все тело, он больше просто не мог стоять на месте. Бездеятельность выедала его, и на мгновение он представил себя темным существом с огромной пастью ворот и пустыми глазами-окнами, которое полностью проглотило его.

Тут в воздухе возник новый запах. Больше людей, больше металла, больше кожи и животного жира, которым они обмазывались. Дюжина. И на них не было золотых доспехов, лишь кожа и тусклый металл, запах которого бил Керру в нос. Но в первую очередь они пахли страхом, как многие люди, которые видели троллей в первый раз.

На своем странном языке они переговаривали с охраной, после чего вошли в подвал, впереди человек с темными блестящими локонами и заплетенной в косу бородой. На его руке выступали белые костяшки, так сильно он сжимал копьё.

— Да? — дружелюбно спросил Керр.

— Мы должны забрать вас, — заявил человек, голос которого, на удивление, прозвучал твердо. — Вас и ваших спутников.

— Куда?

— На аудиенцию.

В Керре растеклось приятное чувство облегчения. Аудиенция. Это было слово, которое люди постоянно использовали для описания того, что они ждали. Беспокойство сразу показалось троллю смешным, а мрачные мысли, которые еще несколько дреегов назад терзали его голову, — глупыми.

— Хорошо, — весело сказал он. — Очень хорошо. Врак, Цран, мы идем.

Тролли последовали за людьми по лестнице вверх, где их уже ждали Натиоле и другие влахаки в сопровождении почти дюжины солдат.

— Наконец, — пробурчал Врак, и Натиоле кивнул.

— Но и правда пора, — прошептал он Керру. — Мне хотелось бы только, чтобы здесь был Сарган. Надеюсь, он узнал об аудиенции и встретит нас там.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказал предводитель солдат и повел их со двора в теплую ночь.

В Колхасе даже в такое позднее время люди еще не спали. По крайней мере спали не все, как снова констатировал Керр. Были видны огни, чаши с огнем, охранники, были слышны шаги и крики. Даже в Теремии по ночам было спокойно, но в этом огромном городе

жизнь продолжалась и после наступления темноты.

Они бежали по улицам, которые Керр уже видел, когда их водил Сарган. Но потом они свернули, стали отдаляться от больших зданий. Здесь почти не было видно людей. Даже их запах был далеким, словно они редко приходили в это место. Тем не менее справа и слева были дома, со статуями, колоннами и фресками, которых Керр не мог понять.

— Там, впереди мавзолеей, — тихо объявил Натиоле и показал на плоское здание, окруженное колоннами.

На крыше стоял большой каменный телец, развернутые крылья которого были шире здания. Между рогов у него был золотой диск, в котором отражался свет двух чаш с огнем.

— Копье там, внутри?

— Скорее всего. Об этом мы можем спросить у императора, как только увидим его. Я спрашиваю себя, где он хочет принять нас. Залы, которые показывал нам Сарган, в другой стороне.

— Наверное, им так много времени нужно было, чтобы обсудить правильное место встречи, — пробормотал Керр.

— Здесь они хоронят своих мертвецов, — возразил Натиоле, — в этих зданиях. Целый дворец для каждого покойника. Представь только себе!

— Расточительство, — прошипел Врак.

— Да, город и без того полон.

— Город? Они зря тратят хорошее мясо.

— Э... да. И это тоже.

Какое-то время они следовали за дирийцами. Влахаки тихо переговаривались, но Керр не слушал их разговора. Их путь вел все дальше от центра, глубже в ту часть, где люди в основном сооружали здания для своих покойников. «Из всех странных человеческих обычаев это, наверное, самый странный», — думал он.

Тем не менее вначале дорога не беспокоила Керра, но вот в воздухе появился запах, который все больше усиливался, — страх. Его излучали дирийские солдаты, и тролль заметил взгляды, которые они украдкой бросали на него. Запах дошел до ноздрей Врака и Црана. Они вопросительно посмотрели на Керра, который неуверенно пожал плечами.

— Натиоле, — наконец прошептал он, следя за тем, чтобы ни один дириец не слышал их.

— Что?

— Что-то не так, — заявил Керр. — Они боятся... и они все дальше уведут нас прочь.

— Почему ты так думаешь?

Молодой человек внимательно осмотрелся. Арван тоже насторожился. Оба человека схватились за мечи, но пока не обнажали их.

— Я не знаю. Но я чувствую это. Становится хуже. Словно они ожидают, что что-то произойдет.

Молодой человек задумчиво кивнул. Они пробежали еще несколько шагов, но теперь Натиоле и Арван тоже присматривались к своим проводникам. Сын Стена прошептал что-то старшему воину. Потом он неожиданно крикнул:

— Эй!

Он остановился, и вся колонна замерла. Предводитель дирийцев мрачно посмотрел на Натиоле. Потом он указал рукой в перчатке вниз по улице:

— Дальше!

— Куда вы нас ведете?

Мужчина нервно огляделся. Его подчиненные стояли полукругом вокруг влахаков и троллей. Их страх был почти осязаемым, сигнал, который обеспокоил Керра. Это не было нормальным страхом людей. Это было другое — первобытный страх перед смертью.

— Еще немного, и мы на месте, — помедлив, заявил предводитель.

Он снова показал вниз, на улицу.

— Там.

Керр напряженно всмотрелся в темноту. Здесь почти не было чаш с огнем, освещались лишь немногие дома с мертвыми. Тем не менее он смотрел сквозь темноту. Но тролль ничего не увидел, ни зала, ни большой площади, ни подходящего места, где мог бы встретиться с людьми предводитель, который так долго от них скрывался, который, по словам Саргана, был окружен множеством людей и жил в роскошных местах.

— Кто послал вас? — продолжал расспрашивать Натиоле.

— Золотой Император. Пойдемте.

— Где Пилон?

Но еще до того, как человек открыл рот, Керр знал, что сейчас произойдет. Он почувствовал это по запаху.

— Цран! Врак! — проревел тролль, когда дириец поднял копье и прокричал что-то на своем языке.

Его воины вскинули копья, Натиоле громко вскрикнул и вытащил меч.

Люди отреагировали быстро, но тролли были быстрее. Под когтями Врака уже упал первый враг, а эхо криков еще звучало. Керр устремился вперед, копья вонзились в его кожу, в его плоть, ломаясь под его натиском, так же как и щиты, которые он раскалывал кулаками.

Когда начался бой, все вопросы были забыты. В этот момент Керр наконец стал снова полностью троллем, и он с неукротимой силой обрушился на врагов. Он знал, что Цран и Врак рядом, слышал их рев, и они вместе гнали людей вперед. Его не волновали раны, которые ему наносили, они были всего лишь знаком того, что он еще жив, еще может бороться. Он схватил одного врага, вонзился клыками в тело, укусил металл, которым тот прикрывался, пока не добрался до плоти и не сломал кости. Его рот наполнился кровью, своей собственной и противника, которого он отшвырнул на землю только тогда, когда из него ушла жизнь.

Влахаки обнажили оружие, но на них не было доспехов и у них не было щитов. Трое уже лежали на земле, в крови; остальные отчаянно сражались. Пока Цран и Врак продвигались дальше вперед, Керр прыгнул на помощь Натиоле. Он прикрыл молодого человека своим телом и оттеснил нападавших. Тролль уже хотел порадоваться, так как победа была близка, но почувствовал приближение еще большего количества людей. Они несли с собой больше копий, щитов, темных доспехов.

— Ловушка, — без надобности прохрипел Натиоле.

Нападавшие, не медля, поспешили на помощь своим товарищам. Они образовали стену из щитов и выступили против троллей. Керр снова накинута на дирийцев сбоку, отогнал их назад, потом побежал к Црану, который, истекая кровью, дико бросался на людей. Натиоле схватил щит павшего врага, другие влахаки сделали то же самое, и теперь они сражались против своих противников, в то время как тролли останавливали новые волны нападавших.

Керр не мог сосчитать, сколько же их было. Он убил много, но казалось, что все время прибывали новые. Щиты разлетались под его ударами, доспехи не защищали от его когтей. Копья кололи, ранили и только больше сердили его. Врак бушевал, мрачный демон разрушения, темная кровь которого смешивалась с тенями на его коже. Ни один человек не мог выстоять против порождения Анды, ни одно копье не могло нанести ему серьезной раны, чтобы сломить его атаку.

Позади Керр услышал звук тревоги и резко развернулся. К месту боя бежало несколько дирийцев, на этот раз четверо воинов в золотых доспехах гвардии. Они сбоку напали на влахаков, и Керр сразу же понял опасность, которая от них исходила.

— Цран, Врак, оставайтесь вместе! — заревел он, потом побежал назад, не дожидаясь ответа.

Перед ним Натиоле сражался против двух новых противников, пригнулся от одного удара, второй блокировал щитом. Повсюду лежали тела, мертвые, раненые. Пахло кровью, экскрементами, страхом и гневом. Керр прыгнул вперед, когда Натиоле как раз сделал выпад и пронзил противника мечом. Другой отшатнулся, защищаясь, поднял копье, но Керр с презрением откинул оружие в сторону. Он когтями схватил мужчину за горло, сломал ему

кости и отбросил безжизненное тело на землю.

Рядом с Керром Натиоле убил еще одного воина в золотых доспехах, а потом развернулся к другим врагам, которые наседали на влахаков. Теперь из Влахкиса осталось всего четверо, они боролись плечом к плечу, прикрывая друг друга и раненых. Керр пришел им на помощь, обеспечив небольшую передышку, с ревом прыгнув на врагов. Они вместе создали брешь, в которую прорвались, крича и нанося удары, разя и убивая. Натиоле боролся, как его отец, быстро и сильно, с холодной отвагой. Когда упал последний противник, Керр обернулся к Враку и Црану.

Тролли были разъединены. Врак пробирался сквозь клубок врагов, ревя от радости и ярости. Его кулаки с каждым ударом находили цель, раны закрывались уже во время боя, и он не обращал внимания на атаки врагов.

Црана же загнали в угол. Мощный охотник боролся мрачно, ловко, но его враги держали оборону, кололи копьями и отскакивали назад, когда тролль нападал.

— Врак! — проревел Керр, но дитя Анды не услышало его крика или просто не отреагировало на него.

Большими шагами Керр направился к Црану, но, прежде чем он добрался до того, в грудь Црана вонзилось копьё. Охотник качнулся, странным бессильным движением обломал древко, отшатнулся. Люди не отпускали, они устремились на него, словно свора обжор. Керр пробился вперед, схватил первого врага, поднял его высоко над головой и швырнул, угодив в колонну. Рядом с ним нападали Натиоле и оставшиеся в живых влахаки. Они напирала на дирийцев сзади, но Цран уже опустился на одно колено, не понимая, что происходит, смотрел на грудь. Потом большой охотник упал вперед и больше не шевелился.

Керра охватила неукротимая ярость. Он почувствовал, как в нем поднимается мрак Духа темноты. Ему было наплевать на смешные уколы людей, их исполненные страха крики еще больше злили его. Он убивал без пощады, пока на земле не оказались все его враги до единого.

Потом к Керру снова вернулось сознание. Теперь он чувствовал раны, а теплая кровь, которая текла по его коже, напоминала о том, что он мог умереть. Врак стоял на коленях возле умирающего дирийца. Он свернул ему шею одним движением. Взгляд Керра перешел на Црана, который лежал посреди врагов. Мертвым. Большой охотник погиб. Один, в борьбе, хоть и мужественно, но бессмысленно. Керр снова посмотрел на Врака, который, широко усмехаясь, вытирал кровь с лица. «Нет, он действительно не такой, как Пард. Он — не тролль. Тролль не оставил бы Црана одного. Пард никогда бы не подвел другого тролля. Потомство Анды — не такое, как мы».

Стало спокойно, но где-то вдалеке раздался звук труб. Кроме них, на улице никого не было видно, но пройдет совсем немного времени, и придут новые люди.

— Почему они напали на нас? — спросил Керр.

Натиоле, который стоял на коленях возле погибшего воина и с опущенной головой закрывал тому глаза, пробормотал:

— Доброго пути. Пусть духи охраняют тебя на темных тропах.

Потом он встал и посмотрел на Керра.

— Я не знаю, но нам нужно уходить. Сейчас придут другие.

— Разве мы не можем поговорить с Сарганом? Или с их предводителем? Они напали на нас!

— А эти? — спросил Натиоле и показал на воинов гвардии в золотых доспехах.

Покачивая головой, молодой человек отвернулся.

— Нет. Что нам сказать? Как объяснить? Мы убили их людей. В их городе. Мы — чужие... чудовища.

— Но...

— Никаких но, — перебил Натиоле тролля.

В его голосе прозвучала горечь. И глубокая ярость, которую Керр ощутил, но о причинах которой мог только догадываться.

— Нам нужно исчезнуть. Из города, из империи. Исчезнуть и надеяться, что они забудут о нас.

Человек стоял посреди выживших влахаков. Лишь четверо избежали смертельных ран, и они поддерживали двух других, которые едва могли идти. Их одежда была разорванной и грязной, покрытой кровью...

— Копье, — прорычал Керр. — Мы пришли сюда. Я не вернусь с пустыми руками.

— Тогда идем, — мрачно ответил Натиоле и указал мечом вниз, на улицу. — Там мавзолеей. В принципе все равно, в каком направлении бежать. Нам нужно найти, где мы хотим умереть. Мавзолей подходит так же, как и любое другое место.

— Умереть? — спросил Врак, который как раз присоединился к Керру. — Здесь умирают только наши враги!

— Неужели? — возразил Натиоле и посмотрел на тело Црана. — Здесь умираем все мы, ты, глупый тролль!

Врак сердито сделал шаг вперед, но Керр положил ему руку на грудь, останавливая.

— Мы — посреди города, и когда-нибудь взойдет солнце. Даже если мы выберемся через стену, мы останемся в этой стране. Мы не можем сбежать, солнце остановит нас. И мы не сможем бороться, девятеро против тысяч!

До сих пор Керр не задумывался об их дальнейших действиях, но увидел, что Натиоле прав. Они были в ловушке, а их врагам нужно было лишь дожидаться рассвета. Потом они станут беспомощны, а семеро людей не смогут защитить их. «Как Пард и Друан в Теремии, — подумал он. — Без друзей в пещерах с врагами».

— В путь! — приказал Натиоле. — Достанем это трижды проклятое копье из мавзолея. А потом пусть они затравят нас до смерти, как свора врасей!

Керр задумчиво посмотрел на пустую улицу и потом наверх, на холмы. Его взгляд прошел по домам и дворцам. Он не боялся смерти, но не собирался умирать.

— Мы достанем копье, — подтвердил он. — А потом следуйте за мной.

43

Осень во Влахкисе уже вступила в свои права. Холодный ветер свистел в коридорах крепости Ремис, непрерывный дождь тарабанил по крышам и окнам. Множество каминов сохраняли тепло. Но это были лишь отдельные островки, которые делали жизнь сносной.

Главное здание все еще было всего лишь руиной, так как восстановление происходило в медленном темпе, а внимание влахаков переключилось и на другие задачи. Стен сал Дабран стоял у окна и вглядывался в унылый сумеречный свет раннего вечера сквозь промасленную кожу, которая была натянута на оконные рамы. «Двадцать лет, — подумал он. — Двадцать лет прошло с тех пор, как Висиния и я пришли сюда, чтобы принять наследство Ионны. Я никогда не стремился к тому, чтобы править Влахкисом. Я был доволен в Дабране».

Но Висиния была ближайшей родственницей Ионны, поэтому никогда даже не возникал вопрос о возможности другого наследника.

Вместе с Натиоле, который тогда еще был младенцем, они отправились в путь в столицу, после того как воевода погибла в битве. Они старались из обескровленной и истерзанной страны создать общую родину для влахаков и масридов. Тамар при этом всегда был им большим помощником. Стен считал марчегу надменным, но все-таки тот был вменяемым, разумным. Особенно когда речь шла о поиске решения проблем, которыми сталкивались люди в обеих частях страны. Возможно, причиной было то, что он соединил жизнь с влахакой, которая, словно ослица, упорно отказывалась выйти за масрида замуж.

«А теперь все выглядит так, будто наши старания были напрасны. Если марчегу станет Сциглос Бекезар, мы снова будем втянуты в войну. Я оставляю Натиоле страну, которая не стала более мирной, чем при его рождении».

Воевода с беспокойством подумал о сыне и троллях, которые в далекой Дирии еще не

знали ничего об ужасных событиях, которые потрясли страну между гор. Он спрашивал себя, как сейчас обстоят дела в недрах земли. Керр неохотно покинул пещеры троллей, это было очевидно. «Он боится, боится того, что может произойти с потомством Анды, пока его не будет. Надеюсь, Саргану удастся как-то донести до императора просьбу троллей. А еще больше я надеюсь, что Артайнис сможет быстро добраться до Колхаса, чтобы предупредить Нати до его возвращения через Ардолию».

Но даже если Артайнис вовремя доберется до Натиоле и троллей... Положение было непростым. Если Нати не сможет проехать через масридскую территорию, то возвращение вообще становится невозможным. «А это не понравится ни ему, ни троллям».

Было ли правильно отпускать Натиоле? Своего тихого, замкнутого сына с таким взрывным характером, который в решающий момент отважился на все ради брата...

В дверь постучали, и воевода обернулся.

— Входите.

Он знал, что это Риклеа. Она открыла дверь, но остановилась на пороге.

— Полгорода ищет тебя, — словно между прочим сказала она. — С тех пор как мы привезли этого силка, крепость гудит так, будто это улей. Все коридоры полнятся невероятными слухами. Одни считают, что силки — союзники масридов, а другие — что они действовали по заказу дирийцев. Я даже слышала уже, что на нас скоро нападет армия из силков и троллей.

Представив себе такую картину, Стен не удержался от улыбки.

— Этого не произойдет, даже если Натиоле потерпит ужасное фиаско в Колхасе.

Риклеа тихо рассмеялась.

— Но даже если большинство сказанного — бессмыслица, нужно что-то предпринять. Нам необходимо выяснить, по чьему заказу действовали силки.

Воевода вздохнул.

— Ты права. Дай знать Ионнису и Винтиле. И Корнелю. Мы должны поговорить с пленником.

Его советница кивнула и внезапно посерьезнела.

— И... тебе нужно действительно всерьез подумать над тем, чтобы изгнать масридов за горы раз и навсегда. Если мы двинемся на Ардолию, до того как вступит на престол новый марчег, то это может стать коротким военным походом. Влахкис наконец объединится, а Натиоле сможет спокойно вернуться домой.

С этими словами она развернулась и вышла.

«В ее словах правда, — подумал Стен. — Все, кто хотят этого, говорят правильно. Пока Тамар был жив, у нас была хорошая причина для того, чтобы сохранять мир. Но с его смертью и смертью Флорес умерли также и данные ему обязательства. Это — наша земля.

Но Висиния так тяжело трудилась для того, чтобы наконец воцарился мир. После всех потерь она хотела, чтобы наши дети жили в мире. А пока это кажется возможным, мне сложно начать военный поход.

Однако война, возможно, и так уже неизбежна...»

Его мысли шли по кругу, и он не мог принять окончательного решения.

Поэтому воевода отправился на нижние этажи, где был заперт пойманный силк.

Когда Стен подходил к темнице, его охватило тягостное чувство. Крепость была построена на искусственном холме, у нее было несколько подземных этажей. В большей части этих всегда прохладных и сухих помещений хранили продукты и дрова, здесь были также размещены камеры для пленников.

Двадцать лет назад воевода сам был узником марчеге Цорпада Диммину. И пока люди Цорпада пытали Стена в подвалах, он осознавал, что Висиния — всего в нескольких этажах над ним, но абсолютно недостижима для него, так как находится среди заложников Цорпада. Все это было очень давно, и Цорпад не пережил битвы троллей. Но Стен не любил спускаться в подвал, избегая страшных воспоминаний.

Перед низким входом Стена уже ждали Винтила, Корнель, Ионнис и Риклеа. У деревянной двери замерла охранница, молодая женщина в кожаных доспехах. Несколько ламп с жиром давали неровное пламя.

— Не нужно долгих разговоров, господин, — потребовал прорицатель. — Я не хочу даже слушать, что произнесет его лживый язык. Давайте предадим его лесу в соответствии со старым обычаем.

— Несколько вопросов мы все же должны задать, — возразил священник. — Ведь он в настоящее время — наша единственная зацепка, с помощью которой можно выяснить, что привело сюда силков.

Воевода согласно кивнул.

— Я такого же мнения. Давайте спросим, что им здесь нужно.

Охранница открыла дверь и повела их по коридору с достаточно высоким потолком, и Стен мог идти, выпрямившись во весь рост.

Перед второй дверью слева маленькая группа остановилась, пока охранница отпирала замок. В узкой комнате воевода увидел человека на соломенном матраце. Возле него стояли кружка и ведро — вся обстановка камеры. Крошечное помещение пахло так же ужасно, как и его обитатель.

— Вставай! — прикрикнула на него охранница.

Пленник медленно поднялся и заморгал в свете лампы.

Он был среднего возраста, мускулистый, заросший. После четырех дней в темнице в его глазах отчетливо читался страх.

— Разрешите, господин? — осторожно спросил Корнель, и воевода кивком дал согласие.

— Если ты так настаиваешь, — сердито прорычал Винтила.

«Вражда между этими двумя не очень способствует миру в моем совете, — подумал Стен. — Если бы я только знал, как это можно изменить». Прорицатель и священник ордена Альбус Сунас жили как кошка с собакой; каждый притязал на то, что он единственный несет правду. И даже если Стен всю свою жизнь прислушивался к прорицателям, он знал, что для сохранения мира необходима благосклонность священников солнца — иначе братья вели бы противвлахакскую политику в Ардолии.

— Итак, — начал Корнель грозным голосом. — Что вы здесь делали?

— Я... мы неи знать.

По неуклюжему ответу силка Стену стало ясно, что он совсем плохо говорит повлахакски. В поисках помощи он обратился Ионнису:

— Ты можешь перевести вопрос?

— Да, естественно.

Он заговорил с мужчиной на мелодичном языке дирийцев. Пленник отшатнулся от Ионниса, словно его сильно испугало то, что он услышал из уст чужеземца свой собственный язык, потом он разразился целым потоком слов. Ионнис слушал его с напряженным выражением лица и лишь дважды перебил мужчину — чтобы попросить его говорить медленнее, как предположил Стен.

— Он говорит, им заплатили за то, чтобы они прибыли во Влахкис. И он не знает, что им предстояло сделать. Всеми делами занимался их предводитель. Он говорит, что всего лишь делал то, что приказывали. Он не хотел тебя убивать, он боялся...

Стен кивнул, в то время как сын переводил слова пленника. Он не питал личной неприязни к силку, который напал на него. Война редко была личной. Слишком часто он противостоял врагам, даже не зная их имен. Но здесь было нечто другое, и ему нужно было обязательно узнать правду.

— Спроси его, имеют ли они отношение к пожару, который разразился в крепости Ремис. Спроси его, нападал ли на тебя кто-то из них.

Потом Стен помедлил немного. На такой вопрос силк едва ли даст честный ответ, зная, что, возможно, потеряет жизнь.

— И скажи, что я не держу на него зла. Не важно, соврет он или признается, я не буду делать его ответственным за то, что произошло. Я хочу лишь знать правду.

Ионнис заговорил с человеком, объяснил, подумал и затем сказал еще несколько фраз. Пойманный силк сначала широко раскрыл глаза, затем опустил взгляд. Его голос упал до громкого шепота, когда он ответил.

— Нет, — перевел Ионнис, хотя Стен мог прочитать ответ и по лицу пленника. — Они не поджигали крепость. Они никогда не были в крепости. И он говорит... — в этом месте его сын громко сглотнул, прежде чем продолжить, — что никто не прокрадывался в крепость, чтобы напасть на меня.

— Тогда спроси его...

Стен не успел закончить. Послышались торопливые шаги на лестнице. Затем взволнованный слуга заговорил с охранницей у двери, после чего побежал по коридору к камере.

— Господин! — крикнул он. — Господин, вы должны срочно прийти. Масриды прислали гонца, и его не хотят пропускать через ворота. Если вы не придете быстро, точно случится несчастье.

Стен вздохнул, но он догадывался, что дело не терпит отлагательств.

— Ну, хорошо! — решительно сказал он. — Мы продолжим позже. А теперь послушаем, что от нас хочет этот гонец.

Когда они вышли во двор, Стен увидел, что на улице уже совсем стемнело. Темноту освещали факелы и костры. У ворот образовалось столпотворение, несколько стражников обступили двух всадников, а сбежавшаяся замковая прислуга что-то сердито кричала масридам.

Стен знал, что здесь поможет только одно — авторитет. Поэтому он громко крикнул:

— С дороги! Пропустите гонцов. Проклятье!

Тотчас же образовался свободный коридор. Двое всадников очень медленно проехали во двор, и Стен был удивлен, когда узнал Басцаи.

— Вы приехали с новостями из Турдуя? — спросил он вместо приветствия и движением руки попросил масридов спешиться.

Он сделал это ради их же безопасности, так как знал, что пешими они выглядят гораздо менее воинственно, чем на конях и в броне.

Басцаи и его спутник выполнили просьбу и поклонились воеводе.

Ионнис, Корнель, Винтила и Риклеа образовали полукруг перед двумя гонцами. Так же как и Стен, они жаждали узнать, какие новости могли привезти с собой посланники из Ардолии.

— Господин, я здесь по поручению Тирадара Бекезара, — начал Басцаи. — Мой хозяин хочет заверить вас, что он не ищет ссоры с Влахкисом. И у него нет намерения передвигать старые границы. Мой хозяин хочет сообщить, что, став марчегом, намеревается придерживаться соглашений, которых вы, воевода, достигли с марчегом Тамаром.

После его слов последовала оглушительная тишина. В конце концов Ионнис вполголоса высказал то, о чем думал Стен:

— Масрид предлагает союз против своего соперника.

44

Преодолевая желание пуститься бегом, Ана размеренным шагом поднялась по ступенькам. Оба охранника из гвардии бросили на нее мрачные взгляды, но беспрепятственно пропустили. Большие ворота были полуоткрыты, поэтому она не стала стучать, а просто вошла.

Она была одна; ей показалось более разумным не брать с собой никого из наемников, чтобы особо не привлекать внимания.

Наверное, были задействованы все резервы гвардии, так как золотые доспехи сверкали

на каждом углу — особенно здесь, где жили богатые и влиятельные граждане, которые отгораживали охраной себя и свои богатства.

После происшествия с троллями жизнь в Колхасе стала странной. Люди все так же спешили по своим делам, но их голоса звучали тише, одежда была неприметнее. Даже улицы казались свободнее. Как явной чужеземке, Ане пришлось выдержать не один подозрительный взгляд, но ей было не впервой игнорировать шушуканье.

Как только она оказалась во внутреннем дворе, двое слуг устремились к ней и ненавязчиво, но настойчиво преградили путь. Их улыбки были фальшивыми, и они явно нервничали. Состояние, которое Ана еще с удовольствием усилила.

— К Саргану. Быстро, — сказала она, не обращая внимания на то, что слуги после этих слов, похоже, впали в полубморочное состояние.

Один, сгибаясь в поклонах, попятился, в то время как второй, все еще улыбаясь, торчал перед ней. Ана недолго дразнила его тем, что делала вид, будто хочет просто пройти мимо. Его попытки остановить ее были бы очень потешными. Но он был всего лишь рабом, и ее поведение может привести к тому, что его накажут. Империя была полна таких людей, которые не владели даже собой. Поэтому она ждала...

К счастью, прошло совсем немного времени, и Сарган, с ног до головы закутанный в приличествующие его рангу одежды, вышел во двор. Его кипасис (еще бы!) был богато украшен и хорошо скрывал животик. Он очень экономно выбрал украшения, но тем не менее они демонстрировали его богатство. Подойдя к Ане, он небрежным движением руки отправил слугу прочь. Его взгляд обратился к воротам, к двум стражникам, которые стояли снаружи, и Сарган поднял брови.

— Ана, какая радость. Прекрасно, что ты так пунктуально выполняешь свое обещание навестить меня.

С этими словами он взял ее под руку и повел через двор.

— Конечно, — ответила Ана. — Я всегда держу слово.

Лучи солнца падали сквозь листья деревьев, образуя на каменных плитках сложный узор из света и тени. Мозаика изображала то, как, по мнению дирийцев, боги творили людей. В центре под навесом находился фонтан, и Сарган отвел девушку туда.

Вода спокойно журчала перед ними, а в тени было приятно прохладно. Две птицы пели, словно соревнуясь друг с другом в своем умении. «Наверное, у них подрезаны крылья», — подумала Ана.

— Что привело тебя ко мне?

Ана осторожно огляделась. Поблизости никого не было, а шум фонтана должен был скрыть их слова от любопытных ушей.

— До меня дошли слухи, — сказала она шепотом, несмотря на уединение. — О битве в городе. Погибшие гвардейцы... Вольно разгуливающие чудовища, пожирающие людей и угрожающие императору... На воротах устроена охрана, и по всему городу расставлены дополнительные посты.

— Ах, слухи. Ну да, ходят слухи.

— Слухи о чудовищах, Сарган?

— И ты, конечно, сразу же подумала о своем кузене, — пошутил Сарган, но при этом не улыбнулся.

Вместо этого он серьезно посмотрел на нее.

— Да, кто-то рассердил троллей. В городе мертвых произошла битва. Они убили почти две дюжины дирийцев, среди них минимум трех гвардейцев. Теперь это означает, что они посягали на жизнь Золотого Императора и лишь по этой причине прибыли в империю.

Внезапно Ане стало холодно. Битва в пределах города — это уже плохо, но когда кто-то поднимал руку на самого Золотого Императора, последствием могло быть только одно. Империя не прощала, когда кто-то наносил такое оскорбление.

— И... что произошло потом?

— Тролли и их выжившие влахакские спутники, по всей вероятности, ворвались в

мавзолее. Причем слово «ворвались» не совсем правильное. Они просто полностью выбили одну стену, и сегодня утром все здание обрушилось.

— А потом?

— Потом, — Сарган сделал многозначительную паузу, — они исчезли.

— Исчезли? Что, посреди города?

— Да, да. Это настоящая загадка, — заявил дириец с невинным лицом и прямо посмотрел на нее.

На его лице не дрогнул ни единый мускул, но в глазах танцевала смесь лукавства со страхом. «Ты, четырежды проклятый мошенник, — подумала Ана. — Они здесь!»

— Давай зайдем? — спросил Сарган. — Мне жарко, а внутри есть более прохладные помещения.

Она не знала, что сказать, поэтому просто кивнула и последовала за бывшим шпионом через двор в боковое крыло его дворца, в котором царила не только прохлада, но и неожиданная тишина.

— В основном здесь складские помещения, — объяснил Сарган, ведя ее по длинному коридору.

Слева и справа находились широкие двери, которые открывали взгляду большие комнаты. В упомянутых складских помещениях Ана заметила ящики, рулоны сукна, бочки и многое другое — товары со всего мира.

— Твое хозяйство велико, раз ты так много хранишь, — подколола она, на что Сарган ответил пренебрежительным жестом.

— Хороший продавец продает свой товар в благоприятный момент. А мои люди беспокоятся о том, когда этот момент наступает. Я этим не занимаюсь. Только оплачиваю.

Она улыбнулась от наигранной обиды в его голосе, но потом они вошли в одно из помещений, которое на первый взгляд ничем не отличалось от других. Сарган быстро подошел к поставленным друг на друга бочкам и сдвинул их в сторону. Они двигались бесшумно и легко, а под ними открылся люк.

— Фальшивые бочки?

— Дитя мое, я однажды уже пережил страшные минуты, когда империя искала нового императора. У меня семья, за которую я несу ответственность. Когда я увидел на повозках трупы детей, которых везли по этой улице мимо моего дома, я поклялся, что никогда не допущу, чтобы моей семьи коснулись распри влиятельных лиц этой страны.

Его обычно игривый тон улетучился, в голосе зазвучала острая сталь, та самая сталь, о которой ее всегда предупреждала мать.

— После тебя.

Она последовала его приглашению и спустилась вниз по лестнице. В полумраке далеко впереди брезжил свет, но Ана не смогла рассмотреть ничего конкретно. Но это было и не нужно, так как ей в нос сразу ударил запах, который ни с чем не перепутаешь, — тролли.

— Полугном, — услышала она чей-то низкий голос.

В ответ раздался едва слышный вздох Саргана.

Когда глаза Аны привыкли к темноте, из тени выделилось несколько силуэтов. Это были два тролля и пятеро людей, которые нашли пристанище в подвале. Причем подвал больше напоминал жилые комнаты с несколькими помещениями, каменными стенами и небольшим фонтаном, который обеспечивал пленников свежей водой.

— Ана? — спросил кто-то, сидящий в глубокой тени, в ком она, присмотревшись, узнала Натиоле.

— А кто же еще? Что же ты наделал, кузен? Я знала, что влахаки сумасшедшие, но чтобы настолько? Небольшое сражение посреди Колхаса? Ты мечтаешь о смерти?

Юный влахак пристыженно опустил голову, но потом мрачно посмотрел на нее.

— Это была ловушка. Они выманили нас и напали. Только духи знают зачем.

— Эти люди планировали сражение. Они пахли страхом и предательством, — вмешался Керр.

— Но ты доверял им. И это было неправильно, — прорычал Врак, на что Керр лишь уныло кивнул.

По всей видимости, между ним и глубинным троллем существовала какая-то напряженность.

Ана обернулась к Саргану.

— Ловушка?

Маленький дириец пожал плечами.

— По словам Пилона, была одна миссия, которая должна была развлечь наших гостей. Прогулка или что-то в этом роде. Гвардейцы подтвердили эту версию.

Сарган заметил угрюмый взгляд Натиоле.

— Но я, естественно, верю вашим словам. За этим делом точно скрывается больше, но я пока не могу сказать, что именно. В данный момент повсюду ищут троллей, и я посчитал за лучшее не обращать на себя внимания, пока вы — мои гости. Хотя, наверное, я и без того под подозрением.

— А как вы вообще сюда добрались? — поинтересовалась Ана.

— Керр подбросил нам эту идею. Тролли спрятались в одной из гробниц, после того как мы взяли копье, и я прокрался к Саргану. Он тайно привел нас сюда, за что мы ему очень благодарны.

— Все в пределах моих скромных возможностей, — возразил Сарган и поднял руки. — У меня случайно были повозки и этот подвал.

— И замаскированные тайные ворота во дворец, и очень молчаливые помощники, — дополнил Натиоле.

— Как бы то ни было, здесь вы в безопасности. На данный момент.

Большой тролль громко хмыкнул.

— Вначале мы залезли в эту пещеру мертвеца, а теперь лазим здесь. Мы прячемся, словно трусливая добыча, а не тролли. Это делает нас слабыми.

— В противном случае придется сражаться с половиной города. Мы не справились бы с этим. Умный охотник — не слабый охотник.

— Ты говоришь, как человек, Керр. С каждым дреегом ты становишься все больше, как они.

Керр отчетливо зарычал.

Врак с удовольствием принял вызов, оскалил клыки и грозно навис над меньшим троллем, пока Керр не поднял, защищаясь, руку и не пробормотал:

— Это ни к чему не приведет, Врак.

Глубинный тролль сделал шаг назад, но Ана видела, что он разочарован тем, что не удалось подраться с Керром.

— Вы попали в огромную кучу дерьма, — констатировала Ана. В ее голове роились самые разные идеи и варианты, но пока ничего определенного.

— А что думают гвардейцы? Где вы?

Сарган смущенно откашлялся, в то время как Керр весело хмыкнул. А вот лицо Врака сразу снова помрачнело. Ана удивленно посмотрела на дирийца:

— Что?

— Ну, я в некотором роде благодаря скромному опыту считаю экспертом по троллям. Так что ко мне пришли еще рано утром, когда стража нигде не смогла их найти. Возможно, они подозревали и меня тоже. В любом случае я почти не спал, а в моем возрасте сон жизненно необходим. Слишком мало сна может быть даже очень опасным, как излагал в своих трудах Хезоатес. Ведь сны — это подарок богов и...

— Тролли, — грубо напомнила ему Ана.

— Да. Так вот, меня спросили, куда могли исчезнуть тролли, я не знал ни одного объяснения, которое могло бы отвести от меня подозрения. Мои мысли спутались, и тут ко мне пришло решение: я рассказал, что тролли — будучи подземными созданиями, которыми они и являются, — могут голыми руками выкопать туннель. Как, э, некоторые жуки. Или

черви.

— Я должен свернуть тебе шею, полугном. И высосать мозг из твоих костей, — сообщил Врак со злой улыбкой.

— Он спас нас! Или твой проклятый мозг слишком толстый, чтобы понять это? — горячо возразил ему Керр.

Ана недоверчиво перевела взгляд с маленького дирийца на троллей.

— Червяки?

Глубинный тролль отодвинулся еще дальше в тень и издал рыкающий звук.

— Да, это показалось мне наиболее естественным, и мне сразу же поверили, — наигранно бодро заявил Сарган.

— Так что теперь, — вмещался Натиоле, — когда тебе расскажут, что под Колхасом обитают чудовища, поедающие людей, которые в любой момент могут вырваться из-под земли и поглотить тебя, — не верь.

— Тем не менее это пристанище решит проблемы, — заявил Сарган. — Нам необходимо найти способ тайно вывести вас из города. Несколько дней нужно выждать, пока немного уляжется пыль, но потом вам следует отправляться в путь.

Дириец прямо посмотрел на Ану.

— И как раз здесь в игруходишь ты. У меня есть связи, но твой отряд — гораздо лучшая маскировка, которую можно было бы им обеспечить.

Ана с сомнением потерла нос. На крошечное мгновение она взвесила риск, но потом кивнула. «Для семьи денег не просят».

Над ними скрипнул люк, и Ана резко развернулась, схватившись за короткий меч. Но Сарган успокаивающе положил ей руку на плечо. На светлом прямоугольнике от двери вырисовалась темная тень, человек медленно спускался по лестнице.

— Разрешите представить, Скилои Касцон. Она — моя правая рука, и у нее отличные связи в Ардолии и Влахкисе. Она организует ваше путешествие, когда стены города окажутся позади.

Женщина была уже преклонных лет, почти как Сарган, и ее волосы совсем поседели. Она была маленькой и мускулистой и одета очень просто. Вошедшая кивнула.

— Я рада встретиться с членами семей сал Дабран и Бекезар. Прошло уже много времени с тех пор, как я имела такое удовольствие в последний раз.

Только сейчас Ана вспомнила имя. Скилои была сцаркой, которая когда-то служила Цорпаду, а потом перешла на службу в империю. «Еще один человек, о котором меня предупреждала мать, — подумала юная наемница. — Путешествовать с ней и непредсказуемым Враком будет непросто. Мне кажется, что в ближайшее время нужно быть очень осторожной».

45

— Я уже объяснила вашему другу, но могу с удовольствием объяснить еще раз и вам, — сказала Артайнис подчеркнуто спокойным голосом. — Я — дочь дирийского торговца из Теремии. Так как положение там все больше ухудшается, моя семья решила отправить меня домой в империю, в Алеваху.

Один из двух молодых масридских солдат, которые перехватили девушку, едва она покинула маленький постоялый двор у дороги и забрала свою лошадь из конюшни, нерешительно покачал головой.

— И вы путешествуете совсем одна, как раз сейчас, когда погода становится все хуже? — с подозрением спросил он.

Его товарищ тем временем исчез в доме.

Замечание солдата о погоде было абсолютно справедливым, даже если оно не особенно действовало на юную дирийку. С тех пор как она выехала из Теремии, не проходило и дня без дождя. Однако до сих пор погода хоть и была неприятной, но, к счастью, не настолько

плохой, чтобы прерывать путешествие. «Мне не нужно было сворачивать на этот постоянный двор», — мрачно подумала Артайнис. Но дождь полностью промочил ее одежду. А маленький трактир недалеко от границы между Влахкисом и Ардолией казался таким мирным, что юная дирийка решила, что может без риска провести одну ночь в сухой постели. «Неправильное решение. Если масриды останавливают каждого путешественника, так как боятся шпионов, значит, их приготовления к войне уже далеко продвинулись».

С некоторой настойчивостью в голосе она ответила:

— Моя семья — ни богатая, ни могущественная, господин. И в Теремии становится все более небезопасно из-за всех беженцев, которые устремились в город. Поэтому мои родители не хотят ждать, пока весной караваны снова перейдут горы, а отослали меня уже сейчас.

Артайнис очень надеялась, что солдат поверит ей. Если нет — кинжал спрятан в рукаве.

«Но если я буду вынуждена напасть на масридского солдата прямо на дороге, то остаток моего путешествия превратится в преследование. Нет, я не могу допустить, чтобы зашло так далеко».

— А чего конкретно вы так боитесь? — спросила она, невинно похлопав ресницами.

Казалось, это наконец усмирило молодого солдата. Он еще раз посмотрел на нее и улыбнулся.

— Ах, эти проклятые влахаки могут в любое время перейти границу, чтобы разграбить пару деревень, так сказал наш командир, — легкомысленно выложил он. — А это значит, что они снова связались с троллями. Не так давно здесь вроде как появлялся сын этого поедающего грязь воеводы с несколькими троллями, чтобы нападать на масридских путешественников.

Артайнис прикрыла рот ладошкой, надеясь, что ее испуганное оханье можно приписать страху перед троллями.

— Тролли... как ужасно, — выдала она. — Я надеюсь, вы смогли поймать этих монстров?

Юноша огорченно покачал бритой головой.

— Они ушли от наших патрулей. Да, людям невероятно повезло, что эти создания не сожрали их.

— О, да, это так, — поспешила согласиться Артайнис.

После этих слов воцарилось долгое молчание. Затем дирийка осторожно поинтересовалась:

— Раз я смогла убедить вас в том, что не состою в сговоре с этими троллями, есть ли что-то, что может препятствовать моему дальнейшему пути? Я хотела бы проехать как можно больше, пока снова не стемнеет.

Солдат согласно кивнул.

— Так будет лучше. Если вы направитесь вдоль течения реки, то к вечеру доберетесь до другой деревни. Вы сможете переночевать на тамошнем постоянном дворе. Там безопасно и чисто. Я знаю его, так как оттуда родом.

«Как прекрасно для тебя, — подумала Артайнис, которая начала тяготиться вынужденной беседой. — Жаль, что я точно никогда не сверну в это, без сомнения, уютное место».

— О, благодарю вас! — якобы восторженно ответила она. — И желаю вам удачи в охоте на троллей. Не позволяйте себя сожрать!

Прежде чем солдат успел что-то ответить, она запрыгнула на свою рыжую кобылу и пришпорила ее.

Смущенные слова прощания солдата развеял сильный ветер.

Девушка ехала по главной дороге, местность начала медленно идти в гору. Поля, на которых уже был убран урожай, постепенно оставались позади, уступая место низкому кустарнику и деревьям, которые часто прерывались лугами. На пастбищах еще паслись

стада, но уже скоро их отгонят в хлева.

С самого утра светило солнце, и у Артайнис появилась надежда, что вечный дождь сегодня пощадит ее.

До сих пор она продвигалась медленнее, чем планировала, дождь размыл дороги, сделав вымощенные отрезки скользкими и небезопасными, и юная дирийка не могла ехать так быстро, как ей хотелось бы. Девушке часто приходилось останавливаться, чтобы дать лошади отдых. В Дирии это перестанет быть проблемой, она сможет менять животных на станциях у дорог, но в Ардолии она не хотела привлекать к себе внимание... И хотелось как можно меньше встречать людей... Было почти невероятно, но все-таки возможно, что кто-то, кого она встретит по дороге, уже бывал в Теремии и знал, что у Сайкоса, дирийского торговца, никогда не было дочери.

Стен сал Дабран настоял на том, чтобы Артайнис путешествовала не под своим именем.

— Ваш отец убьет меня, если вас поймут, чтобы шантажировать его и меня, — сказал он ей на прощание, и она вынуждена была согласиться с ним.

Артайнис направила кобылу на очередное возвышение и остановилась, так как ее взору предстало необыкновенное зрелище.

Она рассматривала склоны и вершины Соркат, которые отсюда казались такими близкими, хотя до них еще было минимум два дня пути. Заходящее солнце окрасило горы кроваво-красным, а подножье, изрезанное ущельями, было окутано черным.

Артайнис знала, что ей нужно поискать место для ночлега, но постояла еще немного, наслаждаясь красотой природы, а затем отправилась на поиски.

Следующее утро разбудило Артайнис звуками тяжелых капель, падающих на крышу. Небо было серым и мрачным, и за ночь стало значительно холоднее.

Выругавшись, девушка поднялась и после быстрого завтрака вскочила в седло, затянула на себе накидку и продолжила путь. Ее многому научили в империи, и стоическое терпение было лишь частью ее образования. Отец беспокоился о том, чтобы она могла выжить как среди интриг двора, так и среди нецивилизованных варваров. Когда-то она ругала его за это, но теперь была благодарна за его предусмотрительность.

Целый день она скакала под дождем, который становился все сильнее, чем ближе она была к Соркатам. Дорога превратилась в размытую тропинку, которая поднималась дальше вверх.

Ближе к вечеру дирийка добралась до отрогов Соркат. «Наверное, я выдержу еще один день», — подумала она, свернувшись в клубок под скальным навесом. Об огне нечего было и думать. Лошадь, казалось, была в таком же мрачном настроении, что и она, и угрюмо жевала влажное содержимое своего мешка.

Через два дня Артайнис с тоской вспоминала о последней ночи, которую провела в Ардолии в сухой постели, и о роскошном зрелище, которое предстало перед ней в тот вечер. С тех пор дождь не прекращался, и к тому же поднялся резкий и холодный ветер, от которого она дрожала всем телом. К дождю все чаще подмешивался снег, холодные влажные хлопья, которые не обещали ничего хорошего.

На каменистой тропинке, ведущей к перевалу Еркель, кобыле было очень тяжело, и Артайнис вела ее под уздцы. Нужно было внимательно следить за тем, куда лошадь могла случайно угодить ногой.

Медленное продвижение было утомительным, и уже задолго до того, как стемнело, Артайнис решила поискать убежище. Через некоторое время она обнаружила пещеру, достаточно большую для нее и для лошади. Хотя широкий вход высотой с человека не давал реальной защиты от ветра, по крайней мере они были защищены от дождя.

Артайнис стреножила лошадь, расседлала ее и подвесила мешок с кормом. Застывшими пальцами она порылась в вещах, притороченных к седлу, в поисках масляной

лампы. С третьей попытки ей наконец удалось разжечь ее. Пещера была больше, чем выглядела снаружи. После того как Артайнис сняла часть мокрых вещей и съела немного хлеба и сыра, она с любопытством исследовала пещеру. Ей не особенно хотелось спать, завернувшись в мокрое одеяло. По крайней мере, пока она двигалась, ей было тепло.

В задней части стены сужались, образуя что-то вроде туннеля. Артайнис помедлила немного, но туннель был широкий, поэтому она наконец вошла внутрь. Шагов через пятьдесят туннель еще больше расширился, и она оказалась в пещере. К ее удивлению, свет от лампы отразился здесь сотни, нет, тысячи раз.

Светлые каменные колонны росли из пола и с потолка, образуя причудливые и роскошные фигуры. Артайнис осторожно протянула руку к одной и отломала крошечный кусочек. Он был тяжелым и прохладным.

А потом она обнаружила рисунки. За одним особенно большим сталагмитом кто-то изобразил сцену охоты, простой рисунок штрихами, выполненный угольной пылью или растительной краской и при этом на удивление живой. Несмотря на простоту, можно было сразу же понять, что рисунок изображал. Один тролль стоял напротив большой кошки. На следующей картинке они боролись друг с другом, и на последней картинке тролль, как несомненный победитель, нес добычу на плече.

«Они рисуют, — пронеслось у Артайнис в голове. — Так же как мы пишем книги, чтобы сохранить воспоминания, они рисуют свои истории на стенах».

Она подумала об опасных когтях и руках троллей и попыталась представить, как они создавали здесь эти рисунки, но у нее не очень получилось. Даже Керр, самый толковый из троллей, был все-таки первобытным созданием, а его темный спутник Врак вообще показался юной дирийке скорее неким воплощением сил природы, чем существом.

Она оторвалась от созерцания рисунков и вернулась в главную пещеру. Ее тело требовало отдыха, она очень устала и знала, что следующий день, когда она наконец перевалит через Соркаты, будет не менее напряженным, чем тот, который она прожила сегодня.

Завернувшись в сырое одеяло, она мгновенно забылась беспокойным сном.

Ей снился Керр и остальные тролли, которые повсюду вокруг рисовали картины о большой, нереальной битве.

46

Ацот поднялся ближе к поверхности. Воздух здесь был прохладнее, да и скалы — другие. Сейчас он двигался по территории старых троллей. Еще немного выше (для Ацота слишком уж близко к поверхности) располагалось царство гномов, хорошее место для охоты... множество врагов... но слишком далеко от настоящей родины. Иногда Ацот чувствовал в биении сердца других троллей, но они избегали охотника. Он тоже не искал их, а просто уверенно шел дальше. Он не мог сказать, почему поднялся так высоко. Ему не нужны были объяснения; он просто действовал. Его инстинкты указывали ему дорогу, его связь с сердцем земли была сильна, и он доверял ей.

Охота здесь, наверху была проще. Были серяки и обжоры, добыча и охотник. Простая охота давала достаточно мяса на много дреегов, и легче было найти воду и грибы. Светящиеся лишайники не были такой редкостью, как глубоко внизу, а в туннелях было меньше трещин. Для потомства Анды жить в этих местах было бы слишком просто.

Тем не менее Ацот отправился по извилистым коридорам, проходил сквозь пещеры, пересекал глубокие впадины и шел туда, куда вела дорога. Когда он был голоден, он охотился. Если ему хотелось пить, он искал воду. Ничто не отвлекало его, никакое препятствие не могло остановить.

Он неудержимо приближался к одной пещере, в которой когда-то что-то добывали гномы. Мелкие твари давно исчезли, наверное, их прогнала война, или, возможно, они уже выпарапали из камня все, что их интересовало. Теперь в пещере жили тролли, целое племя.

Они не уклонились от Ацота, когда он пришел. Уже издалека он почувствовал их присутствие, потом слышал запах. Когда он почти добрался до пещеры, то увидел ненавистный свет, лишь слабое мерцание лишайника, но тем не менее и оно разбудило его гнев.

Он вошел в свет, который болезненно колол глаза. В размытых тенях по краю пещеры текла вода. Все племя поднялось на ноги. Охотники вышли навстречу Ацоту, в то время как молодежь осталась сзади. Дети, старики, слабые, как заметил Ацот с презрительной ухмылкой. «Тот, кто не может обеспечить себе жизнь, должен умереть».

— Что ты хочешь? — спросил один из троллей, самый большой, он доходил Ацоту почти до подбородка.

Его кожа была покрыта шрамами, а рога были длинными, в извилинах. Ацот, проверяя, потянул носом воздух. Тот пах страхом, но был готов бороться. Тролли не сбегали. Это было хорошо.

— Я — Ацот, — заявил он.

На несколько мгновений он представил себе сражение. Один против четырех. Хороший бой. Они были бы достойными противниками, в отличие от гномов и людей, и даже пауков. Они знали, как драться, и они делали бы это вместе, как тролли. Но между ними был мир, а Ацот придерживался соглашений.

— Я — Укал. Предводитель.

— У вас есть новости от Керра?

Его собеседник покачал головой. Другие из группы сделали то же самое.

— Уже много дреегов не слышали. Если он и вернулся, то мы еще ничего об этом не знаем.

У них не было причин лгать, а у Ацота — не доверять им. Его удивило, что они ничего не знали. Наверное, он искал таких троллей, как они, в надежде что новость о возвращении Керра в первую очередь распространится среди них.

— Здесь раньше обитали гномы?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да. Вы изгнали их. И теперь они больше не вернутся сюда. Мы разбили их устройства и снова пустили реку.

Укал показал в направлении журчания воды.

— Они выстроили дерево слоями и из реки сделали озеро.

В его голос подмешивалось удивление, которое Ацот тоже разделял. Было непонятно, зачем из реки делать озеро. Или зачем выкапывать пещеры там, где их не было, зачем рыть туннели в скале, вынимая камни. Все это было бессмысленно. Земля была вечной, подчинялась лишь биению своего сердца. Некоторые знали это. Как, например, винаи на поверхности в лесах.

Они жили под жестоким солнцем, но не строили ничего из камней и не рыли дыр в земле. Они знали, как нужно жить.

— Куда пошел Керр?

— На поверхность. В страну людей. К их предводителю.

— Вы знаете дорогу?

Укал кивнул.

— Опиши ее мне.

Ацот внимательно выслушал объяснения тролля. Если Керр не вернется сам в мир под горами, значит, нужно будет забрать его. При этом Ацот не думал о людях. Их присутствие не занимало его сознания; они были не важны.

После нескольких недель тренировок с наемниками и разнообразной жизни в Колхасе вынужденный отдых в подвале Саргана стал особенно невыносим для Натиоле. «Только я

начал привыкать к городу, как произошло... это». Он усмехнулся. Словно самая большая проблема была в том, что он больше не сможет ходить на рынок.

Оба тролля молчали и старались избегать друг друга, насколько это было возможно в тесном помещении. Если они встречались, то в основном обменивались рычащими звуками и жестами. Что-то стояло между ними, но Натиоле не знал их достаточно хорошо, чтобы понять, что именно. «Возможно, это их способ выражения печали по Црану. Или они сожалеют, что не смогли сожрать его».

Влахаки заняли одну комнату, и Сарган обеспечил их всем самым необходимым. Состояние Арвана постепенно улучшалось. Они почистили и обработали раны ветерана, и в последнюю ночь у него даже спал жар. «Если это была ночь», — мысленно уточнил Натиоле. В подвале он постепенно потерял какое-либо ощущение времени, и теперь сказывался ночной стиль жизни последних недель. Они просто спали, когда уставали, и единственной возможностью не потеряться совсем во времени были нерегулярные посещения Саргана или Скилои.

При этом казалось, что сцарку даже в некотором роде веселило все происходящее, хотя Натиоле до сих пор обменялся с ней всего парой слов. Женщина была абсолютно замкнутой, и тот факт, что она много лет назад не только служила Цорпаду, но и спасла жизнь матери, не способствовал тому, чтобы юный влахак мог лучше оценить ее. Но по крайней мере она была предельно вежлива и казалась преданной Саргану.

В остальном у них почти не было контакта с внешним миром. Ана работала над организацией их отъезда, как она любила называть бегство, и редко, приходила с визитом. По словам Саргана, город медленно успокаивался, хотя иногда еще появлялись истории о троллях, в которых чудовища возникали среди ночи ниоткуда и крали маленьких детей.

Несколько раз Сарган устраивал так, чтобы в его дворце совсем не было людей, и влахаки некоторое время могли провести во дворе. Наверное, это было единственное отличие от пребывания в темнице, констатировал Натиоле. Благодаря таинственному нападению теперь они были беглыми преступниками, и к тому же самого дурного сорта, так как на них висела попытка покушения на самого Золотого Императора. Описания Сарганом наказаний для такого преступления были очень подробными и красочными, и Натиоле совсем не хотелось выяснять на самом деле, что с ним могут сделать при помощи всех тех непонятных устройств, о которых рассказывал дириец.

Тролли с каждым днем становились все беспокойнее, и юный влахак опасался, что Керр уже в обозримом будущем больше не сможет сдерживать Врака и тот просто устремится в город.

При этом опасность еще не миновала; на улицах патрулировали гвардейцы, а на городских воротах сохранялся усиленный наряд. Натиоле со вздохом опустился на стул.

И только услышав шаги на лестнице, он снова открыл глаза. Сначала юноша потянулся к оружию, которое всегда было рядом, но шаги были легкими, спокойными. Солдаты звучали бы иначе. «И, наверное, Врак давно унюхал бы их, убил и сожрал».

Действительно, в сопровождении Саргана к ним в сумрак спустился еще один человек. Они привыкли зажигать совсем мало света, чтобы лишний раз не раздражать троллей.

Сначала Натиоле сел прямо, но когда увидел, кто был с Сарганом, то буквально подскочил.

— Артайнис!

Юная дирийка улыбнулась и склонила голову.

— Это честь, что вы узнали меня через такое долгое время.

Натиоле безмолвно уставился на нее. На ней была простая дорожная одежда, явно потрепанная, и ни косметики, ни украшений.

— А приветствие я не заслуживаю? — с улыбкой спросила она.

Это вывело юного влахака из оцепенения. Он поклонился по всем правилам, как было принято в империи:

— Я приветствую вас, Артайнис Вульпон. Моему сердцу радостно, что мы снова

встретились и я могу пребывать в вашем присутствии.

Теперь уже она тихо рассмеялась.

— Неужели вы тайно зубрили правила этикета Дирии, Натиоле сал Дабран?

— Немного, — заявил Натиоле и смущенно усмехнулся. — Как же иначе? Ведь я провел здесь достаточно времени, мягко выражаясь.

Она пристально осмотрела его, и он почти физически чувствовал ее взгляд. На нем была легкая одежда городского жителя, подарок ее отца, хоть и без украшений, но из хорошей ткани.

Ее улыбка заставляла его нервничать, и Натиоле неуверенно заправил прядь волос за ухо. Внезапно после всех дней и ночей в подвале он почувствовал себя грязным и неуклюжим, очень далеким от совершенства.

Тут в помещение, пригнувшись, вошел Керр. Тролль остановился и осторожно улыбнулся, посмотрев на Артайнис. Натиоле не сомневался, что тот уже давно узнал ее по запаху, но Керр всегда очень старался подражать людям и не пугать их.

— Я рад, что ты здесь, — просто сказал Керр.

— Я рада, что успела всех вас здесь застать, — ответила она. — И я принесла много новостей из Влахкиса. Там столько всего произошло.

— Здесь не меньше, — угрюмо отметил Натиоле, но Сарган успокоил его:

— Я уже изложил дочери неприятные события и ваши трудности.

Он требовательно взглянул на Артайнис.

— У Ионниса все хорошо, — начала юная дирийка. — Он проснулся и поправляется.

В теле Натиоле растаяло напряжение, которое сопровождало все время с момента страшной ночи пожара; ушла часть навалившегося на сердце груза.

— Но есть также и плохие новости. Тамар Бекезар мертв.

«Значит, Ардолия беззащитна и без правителя», — быстро подумал Натиоле. Только потом он понял, что эта новость значила больше. «И Ана потеряла отца». Он уже пожалел о своей первой мысли, но Артайнис продолжила:

— И твоя тетя Флорес тоже. Их подло убили в охотничьем домике.

Юноша онемел. Он не ощущал ничего, ни печали о потере, ни ярости. Было такое впечатление, что Артайнис говорила о чужой женщине, а не о его тете и матери Аны. Рядом с ним Керр пробурчал что-то печально, словно пропел еле различимую песню.

— Ана должна узнать об этом, — хриплым голосом выдавил из себя Натиоле.

— Я уже послал за ней, — ответил Сарган. — Это... будет нелегко для нее.

— Смерть никогда не бывает легкой.

Его собственный ответ прозвучал пустым звуком, пустым набором слов, не более того.

— Смерть приходит ко всем, людям и троллям. Флорес не боялась ее, она была очень сильной, — сказал Керр.

— Но есть еще угроза, — тихо продолжила Артайнис. — Близится новая война между Ардолией и Влахкисом. Масриды обвиняют влахаков в том, что те убили марчега. И во Влахкисе не иначе. Там обвиняют Ардолию в смерти Флорес.

— Война, — пробормотал Натиоле и с тревогой посмотрел на Саргана. — Нам нужно возвращаться. Нам нужно быстро отправляться в путь. Мне нужно во Влахкис. Нужно!

— Я знаю. Но ты должен потерпеть. Ана наверняка приложит еще больше усилий. И я тоже. Но мы не можем совершить ошибку. Мы должны быть очень осторожны.

— Перевалы непроходимы, как мне кажется, — вмешалась Артайнис. — Я только сейчас перешла горы.

— Я должен попытаться. Мне нужно во Влахкис!

— Мы можем пройти под горами, — предложил Керр. — Там есть безопасные пути. Под землей зима не важна. Мы можем разве что встретить пару гномов.

— Прочь отсюда и под землю. Это первые хорошие слова, которые я слышу от тебя за все долгое время, — вмешался Врак, который до сих пор молча слушал новости, наверное, потому что люди, о которых говорила Артайнис, ничего для него не значили.

Натиоле мрачно кивнул. Он вернется во Влахкис, пусть для этого ему придется пробиваться сквозь шахты гномов и все племена троллей. «Если назревает война, то она начнется только весной. До тех пор я доберусь до Теремии».

— А что с масридами? Что с моим отцом? — спросил он Артайнис.

Ее ответ был длинным и подробным. Она сообщила ему о силках, о претендентах на трон марчега, о поездке Корнеля, об открытии священника солнца и о нападении на Виколия Аркоса. Натиоле молча слушал ее.

Врак тем временем беспокойно носился по кругу, словно теперь не мог дожидаться отправления в путь.

— Я позабочусь о гномах, — наконец весело заявил он, когда Артайнис закончила. — Когда мы уйдем из этой проклятой дыры?

Но никто не ответил глубинному троллю.

— Очень важные новости, — вместо этого задумчиво заявил Сарган, — но есть еще более существенные. Очень важные новости, которые...

— Папа, — перебила его Артайнис нетерпеливым тоном.

— Э, да. Значит, так, у бюрократии и военных аристократов растет желание объявить о военном походе.

— Военный поход?

— Ответный удар. На Влахкис.

— Что?

Натиоле не мог осознать услышанного.

— Империя хочет вести войну? Против Влахкиса?

— Да. В наказание за нападение на Золотого Императора. При этом я сомневаюсь, что вообще делают какие-то различия между Влахкисом и Ардолией. Я боюсь, что имеется в виду вся бывшая провинция Влахкис. Страна между гор, от Северных до Южных Соркат, от истока Маги до ее исчезновения в вечной темноте мира.

— Но это... не может быть правдой, — вырвалось у Натиоле.

Он бессильно повесил голову и тихо застонал. У него закружилась голова от мысли, что его поездка в империю могла иметь такие последствия.

— Это не твоя вина, — тихо сказал Керр со своей невероятной способностью угадывать мысли других. — Они напали на того, на кого хотели напасть. Подумай о нападении на нас.

Слова тролля имели смысл, но юный влахак не мог принять его.

— Мне нужно назад, — ответил он. — Мне нужно предупредить отца. Я должен предотвратить войну между Ардолией и Влахкисом.

Все помолчали несколько мгновений. Натиоле уже пожалел о своем срыве, он показался себе смешным...

— Я удвою свои усилия здесь, в Колхасе, — важно сказал Сарган. — Постараюсь больше узнать о стремлениях внутри бюрократии. Уж слишком плотным мне кажется фронт защитников, чтобы это могло быть случайной коалицией.

— Что ты имеешь в виду?

— Болтовня полугнома не важна. Когда мы отправляемся? — потребовал ответа Врак.

Керр зарычал, и глубинный тролль недовольно умолк.

Натиоле кивнул Саргану, чтобы тот продолжил.

— Это сложно, и я пока не могу просто объяснить, — сообщил дириец. — Но сейчас гармонично звучат такие голоса, которые обычно только спорят. И все это дело продвигается очень быстро — что совсем не типично для процессов внутри бюрократии. Такое впечатление, словно кто-то разворачивает свой план.

— Ты имеешь в виду, что в происходящем замешан кто-то, кому выгодно, что империя ввяжется в войну? — уточнила Артайнис, нахмурившись. — Тогда это объясняет нападение на Натиоле и троллей.

— Но зачем? — спросил Натиоле. — Ведь мы не создавали себе врагов. Мы никого не

обижали. И Влахкис по сравнению с Дирией — бедная страна, которая все еще страдает от последствий гражданской войны и не может думать о том, чтобы напасть на своего большого соседа. В чем причина?

— Ах, Натиоле. Словно для войны нужна причина. Власть, богатство, выбирай любую. Влахкис расположен на границе, и это фрукт, который можно сорвать.

— Я посмотрю, что мне удастся вывести. — Голос Саргана прозвучал решительно. — Пока тот, кто тянет за ниточки, прячется за своими громкими ходатаями. Но если эта война кому-то на пользу, то ему придется скоро проявиться. Возможно, еще удастся предотвратить катастрофу.

Натиоле благодарно улыбнулся дирийцу. Артайнис тоже улыбнулась, и юный влахак вспомнил о недолгом периоде, который она провела при их дворе. Каким же невежливым и отвратительным он был. Он поступал с ней несправедливо. «Она приехала сюда, чтобы предупредить нас, — подумал он. — Это было мужественно с ее стороны». Но потом он опомнился. «Влахкису грозит рабство, а я думаю о том, чтобы извиниться за свое поведение перед женщиной, народ которой, наверное, скоро в доспехах выступит против моего. Я — четырежды проклятый глупец».

Краем глаза он наблюдал за дирийкой. Собственно, ему нужно строить планы, нужно готовиться, но он не мог перестать думать о ней.

48

— Берегись, форбс, — прошипел солдат, прислонившийся к каменным городским воротам Теремии и охранявший вход. — Или ты сразу же возвращаешься в город, или отправляешься к своим друзьям в Ардолию. Так или так — если ты не уберешься через три мгновения, то я силой вобью тебе уважение к влахакам.

Стражник мрачно уставился на священника своими светлыми глазами. Он поднял правую руку, не спуская глаз с Корнеля, и щелкнул пальцами перед его лицом.

Священник солнца закрыл глаза и медленно выдохнул. Он привык к оскорблениям и унижениям. Уже много лет они были его постоянными спутниками. Но на это раз все было иначе. Он был здесь, так как хотел выяснить, что действительно произошло той ночью, когда в крепости Ремис разгорелся пожар. Он был здесь, так как хотел помочь воеводе, возможно, даже предотвратить войну. И внезапно он больше не почувствовал ни малейшего желания позволять тупому стражнику, который явно руководствовался только своими предубеждениями, выталкивать его.

— Послушай, ты, трижды проклятый упрямый болван, — начал он тихим, но твердым голосом. — Твой властитель послал меня выяснить, почему в крепости Ремис разгорелся пожар и насколько вероятно то, что на Влахкис скоро нападёт армия масридов, ссарков и силков. Ты, конечно, можешь оставаться здесь и пыжиться, пока не лопнешь. Или же ты скажешь мне то, что я хочу знать, и я, во-первых, снова быстро исчезну, а во-вторых, больше уже не буду испытывать искушения отправить твой толстый зад в Маги.

Солдат уставился на священника. Он еще никогда не видел Корнеля таким разъяренным. И, явно не зная, что ответить, просто сказал:

— Ситаи и Ялеиа. Я точно знаю, потому что мы так часто говорили о пожаре и о том, что проклятые масриды хотели пробить череп принцу.

— Значит, Ситаи и Ялеиа? И где я в данный момент могу найти их?

— Вы найдете их либо в казарме в крепости, либо в одном из шинков, как я думаю. Но абсолютно точно вы можете встретить их здесь сегодня вечером; на закате начинается их смена... господин, — после некоторого промедления добавил он.

— Я благодарю тебя, — подчеркнуто вежливо ответил Корнель и пошел прочь, оставив стражника в недоумении.

«Пошло-таки, — подумал Корнель с некоторой гордостью, за которую ему сразу же стало стыдно. — Я должен вычистить храм с особой тщательностью, — пообещал он

себе. — Но, по крайней мере, этот жирный дурак дал мне приличный ответ. Теперь мне остается лишь надеяться, что Ситаи и Ялеиа тоже будут к этому готовы».

На следующее утро священник встал очень рано. Он решил как можно скорее выполнить данное самому себе обещание и теперь чистил и украшал храм к утренней службе, хотя до рассвета еще было очень далеко.

Когда он открыл дверь во внутренний двор крепости, чтобы выбросить мусор, то обнаружил, что он не единственная ранняя птичка. По двору бесцельно бродил воевода. Увидев Корнеля, Стен остановился.

— Я приветствую вас, — помедлив, начал священник, не уверенный, что момент подходящий, но ему очень хотелось рассказать о том, что он смог выяснить, и, возможно, сейчас удастся безраздельно завладеть вниманием властителя.

— Воевода? Я вчера поговорил с двумя стражниками ворот Теремии, которые там несли службу в ночь пожара. Они уверены, что по крайней мере через ворота в город силки не проникали. Не было вообще никаких чужих, насколько они смогли заметить. Так что, возможно, силк в темнице говорит правду.

Стен задумчиво кивнул.

— Я думаю, что они еще не выполнили задания, для которого прибыли в Теремию. Но вопрос о том, кто же устроил пожар, остается.

— Господин, вы же знаете, что существует не так много возможностей, правда? Если в крепость никто не проникал, то это должен быть кто-то, кто мог легко войти.

Нахмурившись, воевода спросил:

— Что вы хотите этим сказать, священник?

— Я имею в виду влахака, господин.

Стен устало провел рукой по глазам.

— Влахака, — повторил он. — Собственно, мы знали об этом все время, только не хотели произносить вслух, не так ли? Кто еще мог добраться до комнат Винтилы, не вызвав подозрения? Но от этого положение становится еще более сложным.

«Однако», — подумал Корнель.

— Прорицателю невероятно повезло, что его не было в городе в тот вечер. Тот, кто устроил поджог в его комнатах, точно не стал бы колебаться и ударил его так же, как и моего сына.

Неожиданно у священника промелькнула мысль: «А что, если это была не удача и не благодать духов? Что, если он покинул город, так как точно знал, что будет пожар?»

Но потом Корнель сам обозвал себя дураком. Только то, что они с прорицателем уже много лет были противниками, не делало старика еще и убийцей. Винтила был ментором старшего принца, и едва ли было еще хоть что-то, что было связано с Влахкисом так прочно, как вера в духов.

— Вы правы, господин. Винтиле очень повезло, — смиренно ответил Корнель воеводе.

— Тем не менее силки здесь не без причины, священник. Выполните, пожалуйста, еще одну мою просьбу. Вернитесь как-нибудь с Ионнисом еще раз к пленнику. Даже если он и его товарищи не были в крепости, у них же было задание, и я хотел бы узнать, в чем оно состояло. Узнайте все, что только возможно, любая информация может быть важной для нас.

49

Впервые Ана чувствовала себя чужой в своем собственном теле. Всю жизнь она была чужой — в империи, в стране между гор. Без родины. Она находила общий язык только с наемниками. Но она всегда была самой собой, непоколебимой. По крайней мере так она о себе думала, но это оказалось неправдой.

Натиоле смотрел на нее. На его лице было отчетливо заметно сочувствие. Он говорил что-то, но она не слышала его слов.

Все годы ее жизни Флорес была надежным бастионом. При ней Ана никогда не чувствовала себя чужой. Ее далекий отец любил ее, Ана была уверена в этом, и она знала, что будет печалиться и о нем. Но смерть Флорес была большим горем. Она затмевала все, словно мир Аны разбился, оставив ее ни с чем.

Ана не пролила и слезинки. Боль была слишком большой, чтобы пробиться на поверхность. Не было ничего, что могло бы сравниться с ней, — ни волнение, ни слезы, ни крики. Эта боль выедала ее, оставляя пустой оболочкой, куколкой ее самой, которая бесстрастно смотрела на кузена. Словно кто-то другой занял место в ее теле, кто-то чужой, которого все это не волновало.

— Ана?

Слова Натиоле доносились будто издалека. Она знала это состояние. После некоторых сражений она чувствовала себя похожим образом. Словно по ту сторону этой жизни, словно шаг рядом с миром, но не в мире, где-то за пределами времени и пространства.

— Нам нужно выбраться из этого подвала и Дирии и сразу же возвращаться во Влахкис, — торопил ее кузен. — Страна окружена врагами, а если мы не предупредим отца и других, то придет конец. Не согласишься ли ты... сопровождать нас?

Вопрос оказался неожиданным. Блуждающий далеко разум Аны был жестоко возвращен в настоящее время и место.

— Что, во Влахкис?

— Да. Ты можешь пригодиться нам. Ты и твои наемники. Будет война, и для Влахкиса на кону все, за что мы боролись.

В голосе Натиоле звучала тревога, но на лице было упрямое выражение. Он хотел противостоять всему, что угрожало его родине. Он черпал из этого силу и уверенность. Уверенность, за которую Ана завидовала ему, ведь ее мир потерял свой стержень.

— Я буду сопровождать вас некоторый участок пути. Но потом я должна вернуться и выполнять свои задачи. Это — не моя война.

— Естественно, она твоя, — взорвался Натиоле. — Флорес тоже вернулась, когда Цорпад выступил против Мардева. Она приняла титул воеводы, когда Влахкису грозила гибель. Она знала, откуда она родом!

— Не говори о ней так, словно знаешь ее, — накинулась на него Ана.

В ее душе разгорелась ярость.

Ее мать лежала в земле Ардолии. Она боролась и против, и за масридов, но все же погибла от ненависти, от которой всегда старалась убежать. Кто-то взял на себя такой грех. По густым лесам страны между гор бродили убийцы.

Мысль об убийцах еще больше разожгла гнев Аны. Этот огонь вытеснил холод из ее членов, и она была благодарна ему. Не важно, что произошло, виновные должны заплатить за свои злодеяния.

Невольно ее рука скользнула к короткому мечу на бедре. «Если кто-то и должен отомстить за Флорес, то это должна быть только я. Если кто-то и будет мстить за смерть Тамара, то только я. Кто бы ни скрывался за этим, я найду их, и они заплатят за все, что наделали».

Ана не могла печалиться. Но она могла ненавидеть.

— Я буду сопровождать вас, Натиоле.

Он хотел возразить что-то, но она подняла руку, заставив замолчать.

— Не для того, чтобы бороться за Влахкис, а для того, чтобы наказать убийц родителей. Даже если для этого мне придется перекопать всю страну между гор — они от меня не уйдут!

— В последний раз, Врак: нам нужны эти ненавистные повозки, чтобы выбраться из этого проклятого города. Если тебе это не подходит, то, как по мне, ты можешь оставаться

здесь.

Артайнис услышала голос Керра, едва только начала спускаться в подвал. Тролль бубнил раздраженно и подавленно, словно повторял одну и ту же фразу в сотый раз.

— Это было неправильно — приходить в это проклятое место. Неправильно! Неправильно и глупо! — ответил глубинный.

Потом она услышала удаляющиеся тяжелые шаги.

— Не нужно было брать его с собой, — несчастным тоном произнес Керр.

— Ты не мог этого знать, — ответил голос Натиоле из тени. — Но если бы с нами во время нападения не было Врака, то мы были бы сейчас, наверное, уже в городе мертвых.

— Ни один тролль не хотел бы такого, — категорически заявил Керр.

— И ни один человек...

Натиоле умолк посреди предложения, а тролль скривил губы в улыбку, так как Артайнис повернула из-за угла, при этом громко и отчетливо покашливая, чтобы привлечь к себе внимание.

— На этот раз я заблаговременно подумаю о том, чтобы правильно попрощаться с вами! — заверил рыжеволосую красавицу юный влахак, защищаясь, подняв руки, прежде чем Артайнис успела сказать хоть слово.

— Я здесь не для того, чтобы упрекать вас, — смеясь, ответила она. — Я хотела лишь попросить взять это письмо для Ионниса и пожелать вам удачного пути.

Лицо Натиоле просветлело, и тролль важно кивнул.

— Путь станет удачным, только когда мы окажемся под землей. Но будет труднее добраться туда.

Керр многозначительно показал на низкую дверь, через которую, очевидно, исчез глубинный тролль.

— Я лучше пойду за ним, — пробормотал он с рокочущим вздохом. — Пока он не начал и вправду рыть дыры в земле, как разболтал полугном.

Артайнис подавила смешок, когда Керр выходил.

— Хорошо, что мы уже отправляемся, — заявил Натиоле и положил письмо к своим дорожным вещам. — Только духи знают, сколько еще Врак сможет выдержать в этом подвале. Он как природная стихия. Никогда нельзя предсказать, что он сделает в следующее мгновение.

Они помолчали некоторое время, после чего Натиоле продолжил:

— А вы? Есть ли у вас планы на будущее?

— Об этом вам, наверное, лучше спросить у моего отца, — сказала она, стараясь убрать из голоса всю горечь.

После полной личной свободы, которой она наслаждалась в Теремии, перспектива насильственного брака по расчету, что было наиболее вероятным для нее в империи, казалась еще более ужасной, чем когда-либо.

— Возможно, в момент моего следующего посещения Колхаса вы будете следующей женой Золотого Императора? — спросил юный влахак.

Он задумал эту фразу как шутку, но шутка не удалась.

— Если моему отцу не удастся предотвратить войну между Дирией и Влахкисом, то мы, наверное, больше никогда не увидимся, — горько констатировала Артайнис, и только в тот момент, когда она произнесла это, ей и самой стало ясно, что это было ужасной правдой.

Натиоле смущенно смотрел в пол.

— Простите меня.

Он выглядел таким же потерянным, каким она увидела его в Теремии, когда они вместе ужинали на кухне.

— Если Ана не сможет реализовать свое притязание на трон и если между Ардолией и Влахкисом разгорится гражданская война, то... духи, пощадите мой народ! Дирийской армии нужно будет выждать, пока мы друг друга поубиваем, и тогда она сможет просто беспрепятственно войти в страну между гор.

Керр осторожно взял свой мешок и пощупал, на месте ли копьё. Ради него они проделали все это длинное путешествие, туда и обратно, ради него погиб Цран, ради него, наверное, Влахкис будет втянут в войну.

Снова и снова тролль дотрагивался до куска металла, словно боялся, что тот мог просто исчезнуть, если он не будет этого делать. Но острое копьё оставалось твердым, реальным весом в его руке.

Взгляд Керра перешел на Врака, который бежал на расстоянии нескольких шагов от него. Движение и перспектива возвращения в мир под горами явно оживили дитя Анды, но Керр все еще чувствовал гнев на него. Слишком отчетливо стояла смерть Црана перед его глазами, смерть тролля, которого Врак должен был защитить. «Защитить, как настоящий тролль, — подумал Керр. — Хорошо хоть, что у меня есть копьё. Если исцелить дух темноты, то, возможно, потомство Анды исцелится и наконец станет таким же, как мы».

Они быстро продвигались вперед. Натиоле без устали подгонял их. Керр тоже хотел вернуться на родину, но молодой человек, казалось, особенно спешил, что делало его совершенно неутомимым. Люди несколько раз меняли коней, а также вьючных животных для повозок. Некоторые места им пришлось обойти, в других — троллей прятали на повозках. Но люди охраняли их, не только Натиоле со своими влахаками, но и Ана с семьёю воинами, которые сопровождали их.

С каждой ночью и каждым шагом, который они делали, биение сердца становилось все громче. Его звучание звало Керра домой. Он снова запустил руку в мешок. Хоть копьё и было украшено гравюрами, в конце концов это была простая вещь, металлическое острие, сделанное для того, чтобы ранить и убивать. Керра все еще удивляло то обстоятельство, что такой маленький кусок металла мог нанести ужасную рану Белому медведю. «Приспособления людей. Невзрачные, но коварные. Они делают из слабых существ опасных воинов».

Врак, словно почувствовав мысли Керра, презрительно хмыкнул. Но, вероятно, причиной была всего лишь близость Натиоле и Аны, которая злила глубинного тролля. Через несколько шагов Врак исчез с дороги, окунувшись в темноту и растворившись в ней. Теперь люди не могли обнаружить его, но Керр все еще чувствовал его присутствие. Биение сердца было здесь намного сильнее, и его постоянное звучание успокаивало не только глубинного тролля, но и его самого.

Керр побежал медленнее, чтобы люди на конях смогли догнать. Они тихо переговаривались, но замолчали, когда поравнялись с ним.

— Где Врак? — поинтересовался Натиоле.

Керр пожал плечами в ответ.

До сих пор Ана без приключений вела их, и Керр надеялся, что так будет до тех пор, пока они не доберутся до родных пещер и туннелей. За ними скакал третий человек, женщина, которую звали Скилои. При всей своей скромности она, казалось, обладала тайной силой, так как и Натиоле, и Ана обращались с ней со странной смесью уважения и осторожности. Она держалась от них на расстоянии, но ветер периодически доносил до Керра ее запах.

Через него прошел дреег, проникнув в каждую клеточку тела, сильный и чистый. Воздух пах родиной; он был прохладным, предвещающим скорый снег. Но еще пахло горами, скалой и туннелями. «Возвращение домой». Тролль наслаждался звучанием этих слов, силой, которую они ему придавали. Уже скоро они больше не будут во власти беспощадного солнца, а снова будут хозяевами самих себя. Тролли в глубинах мира, там, где им и место.

— Ты найдешь вход? Если вы еще никогда не были по эту сторону гор... — начала было Ана, но Керр перебил ее:

— Я уже сейчас чувствую входы. Я слышу их запах, ощущаю расщелины в скале. Не волнуйся. Кроме того, кто говорил, что тролли никогда не были по эту сторону ваших гор?

— Я подумала, просто...

— Наша родина лежит также и по эту сторону гор. Туннели длинные. Но мы редко сюда ходим. Это часть гномов, и она отдалена от дреега.

— А твоё племя? — поинтересовался Натиоле.

— Я найду его. Так же как и вы найдёте свои племена.

— Не все из нас, — пробормотал юный влахак.

Керр удивленно наострил уши. Рядом с ним тихо вздохнула Ана.

— Что это значит? — спросил Керр.

Натиоле хотел было ответить, но Ана опередила его:

— Мой кузен думает, что я принадлежу стране между гор. Моей семье.

— Но ты же родом из другого места, — неуверенно сказал Керр. — Из Колхаса?

— Нет, не так. Мы всегда много путешествовали. Туда, где нас ждали заказы. Но я думаю, что моё племя, — она ощутимо подчеркнула слово, — это мои товарищи.

— Флорес была сильным воином, — уверенно сказал тролль.

Как всегда, когда речь заходила о тонких аспектах жизни людей, он был осторожным.

— Она всегда боролась вместе со Стеном и с нами.

— Я знаю. Я много думала об этом.

Её реакция удивила Керра. Ана казалась подавленной. Наморщив лоб, он посмотрел на Натиоле, который устался в землю и слегка покачал головой.

— Это была хорошая битва, — серьёзно заявил Керр.

— Ты должна вернуться, — вмешался Натиоле. — Так или иначе. Домой.

— Возвращение домой — это хорошо, — подтвердил Керр, потом поднял голову.

Перед ними поднимались далекие макушки Соркат. В лунном свете белые вершины холодно мерцали. Тропинка вела прямо к перевалу, и казалось, будто уже прошла целая вечность с того момента, когда они проходили здесь в другом направлении. Но взгляд Керра все время обращался к горам, скользил по серому камню, пока не нашел то, что уже почувствовало его сердце.

— Там.

Этот вход почти невозможно было рассмотреть, он больше напоминал выступ. Но Керр знал, что за ним — маленькая пещера, которая сначала была узкой, но потом расширялась. Оттуда брал начало туннель, который и поведет их в глубины мира.

— Мы доберемся до гор еще до восхода солнца, — с удовольствием констатировал тролль.

«И больше никаких небесных огней!»

— Наконец-то, — прогремел Врак, который отделился от тени меж двух каменных глыб.

Дитя Анды потирало руки, и впервые за долгое время его лицо расплылось в некое подобие улыбки.

— Больше никаких ненавистных повозок, проклятого солнца и проклятых людей!

Не обращая внимания на взрыв Врака, Керр сказал:

— Мы в темноте доберемся до пещеры. Как только все отдохнут, мы продолжим путь по туннелям. Вашим животным туда нельзя. По нашему миру ходят только пешком.

Оба человека молча кивнули. Казалось, горы подавляли людей, в то время как Керра их близость воодушевляла. Он освободился от бремени последних дней. Он больше не был пленником мира, которого не понимал, а снова был полностью троллем. После того как он столь долго прислушивался к советам людей, он снова сможет быть просто Керром, к совету которого прислушивались и уважали не только в племени, но и за его пределами.

Врак, который должен был чувствовать это еще сильнее, чем Керр, просто отшвырнул воспоминания об империи. И словно его подменили, словно он не провел много дреегов на поверхности. Глубоко в душе Керр почувствовал зависть, когда заметил изменение во Враке.

Но потом он вспомнил историю своего народа. «Мы учимся на своих ошибках. Мы не забываем, мы записываем. Это сильно, не слабо». Но когда они наконец добрались до пещер, все эти мысли ушли и его приняла благодатная темнота.

Они отдыхали полдня. Пока Керр медленно жевал кусок сухого мяса, к нему присоединилась Ана. «Скоро, уже совсем скоро я больше не буду есть это сухое дерьмо». Тролль тосковал по свежему мясу, по крови и хрящам.

Сначала женщина, казалось, не собиралась говорить, она только смотрела на него. Но потом она сказала:

— Здесь вы дома.

Не совсем понимая, к чему она ведет, Керр только согласно пробурчал.

— По ту сторону гор лежит страна. Страна моих предков. И тем не менее у меня нет чувства, что я возвращаюсь домой.

— Вы, люди, — другие. Мы, тролли, знаем, к чему принадлежим. Сердце бьется здесь, наша жизнь здесь. Там, снаружи, — он показал неопределенным жестом в сторону выхода, — в империи, — это не для троллей. Я чувствую это, Врак и Цран чувствовали это. Здесь... правильно.

— В Ардолии стоит осиротевший трон. Я могла бы претендовать на него, совершенно однозначно. Если я не смогу отстоять свое притязание, то на трон моего отца сядет другой, и тогда, скорее всего, будет война.

— Всегда есть война.

Люди иногда слишком много думали. Время научило Керра одному: война вечна. А как можно еще избрать нового предводителя, если не в бою? Если не знать, кто самый сильный или ловкий, то как можно узнать, кому вести племя?

Он и Ана сидели несколько в стороне от других. Врак забился в темноту, как можно дальше от солнца, в то время как люди расположились у самого входа в пещеру, наслаждаясь последним светом.

— Но я могла бы предотвратить ее. Если мне удастся отвоевать трон. Если бы я не была бастардом, полувлахакским бастардом. Племя ведет самый лучший. Нужно уметь защищать свое притязание. Кто не может, за тем никто и не следует.

Они помолчали некоторое время, Керр продолжал чавкать.

— Как ты стал предводителем троллей? — внезапно спросила Ана. — Твой отец или твоя мама были главными?

Он медленно покачал головой.

— Я — не их предводитель. Только тролль, которого слушает предводитель. Иногда. Женщина тихо рассмеялась.

— Ты говоришь почти как Сарган.

Тролль удивленно приподнял брови.

— Как полугном? Только не говори это при Враке.

Оба снова посерьезнели. Керр почувствовал, что Ана размышляет, но он сам не знал, что сказать относительно ее беспокойства. Для него все было просто: бороться, пока враг не будет побежден или уничтожен или ты погибнешь сам. В таких вещах он никогда не понимал людей. Тролль не мог понять нерешительности этой воительницы. Некоторое время Керр и Ана молчали. Женщина вздохнула.

— Тяжело, когда твой мир разбивается. Верх становится низом, правильное — неправильным, правда — неправдой. Больше не знаешь, где стоишь. Где можно стоять.

— У тебя две ноги, так? Вместо того чтобы думать о том, куда они подходят, ты должна просто стать ими на землю. Я никогда не думал о том, хочу стать советником или нет. Я говорил то, что считал правильным, и Пард с Турком слушали меня, если это то, что ты хочешь услышать. Мы, тролли, живем в простом мире, — добавил он.

— Простой мир, — повторила женщина. — Черное и белое. К сожалению, у нас все в большинстве случаев не так просто.

Керру хотелось сначала сказать, что в этом виноваты сами люди. Это они делали мир сложным. Но он промолчал, так как она не поняла бы его. Какими бы хитрыми ни были люди, в некоторых вещах они проявляли просто непостижимую глупость.

Ана медленно поднялась. Она потянулась и пристально посмотрела на тролля.

— Но в одном ты, наверное, прав. Иногда нужно просто принимать решения. Я пойду к Скилои, выясню, что она думает по этому поводу. Она знает Ардолию и масридов лучше меня.

52

Это была странная смесь предвкушения и нервозности, которая полностью завладела им. Его планы наконец начали осуществляться, теперь уже за пределами посвященного круга. Но теперь его замыслы открыл не кто-то там, а старый лис лично. Ларцанес уже предупреждал его о нем, и они вместе обсуждали стратегию. Тем не менее то, что Камроса пригласил к себе Сарган Вульпон, был не только честью, но и небезопасным вмешательством.

Дворец хозяина был драгоценностью, но при этом без чванства. Камрос заметил это, еще когда его вели через внутренний двор владений Саргана, благородные материалы, но также и то, что богатство было выставлено напоказ гораздо тоньше, чем у иных выходцев из низов. Он прекрасно понимал подсознательное послание: Саргану не нужно было слишком явно демонстрировать свое состояние и он умел идеально балансировать на тонком крае между соответствующим и чрезмерным. «Ларцанес говорил, что Сарган Вульпон — опасный человек. При виде всего этого его слова обретают вес».

Раб вел Камроса дальше, они поднялись на одну ступеньку и прошли через арку, в которой на ветру легко колыхались шелковые занавеси.

— Ты, должно быть, Камрос, — принял хозяин чиновника с широкой улыбкой.

Сарган был маленького роста, коренастый, и едва ли можно было поверить в то, что за приветливой радостной маской скрывается ум, который создал все это богатство. Камрос еще раз напомнил себе о том, как этот человек опасен. «Другие семьи пали в беспокойные времена, но Сарган обошел все препятствия. Более того, он создал основу для новой династии».

— Да, это я. Я потрясен твоим гостеприимством, Сарган Вульпон. Твой дом — настоящее загляденье, а твое чрезвычайно великодушное приглашение — безмерная честь для меня.

— Твои слова стыдят меня, Камрос. Мои скромные средства не могут уравниваться с ними, и я выгляжу хвастуном, — ответил Сарган и поднял руку, когда Камрос хотел возразить. — Нет, нет. Сохрани все похвалы до окончания трапезы. Тогда я с удовольствием приму их.

— Как пожелаешь.

Камрос склонил голову на несколько ударов сердца больше, чем это требовалось. Уже своими первыми фразами Сарган аккуратно изменил традиции, как раз настолько, чтобы сделать ненужными обычные пустые формальности. Из своей мнимой слабой позиции он мог действовать с силой, причем у гостя он отнял эту возможность. Камрос гораздо больше наслаждался беседой с Сарганом, чем многими и многими другими беседами, проведенными в последнее время. «Для этого я и стал чиновником. Чтобы помериться умом с такими людьми, как Сарган Вульпон».

— Пожалуйста, проходи. Я велел накрыть на террасе. В такие ясные дни, как сегодня, открывается хороший вид на город.

Камрос молча последовал за хозяином. Внутреннее убранство дворца было подобрано не менее искусно. Здесь царила особенная скромность, которая тем больше подчеркивала драгоценности.

Они прошли через длинную комнату с еще одной аркой прямо на террасу. Вид был

действительно впечатляющим, но первый взгляд Камроса был обращен к столу и слугам, которые услужливо стояли поблизости. Низкий стол был накрыт богато, как раз так, как чиновник и ожидал. Он уже хотел внутренне презрительно ухмыльнуться, так как посчитал, что насквозь видит игру Саргана в показушную скромность. Но тут из тени занавесей вышла молодая женщина. Ее одежда была изысканной: кипасис из темно-красной материи, украшенный золотой вышивкой, скромный макияж, глаза благовоспитанно опущены.

— Ах, это моя дочь Артайнис. Она составит нам компанию во время трапезы.

— Я рада иметь возможность познакомиться с вами, Камрос, — произнесла девушка с изысканной вежливостью. — Ваш визит делает нам честь и украшает дом моего отца.

— Это и для меня большая честь. Но какой дом нуждается в еще большем украшении, когда под его крышей уже живет такая благородная красота?

Слова легко текли с уст Камроса, даже если мысли лихорадочно пытались приноровиться к новой ситуации. То, что будет присутствовать дочь хозяина дома, было более чем необычно, хотя, естественно, не шло вразрез с традициями. «Чего Сарган хочет достичь этим? — спросил себя Камрос, но сразу же и дал себе ответ: — Вывести меня из равновесия. И если я не смогу приноровиться, то это удастся ему».

— Артайнис обучали искусству общения, — мимоходом объяснил Сарган, опускаясь на сиденье и указывая правой рукой в кольцах на место напротив, которое Камрос с удовольствием занял. — И она сможет подавать нам еду. Я не люблю присутствия рабов во время трапезы.

— Хороший материал найти сложно, — согласился с ним Камрос, на что Сарган вздохнул.

— Действительно. Хорошее встречается редко. Артайнис — моя самая послушная дочь, настоящий драгоценный камень скромности и добродетели. Любой отец гордился бы такой дочерью. Во время обучения она проявляла себя очень одаренной.

— Это заметно.

— Некоторые говорят, что она очень похожа на отца, — продолжил Сарган, при этом взял лепешку, от которой еще шел пар, и осторожно разломил.

Запах свежего хлеба сразу же наполнил воздух, и у Камроса аж слюнки потекли. Но замечание собеседника навело его на другие мысли. «Она обучена, как ее отец, — пронеслось у него в голове. — А мы все знаем, какая у него профессия. Так зачем он упоминает это обстоятельство? Такая дочь очень ценна... Может быть, он хочет предложить ее мне?»

— Папа, — вмешалась Артайнис и сладко улыбнулась Камросу. — Это неловко.

— Вот видишь. Любящий отец делает «неловко» для своей дочери. Куда только катится этот мир?

— Туда, куда захочет Золотой Император? — ответил Камрос и прикрыл глаза.

Он позволил Артайнис налить охлажденного белого вина, в которое добавил несколько кубиков льда из шкатулки с толстыми стенками. Прохладный напиток освежал, так как, несмотря на легкий ветер, под тентом было довольно тепло. Камрос набрал еды на свою серебряную тарелку. Очень нелегко было сделать выбор среди всех деликатесов, поэтому он взял много от всех блюд. Ароматный хлеб, к нему два паштета из нута и чеснока, тушеная рыба шакал, которая, несмотря на отталкивающее название, была настоящим наслаждением для гурмана. Замоченные в молоке молодые змеи, мясо которых было таким нежным, что буквально таяло на языке. Кроме того, была холодная козлятина, немного баранины, пиала с пряными, замаринованными в растительном масле оливками и много других яств. Чиновник и не ожидал меньшего.

При этом они болтали непринужденно, но настороженно, как два дуэлянта. Сарган был отличным хозяином и, казалось, совсем не стремился к тому, чтобы вывести Камроса из равновесия. Его дочь большую часть времени молчала, лишь изредка вставляла короткий комментарий. Она действительно оказалась образованной и умной, так что Камрос уже скоро наслаждался ее присутствием и все серьезнее взвешивал возможность установления

длительной связи с Вульпоном.

После главной части трапезы рабы убрали блюда, принеся взамен другие теплые напитки и сладости, в том числе медовые пирожные, которые явно только достали из печи.

Пока Камрос раскладывал пальцами засахаренные фрукты на пирожное, Сарган начал развлекательную часть вечера:

— В бюрократии волнения.

Предложение было произнесено мимоходом, и никто из трапезничающих вроде как не придавал ему особого значения, но Камрос в душе улыбнулся. Поэтому он был здесь, поэтому Сарган пригласил его. Он вспомнил разговоры с Ларцанесом и решил следовать совместно выработанному плану.

— Неужели?

— О, да. Говорят о том, что Золотой Император рассержен.

— Что же вызвало гнев помазанника?

— Поведение его гостей. Ты же знаешь, варвары с юга, из этой маленькой страны. Влахкиса.

— А. Ну, они проявили такое жалкое отсутствие рассудка и цивилизованности, причем продемонстрировали это так ярко.

— Действительно, — невозмутимо ответил Сарган, не отрываясь от подслащенного яичного крема, который ел как раз в этот момент. — Причем это значит, что нелепости были и остаются...

— Нелепости? Очень любопытно.

— Солдаты, которые не служат в гвардии. Наемники, которые, возможно, будут задействованы...

— Я слышал об этом. Но, к сожалению, все, кто мог бы рассказать об этом больше, погибли от ужасных клыков троллей. Разве не ты когда-то написал книгу об этих существах?

Сарган откашлялся.

— Я хорошо знаю их привычки. Тем больше меня удивляет их поведение.

— Людоеды, — легко возразил Камрос. — Варвары. Такие они и есть.

— Однако это не то, что волнует бюрократию, — начал Сарган, но, прежде чем он успел продолжить, Камрос перебил:

— Даже если они еще обитают под городом... Что за ужасная мысль! Разве это не ты объяснил нам, что они в некотором роде хорошие... землекопы?

Сарган проигнорировал вопрос.

— В основном речь идет о том, что некоторые чиновники более чем приветствуют перспективу возможной войны.

— Ты имеешь в виду войну против Влахкиса? Против преступников, которые посягнули на жизнь нашего любимого императора?

— Да, — ответил Сарган, и теперь его глаза зафиксировали чиновника.

Его рот еще слегка улыбался, но во взгляде появилось оценивание. И что-то другое. Вид хищника, который придавал такому благодушному человеку угрожающий вид. «Он совершал убийства для императора, — вспомнил Камрос. — Он этими пальцами лишал жизни. Только нельзя давать ему усыпить себя приветливостью!»

— Справедливое дело, как я считаю. Нападение на божественное тело Золотого Императора нельзя оставить безнаказанным. Что подумают другие варвары, когда узнают об этом? Так что призыв к войне вполне справедлив, если ты меня спросишь.

— Это я и делаю, однако ты должен понять, что у меня... есть связи с Влахкисом. Точнее говоря, с обеими частями страны. У прибыльной торговли есть неприятная особенность — становиться менее прибыльной во время войны.

— А зачем ты мне об этом говоришь? — невинным тоном спросил Камрос.

Но ответила ему уже Артайнис:

— Потому что все нити этой планируемой войны ведут к тебе.

Сарган и Камрос боролись на острых клинках, но девушка использовала молот.

— Так как это твое имя постоянно звучит. И так как существует еще не подписанный документ, назначающий тебя сатрапом Влахкиса, как только страна между гор будет завоевана.

С лица Камроса исчезла улыбка. Маленькая девушка нравилась ему с каждым словом все меньше. Он коротко взглянул на Саргана, который позволил высказаться своей дерзкой дочери, не противореча ей. О его назначении сатрапом уже говорили посторонние, хотя об этом не должно быть известно никому, кроме узкого круга посвященных... Факт, что Сарган знал об этом, — и об этом сказала его дочь! — отрезвил Камроса и заставил его стать еще осторожнее.

— Это большая честь, что мне предложат такой крупный пост. И, уверяю тебя, я сделаю все возможное, чтобы твои *прибыльные* связи с Влахкисом не оборвались.

«Возможно, он действительно хочет лишь защитить свое имущество. Простое дело, короткое рукопожатие, и дело сделано».

— Это очень великодушно с твоей стороны, — ответил Сарган и отпил глоток чая. — Хотя мне больше нравится настоящая ситуация, твое предложение делает тебе честь.

С максимальным смирением, которое он мог изобразить, Камрос склонил голову.

— Но идея военного похода мне вообще не очень нравится, — продолжил Сарган. — У нашей армии есть более срочные задачи, чем отсталая бедная страна, жители которой слишком нецивилизованны и дики, чтобы завоевывать их. Не говоря уже о людоедах.

— Тогда изложи свои мысли открыто, — посоветовал Камрос, хорошо зная, что его план уже не остановить.

Слишком многие задействовали свое влияние для него, чтобы один человек, пусть даже очень влиятельный, смог изменить что-нибудь.

Как и ожидалось, Сарган покачал головой.

— Нет. Я всего лишь старый человек, который не может удержать свои мысли при себе. Мне не пристало устанавливать цели для наших солдат.

— После такого покушения каждый правильный дириец должен стремиться только к нанесению ответного удара, — самодовольно заявил Камрос. — Даже если, или как раз если, у кого-то есть определенные связи. Мы же все патриоты.

— Конечно, — ответил Сарган и улыбнулся Камросу.

Но его дочь надела бесстрастную маску и снова молчала, как ей и подобало.

Они поговорили о том о сем, покурили немного экзотических трав с востока, пока Камрос не почувствовал себя совсем легким. Разговор стал безобидным, никто не приближался к рифам, которые они только что обошли. Они поговорили о переполненном городе, скудных урожаях и о результатах недавних состязаний на колесницах. Камрос уже было решил, что Сарган хотел лишь выбить разрешение на торговлю с Влахкисом, и решил в знак доброй воли заранее просигнализировать ему о своем согласии.

Но когда Сарган уже прощался с ним, дело неожиданно снова приняло серьезный оборот.

— Не забывай, Камрос, империя любит победителей. Но еще больше она любит свергнутых героев. Так как ими можно насладиться сполна.

— Что? Ты угрожаешь мне?

Камрос сразу же пожалел о своих поспешных словах. Он быстро взял себя в руки, но Сарган улыбнулся, словно знал больше, чем чиновник.

— Просто совет старого человека. Прими его, если хочешь. Я не в том положении, чтобы угрожать тебе.

— Иногда нужно просто наблюдать за бегами и принимать, что твоя команда проиграла, — процитировал Камрос популярную дирийскую пословицу.

— Как это верно, — ответил Сарган. — Но считается лишь тот, кто первым добежал до цели, а не кто дольше шел к ней.

— Естественно, — начал Камрос, но потом закрыл рот, так как находчивость как раз в этот момент подвела его.

— А тому, кто приглашает троллей на танец, не стоит потом жаловаться на то, что будут болеть ноги, — сказала Артайнис со сладкой улыбкой.

С вынужденной улыбкой Камрос кивнул и удалился.

Раб провел его к паланкину. Хотя это было и невежливо, чиновник украдкой бросил взгляд назад. Сарган и его строптивая дочь сидели за столом, спиной к Камросу и о чем-то шептались.

Откидываясь на мягкие подушки паланкина, Камрос точно знал одно: как только он станет сатрапом, то настолько обескровит страну между гор, что Сарган не сможет заработать там достаточно денег даже для покупки сухой лепешки. Эта мысль развеселила чиновника и прогнала неприятные волнения, которые вызвали в его голове слова Саргана.

53

Выходя с Ионнисом во двор, Корнель понял, что дождь скоро сменится снегом. Ветер с Соркат с каждым днем становился все холоднее, а осень приближалась к концу. Город и крепость больше не были переполнены людьми. Хотя в Теремии поселилось большинство бояр, как это было принято зимой, их эскорты за последние недели поредели. Многих солдат отправили назад в свои земли, чтобы они помогли в уборке урожая. Что бы ни произошло, в этом году войны уже не будет, даже если воевода и усилил укрепления и отряды на границе с Ардолией. Только сумасшедший будет начинать сейчас военный поход.

Путь Корнеля и юного принца вел мимо стройки, где из руин снова медленно поднималось главное здание крепости. Зима заморозит и эти работы, но была еще надежда, что до тех пор успеют воздвигнуть хотя бы первый этаж. Здесь работали лучшие ремесленники города, и Стену уже показывали проекты новой мозаики, которая должна украсить стены.

Вслед за Ионнисом Корнель спустился в темницу крепости. Они хотели еще раз допросить силка, правда большинство его ответов уже знали почти наизусть.

Когда они вошли в камеру, человек сразу поднял голову. Было заметно, что долгое пребывание в темнице сказалось на нем. Он стал бледнее, под глазами залегли темные круги. Узнав Ионниса, он снова лег на соломенный матрац, словно догадывался, что сейчас последует. Корнель почувствовал почти жалость к наемнику.

Ионнис начал разговор, и чужие звуки так быстро слетали с его губ, что Корнель даже не мог выделить слов. Силк давал односложные ответы, которые священник так часто слышал, что уже почти понимал.

Да, они пришли из империи. Да, они следовали за Флорес. Да, они напали на нее и маршега из укрытия, прежде чем приехать в Теремию. Нет, они никогда не были в крепости города. Да, они встречались со своим заказчиком. Да, он однажды появлялся в их лагере в сопровождении другого. Нет, силк не знал его имени. Да, он мог обоих описать.

Но описание было бесполезным. Двое мужчин, один немного выше другого, в простых серых туниках. Темные волосы, без бород. Никаких шрамов, ничего, чтобы можно было бы выделить. В одной только Теремии жили сотни мужчин, подходящих под это описание. А ведь заказчики могли оказаться Божественный свет знает откуда.

— Все как всегда, — устало заявил Ионнис. — Человек с сумкой, полной золота, и его подчиненный, наглец. Он считает, что они выглядели как влахаки.

Корнель вздохнул. Голова снова разболелась. Слишком мало сна или слишком много забот. Он должен был еще подготовиться к завтрашней молитве, и все эти вопросы внезапно показались ему бессмысленными.

— Мужчина с золотом и наглец, — повторил он.

Они уже слишком часто это слышали.

— Два влахака. Золото и наглец.

Его голос превратился в едва внятное бормотание.

— Человек с сумкой, полной золота, отдавал им приказы. И его спутник, наглец...

Неожиданно Корнель запнулся.

— Наглец, почему наглец?

Ионнис быстро перевел вопрос силку. Пленник немного выпрямился, поднял руку и щелкнул пальцами. Корнель озадаченно покачал головой, в то время как Ионнис спросил снова. Когда силк ответил, юный принц быстро перевел:

— Наглец часто щелкал пальцами. Для силков это... оскорбление. Это означает... когда говорят... что другой кастрат.

Корнель с удивлением переводил взгляд с Ионниса на силка и обратно.

— Почему мы раньше не спросили?

— Потому что это не казалось важным? Потому что никто об этом не подумал? К чему это нас приводит?

— Я не знаю, — ответил Корнель, но его охватило беспокойство.

Было такое ощущение, словно у него на языке вертелось какое-то слово, но ускользало от него. Какая-то мысль танцевала прямо под поверхностью его сознания, различимая, но неуловимая. Его усталость улетучилась, а мысли понеслись.

— У нас есть еще вопросы? — спросил Ионнис.

— Что? Э, нет. У меня нет. Пойдемте?

Когда они выходили из помещения, пленник снова развернулся на матраце, лицом к стене.

Корнель вспомнил тело Тамара Бекезара, которое лежало в капелле. О ранах марчега и Флорес, которую просто зарыли в горах. Силки были убийцами, наемниками, которые убивали за деньги. Никто из них не заслуживал жалости.

Когда они вышли во двор, к дождю уже действительно подмешивались первые мокрые хлопья снега. Отряд закутанных в шерстяные накидки солдат прошагал через двор. Это была новая смена стражников у ворот. Солдаты, заканчивающие службу на сегодня, добродушно смеялись над новоприбывшими, указывали на небо и усмехались. Неожиданно один из новой смены поднял руку и щелкнул пальцами перед лицом уходящего.

Корнель замер посреди двора, уставившись на солдат. Он почувствовал себя так, словно в него ударила молния и его замутненный разум просветлел.

54

Он ждал. Он редко бывал достаточно терпелив, чтобы долго оставаться на одном месте, но сейчас это было нетрудно. Он отклонился от своего первоначального плана подняться прямо на поверхность. Он не мог сказать почему. Ноги просто несли его в другом направлении, но он знал, что это правильно. Он чувствовал это по биению сердца, и он доверял этому инстинкту. Он охотился, собирал лишайник, шел туда, где он должен оказаться.

Он не добрался до конца последнего туннеля. Он редко так близко подходил к поверхности и чувствовал, что идти дальше нет необходимости. Но он улавливал все запахи — растений, животных, воды. Весь мир по ту сторону его родины, неизвестное, чужое. Хороший охотник уважал то, чего не знал, а Ацот был хорошим охотником.

Они пришли через несколько дреегов. Ацот почувствовал их издалика. Не только Керра и другого из потомства Анды, но и *людей*. Потом их запах наполнил туннель, нежеланный и чужой, так же как и запах троллей, но все же не совсем так. Он знал, что Керр тоже почувствовал его, и группа направилась к Ацоту.

Об их приближении сообщил мерцающий свет, и Ацот оскалил клыки. Свет был слабым, но все равно жег глаза и кожу.

— Ты — Ацот, — просто сказал Керр, подойдя к нему.

Дитя Анды кивнуло. Свет отшатнулся от него, некоторые люди раскрыли рты, отошли назад, но он не обращал на них внимания. Они были не важны — маленькие и слабые. Их жизнь ничего не значила для него, и их страх ударил ему в нос.

— Я ждал тебя.

Другой протиснулся мимо Керра. Темная кожа и черные глаза говорили о его происхождении. Его тяжелый запах донесся до Ацота.

— Я — Врак.

Ацот напряг мышцы, ожидая вызова. Рев противника прошелся эхом в темноте, он ударил себя в грудь. Теперь и Ацот оскалил зубы.

Быстро последовало нападение. Врак был сильным, опытным охотником. Его когти вырывали борозды на коже Ацота, кровавые раны, хорошие раны. Ацот ударил в ответ, его кулак попал Враку в череп. Их тела налетели друг на друга, воин на воина. Впервые в жизни Ацоту пришлось отшатнуться в бою, когда Врак набросился. Его ноги скользнули по скале, нашли опору, и он стал упираться, противостоя силе противника.

Они забыли обо всем в этом мире. Считались только борьба и победа.

Оба противника налетели на стену, на них посыпалась каменная пыль. Врак снова заревел, когда Ацот схватил его за глотку и прижал к прохладной скале. Затем Врак нанес удар Ацоту, отогнал его, бросился всем телом на противника, и они повалились на пол. Когти разрывали плоть, клыки вгрызались в кожу, что-то сломалось в руке Ацота, когда Врак перекатился по ней. Снова и снова он наносил удары Враку в висок. Противник уперся коленом в его грудь. Кровь смешалась во рту Ацота с горечью поражения. Он взвился, резко двинул плечами. Когда Врак упал, Ацот дернулся за ним. Его рука горела при каждом движении, словно в огне, но он все равно ударил и не прекращал до тех пор, пока Врак не показал глотку.

Ацот обессиленно откатился в сторону, прислонился к стене. Он тяжело дышал, тело было усеяно ранами, но разрывы уже начали закрываться.

— Это правда, что говорят о тебе, — прохрипел Врак и сплюнул темную кровь на пол. — Ты — сильный.

Прежде чем Ацот смог ответить, к ним приблизился свет людей. Силуэт Керра отбрасывал на них тень.

Не желая, чтобы его видели даже хоть немного ослабленным, Ацот поднялся, хотя все тело болело. Поводя плечами, он надул губы и потер кожу на груди, отчего размазал кровь, и его ноздри затрепетали.

Врак рядом с ним остался на четвереньках.

Керр посмотрел на них.

— Что произошло, пока меня не было? — наконец поинтересовался он.

В воздухе тяжелой пеленой висел страх людей, но Керр не показывал страха, и пах он только любопытством.

— Ничего. Мир — неизменен.

— Нам нужно отвести этих людей на поверхность. По ту сторону гор. А потом я хочу попасть к Духу темноты. Ты со мной?

— Думаю, для этого я здесь.

Керр принял его слова простым кивком. Он посмотрел вверх.

— Между людьми будет война.

Ацот пожал плечами. Его это не волновало.

— Я буду созывать племена, чтобы помочь людям. Ты будешь сражаться с нами?

— Там, наверху?

Мысль о верхнем мире наполняла Ацота отвращением.

Когда Керр кивнул, он сплюнул.

— Это не место для троллей. Если люди будут вести свои войны под землей, то я буду бороться.

С этими словами он развернулся и зашагал вперед, в темноту, прочь от ненавистного света. Путь сквозь горы был не очень далеким, и он хотел как можно скорее отвести людей туда, куда хотел Керр. «Они принадлежат к миру наверху. Они не должны быть здесь». Возможно, они и сами знали это или по крайней мере догадывались, так как держались от

Ацота подальше, хоть и следовали за ним. И это было хорошо.

55

Воевода изо всех сил бежал через двор. Стен знал, что ему не подобало так спешить и все, кого он встречал на своем пути, с удивлением смотрели на него. Но сейчас формальности не волновали, и он сбежал по лестнице по крепостной стене, перепрыгивая через две ступеньки.

Затем Стен стал жадно всматриваться вперед, в город. Теремия все еще была переполнена, и в этот холодный зимний день на улице было необычайно многолюдно. Дыхание Стена было прерывистым, отчего в прозрачном воздухе образовывались маленькие облачка, которые тут же уносило ветром.

Потом он наконец обнаружил то, что искал. Маленькая группа, в основном на конях, темная на фоне заснеженных улиц, приближалась к замку, пока наконец не остановилась перед воротами. Картина была нечеткой, так как глаза воеводе застилала слезы. Он сжал руки в кулаки, потом раскрыл ладони и глубоко вдохнул.

Он осознавал, что его в таком состоянии видят подданные, но мысли были только о сыне.

Когда Натиоле наконец взглянул вверх, Стен поднял руку, и тот ответил на его простое приветствие. Даже на таком расстоянии было заметно, что им пришлось пережить много лишений; трудности долгого пути наложили отпечаток и на их лица. Затем отряд зашел в тень ворот, и Стен помчался вниз, во двор. Он пытался контролировать свои чувства, но при виде Натиоле, который спешил так медленно, словно старик, ему показалось, что его сердце разорвется.

Он быстро зашагал к сыну и, прежде чем тот успел сказать хоть слово, обнял его. Помедлив мгновение, Натиоле тоже обнял отца. Воевода наслаждался близостью сына, ему нужно было почувствовать, что тот вернулся к нему живой и невредимый. Только потом он нехотя отпустил его.

— Натиоле... Как хорошо видеть тебя снова, — сказал он, стоя от него на расстоянии вытянутой руки и внимательно рассматривая.

Поездка изменила юного принца; это было очевидно. Пыль дорог, щетина, темные круги под глазами... Но в сыне появилось еще что-то, чего раньше не было. «Он повзрослел. И обрел силу».

— Отец... У тебя все хорошо? А где Ионнис?

— Твой брат сейчас будет здесь. Он выздоровел и, так же как я, рад твоему возвращению, — сказал воевода, и Натиоле с облегчением улыбнулся.

Но потом глаза юного влахака вновь посерьезнели.

— Подожди лучше, пока я сообщу вам о своей поездке, а уж потом будешь судить, — ответил принц необычно официально.

Он бросил быстрый взгляд на своих спутников. Их вернулось всего пятеро. С печальным выражением Стен посмотрел на солдат из эскорта Натиоле, но все равно покачал головой.

— Ерунда. Что бы ни произошло, хорошо, что ты здесь. Что вы все здесь.

Он повернулся к двум стражникам, которые стояли во внутреннем дворе и наблюдали за прибытием принца.

— Позаботьтесь об их конях. Дайте солдатам все, что нужно. Еду, воду, постели.

— Империя собирается в поход против Влахкиса, — прошептал Натиоле, подойдя на шаг ближе и притянув к себе отца за плечо. — Война неизбежна. Нам нужно вооружаться.

Эта новость застала Стена врасплох, но тем не менее ему удалось сохранить спокойное выражение лица.

— Дирийцы хотят напасть на нас? Почему, о духи? — прошептал он сыну на ухо. — Что там тролли натворили?

— Тролли и империя не подходят друг другу, отец. Но они получили копье, и Керр пообещал, что поможет нам в будущей войне.

Стен на мгновение закрыл глаза, пытаясь осмыслить новую информацию.

— Зимой никто не начинает войны, — рассудительно сказал он. — Соркаты защитят нас до весны. У нас достаточно времени, чтобы подготовиться. Сегодня мы поговорим об этом на совете, который я и так созвал для Ионниса и Корнеля. Возможно, это образумит масридов, кто бы там ни пришел к власти.

— Возможно, это будет Ана.

Стен удивленно взглянул на сына, и тот продолжил:

— Она сопровождала нас и троллей. Цран погиб в Дирии, и без нее я с Керром и Вракком никогда не выбрался бы из Колхаса живым. Но мы разделились. Она отправилась в Турдуй. Она хочет занять место отца.

— Великолепно! Если Ана станет марчемом, то масриды будут чтить соглашения Тамара, — заявил воевода. — Я уверен, ее отец хотел бы, чтобы она унаследовала трон.

Больше он не успел ничего сказать, так как в этот момент к ним подбежал младший сын. Натиоле просиял и обнял Ионниса.

Несмотря на плохие новости, которые принес Натиоле, на сердце у Стена было легко, когда он смотрел на сыновей.

— Добро пожаловать домой, — пробормотал он.

56

От пребывания под землей Керр не только успокоился, это невероятно оживило его. Он чувствовал себя свободно, как никогда, хотя туннели и пещеры, естественно, ограничивали пространство. Несколько раз им приходилось буквально протискиваться через узкие расщелины. Но любая дыра, в которую могли пройти Врак с Ацотом, для Керра вообще не была препятствием.

Хотя Врак был мощным, значительно крупнее Керра, Ацот превосходил даже того. Если бы у потомства Анды был кто-то вроде предводителя, то им стал бы только Ацот, который прошел через множество битв неизменным победителем. Ацот уверенно вел их все глубже, по дорогам, которые Керр тоже узнавал.

Когда они встречали троллей, Керр передавал свое послание. Он знал, что новость распространится от группы к группе, от племени к племени и наконец много троллей и много детей Анды соберутся в обычном месте, чтобы послушать Керра. Он сообщал троллям о смерти Црана в бою, новость, которую принимали с немим гневом. Воспоминание о Колхасе было плохим, и каждый раз при мысли о поведении Врака у Керра в душе снова разгорался гнев. Но Врак оставался с ними, хотя и чувствовал, что Керр винит его в смерти тролля. Наверное, он хотел загладить вину или, возможно, закончить то, что начал; Керр не мог точно сказать.

Было так приятно вдыхать знакомые запахи родины. Биение сердца здесь было сильным и всепроникающим. Керр нес с собой лишь несколько мерцающих лишайников, в основном же тролли шли совсем без света. Туннели гномов остались далеко позади. Здесь, внизу путники были в безопасности, ведь их инстинкты предупреждали обо всех опасностях и вели их к воде и пище.

Снова и снова пальцы Керра дотрагивались до острия копья. Вопросы Ацота взбудоражили его, но он был уверен в себе. Его намерение было правильным, даже если стране между гор теперь угрожала война. «Не я повлиял на это, — подумал тролль. — И мы поможем нашему хареегу-человеку».

Незадолго до того, как троица добралась до шахты, которая вела к сердцу, Врак остановился. Дитя Анды указало на туннель слева от него.

— Я не иду с вами. Мой путь — туда.

Ацот принял это без эмоций, а вот Керр с удивлением посмотрел на Врака.

— Почему?

— Я спущусь глубже. К остальным. Я сообщу им о войне. Возможно, за мной последуют несколько детей Анды.

Керр на такое даже не рассчитывал. Он знал, что поведет троллей на битву и многие последуют за ним, несмотря на то что их целью была чужая и опасная война на поверхности. Но дети Анды не были вполне троллями и часто не могли прийти к единому мнению даже между собой. Он никогда не думал о помощи с их стороны. За ним могли последовать единицы, но организация и единство были чужды глубинным.

— Ты хочешь бороться? С людьми?

Врак мрачно кивнул и выпрямился во весь рост.

— Золотые люди напали на нас. Они убили тролля. Моя война с ними еще не закончилась.

И, не говоря больше ни слова, Врак развернулся и исчез в туннеле.

Ацот помчался дальше, но Керр стоял еще несколько мгновений, прислушиваясь к отдаляющимся шагам потомка Анды.

Только погода он последовал за Ацотом.

Керр часто подумывал о том, чтобы вернуться в эту пещеру. Почувствовать тени, близость сердца. Войти в туннель, в котором погиб Пард, смертельно раненный, но не побежденный. Во время своих странствий он иногда приближался к этой пещере, но никогда не заходил внутрь... Словно дреег снова гнал его прочь... Но сейчас ему нужно было пересилить себя, чтобы пройти последние шаги, упорно ставя одну ногу перед другой. «Для этого я проделал такой длинный путь, — отчитывал себя тролль. — Я должен брать пример с Ацота».

В отличие от него дитя Анды вошло в пещеру без колебаний. Несколько мгновений Керр медлил, но потом все же последовал за ним.

В глубине мира происходило совсем мало изменений, да и они часто протекали медленно и почти незаметно. Пещера была точно такой же, какой Керр помнил ее. Клубящиеся тени, которые чувствовались даже в абсолютной темноте. Из этого места исходил дреег, здесь билось сердце страны, погруженное в исполненный кошмаров сон. Керр знал больше о Духе темноты, чем какой-либо другой тролль. Когда-то он вобрал в себя все его существо. Лишь на несколько мгновений... Время, достаточное, чтобы измениться навсегда. С тех пор он приобрел более тесную связь с сердцем, чем другие тролли, чувствовал каждый удар громче, ощущал его мучения.

Сердце было беспокойно. Керр чувствовал его страх. Возможно, оно вспомнило об Анде, которая ранила его, чтобы выпить его крови и получить его силу. Возможно, оно чувствовало приближающуюся войну, страдания и боль, которые ему предстоит перенести. Керр знал, что оно чувствовало все, что происходило в недрах, на поверхности и под ней, от неба до самых глубоких подземелий мира. Сердце *было* землей.

Он, нервничая, вынул копьё из мешка и сжал в руках перед собой. Он чувствовал присутствие Ацота; дитя Анды внимательно следило за ним. Керр держал копьё так, словно оно было щитом, и стал медленно подходить к сердцу. С каждым шагом волнение покидало его. Биение сердца тролля становилось все медленнее, словно его сердце принаравливалось к дреегу, пока наконец само не стало дреегом. Тени перед ним больше не были ужасными, а стали заманчивыми, приветливыми.

И он вошел в них.

Земля вокруг него стала бесконечной, он стал всем. На нем росли деревья, а в деревьях прыгали белки и какие-то маленькие животные. В листьях гудели насекомые, землю взрывали черви, люди ходили по нему, строили из него хижины и дома. Гномы неумоимо пробивали скалы, добывая из них металл.

Тролли бродили в нем, винаи прятались в нем. Его дыхание проходило через всю землю, биение его сердца было землей.

Чудовищной силы печаль охватила его. Земля разбилась под его шагами. Его шаги теперь были под землей. В него и на него устремился поток всего, развернул его, стал причинять ему боль. Мука ударила когтями по его душе, бесконечная, невыносимая боль.

Когда Керр вернулся, его грудь горела. Он жадно сделал вдох, и легкие опалило огнем. Перед его внутренним взором еще танцевали запутанные картины, но он не мог сказать, где он. В пещере? Или он *был* в пещере? Кто-то схватил его, отвел прочь от сердца, ударил с невероятной силой...

Прошло много времени, пока тролль снова осознал себя. Он вошел в Дух темноты, Дух темноты вошел в него. Что-то теплое, влажное капнуло на него: кровь тролля.

— Что произошло?

— Тебя не было.

— Долго?

— Только один дреег.

— У тебя кровь.

Ацот зарычал и потерял грудь.

— Старая рана. Она открылась. Ты... Земля была далекой. Я был слабым. Как тогда, когда Пард убил Анду.

Керр осторожно поднялся. Чувства обманывали его: он не мог сказать, где верх, а где низ. Он ощущал лишь дреег, громко и ясно, и он отчетливо показывал ему мир.

— Я был сердцем. Я... я искал ответы. Об исцелении.

— Ты нашел их?

Керр прислушался к себе, пытаясь упорядочить впечатления или хотя бы понять их. Найти послание среди страданий, боли и страха. Но там ничего не было.

— Нет.

Пальцы болели. Он осторожно разжал пальцы правой руки. Копье в его крови упало, зазвенев, на пол. Тупое острие вонзилось ему в руку, металл погнулся. Керр почувствовал, как рана в его руке закрывается. Но это была не сила копья, это кровь тролля исцеляла ранение. В нем поднялась горечь.

— Оно бесполезно, — понял Керр. — Всего лишь кусок металла.

Он воспринял копьё рядом с собой, маленькое и бесполезное, неожиданное озарение перехватило ему дыхание. «Все зря. Цран погиб зря. Надежда растоптана. Каким же глупым я был».

— Мы не должны обращать внимание на вещи людей, — медленно сказал Ацот. — Не должны слушать их слова. Мы — тролли. Мы сильны и без металла. Мы охотимся. Мы выживаем.

Они долго сидели рядом, молча, без движения. Раны Ацота снова закрылись. Дыхание Духа темноты было сильно в детях Анды.

Керр подумал о путешествии, о Цране и Враке, о Натиоле и о Саргане. Он подумал о племенах. О войнах, которые они вели. О детях Анды и о крови, которая струилась в их телах. Он думал о прошлом и настоящем.

Наконец он тяжело поднялся. Его тело было таким, словно он был всем, целой страной, и на несколько мгновений он действительно был ею.

— Куда ты теперь? — спросил Ацот.

— На место встречи. Я хочу вести войну.

Теремиа после Колхаса неожиданно показалась ему маленькой и слишком провинциальной, но Натиоле наслаждался приятным чувством дома. Он чувствовал себя защищенным, и им овладело особенное спокойствие. Толстые стены крепости Ремис напоминали подземный мир троллей, но для юного влахака они означали родину, в отличие от воздушных, невероятно легких зданий Дирийской империи.

Пока Натиоле застегивал камзол, его взгляд упал на дорожную одежду, которую он небрежно бросил рядом с ванной. Он осторожно поднял матерчатый пояс, которым нужно было подвязывать кипасис. Мягкая ткань скользнула в руке, и Натиоле решительно повязал его просто на бедра.

В последний раз он протер волосы сухим полотенцем, затем завязал их сзади в хвост и вышел в коридор.

Юный влахак еще не привык к новому распределению помещений, но он знал крепость с самого детства. Бывший маленький зал был переделан в большой, пока весной снова не продолжатся работы по восстановлению главного здания. Туда он и направился, так как совет заседал там. Его подгоняла нечистая совесть — он провел в ванной гораздо больше времени, чем намеревался, так как просто заснул в теплой воде. Но теперь он чувствовал себя отдохнувшим, и впервые за долгое время его отпустило предчувствие катастрофы. Он был во Влакхисе, в Теремии, со своей семьей. Вместе они переживут любые напасти.

Перед тем как войти в зал, он обнаружил Ионниса, который тоже явно опоздал и поспешно поворачивал за угол. За несколько быстрых шагов Натиоле догнал брата и хлопнул по плечу. То, что Ионнис был жив и здоров, все еще казалось ему подарком духов.

— Ты выглядишь наполовину как дириец, — озадаченно пробормотал брат и показал на талию Натиоле.

— А ты — как полный влахак. Снова отрастил волосы, — констатировал Натиоле.

— Если будет война, как ты говоришь, то мы не можем быть другими, — ответил брат с такой горечью в голосе, которой Натиоле еще никогда не замечал в нем.

Когда они оказались на месте, большая часть совета уже собралась. Пока Ионнис пробирался к священнику, Натиоле кивнул некоторым из собравшихся и подошел к отцу, который стоял во главе стола.

— Почему ты не послал за мной раньше? — прошептал юный влахак. — Разве ты не хотел мне что-то сказать до начала собрания?

— Корнель с Ионнисом сделали важное открытие. Я... — начал было Стен, но тут к ним подошел Винтила и с улыбкой приветствовал Натиоле.

Юный влахак склонил голову перед старым прорицателем, а Стен ответил лишь небольшим кивком. Однако прежде чем Натиоле успел спросить о причинах такого скромного приветствия, слово взял Корнель:

— Давайте начнем. Как мы видим, принц вернулся из путешествия здоровым, за что я благодарен Божественному свету. Я уверен, что ему есть о чем сообщить нам.

Натиоле вымученно улыбнулся. Затем он сообщил во всех подробностях о событиях прошедших недель. Когда он наконец добрался до подлого нападения на них в Колхасе и неприкрытых угроз войны, поднялся шум. Собравшиеся кричали все сразу, перебивая друг друга, некоторые повскакивали со своих мест. Прошло много времени, прежде чем Стен снова навел порядок в собрании.

Натиоле подождал еще мгновение, и в наступившей тишине раздался голос Винтилы:

— Тогда мы должны выступить против Ардолии. Мы не можем допустить, чтобы масриды объединились с империей. Только объединенный Влакхис может выстоять против врагов.

С его словами несколько присутствующих согласились кивками, но Натиоле поднял руку.

— Дочь Флорес сал Дабран, моя кузина Ана... Бекезар, уже а пути в Турдуй, чтобы занять трон своего отца. Если ей это удастся, то масриды будут на нашей стороне.

— Что? — Старый прорицатель подскочил удивительно быстро как для своего состояния. — Полумасридка? Это... этого не должно...

— Возможно, мы должны поговорить еще кое о чем другом, — предложил Стен, в то время как Винтила, ничего не понимая, смотрел на него. — Мы не имеем никакого влияния на процессы в Турдуе и в Колхасе. Наши дальнейшие действия мы обсудим позже. Но перед этим выслушаем Ионниса.

— Спасибо, отец.

Ионнис встал и заговорил громким твердым голосом:

— Руины посреди крепости все время напоминают нам о том, что в Ремисе не так давно был пожар. Несчастье, во время которого я был ранен.

Пока Ионнис говорил, Натиоле смотрел на Корнеля, имя которого Стен только что повторно упомянул вместе с именем брата. Но просчитать священника солнца было так же сложно, как всегда. Его лицо оставалось бесстрастным, даже когда он заметил внимание Натиоле.

— Но это был не несчастный случай!

Натиоле с удивлением посмотрел на брата, который только что ударил кулаком по столу.

— Это было нападение, вероломное, подлое покушение на убийство. Здесь, в самом сердце нашей столицы!

Поднялся гул. Натиоле повсюду видел удивленные лица.

— Нападение масридов, — заявил Винтила достаточно громко, чтобы перекрыть гул голосов. — Исполненное их слугами из империи, этими силкскими наемниками.

— Правда — намного хуже, — вмешался Корнель, и Ионнис снова взял слово:

— Нет, это были не масриды. А гораздо худшие противники, как верно говорит Корнель. Мы обнаружили, что это были влахаки, которые...

Дальше он не смог ничего сказать, так как во второй раз собрание взорвалось криками. Полетели стулья, когда члены совета подскочили на ноги и стали во все горло заявлять о своем недоверии, пока Стен не поднялся и не ударил несколько раз кулаком по столу, да так, что дерево затрещало. В глубине души Натиоле почувствовал, как это знание пошатнуло саму его суть. Он не сомневался в том, что Ионнис говорит правду, но от мысли о влахаках, которые убивали влахаков, у него во рту появилась горечь. «Так должен был чувствовать себя Керр, когда глубинные тролли нападали на его племя».

— Спокойствие. Мы выслушаем моего сына до конца.

— Подлое нападение, совершенное влахаками. Не силками и масридами, — продолжил Ионнис холодным голосом. — И я говорю «влахаки», так как их больше одного. Целая банда, настоящий заговор. Поджигатели войны, ненавидящие масридов, называйте их, как хотите.

— Откуда вы все это знаете, принц? — снова вмешался Винтила.

Он опустил голову, и седые волосы упали ему на лоб.

— Мы нашли одного из заказчиков силков. Влахака, солдата в крепости. Силкский наемник опознал его. И он выдал нам имена всех заговорщиков. Уже сейчас наши верные воины находятся в пути, чтобы арестовать тех, кто принадлежит к этому кругу.

— Разве вы не думали, что эти обвинения не более чем ложь?

Теперь вмешался Стен.

— Вам есть что сказать, прорицатель?

Удивленный резкостью в голосе отца, Натиоле посмотрел на Винтилу. «Но это просто не может быть правдой. Это не может быть правдой!» Однако старик, который, поникнув, сидел на своем стуле, выглядел совсем разбитым.

— Нет.

— Ты — трижды проклятый трус, — вырвалось у Ионниса. — Твое имя прозвучало первым. Это был ты! Ты показал убийцам дорогу к моей комнате! Ты натравил силков на Флорес и марчега!

На этот раз в зале воцарилась гробовая тишина. У всех отняло дар речи. Даже Натиоле сидел за столом с открытым ртом, пытаясь осознать непостижимое.

Потом Винтила расправил плечи.

— Я сделал это ради блага страны.

Рядом с собой Натиоле увидел, как рука отца потянулась к эфесу меча. Но воевода еще не успел ничего сделать, как прорицатель продолжил:

— Это — наша страна. Мы — влахаки. Масриды украли у нас Влахкис, и мы ничего не делаем... Мы просто позволяем им это!

Его взгляд обошел всех по кругу. Натиоле увидел, что прорицатель обращался не к Стену и Ионнису, а к членам совета.

— Мы терпели унижение за унижением. А потом мы освободили Теремию — город наших предков, резиденцию кралей, а после этого мы просто стали ленивыми и трусливыми. Турдуй находится в нашей стране, и Брацац тоже по закону принадлежит нам. Масриды подавляли нас, уничтожали наши традиции, втоптывали память наших предков в грязь, насмехались над духами, а всех таких, как я, гнали, как бешеных волков. Но страна между гор — наша!

Слова отозвались эхом в душе Натиоле. Он понимал послание, его сердце забилося быстрее. Но тут Стен тихо сказал:

— И поэтому ты убил Флорес?

— Все дело в Тамаре, — признался Винтила. — Но она была его любовницей. По крайней мере в смерти она должна была стать нам полезной. Она предала свой народ, предала нас.

— Нас, — повторил эхом Стен.

Его взгляд устремился вверх белых волос Винтилы; казалось, воевода смотрел сквозь стены зала, стены самой крепости, до самых гор, которые окружали страну. Затем он спокойно продолжил:

— Тамар стоял у вас на пути, так как сохранял мир. Но почему Ионнис? Почему, Винтила?

— Юноша, который целует золотой зад империи? Которому лучше обвеситься чужеземными украшениями, чем гордиться своей страной? Это не влахакский принц. Не такой... как Натиоле.

Глаза старого прорицателя остановились на юном влахаке. Натиоле не мог оторвать взгляда от них.

— Вы — настоящий влахак, мой принц. Вы понимаете нас, вы знаете, что за отбросы эти масриды и их подхалимы.

При последних словах он взглянул на Корнеля, который все так же невозмутимо сидел за столом, и Натиоле почувствовал, что у него с глаз спала пелена.

— Мой брат, — начал он, и его голос отказал ему на короткое мгновение, когда перед его глазами предстала картина, как Ионнис бледный и почти безжизненный лежал у кровати. — Мой брат, моя тетя. Кто следующий, Винтила? Мой отец?

Старый прорицатель замолчал, и его тело обмякло, словно из него вышло все, что способно было сопротивляться.

— Ты ценишь традиции, Винтила, — наконец решительно сказал Стен. — И мы тоже будем их ценить. Ты будешь предан лесу, старик. И пусть духи пощадят тебя.

По знаку Стена Ионнис подбежал к двери и позвал двух солдат, которые схватили Винтилу с двух сторон. В Натиоле взорвался гнев; гнев на себя самого.

— Подождите, — приказал он, и стражники остановились. — Что с копьем, которое мы по твоему совету привезли из Дирии? Что с надеждой троллей?

— Никто не может исцелить Дух темноты, — мрачно ответил прорицатель.

— Зачем тогда все это?

— Чтобы предложить тебе королевство, когда ты вернешься. Но дом сал Дабрана недостойн занимать трон. Вы — не влахаки, вы...

— Выведите его.

Пока солдаты уводили Винтилу, Натиоле схватился за свой пояс. Гладкий шелк был прохладным на ощупь. Он увидел взгляд, который бросил на него Стен, под гневной маской воеводы проступала гордость. «Я был глупым сорванцом», — подумал Натиоле слегка смущенно. И тут же продолжил в мыслях: «Но я больше не такой. И никогда таким не буду».

Ана не умела спокойно ждать. Она нервно вышагивала по маленькой комнате, словно пленница. Наемники расположились за столом, пили горячий глинтвейн и тихо переговаривались. Они знали: когда Ана в таком настроении, ее лучше не трогать. Но это был не только гнев, она чувствовала нечто, что было почти неизвестно ей, — страх.

Когда Скилои вернулась, Ана наконец остановилась. Сцарка двигалась тихо, с грацией, которой едва ли могла обладать женщина ее возраста. Не говоря ни слова, она кивнула Ане и вышла в коридор.

— Пойдемте, — бросила Ана наемникам и последовала за Скилои.

Им навстречу дохнул прохладный ветер. Толстая тяжелая одежда непривычно сидела на девушке, масридский покррой стеснял движения. Но толстые металлические пластины доспехов выглядели впечатляюще, хотя юная наемница и предпочитала более легкую защиту. Но сейчас она должна быть масридкой.

Она услышала громкие голоса еще издалека. Гневные слова, эхо которых раскатилось по замку. Скилои провела ее в маленькую переднюю, в которой стояли два стражника, но они пропустили их без промедления.

В последний раз Скилои кивнула ей, открыв перед ней двустворчатую дверь. Ана в последний раз глубоко вдохнула, и страх исчез.

Сильным ударом она толкнула створку. Мгновенно умолкли голоса. Она вошла с высоко поднятой головой.

— Я приветствую предводителей масридов, — начала она, переводя взгляд с лица на лицо. — Меня зовут Ана Бекезар. Я пришла, чтобы занять трон своего отца.

«И отомстить за смерть родителей», — мысленно добавила она. Она так часто выходила на битву, смотрела в глаза противников, которые хотели ее смерти. Она смело выступала против всех, не ушла ни от одного поединка, всегда и повсюду добивалась своего. Однако здесь, посреди чужаков масридов, она чувствовала себя немного не в своей тарелке. Девушка ожидала, что в любой момент кто-то из них встанет, будет оскорблять ее или просто высмеет.

Вместо этого один мужчина кивнул ей — не очень крупный для масрида, с поредевшими, коротко остриженными волосами, с широким шрамом на лбу.

— Тогда я отзываю притязание и поддерживаю дочь марчега.

Скилои беззвучно и незаметно вошла в зал и стала возле двери у стены. Ана заметила ее краем глаза и догадалась, что сцарка подает союзникам едва заметные знаки.

Все внимание было направлено на нее, Ану, пока на ноги не подскочил неуклюжий мужчина. Даже на собрании на нем была короткая кольчуга, его череп был чисто выбрит, а на затылке лоснился традиционный локон.

— Что это значит? У марчега Тамара не было детей!

«А ты, стало быть, Сциглос, да?» — предположила Ана, не высказывая мысль вслух, и медленно пошла к столу. Она зафиксировала взглядом человека, который не отвел глаз, а сердито уставился на нее.

— Не будьте смешным. У моего отца есть дочь. Моя мать Флорес сал...

Она не смогла продолжить, так как ее противник громко рассмеялся:

— Бастард! Влахака!

Ана холодно изучала мужчину, который обошел вокруг стола.

— Она — не масридка. Она — бастард, дочь, прижитая от влахакской любовницы. Ее притязание — недействительно.

— ...Дабран, а мой отец Тамар Бекезар. — Ана закончила фразу, словно не слышала его слов. — В моих венах течет такая же кровь, как у моего отца. Это связывает меня по одной линии с Аркасом Диммину, первым королем масридов.

— Ты не должна даже произносить такого достойного имени своим ртом, — язвительно фыркнул Сциглос.

Его лицо скривилось от ненависти.

— Исчезни из зала, пока я не велел вытолкать тебя.

Ана улыбнулась. Она услышала, как в зал вошли ее наемники, шестеро воинов, и выстроились перед дверью.

— Значит, так, — понял масрид и повернулся к мужчине со шрамом: — Ты знал об этом, Тирадар? Ты продаешь свое притязание *ей*?

— Она — его дочь, — внешне спокойно ответил тот, но Ана отметила, что его взгляд скользнул от Сциглоса к Скилои.

С мрачным выражением лица Сциглос повернулся к Ане.

— И ты думаешь, что это так просто? Что ты просто можешь войти сюда со своими палачами и отобрать трон? Что наш народ, мой народ, примет тебя как марчегу?

Ана немного помедлила, прежде чем ответить. У нее возникло нереальное ощущение того, будто голос может отказать ей, если она откроет рот, и она сможет лишь пробормотать что-то невнятное. Но она не спускала со Сциглоса глаз.

— Нет, — наконец спокойно ответила она. — Это будет непросто. Но я все же отважилась на это. Потому что я дам масридам то, чего ты дать не в состоянии, — силу. Только если мы объединимся с Влаккисом, то переживем следующее лето. И либо ты признаешь мое притязание, либо...

— Либо что? Ты — не масридка... — перебил он ее.

Но Ана так же быстро перебила его:

— Либо ты тащишь за уши свой меч и мы решаем этот вопрос здесь и сейчас.

На такое он явно не рассчитывал. Он замолчал, вопросительно оглядел присутствующих в зале. Но никто не вмешивался.

«Скилои заслужила доверие Саргана, — поняла Ана. — Половина у нее в кармане, другие выжидают».

Ана подняла руки в вопросительном жесте:

— Ну?

— Ты сумасшедшая. Совершенно сумасшедшая. Мы — масриды, а не подхалимы из империи, не грязные влахаки. Моя кровь чиста. С такими, как ты, я не сражаюсь, я их давлю!

Его кожаная перчатка закрипела, когда он сжал руку в кулак перед лицом Аны.

— Ты боишься, — невозмутимо констатировала она. — И ты хочешь вести за собой гордый народ масридов, когда не готов защитить свое притязание с оружием в руках?

Ее упрек был наигранным, она могла прочесть по его глазам, что он не трус. «Он боится придать вес моему притязанию, если ответит на мой вызов». Его нельзя упрекнуть в недостатке самоуверенности, но эта ситуация складывалась не в его пользу. «Точно как Скилои и предсказывала. А потом он задумается о своей силе. Что может предложить ему в бою какая-то влахака?»

— Ну хорошо, — подтвердил Сциглос ее мысли. — Но не здесь. А во дворе. Как только каждый наденет свои доспехи и вооружится.

— Я готова. Но ты можешь спокойно готовиться столько времени, сколько нужно. Все присутствующие предводители масридов приглашаются в качестве свидетелей.

С этими словами она развернулась и вышла из зала.

Сейчас в заснеженном дворе крепости решится ее судьба.

59

— О духи, что это?

Подобный вопрос возник и у Натиоле, но Стен первым произнес его вслух. Рядом с ними Ана пожала плечами.

— Тредары. С востока.

— Империя натаскивает их для войны. Когда они там не нужны, их выставляют на арену бороться, — добавил Ионнис.

Пока под ними армия империи формировала свою позицию, внимание влахаков и масридов было в первую очередь направлено на мощных существ величиной в два человеческих роста, с большими рогами. На четырех коротких ногах они тяжело ступали среди воинов-людей, а люди по сравнению с ними казались гномами. Их кожа светло-коричневого окраса была покрыта неровными темными полосками. Они выглядели неторопливыми, но мощными.

— Это — оружие, которое должно сеять страх среди врагов, — объяснила Ана. — Перед началом битвы их доводят до безумия и отпускают прямо во вражеские ряды. Их очень трудно убить, их кожа как панцирь, а большинство видов оружия лишь еще больше злит их.

Натиоле с трудом оторвал взгляд от монстров и стал рассматривать ряды врагов. Казалось, воины империи собрались со всех частей огромного государства. В центре идеального построения маршировали солдаты в тяжелых золотых доспехах. По флангам разместились вспомогательные отряды, воины в самых разнокалиберных доспехах и пехота совсем без доспехов. Зрелище было впечатляющее, хоть полномасштабное продвижение армии вдоль всего фронта было изломано благодаря перевалу. А вот действительно устрашающей была масса армии, бесконечное море человеческих тел, войско, которое было готово изгнать защитников перевала и словно приливная волна вкатиться в страну между гор.

Конечно, Натиоле слышал доклады лазутчиков на обсуждениях. Но числа тогда были лишь словами. «Кто может представить себе двадцать пять тысяч воинов? Теперь они выступают против Влахкиса и эффектно демонстрируют всю мощь империи».

— Что можно сделать против тредаров?

— Предоставьте это мне, — легко ответила Ана.

Натиоле скептически взглянул на нее. С того времени как она сразила на дуэли Сциглоса и подтвердила свое притязание, он стал смотреть на нее другими глазами. Она политически разумно заключила альянсы и укрепила свою позицию, даже если Натиоле и предполагал, что в этом не последнюю роль сыграла Скилои. Сцарка несколько раз появлялась в Теремии, чтобы провести переговоры со Стеном от имени Аны, и к тому же у нее были невероятные связи с влиятельными дворянами и торговцами также и среди влахаков. «Золото правит миром, — цинично подумал Натиоле. — В первую очередь деньги Саргана. Должно ли это беспокоить нас?»

Но потом он чуть не посмеялся сам над собой. Они стояли перед преобладающей силой врага, который готов захватить Влахкис. Деньги Саргана были последним, что должно было заботить его в данный момент. На мгновение он вспомнил об Артайнис, которая, наверное, сейчас ждала в Колхасе новостей войны, но потом отстранился и от этой картины и сконцентрировался на том, что им предстояло.

— Они будут готовы где-то в полдень, — оценил Стен. — Наша позиция хороша; им нужно нападать вверх по склону, а узкий перевал отбирает у них возможность задействовать против нас сразу всю преобладающую силу.

Недалеко под ними находились объединенные силы влахаков, масридов и сцарков. С началом таяния снегов все народы созвали своих боеспособных мужчин и женщин и собрали под знаменами предводителей. Получилось почти десять тысяч воинов, впечатляющее количество, но против массы противника оно казалось ничтожным. К тому же Натиоле понимал, что они вооружены хуже имперских солдат. Позади передних линий имперского войска уже выстраивались тяжелые баллисты. Стране между гор было нечего противопоставить им, за исключением нескольких баллист из Турдуя.

Возможно, Стен прочитал сомнения во взгляде Натиоле. Воевода улыбнулся и кивнул.

— Мы подготовились так хорошо, как могли. Мы твердо стоим. И не забывай: мы должны продержаться на этом перевале только до захода солнца. А потом в бой вступают союзники.

Перед лицом дирийской армии Натиоле спросил себя, сколько могут сделать тролли.

Хотя Керр привел много собратьев и даже несколько дюжин глубинных троллей, их все равно было мало.

— Генералы империи учитывают наличие троллей, — заявил Ионнис. — Они будут подготовлены.

— Ты еще никогда не видел, как они сражаются. Подготовка — одно дело, а взбешенный тролль — другое, — ответил Натиоле.

— Я не волнуюсь об эффективности троллей, — вмешалась Ана. — Я скорее спрашиваю себя, протянем ли мы вообще до темноты. Я знаю империю. Готова поспорить, что они все ставят на то, чтобы уничтожить нас мгновенно. Скоро последует первый удар, и он будет жестким. Наши ряды не должны разорваться. И даже если мы выстоим, они будут нападать снова и снова, пока мы не будем сломлены.

— Этого не произойдет, — заверил Стен. — Здесь сражаются вольные влахаки и масриды, а там солдаты, которых заставили, и оплачиваемые наемники. За нами — родина.

На это Ана не ответила. Натиоле попытался обнаружить в склоне горы то место, где притаились тролли, но не увидел и намек на их присутствие. Они прорыли туннель почти до самой поверхности, но последний отрезок откроют лишь тогда, когда сядет солнце. «И если мы продержимся до тех пор, они помогут». Его взгляд снова перешел на массы врагов. «Если мы продержимся». Ведь не так далеко от них империя готовилась к тому, чтобы снова завоевать маленькую упрямую провинцию.

60

Солнце высоко стояло над перевалом. В рядах империи воцарилось спокойствие. Но Ана знала, что это было спокойствие перед бурей, короткий сбор перед тем, как начать сражение. Ее покинула нервозность последних недель. Теперь ею овладело спокойствие. Политические интриги, собрания совета, торговля и соперничество за должности и власть — все это было забыто. Благодаря опасности вторжения ей стало легче сохранить за собой трон, пусть даже это никогда бы не удалось без влияния Скилои, но теперь они все стояли за ней, в буквальном смысле — выстроенные в ряды масриды. Даже фракция Сциглоса в конце концов подчинилась неизбежному, хотя Ана была уверена, что сторонники этого дворянина доставят ей еще немало неприятностей. «Если мы переживем сегодняшний день, — подумала она. — А это неизвестно, и не только из-за великого числа наших врагов».

Марчег вел свой народ в бой; в этом не было сомнений. В империи генералы могли оставаться в тылу, наблюдая за битвой из удобных палаток, а специальные рабы подавали им засахаренные фрукты. Но Ана будет сражаться. На переднем крае. «Своим клинком я победила Сциглоса и обеспечила себе трон. Теперь мои мечи добудут мне уважение масридов».

Она взглянула на маленькую группу вокруг Стена, Натиоле и Ионниса. Они стояли дальше по левому флангу. Воеводе не нужно было беспокоиться о лояльности своего народа. Перед лицом опасности все влахаки объединялись.

— Скажи стрелкам, чтобы приготовились, — холодно приказала Ана. — Скоро начнется.

Ее приказ передали дальше, он прошел из уст в уста и добрался не только до стрелков, но и до других солдат. В рядах началось волнение, когда дошла весть о скором начале боя.

Хотя небо было безоблачным, лучи солнца были слабы, ведь было самое начало весны, а по ночам еще примораживало. Имперская армия с началом таяния снегов покинула свой зимний лагерь возле Макацы, но объединенные отряды влахаков и масридов заняли перевал до них и укрепились на своих позициях.

Бой в перевале был идеей Стена, и Ана согласилась с ним. Здесь у них было чистое преимущество. «Которое нам очень нужно».

Ана спокойно в последний раз проверила оружие, доспех, ремни седла. Хотя она уже не раз делала это, самая последняя проверка помогла ей сконцентрироваться в мыслях на

предстоящем.

Она взглянула вниз, на своих врагов. Ей показалось, что она чувствует силу обеих армий, словно там трепетало облако войны и смерти, в которое она теперь должна была войти. Будто все решения не имели последствий, так как сейчас они были предоставлены высшим силам, которым слабые люди ничего не могли противопоставить.

Она потрясла головой, прогоняя странную картинку, и снова сконцентрировалась на имперских солдатах. Пехота вступит в бой сразу после атаки тредаров, вместе с золотыми гвардейцами в тяжелых доспехах в центре. Узость перевала не даст им сразу воспользоваться численным преимуществом, но она будет ограничивать и тяжелую кавалерию масридов.

Ана опустила масридский шлем и подняла руку. Ряды накрыла тишина, все взгляды были обращены на врагов. Ана уже довольно часто сражалась в рядах империи — она знала тактику и стратегию дирийцев. «И я могу дать им отпор», — самоуверенно подумала она.

Прозвучал звук горна, качнулись флаги. На них двинулись тредары. Сначала медленно, потом все быстрее. Их рычащие яростные крики были очень знакомы Ане, но ряды масридов оставались спокойны. За бегущими животными раздались громкие приказы, и первые ряды имперских войск начали наступление. Но Ана не обращала на них внимания, она смотрела лишь на тредаров, которые представляли сейчас самую главную угрозу. Они подходили все ближе и ближе.

Наконец Ана опустила руку, и позади нее раздался звук сотен выпущенных стрел. Стрелы оставили в небе огненные следы.

«Я знаю империю, — подумала Ана. — Остается надеяться, что я знаю ее действительно хорошо».

Но сомневаться в себе было слишком поздно, так как битва за страну между гор уже началась.

61

Стену было всегда тяжело ждать. Но он знал, что на него устремлено много глаз и то, как он поступает, становится примером для его воинов. Поэтому внешне он был абсолютно невозмутим, в то время как в душе у него бушевала буря.

Империя начала наступление. Как Ана и предсказывала, они послали вперед своих животных-монстров, чтобы пробить и смять ряды защитников. Мощные животные устремились вперед с опущенными рогами, издавая при этом странные звуки.

Стрелы масридов против такой стихии на первый взгляд казались бесполезными, хотя их и было много. Большинство горящих стрел вонзились не в животных, а перед ними и вокруг в землю. Но некоторые нашли свою цель — тщательно спрятанные канавки, и этих попаданий хватило, чтобы поджечь все масло, которое было в них налито. В течение нескольких мгновений поднялось первое пламя. Это масло — особая смесь, которую Скилои подавала по сети переплетенных каналов, — горело сильнее и ярче, чем все, что Стен видел когда-либо в своей жизни.

«Кто бы мог подумать, что Скилои станет когда-нибудь нашей спасительницей? Я бы в свое время не колеблясь убил ее, а она, тем не менее, спасла жизнь Висинии и помогает нам. Жизнь идет странными путями. Враги превращаются в союзников, а друзья — во врагов».

Огонь на расстоянии в несколько дюжин шагов перед ними горел не сплошной стеной, а скорее отдельными островками. Но и этих горящих участков хватило, чтобы эффективно опрокинуть нападение тредаров. Некоторые остановились прямо на поле, другие бросились на сородичей, а некоторые развернулись и помчались назад, на солдат империи. Воевода не мог скрыть злорадства, когда разъяренные бестии устремились на своих предполагаемых хозяев. Хотя воинам в центре и удалось образовать коридор для животных, с левого фланга двое монстров вбежали прямо в ряды дирийских солдат и стали бушевать среди них.

Убить или поймать этих существ и снова сомкнуть ряды оказалось нелегкой задачей. Империи потребовалось время, некоторые солдаты, которые отважились пройти слишком

далеко, чтобы увести вышедших из-под контроля зверей, сразу же попадали под обстрел масридов. Хаос был идеальным.

— Точно, как она и предсказывала, — язвительно ухмыльнулся Ионнис. — Опасные звери, если не знать их слабину.

— Хорошее начало, — согласился Натиоле. — Они считали нас варварами, на которых можно безнаказанно напасть. Теперь они будут осторожнее.

— Но, значит, и опаснее, — напомнил Стен сыновьям.

Он мог лишь надеяться, что такой быстрый успех не сделает их слишком легкомысленными.

Воевода глянул вниз на врагов. Можно было расслышать приказы, звуки горна. Солдаты снова собрались вокруг своих прапорщиков, снова отчетливо продемонстрировали удивительную способность организовываться и действовать согласованно. Продвижение врагов началось быстрее, чем ожидалось.

— Теперь началось. Перебранка закончилась, — объявил Стен.

К ним приближались вражеские отряды, а он поскакал вдоль рядов влахаков. В лицах воинов он увидел самые разные эмоции: страх, гнев, ненависть, ужас и решительность. Поднятым мечом он указал на перевал:

— Вольные влахаки! Вы все знаете, что здесь решается судьба нашей страны! Наши дочери и сыновья будут петь песни об этой битве, в которой мы защищали свою родину. Падайте, но не сдавайтесь. Ничто не может разбить наши ряды, так как мы — вольный народ! Тиреа!

Воевода выкрикнул старый боевой клич своего народа, имя последнего краля, который много лет был символом сопротивления масридам. Теперь он стоял за вольный Влахкис, и многие подхватили этот клич, пока тысячи глоток не кричали в небо:

— За Тиреа!

Горело только в нескольких местах, но над перевалом все еще поднимался масляный дым, развеиваясь над тем местом, которое скоро станет полем брани. Он придавал перевалу мрачность, словно тень Духа темноты плыла над землей, отчего у Стена даже мурашки побежали.

На противоположном конце перевала масриды готовились к атаке. Будто почувствовав взгляд Стена, Ана подала сигнал своим знаменосцам. В небо взмыл гриф, упрямо затрепетав на весеннем ветру.

— Знамя! — громко приказал Стен. — Пусть ворон взвоется!

Ему не нужно было оборачиваться, он и так знал, что теперь над их головами развевается знамя с вороном.

Он вернулся к сыновьям и указал на левый фланг.

— Нати, займи это крыло. Я поведу справа. Ионнис, ты держишь резервы. Нам они понадобятся еще до того, как день закончится.

В лицах сыновей Стен увидел сосредоточенность и напряжение, но также мужество и решимость. Он кивнул им, потом прищипил коня. Сначала поехал медленно, потом все быстрее.

Стрелки посылали град стрел над их головами, в то время как авангард влахаков устремился на врагов.

Со своего места Корнель мог обзирать все поле битвы. Он увидел, как медленно оторвались передние ряды и устремились навстречу врагам. Впереди с обеих сторон неслась лавина кавалерии: тяжело вооруженные масриды и влахаки, за ними пехота с копьями и щитами, другие с пиками. Империя еще не задействовала свою конницу; Корнель видел ее далеко внизу, в перевале, за стрелками, а следом выстроились ряды катапульта.

Вокруг него тихое бормотание молящихся священников объединилось в нестройную

песню. Члены ордена Альбус Сунас собрались у правого фланга, чтобы поддержать битву своими молитвами. В основном масриды, но среди них были и влахаки, которые тоже служили в ордене. В этот час беды никто не делал различий.

Корнель тоже молился, но так тихо, что двигались только его губы. На безупречно голубом небе повсюду сияло солнце. И его сияние было хорошим знаком.

Где-то на левом фланге перевала собралось несколько прорицателей, которые просили поддержки у духов земли. Еще не так давно никто не мог даже представить себе, чтобы они и Альбус Сунас стремились к одной цели, но нападение империи подвергло сомнению многие старые правила. «Возможно, мы должны быть благодарны им за это, — цинично подумал Корнель, но потом снова увидел перед собой искаженное гневом лицо Винтилы. — Нет, благодарны мы должны быть только тогда, когда воцарится настоящий мир и люди больше не будут слушать всяких Винтил и Сциглов». Сообщение о смерти претендента на трон в дуэли с Аной обрадовало священника сильнее, чем это приличествовало его сану. И он был доволен, когда Стен велел отвезти Винтилу в лес и привязать к дереву, предоставив судьбе.

Корнель посмотрел на землю, пытаясь сконцентрироваться на молитве. Отвлекающие мысли сердили его.

Тут раздался звук, который они ожидали все утро, — звук ударов стали о сталь, воина против воина, армии против армии. Словно притянутый магией, Корнель взглянул на перевал и увидел, как под ним началась битва.

Кавалерия вонзилась в ряды империи. Тяжелая пехота пыталась выдержать штурм, но уже скоро ряды смешались. Затаив дыхание, Корнель следил за знаменем Стена, которое должно было развеяться рядом с воеводой. Влахаки боролись против золотой гвардии, и шум долетел до самых вершин Соркат. Потом Корнель на мгновение увидел Стена, который направил коня в самую гущу боя. Воевода раскидывал врагов и увлекал за собой своих воинов. Дальше бился Натиоле; его конница отесняла фронт империи — там, где солдаты были менее дисциплинированными. Задние ряды уже обратились в бегство, когда на поле битвы подросла пехота влахаков.

Священник солнца невольно взглянул и на масридов, которые находились ближе к нему. Ана целенаправленно повела атаку между двух разных подразделений и буквально расщепила надвое фронт врага. Она летела вперед на коне, за ней ее лейб-гвардия и масриды устремились в образовавшуюся брешь. Стрелки выбежали вперед и сыпали дождем стрелы на головы врага, в то время как те едва ли могли ответить на обстрел ввиду своей плохой позиции.

Сражение заволокло Корнеля.

Но он знал, что битва за Влахкис только началась.

63

— Война людей скучна.

Врак недовольно поскреб голову ногтем.

Керр проигнорировал упрек глубинного и глянул на тонкий луч света, который падал в туннель далеко впереди из крошечной дыры. Он заставлял себя находиться близко к свету, так как им нужно было наблюдать за ним; это была единственная возможность узнать о наступлении ночи.

— Они там вообще еще борются? Я больше ничего не чувствую.

Теперь уже тролль, вздохнув, повернулся к Враку, который последовал за ним прямо сюда, в то время как другие глубинные тролли остались далеко позади. Близость поверхности их нервировала, а солнечный свет наполнял отвращением. Но Керр чувствовал их готовность, так же как он чувствовал битву на поверхности. Там кровь поливала землю; кровь, запах которой доходил до его носа и лишал спокойствия.

— Они еще борются. Не волнуйся.

— Хорошо.

Дитя Анды помолчало немного, но Керр уже видел, как у того в мыслях созрел следующий вопрос.

— А что, если золотые люди накроют дырку? Тогда мы подумаем, что там ночь, а там, снаружи еще будет светло.

— Ты боишься? — спросил Керр, хотя тот не пах страхом.

Постоянные расспросы действовали Керру на нервы.

Врак возмущенно затряс большой головой.

— Нет! Но люди способны на все.

— Мы чувствуем дреег. Я думаю, что заметим, если свет исчезнет слишком рано. Мы должны просто подождать.

— Подождать. Эх!

Врак фыркнул. Керр почувствовал нетерпение глубинного. Он мог понять дитя Анды. Ему тоже хотелось битвы. Они не искали этой войны, но они и не будут уклоняться от нее. Пришло много троллей и даже целая толпа из ветви Анды, которые последовали за обещанием Керра битвы и крови. Они прорыли туннель туда, где Стен и его воины хотели бороться. Осталось уже не так много, чтобы попасть на поверхность.

В большей части туннелей спрятались тролли старых племен, но Керр пошел с потомством Анды. Близость поверхности была им неприятна, но и их собрание само по себе было чем-то необычным. Они всегда собирались лишь на короткое время и в основном были одиночками, в отличие от остальных.

— Я надеюсь, Натиоле оставит нам хоть что-то, — пробормотал Врак.

Керр рассеянно кивнул. Он видел ночью огни империи, много точек света, которые, казалось, отражали огни на небе. Тролль уже боролся в человеческих битвах, но еще никогда не видел так много воинов сразу.

— Битва не закончится быстро, — наконец объяснил он.

«При условии что наши харееги вообще продержатся до вечера».

— Нам еще многих предстоит убить.

— Хорошо, — мрачно заявил Врак и ударил кулаком по ладони. — Золотых людей надо раздавить. Я жду этого постоянно.

Керр снова глянул на луч. Над ними бушевала битва, и с каждым дреегом в Керре росло неприятное ощущение. Он опасался, что вечером больше не останется ни одного хареега, которому тролли могли бы помочь.

64

Сила первого удара занесла их далеко во вражеские ряды. Впереди всех скакал Натиоле. Он вонзил копье в грудь одному воину, вынул меч и пробил брешь в рядах противника. Позади себя он скорее чувствовал, чем слышал своих солдат. Они сеяли смерть и страх среди дирийцев. Их враги отступали, но они не могли уйти, слишком быстрым было их наступление, слишком быстро открылись их линии.

Шлем закрывал Натиоле часть обзора. Шум битвы доходил несколько приглушенно. Его мир ограничивался смотровой щелью. Он ударил вправо, попал воину в плечо, но поскакал дальше. Снова и снова его меч находил себе работу. По его щиту прогремело два удара, посылая волны боли по руке. Но потом рядом с Натиоле появился еще один влахак, и нападающий упал под ударами.

Натиоле дышал отрывисто, почти в ритме со своими ударами. Под копытами коней людей калечило, кости ломались под ударами, доспехи Натиоле окропила кровь. Все дальше и дальше влахаков уносила, опьяняя, атака. Ничто не могло их остановить. Некоторые все еще выкрикивали боевой клич, и справа и слева первые влахакские воины промчались мимо Натиоле.

Молниеносно он осознал опасность. Он лихорадочно огляделся, пытаясь в суматохе

отыскать порядок. Со спины лошади он увидел, как фронт империи разделился на три части и клиноподобные потоки масридов и влахаков вливались в брешу. На востоке Ана гнала свою часть врагов от себя, словно стадо овец. Но в центре Стен продвинулся гораздо меньше. Золотая гвардия оказывала ожесточенное сопротивление, и они замедлили первую атаку. В отличие от отрядов по флангам они не отступали, а продолжали сражаться.

— Ко мне! — закричал Натиоле и направил своего коня восточнее.

Его знаменосец последовал за ним, а воины последуют за знаменем. «Мы не можем позволить растерзать наши ряды. Если мы растянемся слишком сильно, то почувствуем на себе всю силу численного превосходства империи».

И тут враги словно прочитали его мысли, так как по небу неожиданно пролетела светлая полоска. Выстрел совсем недолго был в его поле зрения, но Натиоле сразу понял: имперские катапульты начали обстрел.

Он еще решительнее погнал коня, тесня отряды врагов, при этом все быстрее двигался в сторону центра. Перед ним уже стали появляться первые воины в золотых доспехах, которые все еще бежали вперед, чтобы поддержать сражение на участке Стена. Со своей конницей Натиоле напал на их фланг, неожиданно нанеся удар, и таким образом смешал их оборону.

Теперь хаос наступил и в рядах элитных воинов империи, и многие были раздавлены между отрядами Стена и Натиоле, как между молотом и наковальней.

С беспощадной яростью влахаки казнили золотых гвардейцев, которые не могли сделать больше ничего, кроме как просто погибнуть в бою.

Но триумф продолжался недолго. Снова раздались звуки горна. Империя запускала в бой новые отряды. Они медленно маршировали по склону вверх. «Свежие воины, — увидел Натиоле. — В то время как мы все постепенно устаем».

65

Она уже потеряла чувство времени. В какой-то момент ее сбило ударом с коня, но ее воины подоспели к ней вовремя, чтобы защитить, пока она поднималась с земли. Ана билась словно одержимая, но на месте каждого павшего врага возникало еще двое.

Уже давно они больше не теснили врагов, а боролись лишь за то, чтобы сохранить свои позиции. Поле битвы было усеяно павшими, умирающими и ранеными, кто еще пытался из последних сил уйти в безопасное место от смертоносных клинков и копыт.

Ана ловко ушла от удара копьем и прыгнула вперед. Целенаправленно ее клинок прошел сквозь щель под плечом в доспехах противника. Полетели брызги крови, когда она вынула меч из раны и парировала следующий удар. Ее второй меч нашел горло дирийца, который, захлебываясь собственной кровью, повалился на землю. Кровь окрасила его зубы в красный, когда он попытался закричать, но Ана не обращала внимания на смерть, а просто повернулась к следующему врагу.

В пылу битвы она не успевала наблюдать, как там держались влахаки. Ее единственная мысль касалась собственной битвы и собственной жизни. Дыхание стало прерывистым, правая рука болела из-за длинного пореза, ее бок был влажным, но она не знала, была ли это ее кровь или кровь врага. Инстинкты управляли ее движениями, заставляя пригибаться, парировать, нападать и уклоняться, и все это в бесконечной череде.

Потом раздался звук горна, и воины империи неожиданно стали отступать. Ана остановилась тяжело дыша, жадно хватая воздух. Только когда некоторые воины устремились вперед, чтобы преследовать врагов, она выпрямилась.

— Стоять! Назад! Назад, проклятье!

Те нехотя повиновались приказу. Момент спокойствия дал ей время осмотреться. Влахаки тоже немного отступили. Их ряды поредели, но атака нанесла значительный урон золотой гвардии. Однако на некотором расстоянии ниже ее собственных позиций снова начала строиться имперская армия.

— Соберите всех всадников, у которых еще есть кони, — резко приказала Ана. — Держите их за пехотой.

На некотором отдалении она заметила обманчиво медленное движение катапульты, и вот уже огненный выстрел неся на них. Он промчался в воздухе всего в нескольких шагах над Аной и ударил в землю позади нее и ее наемников. Жидкий огонь брызнул вокруг, окутав ближайших солдат, проедаая доспехи и плоть, падая на тело каплями, которые нельзя было потушить.

— Назад! Мы должны отойти за пределы досягаемости этих проклятых сволочей!

Она побежала по склону вверх. Один солдат катался на земле, пламя окутало беднягу. Другой пытался потушить огонь, он бил его накидкой. Ана крепко схватила мужчину и потащила за собой, хотя ее уши и разрывали ужасные крики умирающего.

— Это нельзя потушить! — кричала она. — Нужно уйти.

Следующие выстрелы нашли свою цель, но отступление спасло многих воинов Аны. Влахы тоже вернулись на свои первоначальные позиции, как раз за пределами досягаемости катапульт.

— У них точно уже полные штаны, — усмехнулся Тирадар, увидев Ану и вытирая грязным платком пот со лба.

— Это? Это была лишь перебранка, короткое приветствие, — ответила она, пристально глядя в небо.

«И прошло так мало времени. Скоро пойдет вторая волна, а солнце еще так высоко над горизонтом. Сколько таких атак мы сможем выдержать, пока наши ряды не смешаются?» Она не знала ответа на этот вопрос, но усталые лица масридов и сцарков вокруг нее были очень красноречивы. До вечера было далеко, а у империи достаточно резервов, чтобы провести еще много атак свежими солдатами против усталых воинов страны между гор.

66

Поднялся легкий бриз, и пестрые вымпелы, которыми была украшена палатка дирийских военачальников, громко затрепетали на ветру. Артайнис пыталась не отвлекаться и все так же прислушивалась к разговорам внутри, хотя ее мысли все равно были не с этими бесконечными пустыми фразами и любезностями, которые произносил на коленях еще один посланник с перевала, в котором собрались армии.

Палатка была буквально перенасыщена золотой вышивкой, и мужчинам, которые в ней сидели и громко докладывали о тактике и отрядах, роскоши здесь точно хватало.

«В то время как их солдаты идут на смерть, им подают самые дорогие деликатесы», — подумала Артайнис и не смогла подавить чувство отвращения, которое поднималось в ее горле при виде Камроса. Имперский чиновник восседал на почетном месте посреди палатки, так, словно сам был Золотым Императором. Вот уже несколько часов непрерывно поступали новые сообщения с передовой о том, как выстроены влахы, какие единицы образуют ядро их отрядов, а какие — фланги. Первые бои прошли без четкого результата, но впереди был еще долгий день.

Артайнис скромно стояла сзади, вместе со слугами, как того потребовал Камрос, хотя он точно знал, что таким образом наносит оскорбление ей и дому Вульпонов. Но она должна была подчиниться, так как иначе не смогла бы находиться вблизи Камроса и получать из первых рук информацию о результативности дирийского военного похода. Собственно, Сарган выбрал одного из ее братьев для того, чтобы тот, отправившись с войском, был глазами и ушами на месте событий. Артайнис применила всю свою силу и умение убеждать, чтобы отец все же пересмотрел решение и назначил на эту роль ее вместо брата.

С того времени как Натиоле отправился в путь, она не получала никаких новостей из Влахаки, и бездеятельное пребывание в Колхасе, в то время как война становилась все ближе, наверное, свело бы ее с ума.

— ...лишь немного тяжелой кавалерии. Они снова собираются, и их позиция

неизменна, фрикос. — Гонец только что закончил доклад и покорно опустил глаза.

— Есть ли какой-то признак того, что влахаки позвали на помощь своих союзников-троллей? — поинтересовался Камрос.

— Нет, господин.

Дирийский чиновник что-то довольно прорычал и отпил глоток вина из бокала, который держал в левой руке.

— Они удивительно стойкие, — заявил один из генералов с самодовольной улыбкой, обращаясь к Камросу. — Но мы в конце концов раздавим их.

— Насколько нам сообщили, предводители этих варваров выступают прямо со своими отрядами как простые солдаты, — задумчиво заявил Камрос. — Так что если ликвидировать их и сломать боевой дух их воинов, можно получить большое преимущество.

Артайнис сцепила зубы. «Стен поведет своих влахаков», — горько подумала она.

— Вы побледнели. Возможно, все это слишком жестоко для вас, фрика? — в этот момент сладким голосом поинтересовался Камрос.

Артайнис вежливо склонила голову.

— Нет, со мной все хорошо. Вам не нужно обращать на меня внимание, — приветливым голосом ответила она, хотя внутри вся кипела от гнева.

— Мы должны скоро задействовать наемников, — сказал мужчина справа от Камроса. — Вот будет неприятная неожиданность для нового марчега.

В его голосе послышалось неприкрытое презрение. Он взял горсть засахаренного огненного винограда и с наслаждением стал поедать.

На лице Камроса появилась тонкая улыбка.

— Великолепная идея, Дениксер Склерон, — признал он, потом кивнул в направлении гонца. — Пусть подготовятся наемники.

Гонец поднялся и покинул палатку так же быстро, как и вошел.

Артайнис схватила левой рукой пакет, который получила от Ионниса при отъезде из Теремии и который все еще не открытым постоянно носила с собой как талисман. Она знала, что ничего не может сделать, лишь наблюдать, как бы тяжело ей при этом не было.

«Но когда-нибудь ты заплатишься за этот военный поход, Камрос, ты, собака, — подумала она. — Мой отец побеспокоится об этом».

А до тех пор ей оставалось лишь страстно надеяться, что принцев Влахкиса не будет среди жертв этой безумной затеи.

67

— Они запускают катапульти!

Этот крик вывел Корнеля из медитации, и священник взглянул в сторону битвы.

Поле боя было усеяно телами. Здесь и там еще горел огонь, некоторые солдаты были объаты пламенем, и над полем поднимался черный дым, который уносил ветер. Империя не спешила со следующей атакой, и теперь Корнель увидел почему. Группы людей тащили катапульти вверх по склону, через передние ряды имперской армии. Уже скоро они достигнут позиции, с которой смогут обстрелять защитников перевала. Империя и на войне работала с ужасающей эффективностью.

— Если они поднимут катапульти еще дальше, нам придется отступить, — заявила рядом с ним кераля.

— Нет! — резко вырвалось у Корнеля.

Несколько священников с удивлением взглянули на него.

— Если мы отступим, — продолжил он, — то подадим плохой пример. Мы — вера этих людей. Наши молитвы к Божественному свету дают им надежду. Мы должны быть им примером.

— Но что нам делать? Мы ничего не можем предпринять против катапульти, — вмешался Вицлас.

— Молитесь со мной. Братья и сестры, молитесь со мной о милости Божественного света. Давайте низвергнем наших врагов с помощью силы Божественного света!

Вицлас неуверенно посмотрел сначала на катапульты, затем на кералю и показал рукой на перевал.

— Это слишком далеко. Нам нужно подчиниться решению Божественного света. Мы ничего не можем...

— Нет! Мы не можем сдаваться и не сдадимся. Божественный свет защитит нас!

И, не говоря больше ни слова, Корнель снова опустил голову и принялся молиться. На этот раз он говорил громко, и уже после первых слов к нему присоединились другие. С удовлетворением он узнал голос керали, а потом его уверенное в своей правоте Я вымыло горячей волной божественной силы. Его уста лихорадочно торопились пройти все просьбы, выкрики становились все громче и громче. Корнелю казалось, что он чувствует горящую силу солнца у себя внутри. Боль была просто нестерпима, он поднял голову и выкрикнул ее.

Одним усилием он вырвался из тела. Он увидел свое тело под собой, неподвижное, в окружении других членов Альбус Сунаса. Его Я было светом, и некоторые уставились на него, открыв рты.

Но все его внимание было обращено не на этих людей. Он едва мог ясно думать, он больше не знал, кто он, но знал, что там, вдалеке — враги.

Движение его руки было скорее мысленным; у него больше не было тела, которое слушалось медленно и неуклюже. Копья света упали с неба. Там, куда они попадали, все сгорало от благословленного огня. За несколько мгновений все катапульты поразил огонь, и теперь они горели ярким пламенем.

Глубокая радость наполнила кокон света. Он глянул вниз, где люди стояли вокруг чего-то, что показалось ему смутно знакомым. Он знал, что сделал что-то хорошее. Больше ничто не удерживало его, и он полетел выше, к солнцу.

А внизу, на прохладных скалах, Корнель, влахакский священник солнца, сделал свой последний вздох в этом мире.

68

После долгих блужданий Ацот наконец понял, что он двигался по все более сужающейся спирали вокруг сердца земли. Неосознанно шаги направляли его все быстрее по кругу, тревожного тролля, полного внутреннего беспокойства. Дрееги звали настойчивее, чем раньше, их жалобы в его сердце становились все невыносимее.

Когда дрееги стали приносить с собой все больше темноты, он уже бежал по направлению к шахте и пещере. Что-то изменилось в биении сердца. В нем появилось напряжение, которое охватило и Ацота. Словно предчувствие кровавого будущего, словно за мгновения до боя, когда трепещет каждая частичка твоего тела... Чем ближе Ацот подходил к сердцу земли, тем отчетливее он чувствовал его.

В пещере тени клубились мощнее, чем обычно. Сердце спало, но его сны стали беспокойнее, и каждый дреег приносил Ацоту картины, запахи, звуки. На него хлынул непрерывный хаос чувств, но его разум был силен.

Он неуклюже опустился на пол рядом. Он не знал, что должен делать, что мог сделать.

Он знал лишь: от него чего-то ожидают. И он положился на то, что сердце как-то даст ему знать об этом.

69

Когда на их линии налетела следующая атака, а потом имперские отряды снова отступили, Ана подняла шлем на затылок и отерла пот со лба. «Сколько же их было? Три? Или уже четыре?» Ей нужно было подумать несколько мгновений, пока она подсчитала, что империя уже провела на них четыре атаки.

Битва прорвала в рядах масридов большие бреши. В воздухе висел запах крови, смерти, огня и экскрементов, но Ана едва ли замечала это. Кто-то подал ей мешок с водой, и она жадно отпила.

— Они снова строятся, — прорычал Тирадар рядом с ней.

Его доспехи были помяты и побиты, как у Аны, и, по всей видимости, он просто вылил воду из мешка себе на голову. Масридка могла понять его, ведь у нее тоже все тело горело от битвы, в которой им почти не давали передышек.

Имперские войска опять готовились к атаке. Вокруг остатков сгоревших катапульти снова собирались солдаты. Свежие и отдохнувшие воины, которые уже скоро устремятся на них с новой силой. Но по крайней мере катапульты уже не представляли для них опасности. Что бы ни уничтожило их, оно было очень мощным и выиграло для них время, пока враги приходили в себя от ужаса.

— Подготовьтесь, — приказала Ана.

Ее голос охрип. Она прокричала за сегодня уже столько приказов. Каждое слово царапало ей горло, но это не волновало ее. «Я буду еще много кричать, пока это закончится».

Солнце медленно опускалось к горизонту. Мучительно медленно. «Слишком медленно», — поняла Ана. Империя фактически не давала им времени, за каждой волной почти сразу шла новая, а с их стороны в бою были задействованы уже все защитники, которые только были. Даже резервы Ионниса.

Но потом Ана заметила, какие отряды готовились к атаке, и в ней зародилась новая надежда. В центре, там, где ее примет Стен, стояло ее бывшее подразделение наемников.

— Подготовьте флаги.

Внезапно она почувствовала себя так, словно не могла дождаться следующей атаки, она даже радовалась ей. Боевой дух империи был силен, но сейчас они нанесут удар, который, возможно, решит исход сражения.

Из ее тела улетучилась вся усталость, и ее взгляд был направлен на бывших соратников, которые выстраивались во вражеских рядах. Другие отряды империи больше не имели значения, поле боя со всеми убитыми и ранеными исчезло на мгновение из ее сознания. Все ее Я сконцентрировалось на одном этом участке.

Потом зазвучали горны, и атака началась. Империя все еще не подключала конницу, и по склону вверх устремились пехота.

— Подайте влахакам знак.

Развернули знамена, и Ана бросила робкий взгляд на запад. Она боялась, что ее сигнал останется незамеченным, но отсутствие стрел показало, что Стен понял.

Ее бывшие наемники устремились вперед, увлекая за собой других солдат. Вот они еще на расстоянии сотни шагов, потом уже всего пятидесяти.

— Сейчас!

Высоко взвился еще один стяг — боевое знамя Флорес, двойной ворон. Сердце Аны пропустило один удар. Наемники продолжали идти. В любой момент Борофан должен был увидеть сигнал, должен был развернуть людей и напасть на империю. В любое мгновение...

Тут наемники со всего размаху налетели на влахаков. Ана, не веря своим глазам, смотрела на то место, не в состоянии осознать предательства.

— Они идут! — заревел Тирадар. — Приготовиться!

Его слова вывели ее из оцепенения. Она повернулась к несущимся на нее врагам, но, прежде чем успела даже накинуть шлем на лицо, они уже подлетели к ним и напали на масридов, словно голодные волки.

В течение нескольких мгновений триумф превратился в ужас. Вместо того чтобы напасть на империю, наемники, которые когда-то подчинялись Флорес, пробили ряды Стена. Натиоле, ничего не понимая, смотрел на происходящее посреди фронта. Но у него не было

времени подумать о том, что это означало для битвы, так как ему нужно было защищать свой фланг.

Его руки болезненно запротестовали, когда он поднял щит и меч, чтобы встретить первого противника. Он блокировал удар, коротко выступил вперед и сам ударил. Но его удар попал всего лишь в щит врага. Сбоку на него дернулось копье, заставляя отступить назад. Натиоле проворно вернулся в ряд, щит к щиту, принял следующий удар и снова ударил. На этот раз он нашел брешь, его меч, скользя по металлу, вонзился в плоть, и он вытащил его назад уже в крови.

На них напирало все больше солдат. Шаг за шагом Натиоле и воины, которые боролись рядом с ним, отступали.

Усталый Натиоле отошел, и другие заняли его место, в то время как он пробежал несколько шагов в сторону склона, снял шлем и внимательно осмотрел поле боя.

У него даже сердце екнуло от того, что он увидел.

По центру фронт отступал. Туда устремлялось все больше имперских солдат, а линии защитников становились все тоньше и тоньше: Дальше на восток масриды, казалось, еще были в состоянии сохранять свои позиции. Но знамя Аны Натиоле увидел ближе к центру. Там, где масриды боролись рядом с влахаками, было самое слабое место их позиции, и Ана, судя по всему, поняла опасность.

Стоял оглушительный шум, тем не менее Натиоле четко понял: «Мы должны отступить. Если центр продолжит разрываться, то образуются бреши, и тогда придется надеяться только на милость духов».

Его глаза искали знамя отца, и в течение нескольких ужасных мгновений он не мог обнаружить его. Но потом оно снова поднялось, в крови, истерзанное... Но все еще высоко.

— Медленно отступаем! — приказал он так громко, как только смог. — Подтягиваемся к центру!

Отступление во время битвы могло быть убийственным, и юный влахак знал об этом. В любой момент боевой дух мог сломаться, а упорядоченный маневр — превратиться в неудержимое бегство. Чтобы предотвратить это, Натиоле оставался рядом со своими людьми, подбадривал, отдавал приказы, снова и снова прыгал в первые ряды и дрался там, где превосходство противника было самым большим. Но им приходилось отступать, так как центр отходил все дальше, а империя просто посылала на них все больше воинов.

Теперь и фланг Аны стал отходить, преследуемый бесконечной массой имперских солдат.

Но самый сильный удар пришелся на Стена.

Натиоле сжал руки в кулаки, когда с горечью осознал, что ничем не может помочь отцу.

71

— Ко мне!

Крик заглушил шум битвы, вопли раненых, даже рев атакующих. Что-то не заладилось с планом Аны, чтобы наемники сменили сторону в ходе битвы, он провалился. И Стену ничего больше не оставалось, как противостоять лавине стали каждым вдохом, каждой клеточкой своего тела.

Каждый шаг, который они делали назад, приближал империю к цели. Они были единственной защитой своей родины, и они не могли позволить себе быть побежденными. Их задачей было продержаться здесь, пока в происходящее смогут вмешаться тролли и помогут улучшить положение влахаков и масридов. Им нужно выстоять до тех пор. «Влахкис слишком долго был в руках тиранов, — подумал Стен. — Я не допущу, чтобы моей земле, моим сыновьям пришлось жить под кнутом».

Вокруг воеводы собралась его лейб-гвардия. Он еще раз ринулся вперед, крепко держа меч обеими руками. Его удары были быстры и беспощадны. Один противник упал, с

наполовину сорванным шлемом и раздробленной головой. Другой схватился за ужасную рану в груди. Стен уклонялся от ответных ударов, парировал пику, ударил дирийца в живот. Затем зацепил по ногам одного противника и воспользовался размахом, чтобы вонзить меч в горло следующего. Одной силой воли он теснил врагов назад, создавал бреши там, где их не было. Он почти не замечал усталости, которая постепенно овладевала всем телом, отказываясь признавать, что многочасовая борьба берет свое.

Воины Стена следовали за ним, прикрывая его со спины. Большой темнокожий человек в отличных доспехах выступил к нему навстречу... В руках меч и щит... Он был необычайно быстр для своих размеров, и он сразу же пробился к Стену.

С большим трудом воеводе удалось уклониться от удара. Его ответный удар был слаб и не нацелен, но он оттеснил соперника, Стен отвоевал достаточно времени, чтобы восстановить равновесие. Он парировал следующий удар и со щитом накинута на мужчину. Они вместе отшатнулись в сторону. Длинный меч Стена был бесполезным в таком близком бою, а темнокожий воин уже поднял свой клинок, чтобы ударить. Стен в отчаянии схватил щит и развернул его. Острие клинка вонзилось в плечо, пробив кольчугу и кожаные доспехи, кожу и плоть. Из раны потекла горячая кровь, но Стен ударил противника лбом по носу. От удара у воеводы мгновение перед глазами были только светлые огоньки, но темнокожий отошел на шаг. Рука противника инстинктивно поднялась к кровоточащему носу, потом он наступил на руку убитого воина и споткнулся. Стен подскочил за ним. Проведенный удар послал волну резкой боли в раненую руку, но его меч разрубил доспехи противника на шее и почти наполовину отделил голову от туловища.

Пока темнокожий с широко раскрытыми глазами встречал своих богов, Стен оперся на меч, тяжело дыша.

Потом он выпрямился.

— Дальше! — хрипло крикнул он. — Оттесняйте их! Выкиньте их с нашей земли! За Тиреа!

По его руке текла кровь, но он не сдавался. Он раздавал удары равномерно, быстро и целенаправленно. Влахы вокруг него присоединились к его боевому кличу и вместе сдерживали наступление империи, сомкнув ряды. В голове Стена перемешались картины всех битв, в которых он участвовал, зимней битвы и битвы троллей, все поражения и победы, которые в конце концов освободили Влахис.

Удар пришел снизу, за пределами его поля зрения. Его подняло вверх, и меч выскользнул из пальцев, которые неожиданно стали бессильными. Когда он упал, ему не было больно. Он вообще ничего не чувствовал. Над ним появились силуэты, знакомые лица, кровавые гримасы, прозрачные словно дым. Они пытались образовать круг, чтобы защитить его. Он хотел сказать что-то, придать им мужества, но с его губ не сорвалось и звука.

Внезапно страна между гор стала далекой. Его народ, которому он посвятил свою жизнь, теперь боролся без него. Прохладный порыв ветра коснулся его лица.

Его воинов оттесняли. Некоторые падали в безнадежной попытке защитить своего воеводу. Стен видел их над собой, огромных на фоне светлого неба. Над ними прыгали тени, мимо него пробегали солдаты, но ему казалось, что они невероятно медлительны.

Он все еще ничего не чувствовал, ни боли, ни печали. Потом он вспомнил о сыновьях, которые сражались там, далеко. Он хотел позвать Натиоле, хотел сказать ему, как он гордится им, ими двумя. Ионнису он тоже хотел много сказать...

Но он почувствовал, что уже слишком поздно. «Они были рядом со мной столько лет, а теперь у меня больше нет времени, чтобы провести его с ними». Он должен был теперь передать Влахис в их руки и надеялся, что они будут уважать страну и друг друга. «О духи, защитите моих сыновей», — молча попросил он. Потом мир вокруг него исчез, и перед ним возник другой силуэт, далекий от смерти и войны. Рыжие волосы развеивались на прохладном весеннем ветру, а на губах играла улыбка. Потом Стен сал Дабран закрыл глаза в этом мире и ступил на темные тропы.

— Я хочу, чтобы они были уничтожены!

— Да, фрикос.

— Отправляйте против них все, что у нас есть. Разбейте их. Сломите их волю. Как это может быть, что они все еще держатся против нас? Это же варвары!

— Не горячись, Камрос, — вмешался Дениксер, что, однако, еще больше рассердило чиновника.

— Не горячиться? Как я могу быть спокоен, когда наши отряды не справляются и приносят позор империи?

— Очень просто: резервы наших противников исчерпаны, их отряды истощены. Но у нас есть еще тысячи солдат. Они не смогут выстоять против нас.

Камрос недовольно почесал подбородок и взял из серебряной пиалы горсть запеченных в меде павлиньих языков. Уверенность военного аристократа в победе немного успокоила его.

— Мы должны были уже давно победить их.

— Они оказались упорнее, чем ожидалось. Но это лишь вопрос времени, пока они наконец все не окажутся на земле и не будут просить о пощаде. Не волнуйся, задолго до того, как солнце сядет, Влахкис будет твоим.

— Ты имеешь в виду: Влахкис будет владением императора, — заявила дерзкая дочь Саргана.

Она явно старалась не выказывать чувств, но Камрос ощущал, что она нервничает. Он с улыбкой повернулся к ней.

— Естественно. Именно это и хотел сказать Дениксер Склерон. Разве сила нашей чудесной империи не впечатляет? Разве кто-то мог сомневаться в нашей победе?

Также улыбаясь, она склонила голову, но промолчала. Камрос задумчиво осмотрел ее. «Но она еще может стать хорошей женой. Нужно только сломать ее волю, чтобы она стала послушной и выучила, где ее место. Сарган слишком много позволял ей. Может, стоит сделать так, чтобы моя благосклонность как сатрапа к семье Вульпонов зависела от ее руки?»

Тут его оторвал от мыслей крик ликования.

— Что? Что произошло? — взволнованно спросил он.

Прошло несколько мучительных мгновений, пока в палатку наконец влетел гонец. Он быстро поприветствовал господ, а потом подбежал к Дениксеру и прошептал что-то ему на ухо.

— Знамя воеводы влахаков пало, — довольно заявил военный аристократ. — С таким ударом они не справятся.

— Тогда мы должны нанести сейчас окончательный удар, — злорадно констатировал Камрос.

Дениксер только кивнул и дал гонцу указания.

Камрос еще раз повернулся к молодой женщине.

— Радуйтесь, Артайнис Вульпон! Сейчас этот ужасный спектакль закончится, и мы все сможем скоро вернуться в Колхас.

К его удивлению, дочь Саргана сильно побледнела и ничего не ответила. «У женщин не хватает характера для войны», — пожав плечами, подумал он и снова взял бокал.

Дреег прошел через мир, наполнив собой камни и тело Адота. Он ощутил рядом с собой острие копья. Когда тролль поднял его, оно было холодным на ощупь. Всего лишь маленькая вещь, крошечное оружие людей. И тем не менее оно сделало Дух темноты тем, чем он был сейчас. И оно побудило Керра, умного тролля, отправиться на глупые поиски и в

конце концов разбить надежды племен. «Нет ничего хорошего в том, что идет от людей», — угрюмо подумал Ацот.

Дрееги приходили все быстрее, и они приносили с собой все более сильные чувства. Страх и гнев, ненависть и ярость. Ацот до сих пор редко ощущал страх по-настоящему, но здесь, вблизи сердца, у него похолодело внутри. Что-то происходило с сердцем, с землей. Он чувствовал тысячную смерть, бесконечное страдание больше и иначе, чем он знал до этого.

Все больше и больше его внимание привлекали клубящиеся тени, которые он мог разглядеть даже в полной темноте. Сердце билось, и на мгновение Ацоту показалось, что удары раздаются только для него.

— Ты позвал меня, — неожиданно понял он.

Его кровь, кровь Анды, связывала его с этим существом, которое лежало там, в нише, раненое, испуганное, озадаченное. И невероятно могущественное.

— Это ты послал Керра в тот путь, да?

Дух темноты не дал ответа, но Ацот и не рассчитывал получить его. Он задумчиво переложил острие копья из одной руки в другую. Он чувствовал металл, почти представлял себе, как он протыкал кожу, вонзался в плоть, убивал. Простая вещь и тем не менее смертоносная. Внезапно он почувствовал невольное уважение к существу, которое создало это.

— Керр хотел исцелить тебя. Он думал, что тогда мы и старые племена троллей снова станем едиными. Но если бы все было так просто, то все бы получилось.

Ацот вспомнил, как Керр входил в тени. Они поглотили его. Ацот тогда не смог ощутить Керра никакими чувствами, а дреег пропустил один удар. Никто, кроме Анды, никогда не подходил так близко к сердцу.

Он резко встал.

— Поэтому ты меня звал, — понял он.

Уронив копье, он глубоко вдохнул и после этого решительно вошел в тени.

Его связь с сердцем была сильной. Он стал сердцем. Удар отражался теперь только в нем одном. Он был землей и всем, что жило на нем и в нем. Он почувствовал бушующую битву увидел, как убивали людей его земли, как они проигрывали битву, как золотые люди убивали их. Сквозь них протекал страх, страх перед золотыми людьми и их оружием. Он мог принять этот страх в себя, мог освободить от него сердце земли.

И в одночасье он узнал то, что должен был знать. Он открылся — страху, боли, теням. Он принял их в себя. В него проникла темнота, завладела им; он стал темнотой. От него отпало то, что было смертным. Осталось только то, что было полностью троллем. Он стал Духом темноты.

Его новая сущность с удивлением воспринимала мир. Что-то двигалось от него прочь. Светлый силуэт, белый мех которого ярко жег глаза. Он все еще был землей, но он был не один.

Белый медведь печально смотрел на него, потом развернулся и вошел в стену пещеры. А в пещере осталось то, что когда-то было Ацотом.

74

Натиоле уже настолько устал, что не мог даже ясно мыслить. Но одна мысль кружила в его голове, и он никак не мог избавиться от нее: «Мы проигрываем». Они все еще держали линию, но уже совсем скоро им придется отступить.

Центр отошел далеко назад. Новые имперские воины из всех сил наседали на отряды Стена. Натиоле не мог им помочь, уже были задействованы все резервы, и даже фланги сопротивлялись с большим трудом. А солнце стояло еще на две ладони над горизонтом. Еще пройдет целая маленькая вечность, пока оно исчезнет. «А до тех пор мы все будем мертвы», — осознал он с ужасающей ясностью.

Несмотря на безграничное разочарование, он продолжал сражаться. Он даже не

рассматривал вариант капитуляции и не тратил на это мыслей, лишь призывал своих воинов к мужеству, снова и снова вел их на врагов, сам подымал тяжелые как свинец щит и меч. Следующее нападение, следующая опасность посылали волны шока по телу, пробуждали его жизненные силы, заставляя действовать, инстинктивно уклоняться, наносить удары, блокировать, колоть.

Смерть была вездесуща. Вокруг юного влахака царил хаос. У него больше не было времени на отдых, отступление и оценку ситуации. Был ценен каждый солдат, каждый клинок, каждый щит. Погибшие влахаки лежали по всему склону, обрамляли кровавый путь в страну между гор, по которому скоро войдет империя. «Мы сделали все, что могли», — он попытался убедить себя. Но эта мысль не давала утешения.

Взгляд назад показал Натиоле, что уже бежали первые воины. Их было мало, но скоро капли превратятся в поток, если отчаяние перейдет в панику.

— За Тиреа! — проревел Натиоле еще раз, и на мгновение мужчины и женщины собрали все свои силы.

Крик позвал назад в битву тех, кто был не уверен, кто сомневался. «Я должен быть с отцом, когда это закончится, — подумал Натиоле. — Я должен пробраться к нему». Но он не находил знамени семьи. Там, где оно должно было быть, развевался флаг империи, отливая золотом в солнечном свете. Казалось, они издевались над юным влахаком. Ему стало очень холодно, когда он нигде не обнаружил своего отца.

В центре линий образовалась брешь, в нее хлынули враги из империи, расширяя ее. «Это конец».

Натиоле немного опустил копье, так сильно он сконцентрировался на картине поражения, представшей перед ним. Но один воин кинулся со щитом между Натиоле и увиденным и начал атаку. Как раз в тот момент, когда Натиоле смог оторваться от созерцания ужасного для себя зрелища, раздался крик:

— Солнце!

По рядам своих и врагов пробежало волнение; на мгновение головы всех без исключения повернулись к солнцу.

Натиоле тоже забыл о битве вокруг, когда увидел темную полосу мрака, закрывшую яркий лик светила.

75

Сквозь мир прошел толчок. Изменение, столь глубокое, что Керр мгновение не мог осознать, где он находится. Дреega не было, его просто не было, а образовавшаяся пустота вызвала страшное ощущение, будто все перевернулось с ног на голову. А потом дыхание мира вернулось, полное силы, но с новым тоном.

Мир стал другим, но Керр не мог сказать, как он изменился.

— Что это было? — спросил и Врак.

Дитя Анды держалось за голову, словно та горела от боли.

— Я... я не знаю.

— Это проклятые людишки! — Врак смачно выругался. — Они что-то сделали. Золотые сволочи!

— Я не думаю...

— Нет, — перебил его глубинный тролль. — Это они ранили сердце. Поэтому они и пришли, так как хотели довести до конца то, что когда-то начали. Если бы только не было этого проклятого небесного света.

Он не сказал, что сделал бы в таком случае, но мрачное выражение его лица и так было достаточно красноречивым. Взгляд Керра перешел к яркому лучику, который как раз в этот момент начал темнеть.

— Врак! Свет!

Они заворуженно уставились на луч, который медленно, но отчетливо становился

слабее. Сначала было так, словно солнце закрыли облака, но потом потемнение не прекратилось.

— Слишком рано. Это ловушка, — категорично заявил Врак. — Они хотят выманить нас на свет.

Керр неуверенно посмотрел на него, а затем снова на луч света. Он прислушался к себе, прислушался к дреегу, а тем самым и ко всему миру. Внезапно он понял, что было новым тоном.

«Сейчас бьются два сердца!»

— Нет. Нет, разве ты не чувствуешь этого? — сказал он. — Это не ловушка, это не люди. Это нечто другое.

Несколько дреегов они оба молчали. Новое звучание восхищало Керра, он пытался осознать, что оно значило, но ему не в полной мере удалось это. Наконец он снова повернулся к свету, который почти исчез.

— Скажи всем, что мы должны пойти. Мы атакуем.

Без слова протеста Врак помчался по туннелю. Керр осторожно приблизился к дыре. Верхний мир всегда был местом опасностей, и ему снова вспомнилось путешествие в империю. Солнечный свет был ему ненавистен, но этот умирающий луч завораживал. Мир изменился, и смерть света сообщала об этом.

Он услышал, как позади приближается потомство Анды. Их когти царапали по камню. В это мгновение свет умер.

И тролли поднялись на поверхность.

Их встретил рассеянный свет, и там, где на небе должно было быть солнце, висел черный диск, вокруг которого мерцал светлый ореол. Это солнце не имело никакой власти над ними; оно не подействовало ни на троллей, ни на потомство Анды. Но у Керра не было времени удивляться странному феномену.

Последовав за Враком и другими, он устремился вниз по склону и набросился на врагов.

Люди из Дирии пытались защититься, но повсюду из-под земли вырывались тролли. Некоторые имперские солдаты устремились в норы и были там схвачены троллями и растерзаны в клочья. Другие подняли оружие.

Одно копьё вонзилось в грудь Керра, и мысль о ране Духа темноты заставила тролля мрачно рассмеяться. Он схватил человека-воина, который направил на него оружие. Копьё разломилось, когда Керр наклонился вперед и вонзил клыки в тело человека, крики умерли вместе с солдатом, которого Керр небрежно отбросил на землю.

Дальше вверх по склону стояли влахаки, и Керр направил свои шаги к ним. Глубинные тролли последовали за ним, проделывая борозды в рядах империи и неся с собой смерть и разрушение. Его удары отправляли на землю людей с поломанными костями и трупы, его когти разрывали доспехи и плоть, его клыки были залиты кровью. Он был троллем, которого боялись, и это было правильно.

Рядом с ним боролся Врак. При каждом ударе он кричал от радости, с первобытной дикостью устремляясь на самое густое скопление противников, оружие которых просто откидывал в сторону. Раны на его теле сразу же закрывались, по нему текла темная кровь, но он не обращал внимания на атаки людей и убивал с беззаботной силой.

Они гнали группу воинов в руки других троллей, давили людей. Металлический привкус крови заставил Керра радостно взвыть.

Но чем ближе они подходили к влахакам, тем сильнее формировалось сопротивление.

Первые тролли упали под совместно организованной атакой дирийцев, которые наконец поняли, что только совместно они могут победить одного тролля. Умирали члены племен, истекая кровью от многочисленных ранений, изрубленные острыми клинками.

Продвижение троллей замедлилось, когда они столкнулись с воинами золотой гвардии империи.

Неожиданная темнота сломила масридов. Многие из них призывали Божественный свет, с мольбой просили о том, чтобы солнце вернулось, Ана почувствовала, как вокруг нее стала рушиться дисциплина, как исчезала уверенность, которая и без того держалась на волосинке.

Но появление троллей изменило все. Их беспощадная атака дала людям новую надежду, новое мужество. «И пусть это всего лишь мужество отчаяния». Ана собрала возле себя всех, кто еще мог сражаться. Они организованно примкнули к влахакам. Натиск на защитников перевала ослабел, так как все больше имперских отрядов теперь противостояло троллям. Но линии влахаков, масридов и сцарков были истощены. Еще никогда Ана не видела армии, которая могла бы выдержать нападение такого врага. Стен был прав. «Мы боремся за нашу страну. Это заставляет нас совершать поступки, которые я раньше даже не считала возможными».

Но битва еще не была выиграна, хотя тролли в очередной раз предотвратили поражение. Эти чудовища были сродни природной стихии, неудержимой и непредсказуемой. Их удары разбивали щиты и ломали оружие. Они с такой дикостью нападали на дирийцев, что у Аны перехватило дыхание. Тем не менее троллей было мало, и бесконечная масса имперских воинов уже сформировалась против них.

В центре снова поднялось знамя Стена, и там собралось сопротивление. Маленькие островки влахакских воинов посреди моря дирийцев. Туда Ана повела свои отряды, на последнюю, отчаянную битву.

Ее взгляд устремился на запад, где Натиоле защищал свой фланг в жестоком отступлении. Ей показалось, что она заметила там белое пятно. Вначале Ана подумала, что это может быть облако или снег, светлый на фоне темной скалы. Но потом она осознала, что это было на самом деле — персонаж из легенд, существо, которого уже сотни лет никто не видел.

— Белый Медведь! — закричала она в эйфории. — Сама земля пришла к нам на помощь! Боритесь, масриды! Боритесь, влахаки! Медведь, Медведь!

Крик передавался из уст в уста и скоро был подхвачен сотнями глоток. Сила вернулась в покалеченные тела, отчаяние превратилось в надежду, страх — в мужество. Белый Медведь был символом надежды и свободы. Одно его появление дало силу воинам страны между гор, и он снова разжег гнев троллей. Они были детьми скал и камней, и через них неожиданно проявилась сама сила земли. С первобытной мощью гигантской лавины они понеслись сквозь ряды гвардии.

Не думая больше о собственной жизни, Ана бросилась на ряды врагов. Ее усталые руки снова взлетели, быстрее, чем когда-либо раньше. С неудержимой яростью за ней следовали масриды. В битву за своим марчемом!

Она дралась словно одержимая, ни один клинок не мог коснуться ее, никто не мог попасть в нее. Никогда еще она не чувствовала такой ясности, было впечатление, будто она предугадывала любое нападение до того, как оно происходило, словно она двигалась быстрее, чем остальная часть мира. Каждый ее удар поражал врага. Кровь брызгами летела в воздух, и ее капли следовали за траекторией ее оружия.

— Белый Медведь! — кричали вместе влахаки и масриды, их боевой задор усилился в этой странной полутемноте.

Ничто не могло устоять перед ними. Они гнали дирийцев вниз по склону, в руки троллей. В беспорядочном бегстве их враги становились жертвами огромных существ, которые, словно тени, в сумерках солнечного затмения беспощадно собирали кровавый урожай.

Когда затмение закончилось и тролли наконец упали на землю, сраженные лучами, армия империи уже бежала сломя голову от страны между гор.

Натиоле даже сам себе не мог точно объяснить, что чувствовал при виде лежащего в гробу отца. Он помогал омывать воеводу, расчесывать его волосы и одевать в самые лучшие одежды, как того требовала традиция. Если бы не бледность кожи, можно было бы подумать, что тот всего лишь спит. Его черты были спокойными, расслабленными, как у человека, который после тяжких трудов наконец нашел покой.

Натиоле едва мог осознать потерю, пока он видел лишь очертания настоящей боли. Он слышал голоса других влахаков, но их слова оставались странно зашифрованными для него. Стен, воевода страны, почитаемый, любимый — мертв?

Натиоле всегда воспринимал его существование как должное, столь же неизменное, как сами Соркаты. Черты отца расплылись, когда на глазах у юного влахака выступили слезы. «Это несправедливо. В час нашего самого большого триумфа у страны забрали самого лучшего человека. А у меня — отца». Эта мысль была эгоистичной, и он знал об этом. Рожденной беспомощностью, которая овладевала им. И юноше не удавалось справиться с этим чувством. Со всей очевидностью, со всем ужасом, со всем отчаянием Натиоле осознал жестокую правду: еще так многому хотел он научиться у Стена. «Ты оставляешь мне большое наследство, а я не знаю, подхожу ли для этой роли».

— Доброго пути тебе, отец, — наконец прошептал он.

Он подождал несколько мгновений, так как голос отказал ему.

— До встречи на темных тропах.

Когда он развернулся, то увидел в дверях брата. Ионнис зашел в комнату так тихо, что Натиоле не заметил этого. Его глаза тоже покраснели. Натиоле положил младшему брату руку на плечо и немного сжал его. Потом он молча отвернулся и вышел, чтобы Ионнис мог тоже спокойно попрощаться.

Натиоле вышел из комнат Стена и направился во двор. С Соркат еще тянуло прохладой, но весна уже ринулась в наступление полным ходом, и скоро наступит лето.

Во внутреннем дворе собралось много людей. Скорбящие, которые хотели оказать последнюю честь воеводе, а также те, кто уже сейчас искал внимания старшего сына Стена, чтобы изложить свои заботы новому правителю. «Как ты только выдерживал все это?» — спросил мысленно Натиоле — не в первый раз со дня смерти отца.

Здесь, в Теремии собирались все: вельможи, богачи и могущественные люди страны, гонцы и торговцы из Турдуя, влахаки, масриды, сцарки, и все они искали совета и поддержки у воеводы.

Поддавшись импульсу, Натиоле прыгнул через три ступеньки, которые вели к новому главному залу. Здание было отстроено, хотя его еще не украсили, но уже скоро они смогут здесь разместиться, вспоминать Стена сал Дабрана, рассказывать истории и хранить память о нем.

— Я благодарю вас всех за то, что вы пришли! — крикнул юный влахак так громко, что все обернулись к нему. — Уже скоро дворецкий ответит вас к отцу, чтобы вы все могли оказать ему последнюю честь.

Раздался гул сотен голосов, многие кивали. Они не ожидали большего от него, еще нет, и хотели уже отвернуться. Но Натиоле еще не закончил:

— И я хочу сказать от лица воеводы, который лежит там, мертвый, наверху...

Этим словами он вернул внимание людей.

— Мой отец, несмотря на свое военное прошлое, всегда искал мира для нашей страны. Он заключал соглашения, договаривался о компромиссах. Он мог сопротивляться угнетателям, и он знал ужасы войны, от которых хотел уберечь нас.

Широким жестом юный влахак обвел всех присутствующих.

— Он принес нам свободу. И благополучие. Он создал такую страну, в которой целое поколение смогло вырасти без войны. И это принесло ему новых врагов.

В Натиоле запылал гнев:

— Влахаки убивали влахаков! Поджигатели войны и убийцы сделали все для того, чтобы разрушить мир в нашей стране! Мы чуть не начали снова уничтожать друг друга. Масриды на влахаков, братья на сестер. Мы чуть не ввязались в войну, которая обескровила бы землю и растоптала все то, ради чего жил Стен сал Дабран!

Он помолчал несколько мгновений.

— И я тоже так думал. Я хотел войны. Я не понимал, что мой отец хотел сказать мне.

Все присутствующие внимательно слушали его, и Натиоле буквально физически чувствовал это.

— Мы победили империю. Мы выстояли против самого могущественного государства в мире. Но лишь потому, что страна между гор стала единой. По отдельности мы бы пали! Священник солнца из Влахкиса, погиб за нашу победу. Мы обзывали Корнеля форбсом, а он был готов умереть за нас. Масриды, раньше враги наши, стояли на нашей стороне и защищали нас ценой собственной жизни. В крови их марчега есть и кровь нашей семьи!

Он сделал маленькую паузу, подбирая правильные слова. А потом продолжил:

— Когда вы сейчас будете входить, чтобы почтить воеводу, вспомните также то, за что он был в ответе. Вспомните, для чего он жил. Что он дал нам и чему мы должны были научиться у него. Я знаю, чему научился я. Этой стране нужен мир.

Не было ни ликования, ни аплодисментов. Более того, многие головы были опущены. Через несколько дней Натиоле станет новым воеводой страны. Его правление уже сейчас рассматривали как предначертанное судьбой. К его началу появился Белый Медведь и спас страну. Некоторые поговаривали даже о том, что Стен воплотился в Белого Медведя, который вместе со смертью воеводы вернулся в мир в своем первоначальном образе. Но Натиоле не верил в это. Он знал истории Керра.

«Возможно, они не слушают меня. Возможно, поджигатели войны снова будут собирать силы и искать союзников, — подумал Натиоле, заходя в вестибюль, где ремесленники работали над восстановлением старых мозаик. — Но я никогда не забуду того, чему отец пытался научить меня». Он вошел в новый большой зал. Среди колонн он был один — целое драгоценное мгновение. Он знал, что это не продлится долго. У воеводы редко было время для себя.

Стены вокруг него все еще были голыми. Залу не хватало жизни. Его шаги по гладкому полу отражались пустым эхом от стен. Здесь будут приниматься решения, которые определяют судьбу Влахкиса. Перед ним лежало будущее.

И он был готов принять его.

78

Он спешил по лабиринту коридоров, как только ему позволял его ранг. Кипасис мешал, вес затканной золотом материи тяжело лежал на плечах, а в теплом здании такая толстая одежда была мучением. Но это было самое роскошное одеяние, и он должен был произвести максимально хорошее впечатление.

Слуги и чиновники вежливо уступали ему место, когда он пробежал мимо. Он не обращал на них внимания. А также на чудесные драгоценности, произведения искусства со всех частей империи, колонны, инкрустированные драгоценными камнями. Вся роскошь и блеск самого большого дворца мира не могли привлечь его внимания. Наверное, он мог бы еще полюбоваться богатством и властью, если бы не спешил.

Приблизившись к колонному залу, он вновь замедлил шаги. Так достойно, как только мог, задыхаясь и весь в поту, он двигался вдоль коридора с колоннами. Но прежде чем он смог пройти меж первой пары колонн вестибюля, два золотых гвардейца преградили ему путь. Их лица были бесстрастными, и солдаты даже не взглянули на него.

— Пошли прочь! — приказал он им. — У меня аудиенция...

Больше он не успел ничего сказать, так как из прохода вышел чиновник и склонился перед ним.

— Добро пожаловать, Камрос.

Сокращенное обращение не понравилось ему, поэтому он лишь слегка кивнул.

— Пилон. Спасибо за прием. Проведи меня.

— Боюсь, это невозможно, фрикос.

— Невозможно? У меня аудиенция у Золотого Императора!

Лицо собеседника изобразило извиняющуюся улыбку, но Камрос увидел в глазах Пилона, что тот оскорблен такой резкостью. «Вот и хорошо, ты, надутый, дерзкий выскочка».

— Об этом я знаю, фрикос, но в настоящее время другой находится в елейно благословленной близости нашего любимого властителя и наслаждается благодатным вниманием. Осталось всего несколько мгновений. Но до тех пор я вынужден нижайше просить тебя подождать.

В ответ Камрос лишь пробурчал что-то. Подобающая вежливость была бальзамом для его пошатнувшейся самоуверенности.

С еще одним поклоном Пилон снова исчез в тени прохода.

«Может быть, так лучше», — подумал Камрос, в то время как его тело и душа успокоились. Предстать перед хозяином империи в таком состоянии, запыхавшимся, было бы не очень разумно. А так у чиновника появилось немного времени, чтобы еще раз пройти все фразы, которые он составил во время долгого и постыдного пути назад. Вина за катастрофу лежала однозначно на Склероне и Фирусе. Их некомпетентность отобрала у империи верную победу над варварами. Виновные в такой неудаче должны понести самое строгое наказание. А он, Камрос, был лояльным и старательным слугой, который сообщит об этом своему господину. Он довольно улыбнулся, еще раз произнося в уме все гармонично встроенные обороты. Они переубедят любого.

Позади в проходе раздалось бормотание, и Камрос уловил какие-то движения. Уже скоро подойдет и его время. «Возможно, император даже вознаградит меня за мою прилежную работу на благо империи и неограниченную лояльность», — размышлял чиновник.

Пилон снова вышел из прохода и склонился ниже, чем раньше. На губах мужчины заиграла улыбка, но Камрос был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить на это внимание.

— Заходите, фрикос. Вас уже ожидают.

В хорошем настроении Камрос последовал вперед. Его уже ждали; простая фраза, которая наполняла его радостью...

...пока он не увидел, кто идет ему навстречу по коридору. Гораздо менее роскошно одетый, чем он, но благосклонно улыбающийся.

— Сарган!

— Он самый, — довольно ответил маленький дириец. — Как тебе жилось, Камрос?

В голове чиновника лихорадочно замесались мысли, подобно тому как он спешил через весь дворец. Но понимание происходящего ускользало от него, как он ни старался.

— Ты прекрасно знаешь это, — ядовито ответил чиновник.

— Да, точно. Моя дочь Артайнис — ты, конечно же, помнишь об украшении всего нашего дома? — выслала мне подробный отчет. Она может быть очень прилежной, по крайней мере когда задеты ее интересы. Женщины, что с них взять?

— Что ты здесь делаешь? — шепотом спросил Камрос, так как был не в состоянии произнести что-либо громче.

В нем зародилось ужасное подозрение.

— Я всего лишь рассказал нашему любимому правителю о твоих планах и последовавшей неудаче, мой друг.

Колонны отделились, пол ушел из-под ног, все звуки умолкли. Мир Камроса рушился.

Улыбка ушла с лица Саргана, когда тот наклонился вперед:

— Тебе не следовало вмешиваться в мои дела, Камрос. Тебе не следовало также

портить репутацию моей дочери — а таким образом и моей семьи. И совершенно точно тебе никогда не следовало вызывать гнева троллей.

— Я... я... — пролепетал Камрос, у которого спазм сжал горло.

— Я позабочусь о твоей семье, — серьезно заявил Сарган, снова становясь вежливым бывшим чиновником. — Ты можешь умереть спокойно, зная, что твоя неудача не навредит родным.

С этими словами седой дириец отвернулся и вышел из вестибюля.

Все еще не в состоянии сформулировать хоть одну ясную мысль, Камрос стоял как вкопанный, пока Пилон не закашлялся вежливо.

— Наш любимый господин уже ожидает тебя, фрикос. Он действительно очень срочно хочет поговорить с тобой.

79

Большой зал наполняла музыка, старая народная песня, в которой певец сначала пел одну строчку, а все остальные затем повторяли ее. Хотя мелодия была простой, ее ускоряющийся ритм захватывал Артайнис, и уже при следующем повторении она подхватила припев.

Влахаки собрались сегодня в Теремии, чтобы почтить нового воеводу, но также здесь было много масридов. И маленькая делегация из Дирии, так как могущественный Сарган Вульпон справедливо отметил, что сейчас как никогда необходимо наладить дипломатические отношения между двумя странами. Тем не менее ему с трудом далось принятие решения предложить свою дочь в качестве дирийской посланницы во Влахкисе. Но в конце концов он поддался на уговоры Артайнис, хотя, конечно, и не без заверения, что она станет причиной его ранней смерти. Но при этих словах он улыбался.

И таким образом юная дирийка снова стала гостьей в крепости Ремис, но на этот раз лишь на короткое время — так как новый воевода настоял на том, что дирийский посланник должен еще раз осмотреть Влахкис, и поэтому попросил своего брата составить посланнице компанию в путешествии, во время которого в течение нескольких недель они должны побывать во всех уголках Влахкиса, прежде чем Ионнис переедет в Дезу, приняв на себя титул бояра Мардева.

Артайнис рассматривала толпу людей в зале. Многие танцевали. Среди танцоров юная дирийка узнала Воису и ее Михалеса. «Значит, для них все закончилось хорошо», — довольно подумала она.

Ее взгляд переходил то на нового воеводу, то на его брата.

Оба молодых человека за последние недели и месяцы стали сильнее походить друг на друга. Ионнис, который отпустил волосы в соответствии с традицией влахаков, и Натиоле, который гораздо лучше ощущал себя в новой роли, чем она даже предполагала. Как раз в этот момент он разговаривал с женщиной преклонных лет, тирады которого переносил так терпеливо, что Артайнис показалось, будто она видит перед собой Стена сал Дабрана. Ионнис стоял, прислонившись к колонне, и с закрытыми глазами подпевал бардам. Ей сообщили о том, что во время великой битвы он повел свои отряды в самую гущу врагов, туда, где пал его отец. Он отвоевал знамя и снова поднял его, и когда влахаки увидели, как взвился ворон, то получили новую надежду и неотступно следовали за ним в самые горячие места.

Теплая волна гордости поднималась у нее внутри, когда она смотрела на него, а рука сжимала пакет, который все еще закрытым лежал в ее сумке. Ионнис рассмеялся, увидев, что она не открывала его. Но это действительно принесло ей счастье, и теперь она не собиралась раскрывать его, по крайней мере до тех пор, пока ей не нужно будет окончательно распрощаться с Ионнисом.

Словно заметив ее взгляд, Натиоле посмотрел на нее. Он улыбнулся, сказал что-то коротко мужчине, с которым только что беседовал, и пошел к ней.

— Ну, Артайнис Вульпон, вы наслаждаетесь праздником? — спросил он с лукавой улыбкой.

Они уже давно больше не разговаривали так официально, но, очевидно, юному воеводе нравилось дразнить ее таким образом.

— Конечно. Я надеюсь только, что, несмотря на такое количество ядовитых взглядов, мое вино не стало ядом, — легко ответила она.

Естественно, не все влахаки были в восторге от того, что юная дирийка снова появилась при дворе в Ремисе. Но она спокойно воспринимала отрицательное отношение отдельных дворян. Благодаря полученному образованию она была хорошо подготовлена к такой трудной дипломатической миссии.

— Кубки с ядом и планы подлых убийств, надеюсь, остались в прошлом.

Ионнис открыл глаза и посмотрел в их сторону. Он махнул им и стал пробираться к ним сквозь толпу гостей.

— Когда ты будешь жить с Ионнисом в Дезе, люди быстро забудут, что ты чужеземная шпионка из империи, — заявил Натиоле, снова шутливым тоном.

— Пока я не забуду о своих корнях, среди вас, варваров, мне и так неплохо.

Натиоле рассмеялся.

— Ионнис уж точно никакой не варвар. Боюсь, ты испортила его раз и навсегда.

Она с упреком приподняла бровь:

— Немного больше такой порчи не повредит также тебе и твоим немытым товарищам.

— Я буду скучать по брату, — признался Натиоле после короткой паузы, когда ее смех утих. — Вы должны часто приезжать сюда, в Теремию.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. А потом тихо добавил:

— Ведь по тебе я буду тоже скучать.

Она озадаченно взглянула на юношу. Но прежде чем успела что-то ответить, к ним наконец добрался Ионнис. Он обнял ее за талию.

— Думаю, песня уже закончилась, — сказал он. — Хочешь потанцевать?

80

В груди Керра вибрировал двойной удар сердца. Он чувствовал это изменение каждое мгновение. И спокойно принимал его.

Путь вел его сквозь подземный мир, через все пограничные районы между областями троллей старых племен и потомства Анды, где он редко встречал кого-либо. Он бесцельно бродил, охотился, когда был голоден, пил, когда чувствовал жажду. Улетучилась вся ответственность, с тех пор как они вернулись на родину.

Влахаки и масриды защищали троллей после битвы, пока солнце не село. Белый Медведь к этому моменту уже исчез, но Керр чувствовал его новую жизненную силу. То, что, несмотря ни на какие усилия, не удалось ему, Керру, выполнил Ацот: Белый Медведь исцелился от своих ран, и его уверенность пронизывала всех троллей, уравнивая старые племена и потомство Анды. Но глубинному пришлось заплатить за это высокую цену. Дух темноты все еще существовал, со всей его болью. Только теперь это был Ацот, который лежал в пещере у шахты, и его дыхание пронзало мир.

Керр еще не знал, осознавал ли это Ацот. И существовал ли вообще глубинный тролль, под всеми тенями, болью и страданием. Но когда-нибудь он пойдет туда, вступит в тень и поблагодарит его. Когда-нибудь, но не сейчас.

И он пойдет дальше, к пещере, ближе к поверхности и встретится там с сыном Стена, который теперь был его хареегом. Но и эта встреча произойдет еще через много дреегов в будущем.

И, возможно, когда-нибудь он даже поищет Белого Медведя, чтобы спросить его, что такое тролли.

Но не сейчас.

Сейчас Керр наслаждался чувством свободы, знанием, что у него нет обязанностей, тем, что он просто тролль. Мир еще вернется к нему. Гномы снова начнут беспокоить, возникнут споры между потомством Анды и старыми племенами, появятся новые опасности. И тогда Керр будет готов столкнуться с ними.

В мир рождались все новые дрееги. Разделение Духа темноты и Белого Медведя принесло с собой изменения, но их будет больше. Керр не знал, хорошо это или плохо, но он посмотрит, когда они наступят!

А сейчас он был просто троллем.

Благодарности

Каждая книга для автора скрывает в себе некоторые опасности. Конечно, опыт накапливается, но тем не менее каждый раз приходится преодолевать еще не изведанные препятствия. Так получилось и с третьей книгой о троллях. Поэтому мне очень повезло, что вокруг меня есть заинтересованные и опытные люди, которые всегда готовы помочь мне советом и делом.

В первую очередь я хотел бы поблагодарить представляющее меня агентство «Schmidt & Abrahams GbR», а также команду издательства «Heune», которая как всегда великолепно поддерживала меня: Мартину Фогль и Сашу Мамчак. Конечно же, особенную благодарность я выражаю редактору моих книг, Уте Данке, которая с такой тщательностью и деликатностью проработала текст и этой книги саги о троллях.